VISIT…

ВИЛЬЯМ УРБАН

ТЕВТОНСКИЙ ОРДЕН

Издательство «АСТ»
Хранитель
Москва

William Urban
THE TEUTONIC KNIGTS

Перевод с английского П. Румянцева
Печатается с разрешения издательства
Greenhill Books / Lionel Levental Limited
и литературного агентства Александра Корженевского.

Оригинал-макет подготовлен издательством «Terra Fantastica» (Санкт-Петербург)

Урбан, В.
У69 Тевтонский орден: [роман] / Вильям Урбан; пер. с англ. П. Румянцева. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. — 413, [3] с.

ISBN 978-5-17-044178-5 (ООО «Изд-во АСТ»)(С.: Ист.библ.(новая))
ISBN 978-5-9713-5487-1 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)
ISBN 978-5-9762-3585-4 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)
Оформление С. Власова Компьютерный дизайн В. Петрова
ISBN 978-5-17-045534-8 (ООО «Изд-во АСТ»)(С: Интеллект.дет.(84))
ISBN 978-5-9713-5486-4 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)
ISBN 978-5-9762-4178-7 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)
Оформление А. Кудрявцева
Компьютерный дизайн В. Петрова

Тевтонский орден...

В России он прежде всего ассоциируется с немецкими псами-рыцарями, германской экспансией на восток, Ледовым побоищем и нацистами, провозгласившими себя наследниками ордена.

В уникальном исследовании Вильяма Урбана на фоне истории континента представлена почти трехсотлетняя история ордена — от его основания до упадка.

Война в Святой земле — и крестовые походы в Ливонии, территориальные столкновения с Польшей — и крещение Литвы, битва при Танненберге — и конец ордена в Прибалтике.

Таковы вехи истории ордена, летопись его побед и поражений...

УДК 94(430) ББК 63.3(4Гем)

© William Urban, 2003
© Перевод. П. Румянцев, 2007
® TERRA FANTASTICA
© ООО «Издательство АСТ», 2007

Содержание

От издателя
От автора

ВСТУПЛЕНИЕ

Глава первая
ВОЕННЫЕ ОРДЕНА
Глава вторая
ОСНОВАНИЕ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА
Глава третья
ВОЙНА В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ
Глава четвертая
ТРАНСИЛЬВАНСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ8
Глава пятая
ВОЙНА С ЯЗЫЧЕСТВОМ В ПРУССИИ
Глава шестая
КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ В ЛИВОНИИ
Глава седьмая
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ С ПОЛЬШЕЙ
Глава восьмая
ЛИТОВСКОЕ ИСПЫТАНИЕ
Глава девятая
КРЕЩЕНИЕ ЛИТВЫ
Глава десятая
БИТВА ПРИ ТАННЕНБЕРГЕ
Глава одиннадцатая
ДОЛГИЙ УПАДОК И КОНЕЦ ОРДЕНА В ПРИБАЛТИКЕ
Глава двенадцатая
ФИНАЛ В ЛИВОНИИ
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1
САМЫЕ ИЗВЕСТНЫЕ ФИГУРЫ В ИСТОРИИ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА
ПРИЛОЖЕНИЕ 11
ВЕЛИКИЕ МАГИСТРЫ ОРДЕНА ДО 1525 г.

Проект Римского престола

Для многочисленных государств Европейского континента IX век стал переломным. Несколько темных веков культурной катастрофы, прошедших после падения Римской Империи, завершились созданием новой общеевропейской проектности. Таким проектом стало христианство, воплотившееся в строительство новых городов Европы. Римским Престолом была произведена христианизация Западной Европы, построена система монастырей, собирающих знания, как античные, так и современные эпохе. В Европе сформировалась единая христианская идентичность и возник новый городской европейский образ жизни.

К XI веку христианская Ойкумена вышла к границам Западной Европы и встал вопрос о возможных путях дальнейшего ее развития, то есть в терминах Европы – экспансии. И экспансия началась сразу в нескольких направлениях: на Пиренейском полуострове, Ближнем Востоке и в Прибалтике.

Религиозный фанатизм и жестокость, благородство и жажда наживы – все эти чувства сыграли свою роль в многовековой драматической истории крестовых походов, военных экспедиций, посланных для расширения границ христианского мира, оставивших свой глубокий след в европейской культуре. Невиданная ранее в Европе перманентная война требовала наличия постоянных вооруженных сил, а не периодически собираемых армий феодалов. Решением задачи стали духовно-рыцарские ордена, которые превратились в один из символов этой эпохи. В течение ста лет орденов возникло более десятка, среди них такие знаменитые, как тамплиеры, иоанниты (они же – госпитальеры), бенедиктинцы, иезуиты, францисканцы, Тевтонский и Ависский ордена, ордена Меченосцев, Алькантары, Калатравы, Сантьяго и многие другие. Подчиняясь только Риму и обладая собственными землями, ордена создавали собственные государства, обладающие грозными армиями рыцарей-монахов, и именно эти войска в эпоху своего наибольшего могущества играли главную роль как в Святой земле, так и в Прибалтике.

Тевтонский орден в России прежде всего ассоциируется с немецкими рыцарями, германской экспансией на восток, Ледовым побоищем и нацистами, провозгласившими себя наследниками ордена. А уже во вторую очередь – и во многом благодаря роману Генрика Сенкевича «Крестоносцы» – приходят на память покорение и германизация Пруссии, а также войны против Польши и Великого княжества Литовского, приведшие сильнейшую военную организацию Северной Европы к поражению в Грюнвальдской битве. Между тем именно в Пруссии и Литве происходили события, определившие на века судьбы стран и народов.

Мы предполагаем в последующих изданиях представить на суд читателей книги, посвященные подвигам и победам других христианских орденов. Это и парагвайский эксперимент иезуитов, и история возведения иоаннитами Ла-Валетты – первого европейского города, снабженного канализацией, и экономическая деятельность тамплиеров…

Складывается впечатление, что деятельность многих орденов, помимо сохранения и расширения границ Христианской Ойкумены, распределялась по профессиональному признаку. Что, естественно, указывает на возможный масштабный проект Римского Престола. Как в свое время отмечал С. Переслегин, такой историко-культурный расклад «предоставляет нам возможность сформулировать фантастическую "гипотезу Основания": у Римско-католической Церкви существовал осознанный и отрефлектированный Глобальный Проект воссоздания Римской Империи как способа организации жизни в христианской Ойкумене».

Николай Ютанов
Александр Поляхов

От автора

Мои предыдущее публикации по истории Прибалтики были четырех видов: переводы важных хроник, сделанные совместно с Джерри Смитом, статьи, где я пытался исправить фактические ошибки в работах других авторов и дать новые толкования событий крестовых походов в Пруссии и Ливонии, статьи о крестоносцах для различных энциклопедий и пять

подробных описаний отдельных периодов крестовых походов – XIII век в Пруссии и Ливонии, последующие крестовые походы в этом регионе и решающие события, связанные с битвой при Танненберге и ее последствиями.

Настоящая книга является итогом почти сорокалетних исследований и писательского труда. Это первое изыскание по военной истории Тевтонского ордена на английском языке и первый объемный труд, созданный за последнее столетие во всем мире по этой теме.

Любой автор может поблагодарить многих людей за вклад в свою работу, и я не отличаюсь в этом отношении от других. Вначале хочу упомянуть Арчи Левиса, который убедил меня работать с материалом, о котором мало кто знал в Соединенных Штатах к этому времени – речь шла о столкновении в Прибалтике католицизма, русского православия и язычества. Американско-немецкий клуб и комиссия Фулбрайта выделили мне субсидию для годового пребывания в Гамбурге, где мне удалось получить кое-какие сведения об этом материале, и я начал писать. Несколько лет спустя комиссия Фулбрайта выделила мне грант для работы в Хердеровском институте в Марбурге, изумительном месте для исследований, куда я потом приезжал много раз. Так все шло и шло, пока мой труд не оказался у издателей моих самых последних книг – Джона Раскаускаса и Литовского исследовательского центра в Чикаго. Повсюду на этом долгом пути, пройденном мной при создании этой книги, я встречал интересных и доброжелательных людей, побывал в местах, которые я никогда не забуду, и обрел друзей на всю жизнь.

В. Урбан, 2003 г.

Вступление

Почему книга по военной истории тевтонских рыцарей появилась только сейчас, а не раньше? Это хороший вопрос, требующий обдуманного ответа. Причина в том, что лучшие историки крестовых походов традиционно сосредоточивали свое внимание на Святой земле. За последние десятилетия многие профессиональные историки-медиевисты почти утратили интерес к военным делам, а историки-любители в англоязычном мире не в состоянии справляться со множеством языков, с которыми приходится иметь дело при изучении истории Прибалтики, Восточной и Центральной Европы. Вдобавок холодная война затрудняла исследования в этих краях: редко когда специалист по военной истории не подозревался в каких-нибудь политических замыслах. Другая причина, возможно даже более основательная, состоит в том, что англоязычная публика не знает о крестовых походах в Прибалтике. К тому же надолго пропал интерес к попыткам отвоевать Иерусалим в Средние века. Нет спроса, следовательно, нет и предложения от авторов и издателей.

Как бы то ни было, вкусы публики изменились. Сейчас книги о крестовых походах опять популярны. Более того, появился интерес к крестовым походам на окраинах Европы. Деяния крестоносцев в Испании, Пруссии, Малой Азии и на Балканах равны деяниям крестоносцев в Святой земле, или почти равны. Это понимал рыцарь Чосера, это понимают современные ученые и широкая публика.

Прибалтика уже не кажется столь отдаленной, как это было всего несколько лет назад. Сегодня туристы могут без труда посетить города и замки, построенные тевтонскими рыцарями. Романтичные руины замков высятся там, где некогда были Пруссия и Ливония. Польша занимает ведущее место в разработке этого периода истории: Мальборк (Мариенбург) уже является туристическим центром, так же как и поле битвы при Грюнвальде (Танненберге) (кстати, расположение противостоявших армий до сих пор является предметом дискуссий), отреставрированы исторические центры таких средневековых городов, как, например, Гданьск (Данциг). В Латвии есть Рига, в Эстонии – старый город в Таллине (Ревеле), окруженный древними стенами и башнями, и, наконец, в Литве сохранился прекрасный Тракайский замок на острове. Те, кому довелось смотреть неточный, но тем не менее потрясающий фильм Эйзенштейна «Александр Невский», могут посетить берега Чудского озера, на льду которого 5 апреля 1242 года произошла та самая битва.

В Центральной Европе есть два города, которые также стоит увидеть. Один в Германии, на северо-западе от Штутгарта: это Бад Мергентхайм, который стал резиденцией гроссмейстера

Тевтонского ордена после секуляризации Прусских земель. Другой в Австрии, это Вена, где в том же квартале, что и кафедральный собор святого Стефана, теперь располагается современная штаб-квартира ордена. И штаб-квартира, и собор имеют при себе интересные музеи. В Германии, Австрии, Чешской республике и даже в Италии сохранилось немало монастырей, церквей и замков, основанных орденом.

Эти края богаты событиями прошлого, которые нужно изучать или переосмысливать – ведь тевтонские рыцари в Центральной Европе были некогда сильны и уважаемы, – однако их репутация пострадала, как в Средние века, так и в Новое время, от пропагандистов, националистов, протестантов и атеистов. Обвинения были, конечно, кое в чем заслуженными, однако при этом о врагах ордена говорилось так, словно они были кристально чисты в сердцах, помыслах и деяниях. И сейчас настало время пересмотреть историю ордена и переосмыслить прежнюю оценку событий.

Наше понимание Европы пересматривается сейчас во многих аспектах. Границы средневекового христианства отчетливо совпадают с границами современного Европейского союза, и войны на его окраинах создают проблемы для современных государственных мужей. Чемберлен отдал Гитлеру Чехословакию как далекую страну, о которой англичане мало что знали. Однако сегодня о конфликтах в Европе – в куда более отдаленных и более трудных для понимания областях – читатели газет могут говорить со знанием дела. Примечательно, что те из нас, кто испытывал трудности, путешествуя по Восточной и Центральной Европе до 1989 года, и пытается сейчас описать это студентам и молодым коллегам, встречают непонимание такое же, как при попытках объяснить хитросплетения Средневековой жизни и политики.

Кстати говоря, Гитлер не доверял католикам, ненавидел аристократов и никогда не говорил о Тевтонском ордене ничего хорошего. Будучи выходцем из низших классов Австрии, он испытывал неприязнь к прусскому юнкерству (его представители, кстати, в основном происходили из Бранденбурга, а не из Восточной Пруссии, почти все были протестантами, и среди их предков было очень мало членов военных орденов). Для понимания военной истории Тевтонского ордена для нас лучше всего будет отбросить голливудские стереотипы, вроде очередной фантазии об Индиане Джонс. Правдивая история тевтонских рыцарей сама по себе интересна и спорна, и мы не должны искажать ее, к тому же у современных политиков н без того полно заблуждений и незачем добавлять к ним выкопанные в средневековой история.

Я надеюсь, что эта книга будет содействовать осмыслению очень важной эпохи в военной истории, пониманию сложностей средневековой политики, границ поведения человека и тех путей, которыми следуют современные ученые, изучая прошлое. Оказалось, что когда изучаешь историю – освобождаешься от призраков национализма и измышлений политики. Так что усядьтесь поудобнее в кресле и приготовьтесь насладиться путешествием во времени, назад в Средние века, в ту эпоху, когда и мужчины, и женщины были, скорее всего, не лучше и не хуже, чем сегодня, но в чем-то все-таки отличались от нас сегодняшних.

Глава первая
Военные ордена

Миссионеры с мечом в руке

Во времена Средневековья католическая церковь имела двоякое мнение о допустимости использования силы при осуществлении своей миссии в миру. С одной стороны, должно прощать грешника, но вместе с тем нельзя забывать, что те, против кого свершается грех, нуждаются в защите. Следовательно, простить раскаявшегося разбойника – это одно, а игнорировать разбой – другое. Столь же важно было сдерживать священников, чтобы те не брались за оружие, всемерно поощрять мирное разрешение личных конфликтов между верующими и, безусловно, необходимо поощрять тех светских правителей, которые вставали на защиту священников и их паствы от нападений извне и насилия внутри страны.

Вряд ли кто-нибудь может думать, что благочестие равнозначно пацифизму или что

средневековое общество было мирным. При этом убежище от беспорядков мирской жизни и безопасность, моральную и физическую, в те времена обеспечивали монастыри, как мужские, так и женские. Большинство католиков, одобрявших использование силы для защиты государства и покарания преступников, при этом отлично знали, что Новый Завет запрещает убийство и насилие. Это прямо противоречило восторженному почитанию Силы и коварства, принятому у скандинавских язычников; прославлению деяний героев – сагам о викингах западная эпическая поэзия вряд ли могла что-нибудь противопоставить. Но сами доблестные храбрецы-викинги в большинстве своем начинали понимать, благодаря историям, подобным «Саги о Ньяле», что язычество не подходит в качестве религиозного фундамента для стабильного общества и что обоснованием для управления страной должно быть нечто, отличающееся от права сильнейшего.

Миссионеры убедили влиятельных людей Скандинавии в том, что те должны оставить старый образ жизни, основанный на грабеже и войне, если желают добра своим людям и сами хотят выжить. То есть прежде всего они должны были принять христианство. С того момента, как королями В Норвегии, Дании и Швеции становились эти новообращенные христиане, она начинали пользоваться советами церковнослужителей. Последние учили правителей, как собрать налоги, привлечь к себе на службу других влиятельных людей и заставить их следовать приказам, как заложить основы государственного управления. Все это удивительно быстро завершило эпоху террора викингов в Северной Европе.

В меньшей степени (или в большей, это зависит от точки зрения) процессу обращения также способствовал тот военный отпор, который на Западе встречали набеги северян. Развитие феодальных институтов создало в Северо-Западной Европе класс воинов, лучше обученных и вооруженных, чем викинги. Эти воины содержали себя за счет крестьян, которые обеспечивали их средствами на приобретение оружия и коней, постройку замков и содержание гарнизонов. К тому же, поскольку некоторые вожди викингов захватили земли на Западе, в их интересах было защищать свою новую собственность от сородичей, которые все еще видели в английских, французских, шотландских и ирландских земледельцах свою законную добычу.

Поскольку многие миссионеры вступали в языческие земли без вооруженной охраны, они зачастую навлекали на себя мученическую смерть. Говоря по правде, некоторые из этих священников и монахов искали возможность умереть за веру и таким образом «заработать» завидное место среди избранных на небесах. Однако образованных церковников было относительно мало, и вождям западных стран они были нужны живыми даже больше, чем церкви – мученики. Поэтому, когда ирландские священники начали проповедовать среди германских язычников, франкские вожди посылали вооруженную охрану, чтобы сопровождать их. Так возник обычай посылать опытных воинов для защиты миссионеров, обычай, который в конечном счете привел к крестовому походу в Ливонию. Фризы, правда, убили святого Бонифация, несмотря на охрану, но обычно она была весомой гарантией безопасности от язычников, при условии, что миссионеры не вели себя провокационно и не вырубали священные рощи, чтобы строить церкви.

Однако сочетание проповедей, даже сопряженных с риском для жизни миссионеров, с советами местным правителям уподобиться преуспевающим христианским монархам, и угрозы использования силы не было действенной стратегией в мусульманских регионах. Хотя мы обычно не вспоминаем об исламских вторжениях в Европу – поскольку их вождям не хватало шика и романтичности северных разбойников, а исламские корабли были обыкновенными средиземноморскими галерами,– тем не менее мусульмане не раз вторгались в северную Испанию, разграбили многие итальянские города, основали свой опорный пункт в Альпах и считали южную Францию хорошим местом для отдыха.

Франкские добровольцы в Испании, воевавшие против мавров и исламских добровольцев из Северной Африки, были предшественниками крестоносцев. Одновременно западные наемники сражались за Византию против турков еще до того, как папа Урбан II в конце 1095 года призвал франков отобрать Святую землю у врагов христианства, что притесняют верующих и не допускают пилигримов поклоняться святым местам в Иерусалиме и его окрестностях.

Те, кто внимательно слушали призыв папы, переданный им через его посланников,

уловили намек на пользу, которую могут извлечь из крестового похода местные сообщества. Отправившись в поход, буйные головы направят свою энергию и дарования на сражения с врагам христианства, вместо того чтобы сражаться друг с другом или нападать на своих мирных сограждан. Безусловно, удаление из страны необузданных аристократов и их соратников, хотя бы на время, могло, как намекал папа, принести ее жителям мир и покой. Этот часто забываемый аспект военной службы неплохо бы помнить. Еще совсем недавно западная судебная система, решая, что делать со сбившимися с пути неуправляемыми «вьюношами», предлагала им сделать выбор между тюремным заключением и вооруженными силами. Предполагалось, что немного дисциплины, а также перспектива достичь успехов в жизни способны превратить юных правонарушителей в полезных для общества граждан.

Служение обществу было одним из аспектов существования монашеских орденов, но жизнь в безбрачии и постах, посвященная чтению Библии и обработке земли мотыгой, не казалась привлекательной молодым людям, которых готовили к воинской службе. Быстрый конь и острый меч больше манили их, чем долгие молитвы и пение латинских гимнов. Военные ордена оказались самым подходящим местом для таких молодых людей, к тому же туда принимали даже и в те годы, когда крестовый поход не был объявлен.

Назначением рыцарей Христа было не распространение Евангелия, а защита тех, кто имел к этому призвание и соответствующую подготовку. Христианский рыцарь был не очень-то образован (хотя и не был безграмотным невеждой, как часто его описывают) и, по обычаю, набожен. Он прямо-таки жаждал рисковать своей жизнью и деньгами в надежде на подвиги, которые принесут ему, если довезет, помимо прочего и материальную выгоду. Купцы ввозили с Востока по-настоящему ценные товары, но какова была истинная ценность палестинской земли, которую жители Пизы кораблями везли к себе на родину, чтобы рассыпать на кладбищах,– современному человеку трудно понять. Самое важное, пожалуй, что нужно понять прежде всего: далеко ие всегда можно найти аналог современным этическим понятиям во внутреннем, духовном мире средневекового крестоносца. То есть, конечно, до известных пределов его понять можно, во только учитывая контекст его существования.

Уроки первых Крестовых Походов

Взятие франками Иерусалима в Первом крестовом походе (1095-1099) продемонстрировало величайшие преимущества того, что характеризовало Западную Европу в конце XI века. Это было сочетание религиозного энтузиазма, военного искусства и опыта, растущего населения и экономической активности, а также новых доверительных отношений между представителями элиты, светской и церковной. Потоки западных воинов, отправившихся на поиски великого приключения, превратились в скудный ручеек голодных людей, изнуренных болезнями, отсутствием медицинского ухода и смертями в битвах, еще до того, как они достигли Святой земли. Однако и те немногие, кто выжил, оказались способны одолеть ряд молодых и непрочных тюркских государств, управлявшихся грозными и вспыльчивыми арабами, некоторые из которых были христианами. Затем, хотя поход только частично увенчался успехом, большинство рыцарей и клириков пожелали вернуться домой. Осталось слишком мало воинов, чтобы завершить завоевание, а прибывавших подкреплений было едва достаточно, чтобы удержать то, что уже завоевано. Крестьяне, отправившиеся в большое паломничество в Иерусалим, были перебиты недалеко от Константинополя, а итальянские купеческие сообщества, которые так радовались открытию восточных рынков, вскоре перессорились по поводу прав на их использование. Казалось, что век государств крестоносцев окажется кратким и что им предопределено существовать только до тех пор, пока у мусульман не сыщется вождь, который смог бы объединить местные ресурсы и воодушевить своих последователей религиозным исступлением, равным тому, что было у пришельцев с Запада.

В последующие десятилетия каждый раз, когда у тюрков появлялся вождь, который отваживался напасть на государства крестоносцев, Запад реагировал на это медленно и посылаемые неповоротливые армии прибывали слишком поздно, чтобы оказать эффективную помощь. Всем была ясна необходимость какой-то новой формы военной организации, которая смогла бы обеспечить опытными рыцарями гарнизоны в изолированных и подвергаемых

опасностям замках, которая могла бы собирать в Европе припасы и деньги для снабжения гарнизонов, а также транспорт, чтобы переправлять все это в Святую землю. Члены этой организации должны были разбираться в местных условиях и объяснять их новоприбывшим крестоносцам. Их не должны были касаться династические споры крупных родов. Такими качествами обладали военные ордена.

Орден рыцарей Храма (орден Тамплиеров) стал первым. Он был основан, предположительно, в 1118 году горсткой французских рыцарей, чье религиозное рвение подвигло их оставить светскую жизнь во имя служения Церкви. По сути своей первые тамплиеры были ближе к светской организации, чем к монашескому ордену. Подобные организации до сих пор входят в структуру католической церкви и приносят посильную пользу. Король Иерусалима, Балдуин II, предоставил им покои в своем дворце. Крестоносцы были уверены, что там когда-то располагался Храм Соломона, потому новое братство получило название Тамплиеров (temple – храм).

Тамплиеры могли бы остаться малоизвестным и недолговечным братством, если бы Патриарх Иерусалимский не повелел им использовать свои военные таланты для охраны пилигримов на опасном участке дороги, от побережья до Святого города. Годами тамплиеры несли свою службу в безвестности, с умеренным успехом, однако они гордились своими свершениями. Позднее их Великий магистр отметил те первые годы бедности, используя печать, которая изображала двух рыцарей на одном коне (подразумевалось, что они не могут позволить себе двух)[1].

С течением времени их таланты и знание страны были признаны всеми. Нельзя недооценивать их вклад в защиту Святой земли, их пример способствовал успешному набору новых, и более состоятельных, добровольцев. Уже к тридцатым годам XII века орден Храма был на пути к славе и процветанию. Множество добровольцев пополняли его ряды, обычно принося «Dowries» («приданое») землями и деньгами, которые были нужны для поддержания воинов ордена, воюющих в Святой земле.

Рыцари Святого Иоанна, более известные как госпитальеры, были вторым военным орденом. Их орден появился раньше, его основание датируется 1080 годом, и Святой престол в Риме признал этот орден около 1113 года, однако военные функции он начал выполнять только в 1130 г. Как явствует из названия, изначальной целью этого ордена было предоставление врачебной помощи пилигримам и крестоносцам.

Церковники, приверженные традициям, с изрядной долей скептицизма относились к тому, чтобы разрешить клирикам проливать кровь, хотя рыцаря были всего лишь монахами, а не священниками. Однако они приносили клятвы и были поэтому священнослужителями. Одной из основополагающих традиций христианства является непротивление злу. Любой христианин помнит, что Христос выбранил Петра за то, что он поднял меч на солдат, пришедших схватить Спасителя. С другой стороны, христианские епископы и аббаты с незапамятных времен водили армии, а многие папы благословляли воинов на битву с врагами веры. Святой Бернар Клервосскмй (1090-1153), один из самых выдающихся деятелей своего времени, дал максимально разумное обоснование существованию военного ордена в трактате, названном «LAUDE NOVEA MILITIAE» («В похвалу новому рыцарству»). Он писал о важности освященного места для размышлений и вдохновения. Он писал также, что такое место очень важно для спасения пилигримов, прибывавших издалека, которые подвергались тяжким испытаниям, чтобы помолиться в городе, который для них был неразрывно связан с жизнью Христа и святых. Святой Бернар объяснил особое значение Гроба Господня – гробницы Христа – места, где все пилигримы стремятся совершить молитву. Затем он подчеркнул очевидную необходимость крестовых походов, которые облегчили бы доступ паломников в Святой город. Однако династические распри в христианском Иерусалимском королевстве не улучшали ситуацию, а Патриарху Иерусалимскому не хватало средств для поддержания традиционных войск из рыцарей и наемников. И даже святому Бернару не удавалось склонить к

[1] Есть иное толкование этого изображения. Два рыцаря на одном коне – символ не бедности, а смирения.– *Прим. пер.*

сотрудничеству мирских правителей, хотя бы на время Второго крестового похода (1147-1148). Военные ордена оказались наилучшим способом выполнения миссии крестоносцев обезопасить пути пилигримов по морю и по суше, как ее видел Бернар.

Военные ордена отвечали практическим, религиозным и психологическим потребностям происходившего. Члены орденов превосходно подходили для формирования замковых гарнизонов в Святой земле, особенно в промежутках между крестовыми походами – в периоды, когда было скучно, опасно, а время тянулось так долго.

Эрик Кристенсен, солидный ученый и остроумный комментатор событий, чью великолепную книгу «Крестовые походы на севере» нельзя переоценить, суммирует все вышесказанное в главе, названной «Вооруженные монахи: идеология и эффективность»[2].

Вскоре правители христианских государств в Палестине осознали, что рыцари-монахи будут служить даже там, где не согласятся или не смогут служить светские рыцари. Также военные ордена самим своим существованием устраняли очевидное противоречие между войной духовной и войной земной. Христиане не должны были оставаться в бездействии, сталкиваясь со злом, не должны были ждать перемен в общественном мнении или вождя, который возглавил бы поход против неверных. Военные ордена превратили крестовые походы в каждодневный непрекращающийся труд.

Вооружение рыцарей военных орденов всегда оставалось по существу таким же, как в Западной и Центральной Европе, претерпевая незначительные изменения. Обычно каждый воин носил кольчужный доспех, шлем и поножи, имел при себе копье, щит и тяжелый меч, которыми пользовался с большой эффективностью, ездил на крупном боевом коне, обученном сшибать вооруженного человека и атаковать конницу. Единственной уступкой климату было ношение легкой накидки, защищавшей воина от прямых лучей солнца, и отказ от передвижений во время дневной жары. Резкий климат Святой земли был безусловно потрясением для тех, кто прибывал из Северной Европы, и без того изнуренным жарой и местными болезнями. Такое положение вещей делало существование военных орденов еще более важным, так как они могли обеспечить советом и примером новоприбывших, которые, если взяться за дело хорошенько, могли преобразиться в превосходных воинов, а не в инвалидов или легкую поживу для умело сражающихся турков.

Контраст между грубой силой западных рыцарей и подвижностью и быстротой легковооруженных турецких и арабских воинов – часть того, что делает крестовые походы интересными с точки зрения военного искусства. Никогда не случалось, чтобы две армии просто шли друг на друга и более сильная и многочисленная из них одерживала победу. Наоборот, происходило состязание в стратегии и тактике, где каждая сторона обладала и преимуществами, и недостатками, которые командиры взвешивали и просчитывали, каждый из

[2] *Eric Christensen.* The Northern Crusades. London; New York: Penguin, 1998.

них медлил и осторожничал, прежде чем вводить в дело свои войска. Это значило взвешивать и просчитывать так долго, как это возможно, никогда не забывая, что удача в военных действиях не связана с планами и прогнозами. Ни генерал, ни целая армия не могут установить порядок в хаосе битвы. Климат, география, численность, обмундирование и снабжение – все вносило свою долю в победу или поражение, однако итог складывался из отдельных устремлений и коллективного энтузиазма, а еще от воли Божией, с чем были согласны и христиане и мусульмане.

Иные крестовые походы

К середине XII столетия было хорошо известно, что враги христиан и христианства существуют не только в Святой земле. Испанцы и португальцы, не сомневаясь, отождествляли с крестовыми походами свою долгую борьбу с мусульманами, и вскоре они смогли убедить церковь обещать добровольцам, сражавшимся в этих странах с неверными, духовные преимущества, сходные с теми, что гарантировались людям, отправившимся защищать Иерусалим. Германцы и датчане, воодушевленные святым Бернаром Клервосским, напали на своих старинных врагов к востоку от Эльбы. Этот Вендский крестовый поход 1147 года направлялся против оплота славянского язычества и грабежа и открывал путь для западной экспансии и миграции на Восток.

Поляки вскоре осознали возможности использования духа крестовых походов в своем продвижении на восток и на север. Однако пруссов было сложнее одолеть, чем вендов. К тому же у пруссов не нашлось вождя, которого удалось бы убедить в выгодах крещения, подобно тому как были убеждены хозяева земель, расположенных вдоль южного побережья Балтики в Мекленбурге, Померании и Помереллии. Наоборот, после первых успехов в начале XIII века гарнизон крестоносцев в Кульме, в излучине Вислы, был вынужден спасаться бегством от язычников.

С формальной точки зрения польские вторжения в Пруссию не были крестовыми походами – их не благословляли папы и к ним не призывало католическое духовенство по всей Европе. Однако этот изъян могло исправить присутствие тевтонских рыцарей, и в конце 1220 года князь Конрад Мазовецкий и его родственники предложили Великому магистру ордена Герману фон Зальцу прислать рыцарей, чтобы они помогли защищать польские земли от прусских язычников. О защите, разумеется, только говорили. Поляки планировали завоевать Пруссию и нуждались в небольшой помощи. Временной помощи, как они думали.

Глава вторая
Основание Тевтонского ордена

Третий крестовый поход

Немецкие рыцари ожидали, что Третий крестовый поход (1152-1190) станет величайшим триумфом в истории христианских армий. Неукротимый рыжебородый император из Гогенштауфенов Фридрих Барбаросса провел свою огромную армию невредимой через Балканы и Малую Азию, внезапно напал на войска турок, которые в течение столетия блокировали дороги к востоку от Константинополя, и преодолел в Киликии труднопроходимые горные перевалы, ведущие в Сирию, откуда его войска могли легко попасть в Святую землю. Там он рассчитывал возглавить объединенную армию Священной Римской империи, Франции и Англии, чтобы отбить утраченные порты на Средиземном море, которые открывали путь для торговли и для прибывающих подкреплений, после чего он бы возглавил христианское воинство, чтобы освободить Иерусалим. Однако его планам не суждено было сбыться. Он утонул в маленькой горной речке, а его вассалы рассеялись. Некоторые поспешили назад в Германию, потому что они должны были присутствовать на выборах наследника, сына Фридриха, Генриха VI, другие спешили домой, предвидя гражданскую войну, в которой они

рисковали потерять свои земли. Лишь немногие крупные аристократы и прелаты чтили свои клятвы и продолжили свой путь к Акре, осажденной армиями французов и англичан.

Новоприбывшие германцы жестоко страдали под Акрой от жары и болезней, однако их физические муки были не страшнее душевных терзаний. Ричард Львиное Сердце (1189-1199), король Англии, заслуживший бессмертную славу подвигами бесстрашия, ненавидел гогенштауфеновских вассалов. Те отправили его родственника по линии вельфов, Генриха Льва (1156-1180), в ссылку несколько лет назад, и Ричард не упускал ни малейшей возможности уязвить их или оскорбить их союзников. В конце концов Ричард взял Акру, однако это было едва ли не единственным его достижением. Французский король Филипп Август (1180-1223), взбешенный повторявшимися оскорблениями, в гневе отправился домой. Многие германцы тоже ушли, решив отомстить Ричарду при первой же возможности, что герцог Австрийский позднее и осуществил, передав плененного Ричарда за выкуп новому Гогенштауфену. Вся германская знать, рыцари и прелаты оглядывались на этот эпизод крестового похода с горьким разочарованием. Вспоминая о своих высоких надеждах, они чувствовали, что их предали – англичане, византийцы, вельфы и все остальные. Единственным их достижением среди всех испытанных страданий стало, как они считали позже, основание Тевтонского ордена.

Эпоха основания: 1190-1198 гг.

Основание Тевтонского ордена было актом отчаяния. В осаждавшей Акру армии крестоносцев хватало воинов, а вот медицина была крайне неэффективна. Болезни косили войско, сократившееся более чем на десятую часть своей численности. Солдаты из Северной Европы не были привычными к местной жаре, воде или пище, а санитарные условия были просто ужасными. Не в силах достойно хоронить своих мертвецов, они бросали тела в ров, напротив Проклятой башни, вместе с камнями и землей, которые они использовали, чтобы засыпать это препятствие. Зловоние от тел мертвецов нависало над лагерем, подобно облаку. Охваченные лихорадкой солдаты умирали один за другим, их мучения усугублялись бесчисленными насекомыми, которые жужжали вокруг или кишели на телах больных солдат. Обычные госпитали были перегружены, и к тому же госпитальеры в основном опекали представителей своих национальностей: французов и англичан (различия между ними были в то время невелики, а король Ричард владел половиной Франции и жаждал получить остальную половину). Немцы были оставлены на собственное усмотрение.

Ситуация была невыносимой, и казалось, что она будет оставаться столь же неопределенной – осада затянулась, а германские монархи не торопились на Восток потребовать, чтобы их подданные получили должный уход в существующих госпиталях. Поэтому некоторые крестоносцы, выходцы из среднего класса Бремена и Любека, решили основать госпитальный орден, который бы заботился о больных и раненых немцах. Эта инициатива была поддержана наиболее выдающимся представителем германской знати герцогом Фридрихом Гогенштауфеном. Он написал своему сюзерену Генриху VI и склонил на свою сторону Патриарха Иерусалимского, госпитальеров и тамплиеров. Когда он попросил палу Целестина III утвердить новый монашеский орден, тот быстро сделал это. Братья нового ордена занимались уходом за больными, подобно госпитальерам, а жили по уставу тамплиеров. Новое братство было названо Немецким орденом Госпиталя Святой Марии в Иерусалиме. Его короткое и более известное название – Немецкий орден – намекает на связь с существовавшим раньше и практически исчезнувшим к этому времени орденом. Позднее члены ордена избегали упоминаний об этой возможной связи, чтобы не подпасть под контроль госпитальеров, имевших право контролировать прежний Германский орден. В то же время новый орден старался убедить своих гостей и других крестоносцев в том, что он восходит к более древнему сообществу. Традиции и родословная были в цене у всех. Многие религиозные организации шли на благочестивый обман, объявляя о своей причастности к более прославленным организациям, и легко понять, что члены нового госпитального ордена испытывали то же искушение.

В 1197 году, когда в Святую землю прибыло следующее войско крестоносцев из Германии, госпиталь уже процветал и оказывал неоценимые услуги своим соотечественникам.

Братья не только заботились о больных, но и обеспечивали жильем, деньгами и пищей тех из вновь прибывших, чьи запасы исчерпались, или кто был ограблен, или потерял все в бою. Значительная часть немецких крестоносцев прибыла из Бремена, быстро растущего порта на Северном море, который вскоре станет одним из основателей Ганзейской лиги. Именно от этих бюргеров, когда-то основавших его, госпиталь получил обильные дары. Гости ордена отмечали в госпитале относительно большое число братьев, которые были подготовлены как рыцари, однако обратились к религиозной жизни и вместе с тем смогут выполнять военную службу, подобно братьям тамплиеров и госпитальеров.

Узкая полоска земли, которую занимали христианские королевства в Святой земле, была защищена цепочкой замков. Однако гарнизоны их были малочисленны, и христианские предводители страшились, что внезапное нападение турок может подвергнуть их осаде, прежде чем подоспеет помощь из Европы. Численность местных рыцарей, поддерживаемых своими фьефами, была слишком невелика для эффективной защиты Палестины. А итальянские купцы, единственный средний класс, постоянно преданный Западной церкви, были заняты исключительно охраной морских путей от мусульманских пиратов и блокады. Максимум, что они могли сделать, это помогать в охране морских портов. Поэтому в защите страны приходилось полагаться на тамплиеров и госпитальеров, которые имели грозную репутацию беспощадных и непреклонных воинов, однако после поражений в 1187 году они уже не справлялись с решением таких задач. К тому же оба ордена непрерывно враждовали друг с другом. Германцы, прибывшие в Акру в 1197 году, полагали, что их госпитальный орден может обеспечить гарнизонами несколько пограничных замков, и попросили папу сделать их орден военным. Он согласился, издав соответствующую буллу в 1138 году. Англоязычный мир в конце концов стал называть этот германский орден Тевтонским рыцарским орденом[3].

Формально рыцари в новом военном ордене были «фратерами», а не монахами. Иными словами, они жили в миру, а не в монастыре. Впрочем, эта деталь, столь важная в их эпоху, почти не привлекает внимания в наши дни. Гораздо важнее, что орден, как организация, являлся частью Римской католической церкви, находился под защитой паны и имел доступ к его «двору» – курии. Курия под присмотром папы назначала официальных лиц для ведения заключительных слушаний по поводу споров, касающихся церкви. Там же назначались легаты для расследования важных дел на местах. В реальности папа и курия были слишком заняты, чтобы вникать глубоко в повседневную жизнь религиозных сообществ. Хотя они быстро реагировали, когда до них доходили слухи о каких-либо отклонениях в обрядах и вере, эффективнее было предоставить орденам самим выработать свои уставы и правила, которые затем время от времени пересматривались.

Законы и обычаи

Устав тевтонских рыцарей, свод их законов и обычаев – все эти документы отражают характер ордена, и потому стоит рассмотреть их подробнее. Они написаны на немецком языке, и каждый член ордена с легкостью мог понять их. Они короткие и простые, и их было легко запомнить. Рыцарь, вступавший в орден, давал обеты бедности, целомудрия и послушания. Как только рыцарь приносил клятву, ему уже ничего не принадлежало лично, все имущество в ордене было общим. Теоретически они были обязаны заботиться о больных и тем самым чтить свое первоначальное предназначение. Рыцари посещали службы через регулярные интервалы времени в течение дня и ночи. Они носили одежду «церковных цветов» и поверх нее надевали белый плащ с черным крестом, который и дал им дополнительное название – Рыцари креста.

Несмотря на то что в составе ордена были священники, санитары в госпиталях и

---

[3] Причина такого названия не очень ясна, хотя, может быть, это вызвано традиционным нежеланием англичан тратить время, чтобы произнести «DEUTSCH», вместо «DUTCH». Однако более правдоподобно, что это проявление некоторого современного интеллектуального снобизма, «тевтонский» – более изысканно, чем «немецкий», который подразумевает толстого старого мужчину, сидящего в темной таверне с высокой кружкой пива на столе и извергающего дым из длинной трубки.

женщины-сиделки, Госпиталь святой Марии Германской в Иерусалиме был главным образом военным орденом и состоял в основном из рыцарей, которым требовались кони, оружие и прочее снаряжение для войны. Поэтому орден в значительной степени компенсировал рыцарю затраты на коня, оружие и военное обмундирование. О некоторых вещах рыцарь должен был заботиться сам, так как кольчуга должна была быть подогнана, меч – правильного веса и длины, а конь и всадник – привычны друг другу. Правила ордена заботились о том, чтобы оружие и доспехи не становились предметом тщеславия – запрещалось их украшение золотом или серебром или окраска в яркие цвета.

У каждого рыцаря был «сопутствующий персонал», обычно в соотношении десять вооруженных мужчин на одного рыцаря. Это были люди незнатного происхождения, и они часто состояли в ордене, где занимали определенное положение. Известные как «полубратья», или «серые плащи» (по цвету накидок), они исполняли свои обязанности в течение длительного времени или всю жизнь, по своему выбору. Они служили оруженосцами или сержантами, согласно своему положению, отвечая в бою за сменную лошадь и новое снаряжение рыцаря и сражаясь бок о бок с ним когда это требовалось[4].

Рыцари должны были поддерживать себя в боевой готовности, что было бы сложно, если бы они скрупулезно следовали правилу строгой изоляции от всего мирского. Необычная привилегия специально была дарована им папой: им было дозволено охотиться – ведь верховая охота была традиционным методом подготовки рыцарей и имела дополнительные преимущества, знакомя рыцаря с местностью. Запретить германским рыцарям охотиться было бы непрактично, а кроме того, такая мера была бы очень непопулярна, поскольку эти люди выросли среди громадных лесов, все еще наполненных зверьми и опасностями. Рыцарям поэтому было дозволено охотиться с собаками на волков, медведей, кабанов, вепрей и львов, если они делали это по необходимости, а не от скуки или для удовольствия, а без собак они могли охотиться на прочих зверей.

Устав предостерегал рыцарей от общения с женщинами. В монастыре следовать уставу было несложно, но это гораздо труднее, если участвуешь в военной кампании или путешествуешь. Временами рыцари должны были останавливаться в общих гостиницах или принимать чье-нибудь гостеприимство, и было бы невежливо отвергнуть кубок эля или меда, когда его предложат. К тому же при наборе рекрутов или выполнении дипломатических миссий рыцари часто останавливались у хозяев в замках или усадьбах. Было непрактично уезжать в соседние монастыри и пропускать трапезу, ведь важные дела обычно обсуждались в неформальной обстановке, часто именно за трапезой. Ввиду того что полный запрет мешал бы рыцарям исполнять некоторые обязанности, правила просто требовали избегать светских развлечений, таких как свадьбы и игры, где мужчины и женщины находятся вместе, где вина и пиво текут рекой в разукрашенные кубки и где увеселения легко вводят в соблазн. Особенно рыцари ордена должны были избегать разговоров с дамами наедине, и тем более разговаривать с молодыми женщинами. Что касается поцелуев, обычной формы вежливого приветствия среди знати, то рыцарям было запрещено обнимать даже своих матерей и сестер. Женщины-сиделки допускались в госпитали, если были приняты меры к тому, чтобы избежать любой возможности скандала.

Наказания для тех братьев, кто нарушал устав, могли быть легкими, умеренными, суровыми или очень суровыми. Например, в течение года такой рыцарь должен был спать со слугами, носить одежды без креста, довольствоваться хлебом и водой три дня в неделю. Он был

---

[4] Тяжеловооруженные всадники сражались обычно по десять человек под предводительством рыцаря. Поскольку эти люди традиционно следовали за знаменем рыцаря, то такое объединение называлось знаменем. Иногда они носили тяжелое вооружение и ездили на обученных боевых конях, однако для разведывательной службы более легкое вооружение было удобнее (да и дешевле). В Святой земле такие воины назывались туркополами. Они одевались подобно своим арабским и турецким противникам в подходящие для жаркого климата легкие кольчуги, у них было меньше оружия и более быстрые кони. Позднее эти воины Тевтонского ордена были в основном немцами, хотя в отличие от рыцарей они могли родиться в Пруссии или Ливонии. Их посвящение в рыцари было исключительно редким. Они ели и спали в своих собственных казармах, однако соблюдали те же самые ежедневные религиозные службы, как рыцари и священники.

лишен важной привилегии рыцаря – получать святое причастие с собратьями. Это было умеренное наказание. Наказанием за более тяжкие проступки были кандалы и темницы. Когда срок наказания истекал, подсудимый иногда возвращался к своим обязанностям (хотя уже не мог занимать высокие посты в ордене) или его изгоняли. И только три проступка не прощались – малодушие перед лицом врага, уход к неверным и содомия. За первые два преступник изгонялся из ордена, последний грозил пожизненным заключением или смертной казнью. Более обыденные проступки, особенно мелкие, наказывались поркой и лишением еды.

Официальные лица (чиновники)

Средневековые организации и даже государства не имели большого штата управленцев. Тевтонские рыцари не были исключением. Верховный руководитель первоначально назывался магистром, но со временем, когда в ордене возникла необходимость в отдельных руководителях в Германии, Пруссии и Ливонии, уже этих людей стали называть магистрами, а первое лицо ордена – Великим магистром (Гроссмейстером). Поскольку таким же был обычай и других орденов, в подобном названии должности кроется претензия на то, что Великий магистр тевтонских рыцарей равен главам орденов Тамплиеров и Госпитальеров. К тому же название – Великий магистр – при доступе к ресурсам ордена подчеркивало первостепенное значение защиты Святой земли, преобладающее над нуждами региональных магистров.

Великий магистр избирался Великим (или Всеобщим) капитулом и исполнял свои обязанности до своей смерти или отставки. Процесс выборов был строгим и сложным. Второй в ордене человек после предыдущего Великого магистра (впоследствии Гроссмейстера) назначал дату и место встречи всех рыцарей из близлежащих окрестностей, которые освобождались на это время от обязанностей. Кроме того, вызывали представителей из более отдаленных местностей. Когда высшее руководство и представители были в сборе, этот заместитель рекомендовал рыцаря, который станет первым выборщиком. Если собравшиеся одобряли этот выбор, тот рыцарь называл второго выборщика, и каждый голосовал, одобряя его или требуя представить на рассмотрение другое имя, и так до тех пор, пока соглашение не будет достигнуто. Затем двое выбирали следующего, и собравшиеся соглашались или нет, до тех пор, пока восемь рыцарей, один священник и четверо братьев низшего ранга не оказывались избранными в качестве окончательных выборщиков. Затем выборная коллегия давала клятву исполнять свои обязанности без предубеждения или предварительного сговора и выбрать наилучшего человека, пригодного для вакантной должности. На закрытом заседании первый выборщик давал коллегии первоначальную рекомендацию. Если этот кандидат не набирал большинства голосов, то затем кто-то другой, в свою очередь, предлагал другое имя, до тех пор пока выбор не был сделан. Когда коллегия оглашала свое решение капитулу, священники начинали петь «TE DEUM LAUDAMUS» и сопровождали нового магистра к алтарю, чтобы привести его к клятве в новом звании.

Гроссмейстер выполнял в первую очередь функции дипломата и управляющего хозяйством. Выборы обычно возносили его над статусом, которым он обладал по праву рождения. Он встречался со знатными людьми и церковниками из мест, где протекала деятельность ордена, вел пространную переписку с более отдаленными монархами и прелатами, включая императора и папу. Он много путешествовал, посещая различные монастыри ордена, проверяя дисциплину и следя, чтобы ресурсами должным образом распоряжались.

Гроссмейстер назначал чиновников, которые были его ближайшими советниками. Гроссмейстер, главнокомандующий военными силами ордена в Святой земле и казначей разделяли ответственность за три ключа к огромному сундуку, в котором хранились сокровища ордена. Эта ответственность подчеркивала пределы власти, вручавшейся одному человеку, какой бы пост он ни занимал. Важные решения всегда принимались группой людей, часто Великим магистром и его подчиненными, но часто также и по решению Великого капитула.

Казначей отвечал за финансовые вопросы: хотя рыцари давали обет бедности, орден в целом не мог бы существовать без еды, одежды, оружия, хороших лошадей, услуг ремесленников, возниц и корабельщиков, чья работа оплачивалась деньгами. Теоретически

только высшие чиновники ордена могли знать о его финансовом положении, но на практике все участники Великого капитула получали достаточно информации, чтобы планировать строительство замков, церквей, госпиталей, ведение военных кампаний, и они передавали эту информацию своим братьям-рыцарям и капелланам.

Великий командор отвечал за повседневную деятельность в областях, не связанных напрямую с военными действиями. Он управлял младшими по рангу официальными лицами, контролировал казначея в сборе и расходовании средств, вел переписку и хранил сообщения в архивах. Его обязанности были, очевидно, почти такими же, как обязанности Великого магистра, хотя менее масштабными, и он командовал военными силами в Святой земле в отсутствие Великого магистра. Существовали также региональные командоры в Священной Римской империи (Австрия, Франкония и т.д.) и местные кастеляны, которые возглавляли многочисленные монастыри и госпитали.

Маршал отвечал за готовность к военным действиям. Его должность, изначально связанная с заботой о конях (от marshal – конюх), подчеркивает значение, которое имели оснащение и подготовка кавалерии для успешных боевых действий. Этой стороне своих обязанностей он отдавал большую часть времени. Теоретически ризничий и командор госпиталя были подчинены ему, однако на практике они были в высшей степени самостоятельными. И пожалуй, лучше считать эти звания почетными, поскольку они не были эквивалентными современным постам глав бюрократического аппарата. Вместе они образовывали опытный внутренний совет, на который Гроссмейстер мог полагаться.

Дела, затрагивающие подданных ордена, торговых партнеров и других правителей, решались в атмосфере монаршего двора. Гроссмейстер выслушивал просьбы, внимал доводам и давал ответ после того, как приходил к определенному решению. Архивы ордена хранили сотни тысяч документов. Более важные хранились у писцов Гроссмейстера, чтобы легче было наводить справки, прочие располагались в местных монастырях.

Лишь у немногих из членов ордена были основания интересоваться деталями его управления: у капелланов были свои обязанности, сержанты (и другие воины) были ограничены кругом своих – управлением маленькими хозяйствами и заботой об амуниции. Немногие из рыцарей были достаточно умны и опытны, чтобы занимать высокие посты, или были достаточно высокого рода, чтобы на них возложили эту ответственность без долгой службы в ордене. Благородное происхождение было почти обязательным для карьеры. Считалось, что люди благородного сословия наследуют способность править так же, как кони наследуют силу и выносливость. А поскольку у них были еще и влиятельные родственники и опыт светской жизни, они могли добиться для ордена того, чего никогда нельзя было бы достичь одними только способностями и благочестием. Не все люди благородного происхождения были одинаково знатными, и немногие из рядовых рыцарей были благородного происхождения. Немецкие рыцари часто были потомками бюргеров или выходцами из мелкопоместного дворянства и даже так называемых «ministerials» (министериалов[5]), чья растущая значимость так и не могла изгладить память об их низком происхождении. Число членов ордена из знатных родов всегда было невелико, и немногие из них обращались к монастырской жизни лишь потому, что они были лишены необходимых качеств, чтобы жить за пределами монастыря.

Впрочем, любое пятно на репутации от происхождения (из бюргеров или министериалов) практически смывалось церемонией посвящения. Посвящаемый в рыцари жертвовал немалым – ведь он не только давал обеты, но и приносил в качестве вступительного взноса (или «приданого») 30-60 марок, иногда в форме земельного надела. Это была не пустяковая сумма, однако вносили ее охотно, ведь престиж семьи рыцаря значительно повышался, а в будущем можно было надеяться на финансовые и политические выгоды. Если же рыцарь оказывался банкротом, то при вступлении в Тевтонский орден его долги ликвидировались.

Ежедневная деятельность рыцарей была скрупулезно распланирована, так же как это

---

[5] В период Средневековья слуги и служилые люди короля и феодалов (как светских, так и духовных). Выполняли придворную, административную и хозяйственную службу. Набирали министериалов в основном из несвободных людей.– *Прим. ред.*

принято поныне в большинстве армий: держи солдата занятым и удержишь его от неприятностей. Однако не вооружение и не амуниция составляют огромное различие между солдатом современной армии и тевтонским рыцарем, а полная, абсолютная приверженность рыцаря своей двойной задаче. В равной степени монах и воин, он должен был присутствовать на церковных службах, хоть и коротких, но частых и регулярных, и подчиняться дисциплине, несравнимой с той, что существует в любой современной военной организации – ведь так рыцарь должен был существовать до самой своей кончины. Бедность, целомудрие и послушание были настоящей жертвой, принесенной настоящим мужчиной.

Религиозная жизнь

Когда рыцарь просил принять его в орден, то его предупреждали, что он должен будет полностью посвятить себя служению долгу – и военному, и религиозному. После того как он проходил предварительные расспросы, он представал перед капитулом и его вопрошали:

> «Братья слышали твою просьбу и желают знать о некоторых вещах, касающихся тебя. Первое – не давал ли ты клятву другому ордену, не обручен ли ты с женщиной, не раб ли ты какого-нибудь человека, не владеешь ли ты деньгами другого, или имеешь долги, платить по которым нужно будет ордену, не болен ли ты? Если что-нибудь из названного действительно так и ты не признаешься в этом, то, когда это станет известно, тебя могут изгнать из братства».

Затем человек, вступающий в орден, приносил следующую клятву:

> «Я обещаю блюсти целомудрие моего тела, и бедность, и смирение перед Богом, святой Марией, и перед тобой, магистр Тевтонского ордена, и перед твоими преемниками, согласно правилам и обычаям ордена, я обещаю послушание до самой смерти».

Поскольку есть историки, которые говорят, что орден был политической организацией с маленькой или вовсе отсутствующей религиозной составляющей, то важно напомнить, что тевтонские рыцари мало отличались от других религиозных орденов, которые требовали от своих членов не «покидать мир», а пытаться исправить его. Применяя те же критерии оценки, нам придется признать, что институт пап является не более чем политической организацией, однако такое умозаключение будет неправильным (хотя деятельность некоторых пап в последнее время дает некоторые поводы так считать). В действительности духовная жизнь членов ордена представляла собой смесь религиозных и светских идей и интересов. Их нельзя отделить друг от друга, чтобы не исказился подлинный образ Тевтонского ордена. Общая молитва, включенная в статуты, хотя и написанная несколько раньше, иллюстрирует это сочетание идей лучше, чем длинная диссертация:

> «Братья, молите Господа Бога, дабы утешил Святое Христианство своей благодатью и своим миром и защитил его от всякого зла. Молитесь Господу нашему за отца нашего духовного Папу, и за императора, и за всех наших вождей, и прелатов христианских, мирских и духовных, которых Господь использует на службе своей. И также за всех духовных и светских судей, чтобы они могли дать святому христианству мир и так хорошо судили бы, что божий суд миновал бы их.
>
> Молитесь за орден наш, в котором Господь собрал нас, дабы даровал Он нам милость свою, чистоту и духовную жизнь, дабы избавил нас и все другие ордена от всего, что недостойно хвалы и противно Его заповедям.
>
> Молитесь за Гроссмейстера и командоров, что управляют землями нашими и людьми, и за всех братьев, имеющих чин в ордене нашем, дабы служили они ордену так, чтоб не отдалил их от себя Господь.
>
> Молитесь за братьев наших, чина не имеющих, чтобы они могли проводить свои дни с пользой и усердием, в трудах, так чтобы и они сами, и те, кто имеет чин, были бы полезными и набожными.

Молитесь за тех, кто впал в смертный грех, чтобы Господь помог им в милости своей и они избегли вечного проклятия.

Молитесь за земли, что лежат подле земель язычников, чтобы Господь пришел к ним с помощью, со своей мудростью и силой, чтобы вера в Бога и любовь могли распространиться там и они смогли противостоять всем своим врагам.

Молитесь за друзей и сторонников ордена и за тех, кто творит добрые дела и жаждет совершать их, дабы Господь вознаградил их.

Молитесь за всех тех, кто оставил нам наследство свое или дары, чтобы ни в жизни, ни в смерти не отдалил их Господь от себя. И молитесь особо за герцога Фридриха Швабского и брата его, короля Генриха, который был Императором, и за почтенных бюргеров Любека и Бремена, что основали орден наш. И поминайте также герцога Леопольда Австрийского, герцога Конрада Мазовецкого и герцога Самбора Померелльского… И поминайте также умерших братьев и сестер наших… и пусть каждый поминает души отца его, матери, братьев и сестер. Молитесь за всех верующих, дабы дал Господь им вечный мир. Да пребудут они в мире. Аминь!».

Осознание религиозного идеализма Тевтонского ордена фундаментально для понимания путей, которыми он выполнял свою миссию. Религиозный идеализм был столь же важной стороной существования всех военных орденов, сколь важным был протестантский радикализм для «круглоголовых» Кромвеля или членов коммуны чешских гуситов. И если местные источники не останавливаются подробно на этой религиозности, то это неудивительно. Ведь еще ни одному автору не удавалось сделать интересным для чтения повествование о бесконечных молитвах, службах, медитациях и благочестивых размышлениях. Однако в хрониках ордена постоянно упоминается набожность отдельных братьев и благочестие каких-то монастырей, даже если такие упоминания наносят ущерб повествованию. Следует иметь в виду, что и средневековым историкам было известно, как привлечь аудиторию, и они знали, что драматические события захватят их слушателей. Ветхий Завет был дороже их сердцу, чем Новый,– и в этом, возможно, таится ключ к загадке религиозной духовной жизни военных орденов.

Полностью погруженную в религию личность нечасто встретишь в наши дни, многим трудно поверить, что когда-то люди считали это нормальным поведением. Поэтому некоторые люди, живущие сегодня, считают тех, кто глубоко религиозен в средневековом духе, чудаками или ханжами. Мы легко принимаем противоречия в нашем собственном поведении, но требуем последовательности от средневекового человека,– последовательности, которая делала бы из него или святого, или отвратительного мошенника. Рыцари и священники, рожденные между 1180 и 1500 годами, не были ни теми ни другими. Это были сложные личности, принявшие религиозную жизнь по разным причинам, но наверняка почти все из них видели себя частью промысла Господа, что творил порядок из хаоса, и это было основанием их жизни. Все их деяния в мире имели мало смысла, если сравнивать их с беспредельностью вечной жизни, лежавшей за чертой смерти, что неминуемо ждет каждого из нас. Для них любое иное поведение, особенно безразличие к судьбе своей бессмертной души, было глупым и опасным. Уверенные, что выбрали правильный путь, рыцари следовали ему, убежденные, что судьба не оставила им иного выбора. Удача или неудача, победа или поражение – все было неважным, второстепенным, все было в руках Господа. Они знали, что за гордость своими деяниями могут тут же подвергнуться каре – поражением на поле боя, ибо не медлит Божий промысел ни на мгновение. Их долг было внять голосу Божьему и покориться ему – к счастью для них, Божий глас обычно говорил им то, что они хотели услышать.

Монахи-воины

Жизнь в монастыре тевтонских рыцарей не была скучной, как могло бы показаться, исходя из вышесказанного. Да, конечно, северная зима столь же долгая и мрачная, насколько палестинское лето в Святой земле долгое и жаркое, но в ордене всегда находилось, чем заняться. Как заметил Вольтер в заключении к «Кандиду», работа – это лекарство от бедности, пороков и скуки. Бесспорно, даже самые истовые католические священники и высшие чины

Тевтонского ордена согласились бы с этим деистским анализом человеческой сущности.

В орденских монастырях у рыцарей было множество обязанностей. Глава каждого монастыря носил титул, который мы можем перевести, как кастелян или командор, и он надзирал за всеми остальными должностными лицами. Некоторые из должностей были весьма важными, например должность казначея, который теоретически должен был лично учитывать все доходы и расходы, однако на самом деле имел в своем распоряжении людей, чьи предки-бюргеры научили их разбираться в таких вопросах и хорошо считать. Большинство обязанностей было менее важными, как, например, присмотр за полями и конюшнями. Но на каждую должность назначался человек ответственный и преисполненный добродетели. При обсуждении кандидатур на освободившуюся должность такой добросовестный рыцарь мог рассчитывать на повышение.

В ордене поглощали немало спиртных напитков каждый день, а особенно много пили в праздники и дни приезда гостей. Рыцарям нравилось пиво и вино, особенно из их родных мест. Вместе с тем следовало соблюдать многодневные посты, и к этому относились вполне серьезно, о чем свидетельствуют обращения к папе с просьбами о позволении не придерживаться строгого поста тем, кто болен или стар.

Охота была страстью благородного сословия в целом, и тевтонские рыцари не были исключением. Позже, когда многие из их замков были построены в лесах или на окраинах диких мест, рыцари охотно договаривались с противником об «охотничьем перемирии». Рыцари главным образом держали собак, натасканных на оленя и зубра, кроме того, они нанимали местных воинов, которые кроме службы в качестве проводников на войне занимались в основном организацией охоты.

Рыцари ордена учили местные языки, пусть и не настолько глубоко и точно, как современные студенты. Рыцари, служившие на литовской границе, без труда понимали польских дам, взывавших к ним о помощи. И любому рыцарю, имеющему дело с местным ополчением, было нужно знать хотя бы основные команды на их родном языке, даже если те знали немецкий, а в пути – хотя бы несколько слов, чтобы потребовать еду, пиво и ночлег в трактире. Хорошее владение местными языками было особенно важно для тех рыцарей ордена, которые назывались «протекторами», жили среди местного населения и обучали местные воинские формирования.

Большинство рыцарей вступало в орден еще в ранней юности. Обычно это были вторые и последующие сыновья в семье, для которых такая служба оказывалась и полезной, и почетной карьерой. Даже не добившись славы и высокого поста, они знали, что будут окружены заботой в старости или если их ранят. Но важнее всего, верили они, было то, что они будут вознаграждены любовью Марии и ее Сына, их Господина и учителя. Годы лишений вознаграждались вечной жизнью. А мученичество давало гарантию вечной жизни даже тем, кто был далек от совершенства и не всегда соблюдал обеты бедности, целомудрия и послушания.

Далеко не все рыцари были святыми. Отнюдь. Некоторые были даже раскаявшимися преступниками: ведь в средневековом обществе был небольшой выбор – или прощать злодея, или наказывать его. Простолюдинов, разумеется, могли высечь, а некоторые из них могли быть низвергнуты на самое дно общества. Однако в целом заточение в тюрьму не было распространено. Гораздо лучше, рассуждало общество, сослать раскаявшихся преступников в монастырь, где они могли бы проводить дни, чередуя молитвы, работу и сон. Таким образом, они спасали свою бессмертную душу, одновременно решая социально полезные задачи. Тевтонский орден был одним из многих орденов, где принимали людей, обвиняемых в преступлениях. Это не означало, что этим бывшим отщепенцам в ордене было позволено обретать высокий статус или исполнять важные обязанности, но если они были готовы сражаться на далекой и опасной границе, то пятно позора смывалось с их семьи.

Может быть, правильнее всего думать о тевтонских рыцарях как о современной профессиональной спортивной команде. Их одержимость физическим здоровьем, верность предназначению, их гордость своими свершениями, земное чувство юмора, безудержность в праздниках – все это отделяло их от обычных людей так же, как это делает течение времени.

Одним словом, если уж рыцари и их собратья не были святыми, то никто из них не был и воплощением дьявола. В них отражались все качества благородного сословия той эпохи. И чем

больше изучаешь их врагов, тем менее правдоподобным кажется стереотип, представляющий тевтонских рыцарей необычайно высокомерными или жадными до земель, лишь чуть менее ужасными, чем сам дьявол.

Глава Третья
Война в Святой Земле

Начало

Мы очень мало знаем о первых десятилетиях существования Тевтонского ордена. Самым важным событием явилась земельная сделка в 1200 года, когда король Иерусалимский Амальрик II продал рыцарям небольшой участок земли к северу от Акры. Кроме этого участка и госпиталя в порту Акры у тевтонских рыцарей было несколько разбросанных по побережью владений – у Яффы, Аскалона и Газы, а также несколько поместий на Кипре. Лишь позднее, став наследником Джоселина, Тевтонский орден приобрел заметные владения в Святой земле, кстати, именно это вызвало судебную тяжбу длиной в двадцать четыре года. Подозрительность и зависть уже существовавших орденов, вместе с их престижем и влиянием, делали сложным для нового ордена обретение твердых позиций в Палестине.

Владения тевтонских рыцарей были так малы и столь незначителен вклад в военные операции в те ранние годы, что мы не знаем о первых трех магистрах ничего, кроме имен. Они наверняка заслужили среди крестоносцев хорошую репутацию и обрели немало влиятельных друзей, потому что орден начал быстро расти после избрания Германа фон Зальца магистром в 1210 году. Этот человек был блестящей личностью, но сделал бы очень мало, если бы его предшественники не передали ему крепкую и уважаемую организацию, со строгой дисциплиной и числом воинов даже большим, чем нужно было для защиты владений ордена вокруг Акры.

Герман фон Зальца

Герман фон Зальца, подобно Генри Форду или Джону Д. Рокфеллеру, был создателем империи, он умел находить благоприятные возможности там, где другие видели только трудности, он знал, как сотворить в рамках существующей системы новый тип империи, используя способности и деньги других людей, достигая цели, о которой кто-нибудь другой и мечтать не осмеливался. Именно потому, что он сделал это, история Тевтонского ордена на самом деле начинается не Третьим крестовым походом, а избранием Германа фон Зальца магистром в 1210 году.

Герман фон Зальца был выходцем из Тюрингии, из семьи министериалов, которые считались рыцарями, но были не вполне благородного происхождения. Поколение назад некий простолюдин изменил свой социальный статус к лучшему благодаря отваге, талантам и верности, и его красная кровь изменилась настолько, что превратилась в голубую. В эпоху, когда мирской успех зависел от удачной женитьбы и влиятельных родственников в церкви, родители Германа не обладали ни богатством, ни высоким происхождением. И сам Герман, следовательно, не мог рассчитывать далеко продвинуться, если пойдет по стопам своего отца и станет светским рыцарем. Максимум, на что мог надеяться министериал, это добиться чуть более высокого поста и вступить в чуть более выгодный, чем обычно, брак; если же выберет религиозную жизнь, то станет приором, или, возможно, епископом, или аббатом в каком-нибудь диоцезе; а еще он мог двинуться на восток, где польские князья привечали способных воинов и управителей. Герман фон Зальца использовал все эти возможности, чтобы вымостить для своего ордена дорогу к славе. Вступив в Тевтонский орден, он соединил военную и религиозную карьеру, а позднее направил свой орден в Среднюю и Восточную Европу.

К счастью для него, он вступил в маленький военный орден. Ведь в ордене более старом

или более уважаемом он не смог бы добиться высокого поста. Хотя он был яркой личностью и обладал дипломатическими талантами и везде эти его качества производили впечатление, но этого было недостаточно, чтобы обойти препятствие, которым являлось его происхождение из министериалов. А как раз в малочисленном тогда Тевтонском ордене его дарования стали заметны, и он был избран магистром в молодом возрасте – ему было около тридцати лет. Он был одним из тех редких людей, что моментально внушают веру в свою честь и дарования. Без этого он не смог бы стать доверенным лицом папы и императора, и уж тем более служить посредником в ожесточенном споре между врагами, казавшимися непримиримыми.

В его ранней карьере мало что предвещало грядущее возвышение. Он, возможно, принимал участие в Четвертом Латеранском соборе в 1215 году, но определенно не выступал там публично; в декабре 1216 года сопровождал юного императора Фридриха II в Нюрнберг и также смог устроить отправку небольшой группы рыцарей, чтобы оборонять границу Венгерского королевства от набегов кочевых половцев. Эта безвестность обернулась славой в ходе Пятого крестового похода.

Герман фон Зальца присоединился к экспедиции, в 1217 году отправившейся с Кипра и высадившейся в Дамиетте, египетском порте, защищавшем дельту реки Нила и путь к Каиру. Этот крестовый поход обещал тот решительный успех, что ускользал от крестоносцев так долго. На успех можно было надеяться, учитывая уязвимость цели похода – Египта – и то, что значительную долю в экспедиции составляли рыцари из военных орденов. Среди участников похода была достигнута предварительная договоренность о стратегии и тактике, чего так недоставало в предыдущих походах, особенно в роковом Четвертом крестовом походе, когда крестоносцы оказались у стен Константинополя, к вечному позору и поношению христиан. Но даже и теперь, в отсутствие единственного, доминирующего лидера, что было главной слабостью крестоносцев, Герман выделялся среди великих магистров. Не столько тем, что его способности бросались в глаза или так велико было число рыцарей под его командованием. Скорее всего, потому, что Герман собрал так много денег и людей в поход и был человеком, к которому обращались за советом и руководством. К тому же ему удавалось постоянно добиваться для своего ордена привилегий и пожертвований.

Герман фон Зальца лично воевал под Дамиеттой все четыре года, когда христианский и мусульманский миры сошлись в отчаянном столкновении, когда каждая сторона призывала помощь из все более отдаленных мест и стало казаться, что уже некого звать для подкрепления. Наконец крепость пала, и крестоносцы отправились вверх по Нилу к Каиру. Это наступление в итоге обернулось неудачей. Хотя все призывали императора прийти на помощь, Фридрих II нашел благовидные причины отсрочить свой отъезд. Пока тянулись переговоры, крестоносцы один за другим возвращались домой. Хотя христианские вожди и могли получить доступ в Иерусалим, в обмен на уступку Дамиетты, папский легат упрямо отказывался успокоиться на чем-либо меньшем, чем полная победа. Ссылаясь на пророчества мифического царя Давида и Иоанна Крестителя, он пытался связать оба пророчества со слухами о великом царе (возможно, имелся в виду Чингисхан, который возглавлял монгольские орды, разорявшие соседние земли).

Он обещал легкую победу над дезорганизованными египтянами и убеждал великих магистров тамплиеров, госпитальеров и тевтонских рыцарей предпринять финальное наступление в 1221 году, попавшее в ловушку в дельте Нила. Результатом было полное поражение, потеря почти всей армии и утрата Дамиетты. Герман оказался среди пленных. Его вскоре выкупили, но он имел причины решить, что будущее его ордена не лежит исключительно в Святой земле.

Хотя многие порицали Фридриха II за то, что он пренебрег честью, нарушив обещания привести армию в Египет, и обвиняли его в бедствии, постигшем армию крестоносцев, Герман фон Зальца не был в их числе. Он оставался преданным династии Гогенштауфенов, по крайней мере пока это не противоречило его обязательствам перед церковью. Он приезжал в Германию в 1223 и 1224 гг. по делам империи, договариваясь об освобождении датского короля Вальдемара II, который был захвачен графом Генрихом Шверинским, что поставило государства северной Европы на грань всеобщей гражданской войны. Герман, который, без сомнения, знал графа с Пятого крестового похода, договорился о выкупе короля. Частью достигнутого сложного соглашения было обещание датского монарха участвовать в предстоящем походе Фридриха И. Хотя император и не отправился в Дамиетту, когда папа умолял его спасти крестоносцев, теперь Фридрих II набирал добровольцев в поход, в котором отомстил бы за все прошлые поражения христиан. В качестве видного представителя империи фон Зальца был способен утвердить в общественном сознании роль тевтонских рыцарей в качестве ведущей силы в немецком движении крестоносцев. Хотя раньше он посылал воинов, чтобы защитить Карпатские перевалы в Венгрии от набегов кочевников, он не хотел отвлекаться на эти мелочи, так же как и на интригующее предложение князя Конрада Мазовецкого (1187-1247) – послать войска для защиты северных границ Польши от прусских язычников.

Герман фон Зальца чувствовал острую необходимость полностью и без колебаний поддержать крестовый поход в Святую землю. Пятый крестовый поход практически провалился из-за неудачного наступления в Дельте, но это было уже в прошлом. Гроссмейстер понимал, что имперские интересы не позволяли Фридриху оставить Италию на милость его врагов в столь критический момент. Теперь Сицилия была усмирена. Более важным оказалось то, что Фридрих устроил свадьбу с наследницей королевства Иерусалимского, чьи земли могли перейти под его руку, только если он придет в Святую землю и войдет во владение ими. Когда император объявил, что исполнит свой обет крестоносца в 1226 или 1227 году, тевтонские рыцари осознали, что, предоставив большое число рыцарей для крестового похода императора, они получат известные преимущества от благодарности Фридриха[6].

[6] Как символ своей дружбы император подписал в Римини в 1226 году свою Золотую буллу, одаривая орден большими землями и привилегиями при условии, что рыцари ордена примут приглашение герцога Конрада Мазовецкого.

В делах, касающихся крестового похода, не было человека ближе к императору как друг или как советчик, чем Герман фон Зальца. И он знал, что Фридрих вознаградит его, скорее, за то, что они смогут для него сделать в будущем, чем за их прошлую преданность и службу. Так что фон Зальца сделал очевидным для императора, что он может полностью рассчитывать на поддержку ордена. Поэтому Герман ясно дал понять, что император может ожидать всеобъемлющего сотрудничества с Тевтонским орденом. Члены ордена тем не менее предвкушали участие в великой победе христианства над исламскими недругами, и не в их интересах было отвлекать значительные силы на восточноевропейскую авантюру.

Святая Земля

Имперский флот, который в 1227 году отплыл из Бриндизи, почти немедленно вернулся в порт, поскольку эпидемия унесла жизнь Людовика, графа Тюрингского, и поразила множество прочих крестоносцев. Хотя император был отлучен папой Григорием IX за провал наступления в Святой земле, Фридрих II не торопился в Рим в поисках примирения – он знал престарелого папу достаточно хорошо и понимал, что достигнет этого, лишь заплатив непомерную цену. Наоборот, он вновь посадил свои войска на корабли, как только позволило их состояние, очевидно не опасаясь, что отлучение папы даст его врагам в Святой земле основание отказать ему в помощи. Фридрих просчитался. Его отказ разрешить спор с папой быстро предопределил неудачу этого крестового похода. Везде он встречал недружелюбный прием, и практически каждый представитель знати и каждый клирик в Святой земле отказывались принимать участие в любом походе под руководством человека, отлученного от церкви. В таких обстоятельствах Фридрих становился еще ближе к Тевтонскому ордену, даже ближе, чем диктовали обстоятельства. Поскольку орден Германа фон Зальца сохранял верность Фридриху и помогал ему при любых обстоятельствах, он наделил орден особыми правами в Иерусалиме, после того как город был возвращен христианам, согласно последовавшему мирному договору, и он, что важно, вверил им сбор пошлин в Акре.

Пока Фридрих оставался со своей армией в Святой земле, то мог делать все что ему заблагорассудится, но он не мог оставаться там долго. Понимая это, Великий магистр избегал конфликтов с местной знатью и другими орденами. Следуя такому курсу, он спас орден от гонений, которые последовали, когда Фридрих II покинул Акру в 1229 году под градом гнилых фруктов и овощей. Он добился снятия отлучения от церкви, которому подвергся орден за поддержку Фридриха в крестовом походе. Но не все было благополучно в Святой земле. Там, где имперские гарнизоны были слабыми или изолированными, они подвергались нападениям со стороны местной христианской знати и прелатов, которые ненавидели Фридриха. Ненавидели за то, что он не помог им в прошлом, за его политику в Сицилии, за его ссору с папой, считая императора не более чем авантюристом и безбожником.

Герман фон Зальца сопровождал невезучего императора обратно в Италию и содействовал его примирению с папой Григорием IX. Он расстался с надеждой утвердить свой орден в Святой земле на прочном основании и вскоре выслал первый отряд рыцарей в Пруссию. Его оценка ситуации в Святой земле оказалась верной. К 1231 году большинство имперских гарнизонов было изгнано, и еще через тринадцать лет Иерусалим вновь оказался в руках мусульман. После этого христиане в Святой земле уже только оборонялись, ожидая неминуемого нападения, которое лишит их последней точки опоры.

Тевтонские рыцари не пренебрегали своими интересами в Средиземноморье. Их рыцари стали еще более необходимыми для обеспечения гарнизона в Акре, чем раньше. Но Акра была портовым городом, жарким, сырым и переполненным, совсем неподходящим местом, чтобы жить там год за годам. Рыцари расположились в окрестностях города, в стороне от него, там, где климат был здоровее, где была возможность ездить верхом и охотиться, где были поля и корм для лошадей. Кроме того, рыцари в значительной мере зависели от местного продовольствия. В 1220 году они приобрели заброшенный замок в Галилее у семьи Хенненбергов и начали отстраивать его на средства, получаемые в виде пошлин в Акре. Новую

большую крепость назвали Монфор: возможно, и название, и архитектура крепости были заимствованы у замка, построенного когда-то братьями-рыцарями в Трансильвании. По-немецки крепость называлась Штаркенберг (Крепкая гора), и она действительно располагалась так, что ее штурм был крайне затруднителен. Впрочем, в сравнении с другими замками крестоносцев это был не настолько устрашающий оборонительный пост. Он был, возможно, более ценим за его возможности для приема гостей и за удивительный вид вокруг – лесистые холмы, с одной стороны, и вид Акры – с другой, чем за вклад в оборону Святой земли. Окружающие Монфор земли были самыми богатыми в северной Галилее, и орден округлял здесь свой владения в 1234-1249 годах, однако замок находился слишком далеко, чтобы гарнизон мог защищать местных земледельцев от набегов. В 1227 году крестоносцы получили помощь пилигримов в дополнительном финансировании строительства фортификационных сооружений, а в 1228 году им пожертвовал деньги Фридрих II. Второй замок был построен тремя милями южнее и тоже прилепился на краю скалы. Устройство обоих замков было типично германским при небольшом влиянии архитектуры соседних замков: доминирующий массивный донжон и башни, связанные крепкой стеной с куртинами. Существенной слабостью замков крестоносцев в Святой земле была неспособность защитить окружающие сельские общины, снабжавшие гарнизоны продовольствием и работниками. Как только мусульманская армия уводила в плен или убивала местных жителей и сжигала их поселения, замок превращался в изолированный остров в пустынной стране. Без сена или пастбищ рыцари не могли содержать своих коней, а без коней они теряли свою боеспособность.

Хотя тевтонские рыцари потеряли Монфор в 1271 году, они сохраняли значительные силы в Акре вплоть до 1291 года, когда даже соединенные силы всех военных орденов не смогли удержать эту цитадель. Великий магистр перенес свою ставку в Венецию, откуда мог руководить крестовыми походами против мусульман. Только в 1309 году он перебрался в Пруссию, оставив другим войну на Востоке.

Один из длительных споров внутри Тевтонского ордена заключался в следующем: нужно ли концентрировать ресурсы на обороне Святой земли, или использовать их в Прибалтике, или оставаться в Священной Римской империи. Весь XIII век рыцари в Святой земле ревностно защищали свои приоритеты, отвергая Великих магистров, которые проводили слишком много времени «за морем» (вне Святой земли) либо колебались в своей верности династии Гогенштауфенов; впрочем, магистр Германии, магистр Пруссии и магистр Ливонии также защищали интересы своих командорств. Один за другим Великие магистры подвергались критике и испытывали разочарование, пытаясь примирить требования региональных «лобби» и избежать скандального раскола. Этот пост был не для слабых или нетерпеливых.

Медленно и постепенно тевтонские рыцари перенацелили свое внимание и силы на иные крестовые походы – в прибалтийских землях. Иерусалим долго оставался городом, которому посвящали в первую очередь свои помыслы и силы, и лишь потеря Акры в 1291 году заставила орден медленно и неохотно распроститься с надеждой на возвращение Святого города. У военного ордена были цели более важные, чем земли или власть, но мотивы людей часто прихотливо переплетаются.

Религиозный идеализм, предрассудки, амбиции и долг спутались в сложный клубок, мешавший рыцарям ясно увидеть, что свой долг они должны выполнять в Северо-Восточной Европе, в войне против язычников.

Глава четвертая
Трансильванский эксперимент

Защита Венгрии от язычников

Как иногда происходит в жизни, лишь случайность дала повод тевтонским рыцарям задуматься над изменением своей миссии. Герман фон Зальца был представлен королю Венгрии и через короткое время повел свой орден навстречу его первому великому

приключению в Восточной Европе. Центральной фигурой этих событий был граф Герман Тюрингский, сюзерен семьи Зальца. Зальца были верными вассалами, которые, возможно, нарекли Германа в честь их могущественного патрона, покровителя, который был известен своим блестящим двором, где он всячески поощрял поэзию и рыцарский дух. Предками графа были известные крестоносцы – его отец участвовал в Третьем крестовом походе, а он сам принимал участие в превращении Тевтонского ордена из госпитального в военный. Вполне возможно, что Герман фон Зальца сопровождал графа в крестовом походе и вступил в орден в это время. Несомненно, граф следил за карьерой своего вассала с большим интересом. Ко времени, когда новость про избрание фон Зальца Великим магистром Тевтонского ордена могла дойти до Тюрингского двора, граф договорился с Андреем II Венгерским, получив руку четырехлетней принцессы Елизаветы для своего сына Людовика. Андрей давно серьезно обдумывал поход в Святую землю: предмет, который очаровывал в равной степени и его, и графа. Но король не мог оставить Венгрию, пока она подвергалась опасности нападений язычников-половцев.

Венгерское королевство располагалось на необозримой равнине, которая лежала к югу от Карпатских гор и тянулась через Дунай к холмам, которые граничили с Сербией. В юго-восточной части его крутые горные цепи становились неприступными и переходили в холмистую, заросшую лесами местность, называемую Трансильванией, или Зибенбурген (Семиградье). Этот дикий край никогда полностью не был заселен венграми, которые сами были потомками кочевников и предпочитали равнины, потому здесь жили редкими селами потомки римских переселенцев в Дакию. Перевалы в Трансильвании служили не столько торговыми путями, сколько воротами для вторжений половцев в равнинную Венгрию. Король Андрей пытался бороться с кочевниками, расселяя в этой местности своих вассалов, но у тех либо не хватало опытных воинов, чтобы надежно удерживать край, либо они предпочитали спокойную жизнь во внутренних областях страны. Когда Андрей упомянул об этой проблеме графу Герману или его послам, он, всего вероятнее, сказал, что военный орден, такой как Тевтонский, смог бы позаботиться о защите границы и сделать возможным для короля отправиться в крестовый поход со спокойной душой. Хотя существует и другая возможность, как мог Андрей услышать о Германе фон Зальца и его ордене. Королева была родом из Тироля, места прежней дислокации ордена. Кажется более чем совпадением, что король пригласил тевтонских рыцарей в Трансильванию вскоре после заключения брачного контракта с Германом Тюрингским.

Король обещал ордену земли и освобождение от налогов и повинностей. Это подразумевало, что те смогут приводить на эти земли поселенцев, строиться и жить на доходы с их трудов, не делясь ими с монархом. Земля, которую Андрей дарил рыцарям в Трансильвании, называлась Бурзенлянд. Король оставлял за собой право чеканить монету и право на половину любого золота или серебра, которое могло быть найдено на этих землях, но отказывался от права основывать ярмарки и вершить правосудие. Это казалось щедрым предложением, и потому, имея мало опыта в подобных делах, Герман фон Зальца принял его, предполагая, что король и в дальнейшем будет следовать своим обещаниям.

Почти немедленно отряд рыцарей в сопровождении добровольцев – крестьян из Германии – выступил в незаселенные земли и построил несколько укреплений из земли и бревен. Крестьяне строили свои фермы и деревни, обеспечивая продовольствием и рабочей силой эти военные форпосты. Такие поселения, устраиваемые духовными орденами, были обычными в ту эпоху, и этническое происхождение крестьян обычно ничего не значило для знати и духовенства, которые пользовались плодами их труда. Поселенцы вскоре стали получать обильные урожаи, что помогало привлекать новых крестьян из Германии. Лишь когда закончился период первоначального обустройства на землях, выяснилось, что обещание короля было крайне туманным и неопределенным. Но к этому времени мало что можно было сделать, так как он отправился в Пятый крестовый поход.

Андрей Венгерский отправился в Святую землю в 1217 году с большой армией, сопровождаемый Германом фон Зальца и отрядом тевтонских рыцарей. На Кипре, где собирались войска крестоносцев, обнаружилось отсутствие энтузиазма в отношении решительного похода на Иерусалим. Тогда король и фон Зальца собрали всех вождей похода и

предложили им идти на Египет. Если бы удалось захватить Каир, который казался слабо защищенным, они могли бы обменять его на Иерусалим и окружающие крепости.

Но в первую очередь им нужно было захватить Дамиетту. Когда же осада города стала затягиваться, король вернулся домой, заключив с тюрками в Малой Азии договор о том, что те пропустят его армию обратно в Венгрию.

Тем временем тевтонские рыцари в Трансильвании не довольствовались ролью послушных вассалов, пассивно защищавших границу. Они были амбициозны и агрессивны, вели наступление против половцев и легко завоевывали новые территории, так как у кочевников не было постоянных поселений, которые могли бы стать центрами сопротивления. К 1220 году рыцари построили пять замков, часть из них была построена из камня, и дали им имена, которыми позднее были названы замки в Пруссии. Мариенбург, Шварценбург, Розенау и Кройцбург располагались вокруг Кронштадта на расстоянии в двадцать миль друг от друга. Эти замки стали плацдармом для завоевания практически незаселенных половецких земель. Завоевание велось такими поразительными темпами, что венгерские знать и духовенство, до того не заинтересованные в этих землях, воспылали завистью и подозрениями.

Еще десяток лет, и тевтонские рыцари, возможно, прошли бы вдоль Дуная, заняв всю его долину до самого Черного моря, что ослабило бы натиск кочевников на Венгрию и Латинское королевство в Константинополе. Построив замки в нижнем течении Дуная, орден смог бы вновь открыть сухопутный маршрут на Константинополь, который стал небезопасным для крестоносцев в последние десятилетия. Венгерская знать начала сомневаться, что половцы все еще представляют угрозу. Они могли бы припомнить, как эти дикие всадники громили византийцев и Латинское королевство и даже вторгались в их собственную страну. Но это было в прошлом. Теперь же казалось, что горстка чужеземных рыцарей сумела отогнать их прочь. Знать не понимала особую организацию и целеустремленность, что сделали возможным для ордена преуспеть там, где другие потерпели неудачу. Со своей стороны орден игнорировал права местного епископа и отказался поделиться добычей с влиятельными людьми из знати, которые ранее предъявляли права на эти земли.

Казалось естественным, что тевтонские рыцари не желали отказываться от того, что было завоевано или построено их усилиями и на их деньги. Особенно когда они нуждались в каждом клочке земли и в каждой деревне, дававших им припасы, средства, людей, наконец, для будущих кампаний по продвижению к Черному морю. Кроме того, руководители ордена в Трансильвании, очевидно, не имели дипломатических талантов Германа фон Зальца, который умел завоевывать друзей и успокаивать подозрения возможных врагов. К тому же, находясь в Святой земле и в Египте, Великий магистр не мог даже дать совет своим братьям-рыцарям. Орден в Трансильвании действовал практически независимо – и нажил немало недругов.

Результатом стало столкновение амбиций и острой зависти. Местная знать утверждала, что король неосмотрительно пригласил кучку проходимцев, что те укрепились в пограничном

княжестве и скоро перестанут вообще обращать внимание на королевскую власть, обвиняли рыцарей ордена в том, что те вышли за рамки своих обязательств защищать границу и собираются создать королевство внутри королевства.

К этому времени, даже если бы фон Зальца и не был в Дамиетте, он вряд ли смог бы что-то поделать со сложившейся ситуацией. Если уж папа не был в состоянии убедить равнодушную знать поддержать движение крестоносцев, то какие шансы были у незнатного рыцаря, на чьем попечении был мелкий военный орден?

Король Андрей возвратился в Венгрию расстроенный потерями и убытками от похода. Его репутация жестоко пострадала, а в стране царила смута из-за отсутствия твердой власти. В 1222 году знать добилась от него подписания документа, названного Золотой буллой, весьма похожего на Великую хартию, которую английские бароны буквально вырвали у своего невезучего короля за несколько лет до этого. Впрочем, даже теперь, когда от него потребовали отобрать у ордена то, что было подарено ему, король Андрей отказался. Он изучил жалобы и решил, что орден действительно вышел за рамки своих «полномочий» и что в грамоты, данные ему, следует внести поправки, но закончилось тем, что в новую грамоту были вписаны еще более широкие права ордена. Он позволил рыцарям строить каменные замки. Хотя грамота запрещала им вербовать венгерских или румынских поселенцев, негласно было одобрено переселение немецких крестьян. Несомненно, для такого исхода потребовалось влияние Германа фон Зальца на папу Гонория III (1216-1227) и графа Людовика Тюрингского, которые повлияли на решение короля в этом вопросе, но Великий магистр уже ничего не мог сделать с мнением венгерской знати. Не мог он повлиять и на наследника короны – принца Белу, который был на стороне знати. Жалобы на орден продолжались, как продолжались и попытки подчинить орден власти местного епископа. Фон Зальца рассудил, что орден может не опасаться крупных неприятностей в Венгрии – но только до поры, пока принц Бела не займет трон. Этого, казалось, можно избежать, если сделать орден независимым от короля. Когда Великий магистр вернулся в Италию, он затронул эту проблему в разговоре с Гонорием III, который взял земли ордена в Трансильвании под папскую защиту, в результате чего Бурзенлянд стал феодом Святого престола.

Эта акция была фатальной ошибкой. Вместо проблем в некотором неопределенном будущем Герман фон Зальца получил их незамедлительно и во множестве. Андрей приказал тевтонским рыцарям оставить Венгрию немедленно. При всем его расположении к ним, он не желал потерять для королевства ценную провинцию, украденную с помощью юридической казуистики. Папа пытался вмешаться, а фон Зальца старался доказать королю, что его действия были неверно истолкованы, но все уже было бесполезно. Король объединился со знатью в этом вопросе, и, когда рыцари отказались покинуть свои земли без спора, принцу Беле было поручено вести против них войско. Так орден был с позором изгнан со своих земель и из королевства. На землях остались только поселенцы, составив заметную немецкую прослойку, существовавшую вплоть до 1945 года, когда уже их потомки были изгнаны румынским правительством.

Венгры не заменили тевтонских рыцарей адекватными гарнизонами и не продолжили наступление на половцев, позволив степным воинам вновь обрести уверенность в себе и восстановить силы. И вскоре половцы вновь представляли угрозу для королевства.

Венгерское фиаско поколебало статус ордена. Многие люди отдали свои жизни и средства, чтобы с великими трудностями построить укрепления и сделать новые поселения безопасными. И все эти усилия пошли прахом. Репутация ордена была подорвана. В прошлом он получил множество даров от императора и князей – владения в Бари, Палермо и Праге. Сколько возможных донатов поверили историям, которые они услышали об ордене, и сделали свои пожертвования другим орденам? Ответ не вполне ясен, хотя пример графа Тирольского Ленгмуса был обнадеживающим. В разгар конфликта он вступил в орден и принес в дар все свои владения. Этот рыцарь, воспитанный в краях, где процветала германская поэзия и культ рыцарства, вблизи от богатых и оживленных итальянских городов, был живым примером проблемы, с которой сталкивались тевтонские рыцари. Орден мог процветать в немецких областях, набирая подкрепления и собирая пожертвования от набожных рыцарей и горожан. Но чтобы иметь цель существования, рыцари должны были сражаться с неверными или

язычниками, а таковые обитали только на границах уже негерманских земель. К несчастью, знать и народ этих земель обычно имели мало общего с орденом, поэтому их отношение к крестоносцам обычно становилось враждебным, а не сочувственным, как только проходила непосредственная опасность.

Монгольское вторжение

Уже к тому времени, когда венгерский король изгнал орден из его бастионов в Карпатских горах, до него должны были дойти вести о битве на Калке в 1223 году в Юго-Восточной Руси[7].

Монголы выиграли свою первую битву, затем ушли обратно в свои степи; но в 1237-1239 годах стало ясно, что они пришли завоевывать Русь[8].

Но прошло еще пятнадцать лет, прежде чем стала понятна величина ошибки венгерского короля. Монголы выиграли свою первую битву, затем вернулись домой, однако в 1237-1239 годах стало ясно, что они появились на Руси, чтобы остаться. Тем временем польские и венгерские короли распространяли свое влияние на Галицию и Волынь, самые западные из русских княжеств. Повсюду ходили слухи о планах монголов вторгнуться в Польшу и Венгрию,– слухи, основанные прежде всего на предупреждениях от татар и на предположении, что Великий хан желает властвовать над Русью и всеми степными народами. Как бы неточны и запутанны не были эти предположения, они указывают на тот значительный сдвиг в расстановке сил, который произошел в это время. Король Бела Венгерский (1235-1270) надеялся преуспеть от этой смуты, но его выигрыш был только временным.

Половцы, от которых монголы требовали дань и воинов для своих армий, откочевали в Венгрию, где и составили важную и разрушительную силу в течение всего века. Язычники и кочевники, они имели мало общего с христианской знатью и крестьянами долины Дуная. Но они, как и монголы, представляли собой силу, претендующую на преобладающее влияние в южной Руси. Поэтому Великий хан приказал Бату, внуку Чингисхана, уничтожить их. Это, впрочем, было нелегкой задачей, потому что сначала ему предстояло сокрушить сопротивление русичей в Галиции, где он предполагал встретиться также с войсками поляков и венгров, а затем прорваться через укрепленные перевалы Карпатских гор. Хан, располагавший большими силами, замыслил дерзкий план, согласно которому второе войско монголов направлялось в тыл королевским войскам, располагавшимся на перевалах. Стремительно передвигающаяся монгольская конница должна была пройти через Галицию и Польшу, затем пройти горы к западу от Кракова, прорваться сквозь Моравию, Словакию и Австрию, двигаясь по широкой дуге вдоль подножия гор, и вторгнуться в Венгрию с запада. Как оказалось, этот маневр был излишним – король Бела не смог убедить знать в достаточной степени укрепить перевалы. Татары одержали победу над королевской армией летом 1241 года и преследовали Белу до самого побережья Адриатики[9].

Современники не сохранили воспоминаний, сожалел ли Бела об изгнании Тевтонского ордена с карпатских перевалов. Возможно, что и нет. Бела редко сомневался в своих

---

[7] Русь – это название используют западные историки для обозначения средневековой России с центром в Киеве, власть в которой была распределена среди великих князей, чтобы избежать путаницы с Российским государством, которое возникло в шестнадцатом веке с центром в Москве.

[8] Под «монголами» ученые обычно имеют в виду империю Великого хана со столицей в Монголии, откуда он управлял войнами в Китае, Персии и на Ближнем Востоке. Под «татарами» мы подразумеваем изначально подвластных ему ханов, живших к западу от Туркестана до Казани. Золотой Ордой называют западное татарское государство. Его столица была в Сарае, в нижнем течении Волги, а владения простирались на запад, до самого Крыма. На практике термины «татары» и «монголы» часто являются взаимозаменяемыми.

[9] См.: *Нора Беренд.* У врат христианского мира: евреи, мусульмане и язычники в средневековой Венгрии. *(Nora Berend.* At the Gate of Christendom: Jews, Muslims and «Pagans» in Medieval Hungary. Cambridge: University Press, 2001. С 1000-1300; *Norman Davies.* God's Playground: A History of Poland in two volumes. New York: Columbia, 1982).

способностях и обычно умел перекладывать на других вину за свои поражения. В этом случае ему было удобно обвинить поляков, которые не смогли защитить Галицию. Впрочем, в этом случае он был не совсем неправ.

Когда монголы вторглись в Галицию весной 1241 года, Конрад Мазовецкий возглавил польские войска и выиграл сражение под Сандомиром. Но хотя в этой битве погиб монгольский военачальник, эта победа не оказалась решающей. Поляки, понеся тяжелые потери, дали возможность уйти тысячам вражеских воинов, хотя могли бы истребить их, а некоторые из польских отрядов были полностью уничтожены. В результате польское войско не было настроено на дальнейшую войну, кроме того, многие вассалы исполнили на тот год свои военные обязательства. Второе вторжение, предположительно нового монголо-татарского войска, застало князей Мазовии и Волыни врасплох. У них не было возможности встретить врага в Галиции и даже на границе своих земель. Пясты[10] бросили все силы на защиту своих наследных земель, и монголы прорвались сначала к Кракову, а затем в Силезию. Под Лигницем татарская конница разбила армию герцога Силезии, возможно поддержанную отрядами тевтонских рыцарей, затем татары повернули и прошли сквозь Моравию в Венгрию, где соединилась с победоносной армией, уничтожившей войска короля Белы.

Монгольское вторжение в центральную Европу

Татары недолго пробыли в Центральной Европе. В 1243 году, получив сведения о смерти Великого хана, Бату увел их, ему нужен был каждый воин для поддержки при избрании нового Великого хана. Христиане возвращались из укрытий, чтобы найти свои земли опустошенными, при этом не находя иных следов противника. Монголы пришли и ушли, подобно библейской чуме. Возможно, чтобы вернуться однажды без предупреждения, снова наказывая людей за их грехи. Немногие понимали, что их главным грехом была политическая раздробленность, а те, кто понимал это, не видели путей ее преодолеть.

Русь лежала повергнутая и истощенная. Один лишь Новгород оставался независимым, но и его судьба была неопределенной. Тот, кто видел великолепный фильм Сергея Эйзенштейна «Александр Невский» с прекрасной музыкой Прокофьева, может вспомнить начальную сцену, когда монгольский даруга[11] приезжает в Переяславль за данью и рабами. Александр Невский гордо встает перед азиатским гостем – в действительности же он не раз нес службу в войске хана и в конце концов был убит по его приказу.

Польские земли также жестоко пострадали. Многие годы после монгольского вторжения власть короля оставалась номинальной и никто из некогда могущественных Пястов не мог возглавить нацию. Это не только сделало невозможным защиту Галиции от вторжений кочевников, но и уменьшило способность Мазовии вести войны против прусских язычников. Теперь уже язычники перешли в наступление, уводя польских пленников в рабство.

Для Венгрии последствия монгольского вторжения были еще более значительными. Во время вторжения погибло столько венгерских крестьян, что несколько областей можно было вновь заселить, только привлекая переселенцев из соседних земель. Хотя этническая принадлежность этих крестьян не играла роли в то время, наличие румынских, сербских, словацких и немецких поселенцев на венгерской равнине в будущем вылилось в серьезное препятствие для создания нации.

От сложившейся ситуации более всех выиграл Тевтонский орден. Только у него оставалась возможность получать провиант, надежный источник переселяемых крестьян и торговцев, добровольцев для пополнения воинской силы, чтобы продолжать войну против врагов христианства. Более того, пока орден сражался с пруссами и литовцами, защищая собственные земли, Венгрия и Польша могли не бояться набегов с этой стороны. На многие годы вперед присутствие немецких крестоносцев в Пруссии стало желательным.

---

[10] Польская династия.– *Прим. пер.*

[11] Сборщик дани.– *Прим. пер.*

Конфликт между папой и императором

Противостояние между императором и папой все усугублялось вплоть до смерти императора в 1250 году. Главной жертвой этого конфликта стала Священная Римская империя, которая была расколота и осталась без единого вождя на пятьдесят лет, а ослабленной – навсегда. В эти годы внутри ордена велась жесткая полемика: кому – папе или императору – отдать свою лояльность, но в итоге орден сумел сохранить статус политической силы, не примкнувшей окончательно ни к одной из сторон. До конца XIII века Великие магистры ордена оставались близкими друзьями и союзниками папы, в следующем веке они склонялись к императору, но в эти десятилетия и лагерь императора, и лагерь папы были представлены слабыми личностями. В эти годы Римская церковь потеряла значительную часть своей власти и репутации, в то время как Священная Римская империя восстановила свои силы при правлении Карла IV. История ордена отражает эти процессы. Если в XIII веке главный интерес ордена был в защите Святой земли, то в следующем веке это уже было ведение войны в Пруссии.

Тем временем немецкая и богемская знать и рыцарство стали основными источниками сил ордена: от них он получал пожертвования и людей поколение за поколением. Их дары – госпитали, церкви и поместья – не только приносили ордену значительные доходы, но и поставляли в его ряды рыцарей, капелланов и воинов, а также добровольцев для военных походов.

Глава пятая
Война с язычеством в Пруссии

Языческая Пруссия

Хотя культура племен, обитавших западнее Кульма, испытала воздействие польской, тем не менее Пруссия никогда не была частью или вассалом королевства Польского. Пожалуй, только у датчан были некоторые, хотя и очень слабые, основания для притязаний на прусские земли. В начале XIII века Вальдемар II пытался придать весомость этим притязаниям, послав экспедицию в Самландию (Самбию) – этот выступающий полуостров, ограниченный заливами Фришес-Хафф («Свежей воды») и Куришес-Хафф (Куршским) и другими прибрежными провинциями. Однако Вальдемар был захвачен в плен Генрихом Шверингским в 1223 году, что и положило быстрый конец надеждам датчан.

Князь Конрад Мазовецкий притязал на южные пограничные земли Пруссии, потому что он был их ближайшим соседом-католиком. Он опасался только князя Свентопелка (Святополка) из Помереллии (1212-1266), чьи земли лежали на западном берегу Вислы. Таким образом, именно Конрад и Святополк, по географическому расположению своих владений, должны были возобновить польские крестовые походы, которые в середине XII века не достигли своей цели – завоевать и обратить в христианство пруссов. Хотя Конрад пытался продвинуться вниз по восточному берегу Вислы, он существенно так и не преуспел в этом, ему удавалось лишь ненадолго занимать Кульм. Земли Кульма, подобно владениям самого князя, лежавшим вверх по течению,– Плоцк и Добрин (Добжин), вынесли так много войн, что совсем обезлюдели.

Пруссы в этническом и языковом отношении отличались от поляков, скандинавов и русичей. Они не были ни германцами, ни славянами. Подобно своим соседям на востоке – литовцам и некоторым племенам из Ливонии,– они были балтами, потомками индоевропейцев, которые не мигрировали дальше в течение великого переселения народов и сохранили свой собственный язык и обычаи, мало изменившиеся в течение столетий.

Прусский язык был частью языковой группы, в которую входят литовский и латышский, а также некоторые языки маленьких народов, таких как ятвинги (йотвинги, ятвяги) и семгалийцы (земгаллы). Эта языковая группа когда-то занимала территорию от Москвы до Балтийского

моря, но под натиском славянских пришельцев уменьшилась во много раз. Современные исследования языка, делающие упор на исконных словах, сохранившихся, несмотря на многовековое влияние более крупных языковых семей, многое рассказывают о носителях дохристианской культуры. Слова, связанные с тремя важнейшими видами экономической деятельности – пчелами, лошадьми и повозками,– показывают, что прибалтийская культура вовсе не была примитивной, хотя, бесспорно, недостаточная плотность населения ограничивала способность пруссов развивать и специализировать свой потенциал производства материальных ценностей. Но изучение других областей деятельности показывает также, что пруссы отставали от соседних народов в экономическом и политическом развитии. Практически отсутствовали феодальные общественные институты, поэтому у пруссов было мало возможностей для объединения, столь необходимого для эффективной защиты нации, для развития сельского хозяйства и торговли и для того, чтобы найти свое место в общеевропейской культуре.

Земли пруссов простирались вдоль балтийского побережья от реки Неман (Мемель) на северо-востоке до Вислы на юго-западе и граничили с Литвой, русской Волынью, Мазовией и Помереллией. Это означало, что их соседи разговаривали на четырех совершенно различных языках. Сама Пруссия делилась на одиннадцать областей, каждая из которых представляла территорию крупного племени: Кульм, Помезания, Погезания, Вармия, Натангия, Самбия, Надровия, Скаловия, Судавия, Галимбия и Бартия. Согласно сведениям летописца XIV века Петера из Дусбурга, одного из самых осведомленных писателей ордена, наиболее сильными племенами были самландцы, которые могли выставить четыре тысячи человек конницы и сорок тысяч пехоты, и судавийцы – шесть тысяч конницы и «почти бесчисленное множество других воинов» соответственно. По его подсчетам, каждое из остальных племен также могло собрать около двух тысяч всадников и соответственное количество пехотинцев, за исключением племен Кульма и Галимбии, население которых было крайне малочисленно, особенно Галимбии – внутренней области, которую обычно описывали как дикую пущу. Это была сильно пересеченная, заросшая лесами местность, с огромным количеством озер и рек, которую старались обойти любые войска. По современным оценкам, общее население пруссов было порядка ста семидесяти тысяч – это намного меньше, чем упоминал Петер фон Дусбург. Менее многочисленные, чем их литовские и ливонские соседи, пруссы более густо селились на своих землях и были лучше организованы. У них были многочисленные укрепления, служившие убежищами в военное время, и, хотя эти укрепления нельзя сравнивать с лучшими западными замками, они вполне отвечали своему назначению.

Петер фон Дусбург описывал прусские верования так:

> «Пруссы не знали Господа нашего. Они были неразвиты и не понимали Его по рассказам. Они не знали букв и поэтому не могли познать Его из Писаний. Они были неописуемо примитивны и поражались, когда кто-то сообщал кому-нибудь свои

мысли письмом. Так как они не знали Бога, они ошибочно принимали за богов все творения – солнце, луну и звезды, гром, птиц и даже животных и грибы. У них были священные леса, поля и источники, в которых никому не позволялось рубить деревья, пахать или ловить рыбу. В центре земель этого извращенного народа, очевидно в Надровии, есть место, называемое Ромов, своим именем обязанное Риму, и там жил человек по имени Криве, которого они чтили, словно папу. Ибо как папа правит всеми верными Церкви, так и он правил не только собственным народом, но и литовцами, и многими народами Ливонии. Такова была его власть, что не только его или кого-либо его крови, но даже посланцев его с посохом или иным знаком, что проходили по землям неверных, чтили даже прочие правители, и знать, и простые люди. Этот Криве, как пишут в старых летописях, охранял вечный огонь. Пруссы верили в жизнь после смерти, но не так, как следует верить. Они верили, что человек, будь он в жизни благородного или простого происхождения, богатый или бедный, могущественный или слабый, остается таким же после воскресения в будущей жизни. Поэтому знатные люди, умирая, забирали с собой свое оружие, лошадей, слуг и жен, одежды, охотничьих собак и ястребов и все остальное, что полагается воину. С простыми людьми сжигали их инструменты, служившие им при жизни. Пруссы верили, что сожженные вещи воскреснут вместе с ними и они смогут ими пользоваться. После каждой смерти происходила следующая дьявольская потеха: родственники умершего приходили к папе Криве и спрашивали, не видел ли он в такой-то день или ночь кого-нибудь, проходящего мимо его дома; Криве без колебаний описывал внешность умершего, его одежды и оружие, коня и свиту и добавлял, как будто желая усилить свои слова, что умерший оставил на его доме знак копьем или чем иным. Одержав победу, пруссы приносили дары своим богам, а треть военной добычи отдавали Криве, который сжигал ее».[12]

Хотя Петер фон Дусбург увлечен мыслью о языческом папе (он называет его антипапа), однако другие источники ясно показывают, что религия пруссов вовсе не была зеркальным отражением христианства и что язычники не поклонялись темному богу – Сатане и его присным. Языческие верования, скорее всего, были результатом развития почитания природы у индоевропейцев, знакомое нам из греческой, римской, кельтской и германской мифологий. В прусских верованиях присутствует заметный элемент скандинавских религиозных культов, что, видимо, вызвано многовековым влиянием викингов на эти земли. Можно также отметить и христианские мотивы, которые проникли из католической Европы и православной Руси. Западные миссионеры начали появляться в Пруссии с X века, хотя сумели обратить в христианство немногих.

Обычаи пруссов напоминали обычаи их прибалтийских соседей – ливонских и литовских племен. Правящим классом были знатные воины, которые жили военной добычей, охотой и тем, что производили их рабы. Свободные люди жили охотой и земледелием, что давало им опыт во владении оружием и ощущение границ племенной территории. Существовали немногочисленные жрецы, ремесленники и купцы, а также рабы, занимавшиеся земледелием. Родовые общины организовывали общественную жизнь, собирали войска и следили за правосудием. Таким образом, положение человека в обществе определялось в основном его происхождением.

В течение долгого времени пруссы были известны своим дружелюбием и гостеприимством, но нападения скандинавов и поляков изменили их. Подобным образом

---

[12] Немало ученых тратили чернила, пытаясь описать природу прусского язычества. Мнения современных ученых об этой проблеме колеблются от утверждений Марии Гимбутас и Алгирдаса Гремаса, которым видится целый пантеон богов и духов, до высказываний Андре Бойтара, утверждающего, что и божества, и большая часть прибалтийского фольклора относятся к XIX веку, подобно модному в настоящее время неоязычеству и культу богини. Самое старое описание языческих обрядов было собрано в самобытном сборнике первоисточников Вильгельмом Маннхардтом. *(Marija Gimbutas.* The Balts. London: Thames amp; Hudson, 1963; *Algirdas Greimas.* Of Gods and Men: Studies in Lithuanian Mythology. Indiana: University Press, 1992; *Endre Bojtar*. Foreword to the Past: A Cultural History of the Baltic People. Budapest: Central European University Press, 2000; *Wilhelm Mannhardt.* Letto-Prussische Goetterlehre. Lettisch-Literarische Gesellschaft. Riga, 1863).

простое почитание природы, которое было в прошлом, эволюционировало в нечто сходное с христианством, с упором на почитании личности отдельных богов, таких как Перкунас, который обладал некоторыми качествами бога войны.

В отличие от курляндцев и эстонцев пруссы, кажется, не занимались пиратством. Они постепенно увеличивали границы своей территории в западном направлении, в сторону бассейна Вислы, хотя эта местность была значительно опустошена набегами викингов еще до их появления. Почти нет свидетельств, что в это время совершались набеги пруссов на соседей за скотом или рабами, хотя это было в порядке вещей в Ливонии и Литве; с другой стороны, почти нет свидетельств о политической активности или войнах в эти годы[13].

Судавийцы, безусловно, были воинственны, но их земли граничили с литовскими, а этот народ был еще более воинственным, так что, возможно, судавийцам пришлось научиться военному искусству, хотя бы для того, чтобы защитить себя. Военная ситуация в этой области значительно отличалась от ситуации в других областях Пруссии. В то же время воинственность племен Кульма и Погезании могла быть вызвана одним только военным натиском со стороны Польши и Помереллии.

Раздробленность Пруссии

Клан правил сурово и дальновидно, а общественное положение человека и его сила были, наверное, более важны для того, чтобы поддерживать «справедливость», чем рассмотрение жалоб. В этом смысле прусская система правосудия была столь же несовершенной, как у поляков или немцев. У них система правосудия в то время основывалась на личной силе и поддержке родственников и зависимых людей. Кланы защищали своих людей от несправедливости, угрожая отомстить их врагам. Если клан терял своего человека в бою, его родственники должны были убить того, от чьей руки он погиб, или, что более вероятно, кого-нибудь из его родни. За меньшее преступление требовалась компенсация. Совет племени отвечал за решение споров, и, так как он состоял из старейшин кланов, его решения обычно признавались. Совет встречался регулярно, чтобы обсудить вопросы правосудия, совместных действий и проведения религиозных праздников. Он располагал определенной властью, чтобы призывать к порядку непослушные кланы, но, по-видимому, применялась она нечасто.

Нравы пруссов были столь же странными для тех, кто писал о них, как и христианские обычаи – для пруссов. Выпивка была таким же национальным развлечением, как и у соседей – славян, скандинавов и германцев. Пиршествами отмечались свадьбы, похороны, рождение детей, религиозные праздники и встречи почитаемых гостей. Хозяин передавал чашу с хмельным питьем по кругу гостям, женщинам, сыновьям и дочерям и даже слугам, пока все не напивались допьяна. Этим подчеркивалось обоюдное доверие и дружба. Из алкогольных напитков пруссы знали только медовуху, изготовляемую из меда, и кумыс, который делали из молока кобылиц. Так как девочек часто убивали вскоре после рождения, женщин у пруссов было мало, и отцы могли запрашивать за своих дочерей большой выкуп. Тем не менее практиковалась полигамия, и знатному человеку полагалось иметь несколько жен и наложниц. Из этого возникала потребность набегов на соседние земли за пленницами. Такое сочетание покупки невест и охоты за пленницами, вероятно, снижало статус женщин в прусском обществе. С другой стороны, это могло и повышать роль жен из родного племени. Существуют

[13] Едва ли об этом можно что-нибудь утверждать определенно. Однако националисты всех мастей редко колеблются, настаивая на своей правоте, во что бы они ни верили. Они не сомневаются, что для их убежденности имеется достаточно оснований. А до какой степени основательны их заявления, то кому не знать, как специалистам по малоизвестным языкам этой местности, прошлым и нынешним. Существуют многочисленные источники более позднего времени, когда поляки, немцы и папские легаты обменивались письмами, докладами и договорами, а летописцы составляли поразительные хроники. В XIX веке хорошо подготовленные историки начали составлять грамотные описания той эпохи и публиковать подготовленные к печати сборники первоисточников. Увы, некоторые из этих политизированных трудов по истории были не более чем полемическими публикациями, но в конце XX века ученые начали преодолевать некоторые из наиболее очевидных политических предубеждений, по крайней мере начав признавать альтернативные толкования событий.

свидетельства о том, что иногда женщины играли важную роль во всех слоях общества, но об этом не говорилось открыто.

Местные ярмарки вряд ли можно было назвать торговыми центрами или даже маленькими городками, но все же пруссы не были полностью изолированы от остального мира. Они располагали очень ценным природным богатством – у них был янтарь. Известный еще в Древнем Риме, Вавилоне и Египте, гладкий и блестящий, он был желанным товаром для купцов с незапамятных времен. Эта окаменелая смола хвойных деревьев в любой форме, обработанная или нет, служила материалом для украшений. Кусочки дерева или насекомые, заключенные в ней, делали янтарь даже более привлекательным, чем обычные драгоценные камни. Кроме того, янтарь находят лишь в нескольких местах в мире, но ни одна из его разновидностей не может сравниться с балтийской по своему качеству. Таким образом, за прусским янтарем сохранялась слава редкого, таинственного и дорогого товара.

О жизни пруссов сохранилось множество любопытных историй. Знатные люди регулярно мылись в специальных строениях, чем-то похожих на сауны, в то время как простолюдины совершенно избегали мытья. Одни пруссы считали, что белые лошади приносят несчастье, другие приписывали такую особенность черным лошадям. У пруссов не было календаря: всякий раз, когда им нужно было созвать собрание, они рассылали палки с зарубками по числу дней, оставшихся до собрания. Германцы отмечали, что у пруссов в обиходе отсутствуют специи и мягкие постели. Жилища пруссов были рассеяны в лесах, окруженные полями, но всегда невдалеке от убежища – бревенчатого укрепления. Эти люди существовали в условиях примитивной цивилизации, но их нельзя причислять к тем, кого, вслед за Ж. Руссо, называют «благородными дикарями». Простая и воинственная природа этих людей наряду с непроходимыми лесами и болотами, где они обитали, позволили им сохранять независимость и своеобразные обычаи еще долгое время после того, как их польские и русские соседи приняли христианство и основали великие королевства.

Размер территории, заселенный пруссами, ограничивался главным образом тем, насколько клан мог обеспечить защиту своих людей. Главные крепости были центрами хозяйственной деятельности племен и самыми надежными убежищами в случае нужды. Меньшие крепости отдельных кланов были способны защитить людей от незначительных набегов, но могли и быстро пасть под натиском крупного нападающего войска, вот отчего в минуты серьезной опасности люди оставляли эти небольшие укрепления и спешили в потайные укрытия в лесах. Конечно, бросать дома, урожай и скот было в высшей степени нежелательно. Если крепость клана была слишком далеко от остальных кланов, чтобы быстро получить помощь, клан мог при необходимости отказаться от нее или перейти в безопасное место; если же клан становился достаточно многочисленным, чтобы не нуждаться в поддержке, он мог превратиться в новое племя. Кажется, не существовало каких-либо предписаний для заключения брака внутри или за пределами групп, а также для исполнения каких-нибудь функций, помимо военных и религиозных. Отдельные знатные люди клана и его старейшины, по-видимому, не были связаны с какой-то особой ответственностью за клан.

Военные обычаи пруссов

Независимость действий была настолько характерна для этого народа, что путешественник раннего Средневековья Ибрагим ибн Якуб отмечал, что в бою прусский воин не ждет помощи от своих товарищей, но бросается в битву, размахивая мечом, пока враги его не повергнут. Это бесстрашное поведение, сходное с поведением берсерка, было, по-видимому, свойственно лишь представителям знати. Существуют многочисленные свидетельства, что простой прусский воин, сталкиваясь с превосходящим противником, ускользал в лес, покидая своих соратников, чтобы самому как-нибудь спастись и уцелеть для битвы на следующий день.

Вооружение обычного воина было крайне бедным, так что можно считать, что он был практически безоружным. Дубины и камни, которыми были вооружены простые ополченцы, были хороши для засад и при обороне укреплений, но не давали воину достаточной уверенности, чтобы участвовать в ожесточенной схватке с врагом, у которого был и конь, и доспехи, и меч. Такой бой был уделом знатного воина из легкой конницы, который располагал

мечом, копьем и был защищен шлемом и кольчугой. Его вооружение было немного легче, чем снаряжение западных рыцарей, и лучше подходило для болотистых, лесистых низин и заросших густым лесом холмов их родных земель. Скорее всего, прусская знать не стала бы пользоваться западным вооружением, даже если им было бы легче его добывать.

Знатные пруссы были во многих отношениях похожи на знатных людей в других краях. Они жили охотой и войной, а также трудами своих рабов. Женщины и дети, захваченные ими в набегах, становились домашними слугами и наложницами, но часто их также продавали на местных рынках рабов. Существуют свидетельства торгового пути на юг через Польшу, и неудивительно, если многих пленников продавали на рынках, расположенных на традиционном пути работорговли, идущем через Русь на Восток и в Византию. Хотя век расцвета этого восточного пути остался в прошлом, да и частые вторжения кочевников прерывали эту деятельность, она была по-прежнему прибыльна. От мужчины, захваченного во время набегов, было мало пользы, был ли он пленником или рабом, если его не продать незамедлительно, потому что он слишком легко мог убежать во время сельскохозяйственных работ на маленьких делянках, расчищенных в лесу. Дети ценились еще меньше, потому что их было слишком дорого растить, пока они смогут работать на полях. Для несложного ухода за посевами и для сбора съедобных ягод и грибов в лесах женщины были более подходящими во всех отношениях.

Знатные люди в Пруссии не работали, при этом их право на собственность базировалось на традициях, которые проводили грань между ними и простолюдинами. Знатные люди в Германии и Польше также не работали, но они и не жили на доходы от труда рабов или на прибыль от продажи пленных, захваченных на войне. Именно традиция захвата рабов и своеобразная концепция чести, которые лежали в основе благополучия социально-религиозной системы пруссов, приводились христианами Польши и Помереллии в качестве главных причин войны с язычниками. Циничный современный наблюдатель может говорить, что гораздо более важным было желание христианских вождей увеличить свои владения. Неважно. В любом случае дело выглядит так, что религия сама по себе не была самой значительной причиной войны между христианами и язычниками в бассейне Вислы. Конечно, потом религиозные вопросы стали важными для обеих сторон. Естественно, однажды спровоцированные на войну пруссы уже не соглашались мирно оставаться дома, к тому же развитие их обычаев вынуждало пруссов продолжать свои набеги на соседей-христиан уже и после того, как прежние обиды были отомщены. Ясно, что именно это агрессивное поведение, вне зависимости от того, чем оно было вызвано – простой жаждой войны или вторжениями поляков, втянуло в войну с пруссами не только поляков и померелльцев, но и немцев из далекой Священной Римской империи.

Попытки приобщить пруссов к христианству

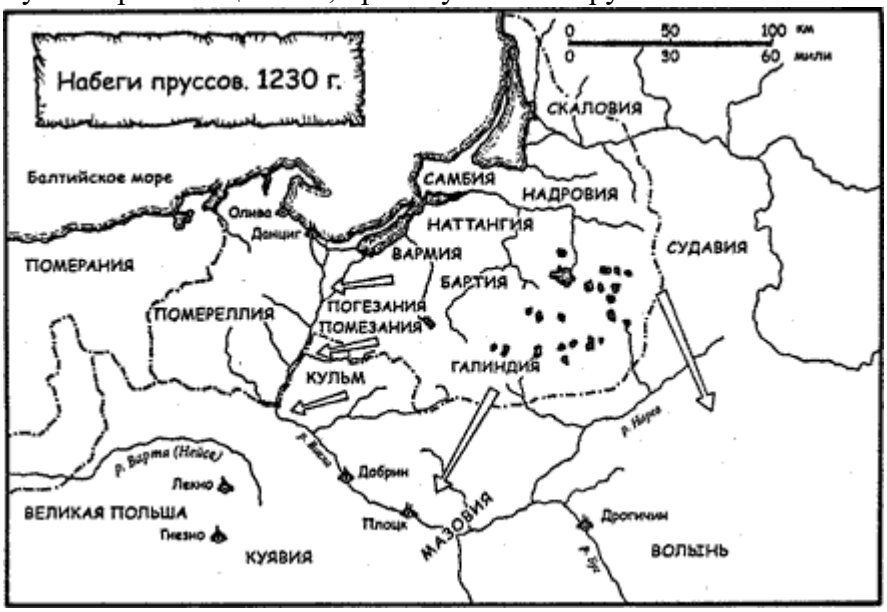
Говорить о прусской независимости или свободе – значит четко видеть отличия между прусскими воинами XIII века и либералами XIX века, которые прославляли первых за сопротивление иноземным захватчикам. Такая постановка вопроса ошибочна, потому что у христиан не было выбора, кроме как защищать себя, ведь невозможно было существовать рядом с такой варварской системой. Более того, современная концепция национализма не соотносится со средневековой концепцией этнической идентификации. Тем не менее эта проблема все еще иногда обсуждается, часто в контексте проблем империализма и неоимпериализма, причем западные нации почти всегда считаются неправыми[14].

[14] Современные историки порой отождествляют тевтонских рыцарей с передовым отрядом средневекового «дранг нах остен», их деятельность сопоставляют с планами империалистической германской экспансии, а также с деятельностью нацистов. В период Холодной войны всему Западу приписывалась открытая враждебность к славянам. В действительности эта важная для Средневековья миграция более связана с мирным переселением немецких рыцарей и крестьян, приглашенных в восточные земли (как в легенде о Гаммельнском крысолове). На территории всей Европы и землевладельцы, и духовенство осваивали леса и болота для земледелия и скотоводства, польские крестьяне и мелкие землевладельцы двигались на восток, еврейские и немецкие ремесленники и купцы основывали города.

В XIII веке также, должно быть, существовали философы, которые обсуждали те же вопросы, что волнуют нас сегодня. Без сомнения, такие споры велись и между старейшинами и жрецами прусских кланов с христианскими диалектиками, когда миссионеры пытались крестить эти племена. С одной стороны – похвалы традиционным ценностям и свободе выбора, воинской доблести и свободе от налогов, с другой – порицание суеверий, невежества и варварских обычаев. Христианские церковники, которые ценили свободу мысли и духа, делали все возможное, чтобы убедить этих простых, но проницательных земледельцев, что путь цивилизации и спасения предпочтительнее древних воинственных обычаев, но не преуспели в этом. Их попытки сталкивались с многими препятствиями – их собственные предрассудки, то, что они несли идеи, применимые к рабству, то, что структура феодального устройства власти отвращала местную знать, видевшую в миссионерах предшественников иноземных правителей, наконец, они просто-напросто плохо говорили на прусском языке. Но живучесть прусского язычества основывалась не только на неудаче миссионеров, в корне ее лежала процветающая военная культура.

Военные успехи вызвали появление в рядах знати жестоких и честолюбивых людей, которые обогащались от набегов за рабами в христианские земли. Столкнувшись с мирными миссионерами, они не прекратили своих нападений и временами убивали этих храбрых пришельцев. Для того чтобы прусская знать приняла христианство, ее надо было убедить в том, что бог войны не на их стороне. Лишь после этого миссионеры постепенно могли бы претворять в жизнь изменения, которые сломили бы традиции, питающие языческую философию.

Пруссы отнюдь не всегда пользовались полной независимостью. Каждое их поколение было вынуждено защищать свою свободу и образ жизни. Викинги были самыми удачливыми в подчинении Пруссии, а приходили и уходили они так часто, что пруссы начали воспринимать всех чужеземцев врагами. Первые миссионеры, пришедшие в эти земли, Адальберт Пражский (997) и Бруно Кверфуртский (1009), приняли здесь мученическую смерть. Враждебное отношение пруссов к христианам, выразившееся в их набегах, заставило польского короля Болеслава III (1146-1173) возглавить крестовые походы на прусские земли[15]. Архиепископы Гнезно поддерживали культ святого Венцеслава, изображая на вратах своих кафедральных соборов мученическую смерть Венцеслава, принятую им от пруссов.



И когда во время вендского крестового похода жители окрестностей Мекленбурга и в Померании были обращены в христианство, лишь пруссы и племена, жившие к востоку и северо-востоку, сохраняли верность старой религии. Но даже и в этих краях христианству

---

[15] Войны поляков с пруссами завершились в 1166 году разгромом польского войска. Теперь уже поляки страдали от прусских набегов.– *Прим. ред.*

удалось достичь значительных успехов – между 1194 и 1206 годами многие обитатели Кульма были обращены в христианство, одних убеждением, других – подкупом, третьих – грубой силой. Поляки становились все сильнее и подбирались все ближе. Кое-кто из пруссов-язычников уже понимал, что их время уходит.

В 1206 году аббат польского цистерцианского монастыря в Лекно отправился в Пруссию для переговоров об освобождении некоторых пленников, захваченных в недавних набегах. К своему удивлению, он встретил дружелюбный прием, настолько дружелюбный, что поверил, что сможет обратить многих язычников в свою веру, если останется там надолго. Он написал Папе Иннокентию III, прося разрешения вести там миссионерскую деятельность с помощью других цистерцианских монастырей в Польше. Папа ответил следующим посланием:

> «Приветствуя его набожную просьбу, мы даем разрешение ему проповедовать Евангелие и действовать как посланнику Божьему, взывая к Господу, дабы обратить народ сей ко Христу. Но урожай сей велик будет, и мало будет одного работника. Посему апостольской властью мы позволяем ему взять с собой братьев из цистерцианского ордена и прочих, что пожелают присоединиться к нему в служении его, проповедовать Евангелие и крестить тех, кто примет слово Божие…»

Усердие аббата было еще более подогрето известиями, принесенными из Ливонии монахами, которые встречались там с Теодориком, цистерцианским монахом, обеспечившим успех миссии, организованной епископом Риги. Если уж Теодорик и его братья-монахи смогли обратить язычников в Ливонии и Эстонии, то почему он не может свершить то же и в Пруссии?

Но мирное обращение осложнялось периодическими попытками польских королей и князей расширить пределы своих владений. Хотя их продвижение на восток бывало успешным, в Пруссии оно лишь сводило на нет достижения миссионеров и вызывало месть язычников. Но сокрушаться о своих прошлых ошибках было не в духе христианских правителей. Поскольку Пясты, особенно Конрад Мазовецкий, и их епископы и аббаты знали о том, что их подданных угоняли и продавали на рынках торговцам рабами из мусульманских и православных земель, то они просто обязаны были действовать. Не в силах одни защитить свои границы, они обратились за помощью к рыцарским орденам[16]. Среди тех, кто был готов выслушать их просьбу, был и Тевтонский орден.

Тевтонские рыцари вступают в Пруссию

Конрад фон Ландсберг, уроженец Мейсена, расположенного неподалеку от Пруссии, был хорошо знаком с обычаями Польши и с ее географией. Он командовал небольшим отрядом, который первым вступил в Пруссию. Эта крошечная армия вошла в Пруссию с намерением основать опорный пункт на землях, обещанных князем Конрадом

Мазовецким и епископом Кристианом. Великий магистр Герман фон Зальца нуждался в каждом рыцаре и каждом воине для крестового похода Фридриха II, но он понимал, что не сможет оставить без внимания приглашение в Пруссию. Он знал, что его соперники – Добринский (Добжинский) орден, тамплиеры и госпитальеры – также могут начать экспансию в этом направлении, он понимал и то, что Конрад может переменить свои намерения. У средневековых владык, как и у нынешних, короткая память, и они часто меняют свои решения, не предупреждая и не объясняя причин.

По всей вероятности, Конрад фон Ландсберг привел эту горстку рыцарей из монастырей центральной Германии, возможно, он взял только новых братьев и воинов, которые были слишком больны или изранены, чтобы присоединиться к Великому магистру, когда флот крестоносцев отплыл в Святую землю. В этом отряде было всего семь рыцарей, которых

---

16 Конрад создал свой военный орден – Добринское братство,– который он надеялся полностью контролировать. Но этот орден был позднее полностью истреблен во время войны на Волыни. Тамплиеры и госпитальеры также получали владения в Помереллии и Польше, но их вклад в позднейшую военную экспансию был слишком мал, чтобы иметь значение.

сопровождало от семидесяти до ста оруженосцев и сержантов, и, конечно же, слуги, чтобы печь хлеб, варить пиво, стирать одежду, содержать в порядке коней и снаряжение. Так как отряд представлял монашеский орден, а также госпиталь, в составе отряда были священники и лекари. Все эти мужчины присутствовали на восьми религиозных службах каждый день, это было их главным делом и занимало основную массу их времени. Они были хорошо вооружены, хорошо оснащены и очень хорошо подготовлены, но никто из них не был «сверхчеловеком». Внешне они были обычными рыцарями, в душе же – истово верующими монахами. Конрад фон Ландсберг не отважился войти прямо в Кульм – стратегически важную излучину Вислы – и остановился на южном берегу в Мазовии, где князь Конрад построил маленький замок на холме напротив будущего месторасположения Торна (Торунь). Немецкие крестоносцы назвали его с мрачной иронией – Фогельзанг (птичья песня – *нем.*). Летописец Николас фон Иерошин объяснял это название так: «Там стонали во множестве раненые люди, а вовсе не ночные птички, и их стенания напоминали ту песню, что поет лебедь перед тем, как умереть от руки охотника».

Маленький отряд тевтонских рыцарей не смог бы выстоять против пруссов, но эти земли почти обезлюдели из-за прежних польских вторжений, к тому же некоторые местные жители уже приняли христианство и были связаны клятвами с князем Конрадом и епископом Кристианом. Таким образом, число язычников в Кульме было невелико, а те, что оставались, не видели в прибывшем отряде серьезную угрозу. Это было их ошибкой. Как только фон Ландсберг закончил строительство замка-монастыря, он направил своих рыцарей за Вислу, чтобы убивать язычников, жечь деревни и уничтожать посевы. Он соглашался на перемирие лишь при условии принятия теми христианства.

Вильям Моденский

В это время в Пруссии находился легат папы, епископ Вильям Моденский. Итальянский прелат был хорошо знаком с обстановкой в Прибалтике, уже побывав ранее в Ливонии и Эстонии. Он только что прибыл из Дании, где обсуждал с королем Вальдемаром II неудачи ливонского крестового похода. Из Ливонии он отплыл в Пруссию, где и пребывал с поздней осени 1228 года (или ранней весны 1229 года) примерно до января 1230 года, когда понял, что ему нужно отправляться в Италию и посоветоваться с Германом фон Зальца.

Сведений о деятельности легата очень мало. Он перевел учебник по грамматике на прусский язык, так что местные жители могли учиться читать, и обратил в христианство нескольких человек, очевидно из Помезании и Погезании – земель к северу от Кульма. Весьма вероятно, что новообращенные христиане, упомянутые в папских буллах 1231 и 1232 гг., в которых тевтонским рыцарям запрещалось тревожить их, это пруссы, а не крестоносцы в Ливонии, как в основном считают современные историки. Вильям Моденский был всегда очень озабочен благосостоянием новообращенных. Он опасался, что дурное обращение может привести их к уверенности в том, что христиане лицемеры и тираны, а ведь христианство должно умножать справедливость, мир, чистоту в добавление к выгодам духовного единения и бессмертной жизни.

Вильям Моденский собирался энергично согласовывать крестовые походы местных властителей, которые тратили больше сил и времени на склоки между собой, чем на ведение священной войны. В январе 1230 года на свет появился документ, подписанный князем Конрадом и епископом Кристианом. Этот документ был сохранен орденом (или восстановлен, или сфальсифицирован) и чрезвычайно запутал дело, так что сложно понять, что же было обещано тевтонским рыцарям и когда эти обещания были сделаны. Пришедшие затем поколения не могли обратиться к умершим за личными свидетельствами и, полагаясь на свои чувства, выносили суждения в соответствии с текущими политическими интересам, пренебрегая поисками истины.

Какого бы успеха ни добился Вильям из Модены, вскоре этот успех был сведен на нет из-за того, что он не сумел отбить у тевтонских рыцарей охоту нападать на поселения в Кульме. До этого времени рыцари пересекали Вислу, отправляясь в набеги, но не пытались закрепиться там. Это был период в буквальном смысле разведки боем – узнавания земель и людей. Горстка

рыцарей и сержантов изучали язык, обычаи и военную тактику своих противников, готовясь ко дню, когда прибудут подкрепления.

Герман Бальке

В 1230 году подкрепления под командованием магистра Германа Бальке прибыли в Фогельзанг. Талантливый воин, немало лет руководивший крестовыми походами в Пруссию и Ливонию, Бальке был рассудительным человеком, уступчивым во многих отношениях, за исключением одного – когда он имел дело с язычниками или неверующим, у него не находилось для них ни терпимости, ни снисходительности, ни милосердия. А вот среди всех христиан – немцев, поляков, пруссов – он пользовался уважением и доверием. Обычаи и традиции, установленные им в это время в ордене, сохранялись в основе своей до конца века, включая печать магистра с изображением бегства Святого семейства в Египет. Символизируя, вероятно, высокий пост, занимаемый Бальке, печать несла его имя. Печати, которыми пользовались все остальные магистры ордена, были безымянными.

Герман фон Зальца смог отправить новый отряд рыцарей, потому что он был наконец свободен от своих особых обязательств в Святой земле. И хотя у него в Палестине теперь было больше обязанностей, чем перед походом Фридриха II, в условиях перемирия Палестинскому дому ордена не требовалось обычного числа воинов. Если же поток добровольцев в орден не иссякнет, рассуждал фон Зальца, он сможет отправлять в Пруссию новые войска каждый год, не ослабляя гарнизон в Акре. А еще сохранялся шанс, что орден сможет вернуться в Венгрию и это уменьшит необходимость его присутствия в Пруссии (папа Григорий IX писал королю венгерскому Беле, прося его вернуть ордену конфискованные земли). Но Герман фон Зальца был реалистом. Он не ожидал, что орден получит обратно земли в Трансильвании, но и не забывал, что пути Господа неисповедимы – короли меняют свои решения, неожиданно попадают в затруднительное положение, наконец, короли умирают. Герман фон Зальца был готов вернуться в Венгрию, если Господь снова повернет обстоятельства в его пользу.

Другое дело Пруссия, которая будоражила кровь своими возможностями и трудностями. Но чтобы дождаться там первых результатов, рыцари должны были положить немало трудов, и это заняло бы немало времени. Великий магистр не мог посылать туда больше рыцарей, пока не будут построены замки, чтобы укрыть и расположить их, и не будут созданы запасы для их пропитания. Ведь забота рачительного администратора – посылать именно нужное количество людей в нужное время. Герману фон Зальца удавалось извлекать максимальную пользу из скудных ресурсов, которыми он располагал для действий ордена, где бы то ни было – в Святой земле, в Армении, в Италии или в Германии. Но Пруссия была последней в этом списке.

Бальке в первую очередь взялся за разрешение проблемы, уже два года беспокоившей руководство ордена. Нужно было уточнить условия, на которых князь Конрад наделил рыцарей землями. Кульм был занят противником, и магистру рыцарей в Пруссии приходилось изыскивать собственные источники для ведения кампаний по усмирению язычников. Это можно было понять. Но он, конечно, не мог согласиться, что после того, как Кульм будет завоеван, он перейдет в руки епископу Кристиану и князю Конраду. Короче говоря, для чего тогда тевтонским рыцарям оставаться там и защищать эти земли от пруссов-язычников? Бальке отправился к епископу и князю и поведал им о событиях в Венгрии. Да, заявил он, орден прислал войско и готов защищать князя и епископа, их земли и их подданных, но за это тем придется платить. Он потребовал (конечно, вежливо и, без сомнения, жестко) для ордена независимости большей, чем пожалованная императором в Золотой булле в Римини в 1226 году, и не соглашался на условия, которые предлагали князь и епископ. Условия, которых он добился, до сих пор являются предметом споров между немецкими и польскими историками, но, как бы то ни было, пожалования были достаточными и удовлетворили Великого магистра и Великий капитул, которые не раз обсуждали этот вопрос.

Довольно скоро армия крестоносцев, состоявшая из немцев, поляков, померельцев и местного ополчения, опустошила районы западной Пруссии. А летом 1233 года около десяти тысяч человек приняли христианство, быть может воодушевленные возможностью увидеть частицу истинного креста Господня. Они построили крепость у Мариенвердера, в центре

Помезании на притоке Вислы, примерно на полпути между Торном и морем. Зимой этого же года для совместного вторжения в Погезанию к крестоносцам присоединились князь Свентополк и князь Самбор из Помереллии. Когда язычники выстроили войско, чтобы дать крестоносцам бой на льду реки Сиргуны, появление в тылу померелльской конницы обратило их в бегство, перешедшее в бойню.

В большой наступательной кампании 1236-1237 годов большую роль сыграл граф Мейсенский. Сначала он построил большие парусные суда, затем разбил и потопил ладьи язычников, вышедшие ему навстречу, и, наконец, отправил своих воинов вниз по течению, чтобы ударить на врага с тыла. Погезанское ополчение вышло на битву, но бежало, заслышав звуки труб войска графа (в своем тылу, как им показалось). Ясно, что пруссы не хотели противостоять тяжелой кавалерии, тяжелым арбалетным болтам и дисциплинированной пехоте. Если бой шел на западный манер, то пруссов просто сметало с поля боя. В лесах и болотах язычников тяжело было даже отыскать, особенно летом. Но зимой – в сезон войны, по которой крестоносцы стали специалистами, им легче было найти язычников в их укрытиях.

Каждый год небольшие армии крестоносцев приходили в Пруссию, и каждый год владения ордена увеличивались. Многие из крестоносцев были поляками, и все участники этих походов понимали, что без постоянной поддержки Пястов и князей Помереллии добровольцы, приходящие из Германии, вряд ли бы могли сделать что-то большее, чем обеспечить гарнизоны уже построенных замков. Почему же, хотя полякам отводилась такая большая роль в этих крестовых походах, именно тевтонские рыцари играли столь важную роль?

Ответ заключается в том, что польские и померелльские крестоносцы каждый год возвращались домой. Сначала они уходили только при наступлении плохой погоды осенью, дожидаясь поры, пока снова начнутся длинные дни короткого лета. Но с течением лет активный вклад польских рыцарей в крестовые походы постоянно уменьшался. У князя Конрада были проблемы на границах, князь Свентополк враждовал со своими братьями, и в конечном счете все польские Пясты смертельно враждовали друг с другом. Ни один из этих феодальных властителей, ни один епископ не имели средств, чтобы поддерживать силы для оккупации прусских земель. Эта задача, как и в Святой земле, предназначалась Тевтонскому ордену. Давшие обет, безбрачия рыцари, связанные клятвой бедности и послушания, были готовы нести службу и в дождливый сезон, и длинными зимними ночами. Светские рыцари, предпочитавшие горячую выпивку и прохладную женщину (или наоборот), совершенно не желали патрулировать темные тропы в лесах или стойко переносить морозный ледяной ветер на сторожевой башне.

Чтобы быстрее освоить покоренные территории, тевтонские рыцари селили на свободные земли в Кульме добровольцев из Польши. Кроме того, в эти годы они привлекали горожан из Германии, чтобы те основывали ежегодно новый город. Права горожан были гарантированы Кульмской хартией 1233 года. Эти иммигранты были немногочисленны, но их стало больше к концу XIII века и еще больше в XIV веке. Значительную часть войска составляли прусская знать и ополчение. Они служили соответственно в кавалерии и пехоте (первых часто называли, не совсем правильно, «местными рыцарями»[17]).

Когда в их распоряжении оказывались дополнительные силы крестоносцев из Польши и Германии, рыцари ордена, ставшие знатоками местной топографии и обычаев, водили войска вниз по Висле и вдоль побережья, захватывая одну прусскую крепость за другой. Происходили и другие события, вносившие разнообразие в течение дней: в 1237 году в состав ордена вошел ливонский орден Меченосцев (см. следующую главу), таким образом, на тевтонских рыцарей легли дополнительные обязательства в Ливонии, отвлекающие часть людей и ресурсов на

[17] Представители местной знати редко могли позволить себе нести воинскую и административную службу круглый год. Да и в ордене не хотели распылять возможные доходы от налогов, создавая класс светских рыцарей. Магистр раздавал небольшие феоды, большинство из которых были маленькими наделами в Кульме, предназначенными польским рыцарям. Магистр назначал кого-нибудь из членов ордена обучать местное войско и руководить им. Известные как «протекторы», эти члены ордена жили с налогов, собираемых местными общинами, и обычно свободно говорили по-прусски, а также хорошо понимали местные обычаи.

север; затем папа Григорий IX отлучил от церкви императора Фридриха II, начав долгую и кровопролитную войну, расколовшую германские земли. В 1241-1242 гг. нашествие монголов опустошило Галицию, Волынь, Венгрию и Польшу, так что эти еще недавно полные сил государства уже не могли более оказывать военную помощь в крестовых походах. И в 1240 году Свентополк из Помереллии объединился с мятежными пруссами в попытке изгнать орден с земель, которые хотел сделать своими. Это событие – Первое прусское восстание – создало серьезную угрозу ордену, но в итоге Свентополк был вынужден сначала заключить перемирие, а потом и капитулировать, после чего прусские племена заключили с орденом договор, дававший им значительную независимость в повседневной жизни.

Тем временем силы ливонской прецептории ордена продвигались на юг от Риги. Казалось, что они на грани значительной победы, когда в 1250 году Миндаугас Литовский принял католичество, лишив орден повода для нападений на страну. Хотя некоторые критики Тевтонского ордена видят в рыцарях лишь жадных до земель разбойников, в этом случае они отказались от возможности захватить большие территории, чтобы сделать одного из величайших врагов христианства сильным союзником[18]. Вскоре после этого прусское сопротивление пошло на убыль, к тому же в 1256 году король Оттокар II Богемский, самый сильный и, пожалуй, единственный лидер в Священной Римской империи, повел в Самландию армию столь сильную, что местные жители поняли тщетность сопротивления. Вскоре после этого в 1257 году жители Самогитии просили двухлетнего перемирия, чтобы сделать свой выбор. Крестоносцы дали им этот срок, уверенные, что интересы самосохранения заставят их врагов принять, хотя бы формально, истинную веру. Казалось, что христианство одержало триумфальную победу в Прибалтике.

Энтузиазм крестоносцев по поводу мирного обращения язычников должен заставить задуматься тех, кто не может провести различие между средневековым сознанием и современными идеологиями расизма и национализма, или тех, кто предпочитает думать, что рыцари намеревались уничтожить население этих областей, чтобы заселить эти территории немецкими иммигрантами. Однако пока непохоже, что тевтонских рыцарей будут судить объективно, не изымая из исторического контекста большинство их высказываний и действий. Подобно большинству человеческих организаций, орден по-разному действовал в разные периоды времени. Если судить о тевтонских рыцарях по их худшим поступкам, а об их противниках – по лучшим, то рыцарей ордена можно счесть исчадиями зла. К сожалению, именно в этом ключе писали об ордене многие историки, особенно те, кто описывал Средневековье, используя критерии XX века. Положение крестоносцев пошатнулось в 1259 году, когда жители Самогитии предпочли сражаться за свои языческую веру и традиционные обычаи (что включало и нападения на христианские поселения). Они нанесли сокрушительные поражения прусским и ливонским войскам, вынудили Миндаугаса отречься от христианской веры и убедили соседние племена к северу и западу поднять восстание против немецкого правления. Вскоре литовские войска проникли в Ливонию, Пруссию, Волынь и Польшу. Победы язычников, казалось, подтверждали правоту языческой веры. Священная война была теперь воистину борьбой религий, а не только борьбой между правителями.

В это время орден мог полагаться практически только на свои силы. Он не получал подкреплений ни от немецких, ни от польских крестоносцев. Еще меньше помощи приходило от монархов и прелатов Богемии. Более того, Святая земля вновь стала центром внимания крестоносцев, и Тевтонский орден, подобно остальным орденам, отдавая ей основное внимание. Война в Пруссии превратилась в череду пограничных набегов, засад и нападений на крепости. К тому же приходилось патрулировать границы, чтобы предупредить нападения на одиночные христианские поселения, когда восточные пруссы и литовцы проникали через безлюдные леса и болота Галимбии. Немцы и поляки вместе старались закрыть этот прорыв, и постепенно в борьбу с общим врагом включались волынцы.

---

[18] Миндаугас, правда, обещал ливонскому магистру Самогитию, но эту землю литовский вождь мог дарить, не раздумывая,– его все равно не признавали там как правителя.

Враги языческие и православные

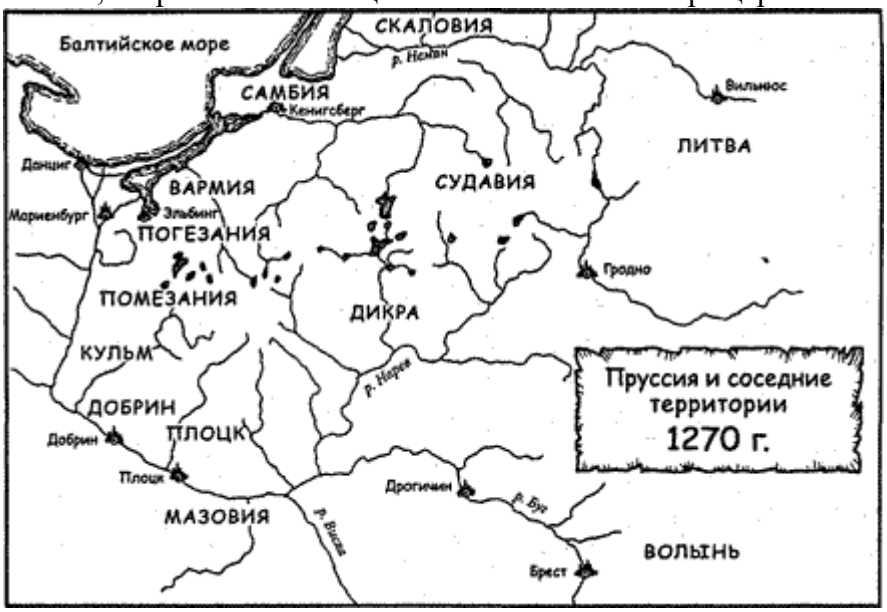
Пятнадцать лет Второго прусского восстания (1260-1275) были очень тяжелыми для ордена. Петер фон Дусбург напоминает о них читателю:

> «Это было тяжелое время, когда было едва достаточно хлеба для того, чтобы поесть, и один, два или более раз они должны были скакать на битву и гнать врага прочь. И они поступали, как поступали иудеи, которые хотели отстроить святой город Иерусалим, которому угрожал враги, так что одна половина из них работала, а другая стояла, охраняя их от рассвета до сумерек. Одной рукой они работали, а в другой руке они держали меч».

Наиболее тяжелое время для ордена наступило около 1273 года. Тогда чешский прелат, епископ Ольмюца, который имел превосходный доступ к информации о Польше, Галиции и Венгрии, писал папе Григорию X, что всей Восточной Европе все еще угрожают язычники, еретики и схизматики (православные):

> «На этих землях располагаются четыре государства – Венгрия, Русь, Литва и Пруссия. Христиане в Венгрии подвергаются постоянной угрозе. Существует надвигающаяся опасность для христиан в королевстве Венгрия. Во-первых, потому, что там живут половцы, а они не только чужды христианам, но и нападают на королевство, и, помимо прочего, у них есть обычай убивать людей, очень юных, или совсем маленьких, или очень старых. И они берут в плен юношей и девушек, учат их своим дьявольским обрядам, и такова их сила, и она умножается, и поэтому Венгрия действительно в опасности от них и соседние страны тоже. И есть королевство еретиков и схизматиков, которые бежали из других земель. Королева Венгрии половчанка, чьи родители были и есть язычники. Две дочери венгерского короля замужем за схизматиками-русичами… Русичи – схизматики и слуги монголов. Литовцы и пруссы – это язычники, которые разорили много епископств в Польше. Они всего ближе к нам».

Орден тем не менее все еще был в опасности. Капитуляция жителей Натангии, Вармии и Бартии заставляла рыцарей брать под свою защиту новообращенных. Это можно было сделать, лишь совершая походы в глубь Пруссии, против язычников: судавийцев и их литовских союзников. Более того, рыцарям приходилось сражаться в одиночку. Оттокар Богемский воевал с Рудольфом Габсбургом за австрийские земли и трон, и для решающей битвы в 1278 году королю были нужны все союзники, способные предоставить военную помощь. Бранденбург, Бавария, Краков, Силезия, Тюрингия и Майнц – все посылали своих рыцарей в Богемию.



В результате, хотя все эти правители традиционно являлись союзниками Тевтонского

ордена и часто сами принимали крест, они оказались слишком глубоко вовлечены в борьбу за империю, чтобы посылать в Пруссию помощь в этот момент крайней нужды.

Пограничная война

Жители Судавии не были врагами, которых крестоносцы могли бы легко победить в бою. Судавийцы были хорошими воинами, довольно многочисленными, их земли находились далеко на востоке, среди практически непроходимых болот и лесов. Было легче выследить одного из вымирающих зубров, чем найти судавийцев в их лесном убежище. Так же нелегко было и перехватить отряд судавийцев, отправившихся в набег, до того, как они ударят без предупреждения по отдаленным поселениям или гарнизонам.

Первые нападения судавийцев начались еще до того, как жители Натангии и Бартии приняли христианство. На людей, которые перестраивали Бартенштейн[19], стратегический пункт на реке Алле в центральной Прибалтике, напали судавийцы и убили всех, а затем сожгли незаконченные укрепления. Это было тяжелым ударом для тевтонских рыцарей. Бартенштейн должен был стать опорным пунктом оборонительной линии, развернутой вдоль дикры. Судавийцы, под предводительством неустрашимого воеводы Скуманда, получили возможность беспрепятственно нападать на дезорганизованные и лишенные защиты племена, которые недавно были их союзниками.

Однако, терроризируя натангийцев и бартийнцев, судавийцы подталкивали эти племена хоть и поневоле, но обращаться за помощью к Тевтонскому ордену. Многие люди из этих племен, возможно, симпатизировали судавийцам, но они не хотели видеть, как их семьи погибают от ужасных набегов Скуманда. Без замка, который был бы опорным пунктом, рыцари немногое могли сделать для их защиты, следовательно, местным жителям оставалось самим заботиться о своей защите. Воинам, что пережили Первое восстание, не хватало уверенности в себе, и до 1274 года они практически только обороняли свои крепости. Но спустя некоторое время одна уважаемая женщина, кстати родственница Геркуса Монте, вождя Первого прусского восстания, принялась стыдить своих сыновей, обвиняя их в неспособности защитить себя и своих людей. Уязвленные обвинениями, они собрали воинов из нескольких крепостей и сошлись в жестоком бою с судавийцами, убив 2000 воинов-язычников. Эта победа очистила территорию от большинства пограничных головорезов и дала возможность рыцарям отстроить Бартенштейн. Когда местные пруссы в собственных интересах предоставили свои внушительные военные силы на службу рыцарям, баланс сил склонился в сторону христиан. Этот эпизод, кстати, дает возможность предположить, что натангийцев вовсе не истребляли и вряд ли их численность безнадежно и стремительно уменьшалась.

Орден теперь возглавляли новые лидеры, и с ними пришли новые стратегия и тактика. Великий магистр Анно фон Зангерхаузен прибыл из Пруссии в Святую землю в 1266 году и оставался там до заключения мира с султаном Бейбарсом в 1272 году. Затем он вернулся в Германию набирать для ордена добровольцев из Тюрингии и Мейсена. Приход новых подкреплений и завершил войну в Наттангии. Вскоре после этого Анно умирает, вернувшись из Пруссии в Германию. Великий капитул, собравшийся в июле 1273 года, избрал Великим магистром Хартманна фон Гельдрунгена, рыцаря уже преклонных лет. Когда-то в молодости он лично знал Великого магистра Конрада, герцога Тюрингии, а также лично засвидетельствовал объединение с орденом Меченосцев и посещал Пруссию в 1255 году.

Следуя сложившейся традиции, Великий магистр Хартманн отправился в Италию, затем отплыл оттуда в Святую землю: братья ордена вне Ливонии и Пруссии по-прежнему считали своей главной обязанностью защищать Акру до того дня, когда новый крестовый поход освободит Иерусалим. Как бы то ни было, Хартманн вскоре вернулся в Германию. В крепостях ордена в Акре попросту не было достаточно помещений, чтобы дать приют всем чиновникам, рыцарям и воинам, способным нести службу. Некоторых из них приходилось отправлять обратно за море, при условии, что они немедленно вернутся при необходимости.

---

[19] Ныне город Бартошице в Польше.– *Прим. ред.*

Тот же Великий капитул подтвердил избрание Конрада фон Тирберга прусским магистром. Карьера Конрада, француза по происхождению, прошла большей частью в Пруссии, где он был кастеляном Цантира и Христбурга, укреплений на северо-западе. С 1269 года он во многих случаях выполнял обязанности магистра. Теперь, став магистром и юридически, он вызвал младшего брата для службы ордену в должности маршала. Так как их имена совершенно совпадали, их стали называть Конрад Старший и Конрад Младший.

Великий капитул благословил магистра Конрада вести наступление к востоку от Кенигсберга, вплоть да реки Прегель, чтобы вбить клин между Судавией и Надровией. Капитул надеялся, что это сможет облегчить завоевание Надровии, ведь с этих земель они могли наступать по Неману, чтобы вести войну против южных флангов Самогитии. К тому же новые замки на Прегеле можно было бы легко снабжать при помощи кораблей, а они могли бы защищать судоходство по реке Алле. Более того, в отличие от предыдущих лет Капитул наконец-то послал достаточно рыцарей и воинов, чтобы сделать это наступление успешным.

Магистр Конрад открыл кампанию, послав протектора Самландии Теодорика с местным ополчением против двух больших деревянных крепостей на реке Прегель. Взяв оба укрепления, самландцы захватили столько лошадей, скота и другой добычи, что с трудом смогли угнать ее домой.

Затем Теодорик, по приказу магистра, вместе с отрядом тевтонских рыцарей, полутора сотнями сержантов и многочисленной местной пехотой погрузился на корабли и направился к более отдаленному замку. Как только он расставил арбалетчиков на позиции, он приказал приступить к стенам со штурмовыми осадными лестницами. Слишком поздно надровийцы попытались сдаться, приступ зашел слишком далеко, чтобы можно было отозвать войска. Избиение окруженных воинов продолжалось за пределами стен. Некоторых язычников взяли в плен, их увели с женщинами и детьми, чтобы расселить в новых местах, но выживших оказалось мало. Затем победители сожгли крепость и ушли.

После того как были повержены приграничные крепости, магистр Конрад направил свое войско во внутренние области Надровии. Он разграбил близлежащие районы, прежде чем осадить главную крепость, которую защищали двести хорошо вооруженных воинов. Штурм ее напоминал штурмы других местных бревенчато-земляных укреплений, и с тем же результатом – после тяжелого боя войска ордена захватили крепость, перебив большинство защитников. Вскоре после этого капитулировали и остальные территории Надровии. Орденский летописец подводит итог этой победы:

> «И было там совершено много славных дел, что не записаны здесь, ибо слишком утомительно было бы описывать их одно за другим. А ведь Надровия к тому времени имела большую сильную армию и множество замков. Однако они отбросили свою ненависть и сдались братьям, исключая немногих, кто ушел в Литву. И на сегодняшний день часть Надровии остается дикой, заброшенной и обезлюдевшей».

В согласии с планом, подготовленным за много лет до этого, тевтонские рыцари продолжали наступление на северо-запад. Надровия теперь служила базой наступления на Скаловию в нижнем течении Немана, а за ней лежала Самогития. Вожди крестового похода давно хотели сломить упорное и отважное сопротивление самогитов, чьи нападения на Курляндию были преградой сообщению с Ливонией. Прусский магистр мог посылать послания, людей и снабжение только по морю и к тому же только летом. Стратегия наступления была понятна. Вторжение в Скаловию стало возможным только после предшествующих побед, устранивших опасность нападения с флангов. И теперь магистр устранял очередную угрозу, чтобы в итоге обезопасить приграничные области Курляндии и Ливонии, И так же как нынче надровийцы служили союзниками ордену, в будущем скаловийцы должны были помогать ему против Самогитии, а те, если все пойдет как запланировано, должны были стать в свой черед союзниками против Литвы.

Литовцы это тоже прекрасно понимали, и они помогали как могли приграничным племенам, воюющим против ордена. К несчастью, эти подкрепления могли быть посланы лишь тогда, когда простые воины не были заняты на сельскохозяйственных работах. Кроме того, никому из воинов не нравилось нести службу на границах. Итак, наиболее логичным было использовать эти военные силы для нападения на Ливонию и Пруссию, чтобы вынудить христиан защищать свои непрочные границы. Тевтонские рыцари избрали тот же путь – сдерживать языческие войска, постоянно угрожая неожиданным вторжением в холмистую часть Литвы в течение всего года.

Чтобы уменьшить возможности Литвы оказывать помощь Самогитии, Ливонский орден построил большой замок в Динабурге в 1274 году, перекрыв большинство прямых путей на Псков и Новгород. Великий князь Литовский Трайдянис (?-1281/2) говорил о замке, что он «построен в самом моем сердце». Он окружил этот построенный из дерева и земли замок и осаждал его четыре недели всеми силами, что были в его распоряжении. Но он не смог ни взять крепость, ни остановить опустошительных набегов гарнизона замка. Вскоре между Динабургом и литовской возвышенностью образовалась обширная безлюдная местность.

Первое же наступление открыло безопасный путь вдоль побережья к Мемелю (Клайпеде), замку крестоносцев в устье Курляндского залива. Замок был построен в 1252 году с помощью крестоносцев из Любека. С тех пор появился легкий путь на север, в Курляндию, вдоль побережья, или через узкий песчаный полуостров на Пруссию. Чтобы расширить этот коридор и подготовить путь для набегов на центральную часть Самогитии, магистр Конрад не стал прорываться на восток от Мемеля. Он выработал стратегию не прямого нападения, а флангового обхода по реке Неман. Благодаря этому западные крестоносцы получали возможность использовать технологические преимущества в транспорте и осадной технике, избегая проблем, связанных с войной в густых лесах и топких болотах центральных областей региона.

Первой целью крестоносцев стала крепость в Рагните[20], расположенная на высоком холме над рекой. Впечатляющее укрепление в течение десятилетий противостояло множеству нападений, включая атаку сильной армии русичей. Деревянные и земляные фортификационные сооружения нелегко было взять приступом. К тому же внутри крепости был пруд, который в случае осады снабжал гарнизон водой и рыбой. Местные жители считали крепость неуязвимой.

В 1275 году магистр Конрад направил Теодорика Самландского с тысячей воинов на судах к Рагниту. Теодорик выгрузил людей и снаряжение, направился вверх по склону холма и, когда все подошли, отдал приказ о штурме. Защитники скучились вдоль парапета стен, пытаясь оттолкнуть осадные лестницы. Они были такой превосходной мишенью, что лучники крестоносцев не могли промахнуться. Под непрекращающимся ливнем стрел осажденные воины откатились со стен.

---

[20] Ныне город Неман в Калининградской области.– *Прим. ред.*

Крестоносцы приставили лестницы и захватили стену, после чего началось обычное кровопролитие. Победители предали укрепления огню и разрушению, затем, задержавшись всего на один день, Теодорик захватил также крепость Ромнге, на другой стороне реки.

Скаловийцы не оставили это деяние неотомщенным. Их флотилия спустилась вниз к Лабиау, на побережье севернее Кенигсберга, и рано утром, когда охрана спала, напала на крепость. Язычники безжалостно перебили гарнизон, а замок спалили. Орден ответил тем же: магистр Конрад созвал всех рыцарей и местные войска и вторгся в близлежащие области Скаловии. Николас фон Ерошин писал об этом:

> «Они убили так много некрещеных, что многие утонули в своей собственной крови. Они захватили мужчин и женщин в их укрытиях и увели их с собой. И пока они были там, готовя отступление, вождь скаловийцев, Стон Год (Каменный Бог.– *Пер.*), привел огромную армию своих подданных и преследовал армию братьев. Когда магистр услышал об этом, он послал сильное войско и оставался в укрытии, пока скаловийцы не подошли, чтобы атаковать его. Затем братья бросились из засады и изрубили многих и вынудили оставшихся бежать».

Теперь уже многие из знатных людей Скаловии отправляли посланцев к рыцарям с предложениями о сдаче на определенных условиях. Даже для рыцарей, приобретших опыт в пограничной войне и знавших язык и обычаи противника, было нелегкой задачей определить, когда эти предложения были искренними, а когда – попытками заманить в засаду небольшие отряды крестоносцев. Соседние курляндцы неоднократно просили у ордена гарнизоны для своих пограничных замков, а затем нападали на рыцарей из засад. Теперь уже скаловийцы обращались с такими же просьбами, но рыцари уже с осторожностью откликались на них.

В эти годы происходило немало менее крупных боев и стычек, которые даже летописцы ордена находили слишком многочисленными, чтобы упоминать их по раздельности. Результат был тот же, что и в Надровии,– большинство скаловийцев приняли христианство, а остальные бежали в Литву. Некоторые местности, особенно в приграничье, обезлюдели. Но язычники, ведомые людьми Скуманда, наносили яростные ответные удары, совершая набеги на запад до самого Кульма, и даже осадили в 1273 году епископский замок в Шензее. Эти нападения побудили орден заменить ветшающие деревянные укрепления каменными замками.

Некоторые пруссы бежали к Трайдянису, который предложил им селиться на границе с Волынью, возможно в районе Гродно (Гардинаса). Это привлекло внимание князя Галиции и Волыни, который приказал построить новое пограничное поселение в Каменце, на притоке Буга, чтобы защитить свои земли от нападений со стороны Гродно и укрепить свой контроль над торговым путем к северу от припятских болот, от Пинска до Бреста и дальше до Дрохинича.

Магистр Конрад, несомненно, продолжил бы наступление на Самогитию, если бы

позволили обстоятельства. Эта земля истовых язычников лежала прямо к северу от уже завоеванных земель, и набеги на нее можно было совершать вместе с Ливонским орденом. Но магистр Конрад не смог двинуться на север. Ему нужно было обратить свое внимание на Погезанию, где началось Третье прусское восстание.

Третье прусское восстание (1275-1283)

Восстание, скорее всего, было спровоцировано Скумандом, чьи нападения были столь разрушительны, что главного орденского кастеляна Погезании в 1276 году отрешили от должности. Ему на смену пришел более решительный управитель. Возможно, разъяренный последовавшими поражениями, которые понесли его отряды в этом же году, Скуманд обратился за помощью к литовцам. Те согласились, и в 1277 году он повел литовское войско и четыре тысячи своих соплеменников через лесные дебри в Кульм, где захватил маленький замок на реке Осса, затем двинулся мимо Рехдена, Мариенвердера, Цантира и Христбурга, сжигая на своем пути все деревни и маленькие укрепления. Петр фон Дусбург описал плачевную сцену, подтверждаемую польским летописцем Длугожем:

> «Они завладели неописуемым количеством добычи и христиан, которых обратили в вечное рабство. Да сжалится над ними Господь! Какой плач стоял, когда друг оплакивал друга и семьи разделяли, это было тяжкое испытание, когда детей забирали от матерей, которые только что заботливо нянчили их, и когда дочерей забирали у матерей, и как язычники делили взятых в плен между собой и обращались с ними бесчестно. О как ужасно это было, и как ужасно было видеть это друзьям их. Никто бы не смог смотреть на их ужасное положение без слез».

Тем временем литовская армия, проследовав из Гродно глухими тропами вниз по реке Нарев в Мазовию, продолжала двигаться на запад, грабя польские деревни, пересекла Вислу и вторглась в Куявию. Таким образом, повторилась ситуация, которая и привела тевтонских рыцарей в Пруссию,– Пясты оказались неспособны защитить северные границы Польши. Дело было не только в том, что набеги литовцев были ужасны, ведь набеги крестоносцев были такими же. Возможно, теперь литовцы разоряли деревни, где жили пруссы, переселенные в эти, как предполагалось, безопасные районы. Ужасна была участь польских пленников – куда хуже, чем пруссов.

Хотя набеги крестоносцев немногим отличались от прусских или литовских, все же между христианами и язычниками существовала большая разница. Христиане переселяли большинство своих пленников работать на земле, часто как слуг, короче говоря, многие из пруссов продолжали вести ту же жизнь, что и до плена. Христиане освобождали за выкуп одних пленников и обменивали других, но они редко продавали их на рабовладельческих рынках. Язычники, будучи более отсталыми экономически, нуждались в меньшем числе слуг и часто продавали своих пленников в рабство в другие страны, использовали их для человеческих жертвоприношений, женщин превращали в наложниц или домашних слуг. По свидетельствам крестоносцев, пленники, захваченные варварами, уже не считались людьми, с ними обращались как со скотом. Есть свидетельства того, как доведенные до отчаяния пленники бросались на своих мучителей, когда охрана была вынуждена ослаблять пригляд за ними, чтобы защититься от нападения рыцарей и ополченцев. Жестокие времена, жестокие поступки!

Вероятно, обе стороны начали осознавать, что некоторые из пленников уже переходят из рук в руки не по первому разу. Этим несчастным позволяли вернуться к своим родичам. Мы встречаемся с упоминанием, что на совете перед боем, когда обсуждались тактика и раздел добычи, прусские воины настаивали, что такие пленники не входят в их долю и не учитываются в дележе.

Должно быть, обе стороны пытались облегчить участь жертв таких набегов. Но даже тевтонские рыцари и их епископы не были настолько богаты, чтобы обеспечить новыми жилищами и наделами каждую обездоленную семью. Не существовало и бюрократического аппарата, способного вести записи, необходимые, чтобы воссоединить разлученные семьи или

подтвердить личность, прошлые заслуги и так далее. Все это могли подтверждать только живые люди, при всем несовершенстве подобных свидетельств. Тевтонские рыцари часто переселяли своих пленников в деревни под руководством их наследственных родовых вождей и позволяли им пользоваться своим оружием.

Хотя эта политика часто бывала успешной в завоевании доверия населения, она была еще более успешной, если в войне побеждали крестоносцы. Когда удача от них отворачивалась, то все шло по-другому. Переселенные пруссы сохраняли возможность объединяться и восставать. Так как и у знати, и у простолюдинов были свои причины для мятежа, их нужно было лишь воодушевить и дать им шанс на успех. Когда Скуманд продемонстрировал, что орден не способен защитить свои, даже наиболее безопасные области, взбунтовались погезанцы. Восстание в этой давно усмиренной области к северу от Кульма оказалось очень неприятным сюрпризом для прусского магистра.

Мятежники добились быстрого и поразительного тактического успеха. Под предводительством бартийского вождя они захватили кастелянов Эльбинга и Христбурга, вероятное помощью какой-то уловки. Бартийский вождь, прославившийся своей жестокостью, превосходящей жестокость прочих вождей восстания, повесил священника и приказал убить оруженосца, пытаясь запугать пленников; возможно, он перебил бы и остальных, если бы какой-то оставшийся им верным прусс не освободил их от цепей и не помог бежать.

То, что восстание не распространилось дальше, было отчасти обусловлено осторожностью, которая смягчила ненависть местных жителей, отчасти трудами Теодорика, протектора Самландии, который поспешил назад из Германии, когда услышал эти новости. Как пишет, скорее всего пристрастно, Дусбург:

> «Самландцы любили его, и он собрал их всех вместе, и говорил со всеми людьми, и убедил их избегнуть злой ошибки, что внушалась им дьяволом. И когда об этом стало известно жителям Натангии и Бармии, они отвратились ото зла, что сотворили вначале, и дали крепкую клятву, что будут верными братьям-рыцарям».

Единственным актом репрессий со стороны рыцарей была казнь многоженца, чьи жены засвидетельствовали против него. Напуганные восстанием рыцари были готовы видеть заговорщика в любом местном жителе, который продолжал придерживаться языческих обрядов, таких, например, как многоженство или сжигание умерших, поэтому для некоторых пруссов появилась реальная возможность сводить счеты с личными врагами, выдавая их за предателей. Но в документах этого времени мы, однако, не находим примеров расправ. Возможно, на тот момент рыцари преднамеренно закрывали глаза на подобные грехи местных жителей. Казнь двоеженца лишь доказывает, что орден не собирался терпеть открытого неповиновения, но не раскапывал «маленькие тайны», ибо репрессии взбунтовали бы местную знать, которая была еще способна на открытое сопротивление. Магистр, разумеется, не хотел толкнуть прочие племена на соединение с погезанскими мятежниками. Это была политика, которую одобрил бы сам Макиавелли. С другой стороны, в случае с погезанцами, взявшими в руки оружие, магистру ничего не оставалось, кроме как сокрушить их силой. Конрад фон Тирберг повел войско в Погезанию летом 1277 года и возвратился осенью, перебив и захватив в плен для последующего переселения множество народа, так что после этого большие пространства стали безлюдными. Многие погезанцы бросали свои дома и через Галимбию и Судавию бежали в Литву. Великий князь расселил их вокруг Гардинаса, откуда они продолжили свою борьбу с тевтонскими рыцарями. Поселив заклятых врагов крестоносцев на эти опасные и стратегически важные земли, князь показал себя проницательным политиком.

Магистр Конрад предположительно расселял погезанских повстанцев вокруг своего нового замка в Мариенбурге, где он мог бы присматривать за ними более основательно. Этот замок был построен на замену Цантиру, старому укреплению в устье Вислы, и должен был служить одним из центральных опорных пунктов ордена. В следующем веке он станет ставкой Великого магистра и одним из крупнейших и красивейших замков в мире, но тогда он был лишь простым фортом, образующим вместе с Эльбингом и Христбургом треугольник укреплений, позволяющий ордену лучше контролировать поселения бывших мятежников.

Подобно другим замкам, которые строились и в то время, и позднее, он был сложен из кирпича. В прибрежной Пруссии практически не было камня, а завозить его было слишком дорого, поэтому камень использовался только для отдельных архитектурных элементов, таких как своды окон и капители. Как только в Пруссии развилось производство кирпича, все важные здания: замки, церкви, склады или дворцы, стали строиться из этого материала.

Следуя урокам Третьего прусского восстания, тевтонские рыцари отнеслись к судавийской проблеме более серьезно. Хотя это племя в последние годы жестоко претерпело от ордена, волынцев, поляков, русских и даже натангийцев, оно все еще оставалось опасным и могло вести войну глубоко на территории ордена. Особенно страшны они были, когда на помощь им приходили литовцы. Но это происходило только в наступательной войне: Литва была слишком далеко, чтобы оказать своевременную помощь в отражении набегов ордена, если только литовцы не узнавали заранее о точной дате предполагаемого похода. Никто не мог позволить себе держать войска в бездействии, ожидая появления неприятеля. В одиночку судавийцы оказывались не в силах отражать нападения немецких, польских и русских войск.

В первом же большом походе крестоносцы добились значительных успехов, пленив множество жителей и угнав скот и лошадей. Возвращаясь обратно, они поймали в засаду около трех тысяч преследовавших их разъяренных судавийцев. Потеряв лишь шестерых человек, христиане убили множество языческих воинов, неловко угодивших в капкан. Остальные язычники были обращены в бегство.

Эти годы для ордена ознаменовались как неудачами, так и триумфами. Хотя некоторые из этих поражений можно рассматривать как моральные победы. Польский хроникер описывал случившееся в 1279 году:

> «В этом году орден тевтонских рыцарей воевал против литовцев. Два рыцаря ордена были захвачены литовцами, которые одного из рыцарей подвесили на большом дереве, потом поставили его боевого коня под ним и разожгли большой огонь, с намерением сжечь и коня, и его хозяина. Однако, как только конь был поглощен пламенем, небеса разверзлись, и великий свет сошел на крестоносца, и разметал огонь во все стороны. Потом свет возвратился на небеса, вместе с телом рыцаря, не оставив ничего вокруг, ни следа от него. Затем оцепеневшие и изумленные литовцы увидели прекрасную деву, сходящую с небес. Думая, что это скорее колдовство, чем деяние Духа Святого, они захотели повесить товарища крестоносца. И они устроили огромный костер из бревен. Но Господь не оставил этого рыцаря без помощи: немедленно небеса разверзлись, и огромная белая птица, подобной которой никто никогда не видывал, слетела вниз в самую середину пламени и унесла тело рыцаря в небеса. Смотревшие на это язычники вскричали: "Воистину велик Бог христиан, который так защищает своих приверженцев!"»

Проблемы Польши и Помереллии

В этих конфликтах орден получал от поляков помощь, правда косвенную и не столь существенную, какую могли бы оказать поляки, не будь они разобщены. Сначала князья из рода Пястов зачарованно следили за стремительно меняющейся ситуацией в Священной Римской империи, где Рудольф фон Габсбург сразил короля Оттокара в битве в 1278 году, а потом наблюдали, как император Габсбург борется с герцогом Отто Бранденбургским за влияние на Богемию и Силезию. Пясты к тому же и сами враждовали между собой. После долгих лет, когда королевство дробилось на все более и более уменьшающиеся княжества для множества наследников, в Польше произошло несколько неожиданных объединений. Несколько князей умерло, не оставив прямых наследников, и их родственники рассорились из-за наследства. Куявия была поделена между пятью братьями, однако к тому времени трое из них было бездетными, и семья объединилась против всех посторонних претендентов. Силезия была поделена на четыре части, все они находились под иностранным влиянием, и ее князья не имели никакого влияния за пределами своих крошечных владений. После смерти Болеслава Благочестивого (1226-1279) началась борьба за его краковское наследство. Победителем вышел старший сын Казимира (1211-1267) – Лешек Черный (1240-1288).

Литовцы и судавийнцы между тем предпринимали одно наступление за другим, в 1277 и в 1278 годах они опустошили обширные земли на Волыни. Так продолжалось до тех пор, пока ужасный голод 1278 года не привел язычников на Волынь же с просьбой о поставках хлеба. Когда зерно было отправлено на судах по Бугу, а затем по Нареву, Конрад Мазовецкий-Черский выслал отряды, которые захватили продовольствие и уничтожили суда.

Князь Лешек всерьез воспринимал свои обязанности по защите восточных границ Польши. Хотя на его счету нет таких громких побед, как вторжение в Судавию в 1273 году, после чего судавийцы были принуждены платить дань, Лешек нанес поражение армии русичей и литовцев, которых монголы послали к Сандомиру в 1280 году. Лешек лично участвовал в охране Мазовии и Волынии от судавианских и литовских набегов, а однажды, преследуя пруссов через болота вокруг Нарева, он угадал место, где прятались в своем логове разбойники. Он услышал вой собак, которые узнали своих хозяев, и это позволило князю Лешеку спасти всех захваченных в плен, не потеряв ни единого человека. Однако другие Пясты ничего не делали для защиты Польши. Они только настороженно следили друг за другом, подстерегая проявление честолюбивых амбиций или признаки серьезной болезни у кого-либо из их рода. Они не желали покидать свои земли, чтобы сражаться с язычниками, из страха, что в их отсутствие на их владения может кто-нибудь напасть. Лешек Черный делал все, что было в его силах, чтобы защитить свои земли от набегов с востока, но на западе, где проживала большая часть поляков, он пользовался недостаточной властью.

В общем, эти антипатии были в основном направлены на правителей Богемии и Бранденбурга, которых справедливо подозревали в поисках выгоды от польских неприятностей. А Пясты и остальная польская аристократия подозревали всех и каждого. Не выделяя тевтонских рыцарей из прочих опасных соседей, они и не исключали орден из этого числа. Такая политическая напряженность создавала климат недоверия ко всему чужеземному, так что поляки начинали везде видеть опасность. Сильные государства и уверенные в себе культуры не боятся за свое существование. Но, за исключением князя Лешека на востоке, Польша была лишена достойных вождей.

Подобно династии Пястов, линия померелльских князей, казалось, тоже вымирала. Князья Самбор (1204-1278) и Расибор (?-1275/6) не оставили мужчин-наследников. Они оба ненавидели своего племянника Местивина (князя в 1266-1294 годах) до такой степени, что пытались лишить его наследства всеми возможными средствами. Князь Расибор завещал большинство своих земель тевтонским рыцарям и другим религиозным корпорациям. Самбор сделал то же самое. Князь Местивин смог аннулировать завещание, захватив земли Расибора, а затем отстоял их от притязаний герцога Бранденбургского, но Самбор смог передать Меве – ключевой пункт, недалеко от Вислы,– ордену, создав благоприятные условия для укрепления рыцарей на левом берегу этой большой реки. Здесь была область более безопасная, чем Пруссия, и более подходящая для расселения иммигрантов. В результате эта земля быстро стала ценным владением ордена, и скоро там уже преобладало немецкое население.

У Местивина не было сыновей, и он принес обет безбрачия, так что династия должна была закончиться с его смертью. По-видимому, подобная перспектива устраивала его, но он по-прежнему не желал, чтобы его земли, и даже Меве, перешли в руки его злейших врагов – тевтонских рыцарей. Он предпочел, чтобы все досталось его родственникам из Пястов, что и подтвердил в своем завещании в 1282 г.

Тевтонские рыцари, должно быть, довольно много размышляли об этом, сидя вокруг своих столов за трапезой и обсуждая политические дела и в своем кругу, и с многочисленными гостями, но ничего, кроме разговоров, не происходило. Разговоры и дипломатия. Их долгом был крестовый поход, а не приобретение христианских земель, хотя, получи они земли, завещанные им Расибором, это пошло бы на пользу крестовым походам в Пруссии. Но претендовать на это наследство означало бы разжечь войну с Польшей. Крестоносцам не полагалось вести войну с христианами (хотя в Святой земле были примеры, показавшие, что и это возможно). Важнее было, что прусский магистр не мог себе позволить ссориться с сильными правителями в тылу ордена. Рыцарям оставалось вести войну на востоке.

Эта война в Судавии сводилась в основном к стычкам небольших отрядов. Тевтонским рыцарям не хватало войск для широкомасштабных наступлений после 1279 года, так как

серьезные поражения в Ливонии потребовали отправки туда большей части подкреплений. К тому времени магистр Ливонии погиб, а чуть позже магистр Конрад фон Тирберг умер своей смертью. И Великий магистр Хартманн фон Хельдрунген, и Великий капитул, собравшийся в Марбурге, увидели в этой ситуации возможность объединить командование этих двух провинций, чтобы лучше координировать военные действия против мятежной Семгаллии и непокоренной Самогитии. Этим операциям снова отдавался приоритет, а для действий против Судавии выделялись силы, достаточные лишь для тактических операций. Новый магистр, Конрад фон Фойхтванген, спешно отправился в Прибалтику. Опыт, приобретенный им в Палестине, подсказывал, что будущее ордена – в войнах с язычниками Прибалтики, а не с мусульманами, и он ясно видел, что это будущее находится в опасности. Его задача была нелегкой. Враг, казалось, был везде и – нигде. Орден мог одолеть практически любого противника, но неимоверно трудно было его обнаружить.

Когда пруссы напали на мельницу в Эльбинге, где укрывалось местное население, они повели себя так, что в будущем христиане уже ни за что не хотели сдаваться в плен язычникам. Когда магистр повел войско в Вармию, чтобы захватить укрепление, которое впоследствии стало Хайльсбергом, пруссы нанесли удар в Кульме, захватывая замки и сжигая деревни. Значительные территории совершенно обезлюдели, и ни у одной из сторон не было сил заселить их в тот момент.

От поляков тоже не приходилось ждать помощи, которую они оказывали во время прошлых кампаний, связывая силы пруссов на Волыни. Волынь теперь была охвачена смутой. Литовцы, которые уже начали считать своими южные русские земли, вложили столько сил в эту многостороннюю борьбу за гегемонию, что они вряд ли могли помочь судавийцам. Запутанность этой отчаянной пограничной войны демонстрирует эпизод, когда в 1280 году Лев Галицийский просил татарского хана послать ему степных воинов для нападения на Краков. Когда Пясты из южных княжеств встретили кочевников Льва Галицийского, Лешек и Казимир Мазовецкий атаковали его с тыла, вступив на волынские земли. Урок, который извлекли поляки изо всего происшедшего, заключался в том, что им следовало сначала присматривать за своими юго-восточными степными границами, а уж потом оберегать лесную границу на северо-востоке.

Конечно, у поляков и литовцев была общая главная цель – русские земли, а вовсе не леса пруссов. Желание литовцев захватить Волынь подставило под удар последних независимых прусских язычников, которые стали целью набегов своих родичей, превратившихся к тому времени в подданных Тевтонского ордена. Хотя действия крестоносцев в эти годы нельзя считать наступательными, они изматывали силы язычников.

Партизанская война

Конрад фон Фойхтванген прежде никогда не бывал в этом регионе, и когда он приехал в Прибалтику, ему не понравились ни страна, ни климат. Тем не менее он ответственно исполнял свои обязанности и завоевал повсеместное уважение своими продуманными планами для преодоления патовой ситуации в военных действиях. Рыцари были особенно рады многочисленным пополнениям, которые он привел с собой из Германии, хотя многие, вероятно, были озадачены тем, что он не торопится вести их в бой. Вместо этого он тщательно изучал сложившуюся ситуацию, прося у многих совета, чтобы не совершить по незнанию ошибок. Затем он созвал заседание Капитула в Эльбинге. После того как собрались все кастеляны ордена, он объяснил, какую политику собирается претворять в жизнь: сначала покончить с мятежами в Ливонии, затем – решить проблемы Пруссии. Его подчиненные были настроены скептически, но в итоге они согласились, что Пруссии в тот момент не угрожает какая-либо серьезная опасность и что подкрепления должны быть посланы в первую очередь в Ливонию. Магистр Конрад ограничил военные операции в Пруссии партизанскими рейдами до прибытия новых подкреплений.

Среди людей, получивших известность в этой пограничной войне с Судавией, был Мартин фон Голин. Он был уже немолод. Его называли разбойником даже христианские летописцы, обычно приберегавшие такие термины для язычников. Его называли также *helde*

(герой) и *latrunculos* (отважный вор).

Этот Мартин напал на некую деревню в Судавии вместе с четырьмя немцами и одиннадцатью пруссами и убил одних жителей и пленил других. Во время долгого возвращения он пришел к некоему месту, где он сел пировать со своими друзьями, отдыхая без боязни после своих «трудов», когда внезапно враги ворвались в их ряды. Они убили его четырех немецких товарищей, в то время как остальные сбежали, побросав все оружие и еду. Судавийцы «возрадовались великим ликованием от всего этого». Тем временем Мартин, разозленный, бродил в лесах и собирал вместе своих уцелевших товарищей. Поскольку они побросали все оружие, то он проскользнул к врагам, пока они спали, и украл их мечи, копья и щиты. И когда он заполучил все это, он пришел к своим товарищам, и они быстро убили всех тех, кого нашли спящими, за исключением одного, который пытался убежать, и Мартин убил его тоже. Потом они собрали свою добычу, и оружие, и другое добро, которое язычники несли с собой, и вернулись домой.

В этой войне было всего несколько широкомасштабных набегов, под руководством маршала Конрада Младшего. Один из них был особенно опустошительным. Нападение было осуществлено зимой 1280 года, когда войска ордена по льду проникли в те области противника, куда до тех пор не добиралась ни одна армия крестоносцев. К этому времени в Пруссии был уже новый магистр, Мангольд фон Штернберг, так как в начале 1280 года фон Фойхтвангер решил, что идея объединить посты магистров Ливонии и Пруссии не столь уж хороша – по крайней мере, этот пост не для него. Он обратился с просьбой освободить его от обязанностей магистра Пруссии и Ливонии и получил отказ. Тогда он передал власть в Пруссии магистру Мангольду и отплыл в Ливонию с тридцатью рыцарями. Там он некоторое время руководил операциями в Семгаллии, а затем вновь обратился с просьбой разрешить ему оставить этот неудобный для него пост на севере. В этот раз его просьба была принята, и общее руководство двумя провинциями перешло временно в руки магистра Мангольда.

Вначале тот не мог переломить ход войны в Судавии, так же как и его предшественник. Литовцы и судавийцы вторглись в Самландию в таком количестве, что смогли целых десять дней бесчинствовать, сжигая каждое поселение и каждый крестьянский дом, что не находились под защитой крепостных стен. Но даже в это время крестоносцы добивались определенных успехов в войне на территории Судавии, где местные правители капитулировали один за другим. По приказу магистра их с семьями крестили, а затем выдавали им такие же грамоты на держание земель и крепостных, какие получали местные прусские рыцари.

Стратегия ордена явно ослабляла судавийцев. В феврале 1281 года Мангольд проник в укрепление, где нашел убежище Скуманд, и убил 150 человек – мужчин и женщин. Эта операция не обернулась полной победой, так как Скуманд сумел подстеречь в засаде отряд ордена, отдалившийся от основных сил. В бою погиб легендарный воин, командор замка Тапиау. Но уже становилось понятно, что орден в силах взять любую крепость, а за пруссами оставалось господство только в лесах. Это ситуация не сулила победу Скуманду, каким бы отважным и искусным он ни был в партизанской войне.

Мы знаем больше о Скуманде, чем о других прусских военных вождях, потому что он взял в плен молодого рыцаря, который выжил и рассказал об этом приключении, оставив нам одно из немногочисленных свидетельств о жизни среди судавийцев. Петер фон Дусбург повествует об этом такими словами:

> «Этот брат, Людовик фон Лейбензелле, был рожден в благородной знатной семье и был приучен к ратному труду смолоду… когда он попал в руки неприятеля, он был приведен в оковах к Скуманду и сказал ему, чтобы Скуманд выбрал для него противника, равного ему по силам, чтобы биться с ним. Скуманд нашел это забавным, и он оставил Людовика у себя. Однажды случилось, что Скуманд отправился на пир, где по обычаю собираются благородные судавийцы, и он взял Людовика с собой, и обращался с ним по-дружески, несмотря на то что тот был пленником. И среди пира случилась ссора, некий могучий судавиец рассердил Людовика резкими словами, которые он употребил, чтобы оскорбить его и угрожать ему. Тогда Людовик сказал Скуманду: "Ты привел меня сюда, чтобы позволить ему говорить такие дурные слова и чтобы он мог оскорблять меня и угрожать мне?" И Скуманд сказал: "Ты видишь, что

> я сожалею, что он досаждает тебе. Если у тебя есть смелость отомстить за обиду, я буду стоять за тебя, что бы ни случилось". И когда Людовик услышал это, то вытащил меч из ножен и разрубил этого судавийца сверху донизу, так что тот умер. Потом Людовик был освобожден от оков юношей, который был в свите Скуманда, и вернулся назад к братьям».

Вскоре после этого Лешек Черный привел в Судавию и Литву огромное войско. Всего за несколько недель он смог нанести поражение двум языческим армиям, разгромив их так основательно, что польские границы были в безопасности в течение нескольких лет после этого. Тогда же, в 1282 году, Скуманд и его сторонники покинули свои родовые земли и отправились в оккупированную литовцами часть Руси, возможно в Черную Русь, но, может быть, и дальше, в Пинск или Минск.

Уход Скуманда приблизил окончание Судавийской войны. И выглядит совершенно справедливым, что именно в этот момент командование в Пруссии перешло в руки Конрада фон Тирберга Младшего, который служил маршалом все эти годы военных действий. Когда Великий капитул в Акре собрался, чтобы избрать преемника скончавшегося Хартманна фон Хельдрунгена, магистр Мангольд, последний из тюрингской династии, что так долго доминировала в ордене, отправился в Святую землю, чтобы участвовать в Капитуле, и скончался на обратном пути. Новым Великим магистром стал швед Бурхард фон Шванден, который никогда не бывал в Прибалтике. Желая, чтобы орденом в этих провинциях командовал опытный человек, он попросил совета у братьев ордена, которые указали ему на Конрада фон Тирберга. Это имя и назвал Великий магистр во время Капитула, получив поддержку собравшихся братьев.

Конец крестовых походов в Пруссии

Прусские крестовые походы закончились летом 1283 года. Когда магистр Конрад привел войска ордена в самое сердце вражеских земель, лишь немногие судавийцы оказали ему сопротивление. Людовик фон Лейбензелле организовал мирную капитуляцию полутора тысяч человек клана, с которым установил дружеские отношения, после чего новообращенные со всем имуществом были переселены на новые земли. На следующий день магистр Конрад осадил и вынудил к сдаче последнюю важную крепость в Судавии.

Магистр прекрасно понимал, что ему не хватит людей, чтобы защищать столь обширную территорию от нападений литовских или русских войск и что вскоре ему придется вести войну против самогитов. Поэтому он переселил оставшихся судавийцев из их родных земель в другие части Пруссии – Самландию и Погезанию. Капитулировал даже Скуманд, состарившийся и уставший воитель. Он получил прощение и земли в окрестностях Бальги, где и умер через несколько лет, согласно христианским источникам, достойной смертью набожного христианина. Это был великий человек, вызывавший уважение как язычников, так и христиан. Описание его отважных деяний, сохранилось для потомков в основном в летописях священников ордена. Историю, может быть, и пишут победители, но она всегда имеет оборотную сторону.

Земли Судавии оказались вымершими, ее народ исчез из истории как общность, и эта территория стала частью *дикры* – безлюдной лесной пущи, отделявшей Пруссию, Мазовию и северную Волынь от Литвы. Дикра существовала и ранее, но теперь правители всех участвовавших в конфликте сторон строили на ее окраинах деревянные крепости – базы для своих набегов на противника – и уничтожали все оставшиеся поселения в лесах и вокруг чужих крепостей. Великая Пуща стала почти непреодолимым препятствием на границе.

У тевтонских рыцарей было слишком мало ресурсов, чтобы вести успешную войну среди этих чащ, более того, неурядицы в Польше и Помереллии угрожали жизненно важному пути в Германию, делая дорогу небезопасной для крестоносцев. Для магистра Конрада обеспечение безопасности тылов стало задачей более важной, чем дальнейшее продвижение на восток. Позднее, в 1308 году, получив шанс захватить Данциг и Помереллию, магистр использовал его. Последовало несколько десятилетий конфликтов с Польшей, во время которых литовские

Великие князья утвердили свою власть над близлежащими русскими княжествами и стали претендовать на Галицию и Волынь. Когда серьезные походы против язычников стали вновь возможны, обе стороны были уже гораздо сильнее и увереннее в себе, чем раньше.

Глава шестая
Крестовые походы в Ливонии

Язычество и православие

К северу от Пруссии, на восточных берегах Балтийского моря, ко времени появления в Пруссии рыцарей ордена уже три десятилетия велись крестовые походы. Со временем крестоносцы в Ливонии вместо вооруженной борьбы с язычниками начали другую войну, временами наступательную, временами оборонительную – войну с православием. Этот конфликт, вернее, ряд столкновений хорошо иллюстрирует сложности человеческого мышления, пути, на которых отдельные личности или группы могут преследовать множество целей разом, иногда подчиняя одну цель другой, либо вообще отказываться от старой политики в пользу новых устремлений.

Многие из крестоносцев, участвовавших в ливонских походах до 1200 года, были купцами с Готланда, и вряд ли кто-то из них думал, что в их маленькую войну будет втянуто православие. Они лишь хотели уничтожить убежища пиратов и разбойников, беспокоивших южные берега сегодняшней Швеции и нападавших на суда, идущие в Новгород через Финский залив. Век спустя купцы все так же беспокоились о безопасности торговых путей на море и на суше. Но к этому времени нападавшие на них пираты часто находились под покровительством русских князей, несмотря на то что они в свое время гарантировали свободный путь западным торговцам. Некоторыми из русских княжеств к 1300 году правили литовские князья, чья политика, направленная против западных крестоносцев, находила заметную поддержку у населения их городов.

До 1200 года, до того как в Ливонию прибыли немцы и скандинавы, православные князья пользовались некоторой властью над языческими племенами. В частности, над ливами, жившими на побережье, которые, впрочем, жили слишком далеко, чтобы ими можно было серьезно управлять. Власть православных князей была еще более слабой, если говорить о курляндцах и прибрежных эстонцах, которые жили еще дальше. Но все же князья могли посылать войска для сбора дани с леттов, живших вдоль Даугавы (Двины), с эстонцев из окрестностей Пскова и с племени чудь, чьи поселения были расположены на восточных берегах Финского залива. Впрочем, эти войска затем быстро возвращались обратно, не оставляя кого-нибудь, чтобы представлять власть православных князей или православную веру. И данников оставляли в покое до следующего полюдья. Князья не предпринимали каких-то усилий для их крещения. Очевидно, горький опыт такого рода на севере Руси и в степях убедил правителей и духовенство, что сила не принесет им успеха в этом деле. Более того, они, кажется, пришли к заключению, что даже добровольное крещение может приводить к извращенной, еретической форме христианства, которая угрожала бы истинной вере.

Если русичи и считали язычников врагами, то еще хуже они думали о католиках, полагая, что доктрина, провозглашающая папу главой церкви, очень опасная ересь.

Соответственно князья и купцы северных русских городов с ужасом наблюдали за наступающей «западной верой». Таким образом, у северных русских государств были как мирские, так и религиозные причины противостоять усилиям немцев завоевать Ливонию, и они периодически предпринимали попытки изгнать крестоносцев. Иногда Новгород, Псков и Полоцк посылали армии, иногда они поощряли и вооружали повстанцев, но чаще они позволяли практическим нуждам определять политику их отношений с немецкими купцами. Ошибочно было бы считать русско-немецкие отношения как постоянно враждебные или стабильно дружеские.

У язычников Ливонии была одна главная цель – сохранить независимость. Для

достижения этого они лавировали, порой очень искусно, между противоборствующими силами. Старейшины ливонских племен вовсе не были беспомощными свидетелями собственного уничтожения. Другая цель язычников состояла в том, чтобы использовать православную и католическую стороны против традиционных соперников – соседних языческих же племен; это была очень нелегкая задача, потому что столь сильный союзник легко мог стать хозяином. Таким образом, месть и амбиции играли важную роль в том, что более слабые группы становились союзниками крестоносцев, в то время как традиционно доминирующие в этих землях племена стремились сохранить *status quo.* И война местных племен между собой принимала особо жестокие формы.

Миссионеры и крестоносцы

XII век видел много попыток раздвинуть границы католического мира помимо крестовых походов в Святой земле, Испании и Португалии. Видел он и немало столкновений Запада с Византией. Обычно первыми в земли язычников шли миссионеры, затем, когда их усилия не увенчивались успехом, в ход шли экономические рычаги и оружие. Чаще всего, когда дело доходило до войны, религия стояла на последнем месте после династических амбиций, личной жадности и необходимости уничтожения убежищ пиратов и разбойников. В результате отношение общественности и поддержка крестовых походов в Священной Римской империи и Скандинавии были различными, в зависимости от того, какие цели преследовали их участники и те, кто финансировал эти походы. Вассалы должны были служить, когда их призывали сюзерены. Конечно, родственники добровольцев обычно помогали приобрести снаряжение и покрыть дорожные расходы тем, кто хотел принять крест, особенно если общая стоимость была приемлемой. А наемники всегда стремились продать свои услуги, если именно этот поход не казался слишком опасным. Кроме того, те, кто принял крест и при ином раскладе предпочли бы отправиться в Святую землю, часто хорошенько рассчитывали риск для здоровья и жизни, свои время и деньги, которые предположительно будут затрачены, а также – происходил ли в это время широкомасштабный крестовый поход на Востоке. Поэтому такие соображения часто играли в пользу крестовых походов в Прибалтике. Наконец, некоторые немецкие аристократы отправлялись в крестовый поход, чтобы избегнуть периодически вспыхивающих в империи гражданских войн, так что иногда смуты в империи осложняли набор добровольцев в крестовые походы, а иногда – наоборот.

В общем, люди, принимавшие крест, имели на то самые различные причины, и чаще всего мирские мотивы были смешаны с идеализмом и религиозным энтузиазмом. Те из современников, чьи интересы не имели отношения к крестовым походам, легко находили в них лицемерие и фальшь, так же как это происходит и в наше время. Как сейчас, так и тогда люди предпочитали верить в то, во что хотели верить. Усилия миссионеров, наоборот, в основном основывались на энтузиазме. Можно, конечно, подозревать клирика, идущего проповедовать слово Божье, в жажде славы или попытках увеличить свою епархию, но награда от этих усилий делилась между многими, а риск доставался ему одному. Тех, кто жертвовал на святое дело деньги, ждал почет и, возможно, спасение в жизни вечной, а того, кто шел к язычникам со словом Божьим, ждали либо слава и честь, либо ранняя мученическая смерть.

Хотя миссионерство в Прибалтике связывают обычно с немецкими проповедниками, там трудились и шведы, и датчане. На самом деле скандинавские священники преуспели в Прибалтике гораздо больше, чем немецкие монахи, до тех пор пока в конце XII века купеческое сообщество Висби (Готланд) не открыло «ливонскую» ярмарку в устье Даугавы. Купцов из Германии, плывущих на нее, сопровождали священники. В 1180 году один из них, Майнхард, монах-августинец, остался в местном племени ливов (отсюда название местности – Ливония), чтобы проповедовать там.

Историю Майнхарда, а также историю последующих пятидесяти лет его миссии мы знаем от одного из лучших летописцев Средневековья – Генриха Ливонского (Латвийского в русскоязычной литературе.– *Пер.*). Он написал волнующее повествование о героических усилиях миссионеров и крестоносцев, преодолевающих скептицизм и сопротивление язычников. Внимательный читатель, впрочем, может заметить и комментарии летописца по

поводу личных и общих ошибок христиан[21].

Майнхард добился у папы назначения его епископом Юкскюлля, острова, где у него была своя маленькая церковь. Его деятельность была настолько успешной, что вызвала гнев у языческих жрецов, которые стали препятствовать деятельности Майнхарда, опасаясь, что за миссионерами вскоре последуют чужеземные войска. Эти опасения были небезосновательны. Ливы и их соседи летты, жившие вверх по течению, уже сталкивались с русскими сборщиками дани. Фольклор ливов и леттов несомненно содержал также истории о набегах викингов. Примитивные общества часто очень по-разному относятся к чужестранцам – иногда в этих отношениях теплейшее гостеприимство смешивается с убежденностью, что от чужеземцев нельзя ожидать ничего хорошего.

Чтобы защитить свою паству от литовских набегов, Майнхард построил два небольших укрепления и нанял солдат для их гарнизонов. Тот факт, что для защиты своей миссии он не смог найти германских добровольцев, может объясняться борьбой за императорский титул партий Вельфов и Гогенштауфенов, которая разгоралась после смерти в 1198 году императора Генриха VI. В разгар этого конфликта мирная вначале миссия в Ливонии и переросла в крестовый поход. Позднее многие рыцари и клирики принимали крест и отправлялись в Ливонию, потому что статус крестоносца должен был защитить их самих и их владения, чья бы сторона не взяла верх.

Итак, почти не получая поддержки с родины, Майнхард построил два маленьких каменных замка, поверив обещаниям местных жителей платить десятину и налоги. Когда же пришло время платить рабочим и наемникам, многие из тех, кто дал обещания, отказались от своих слов, насмехаясь над доверчивостью епископа. Майнхард, казалось, смирился с этим с христианской стойкостью, но вскоре он умер, и мы так никогда и не узнаем, что он собирался предпринять на самом деле. Преемники же его выказали куда меньше кротости, терпения и склонности прощать недругов.

В 1197 году, перед тем как отбыть в крестовый поход в Святую землю, архиепископ Гамбурга и Бремена рукоположил епископом Юкскюлля некоего Бертольда, аббата цистерцианского монастыря в Локкуме. Младший сын из семьи министериалов, чьи земли лежали в болотах в пойме Эльбы, он был знаком со многими дворянскими семьями Саксонии и со сложностями местной политики.

Бертольд с самого начала попытался сдружиться с вождями местных племен, раздавая подарки и угощения, но его отношение изменилось после ужасающего эпизода жертвоприношения на кладбище. Язычники подожгли его церковь, пытались убить его самого, когда он спасался бегством, а затем еще долго преследовали его корабль вниз по реке. Бертольд отправился на Готланд, затем в Саксонию, где он написал подробное письмо папе, прося разрешения повести войско против язычников. Когда папа откликнулся на его просьбу и даровал «отпущение грехов всем, кто примет крест и вооружится против вероломных ливонцев», Бертольд буквально исколесил северную Германию, проповедуя крестовый поход в Ливонию.

Он вернулся в Ливонию в июле 1198 года с армией саксонцев и готландских купцов. Ливы собрали свое войско. Хотя они и не соглашались на массовое крещение, они предложили Бертольду оставаться на их землях и позволить его пастве оставаться в христианской вере. Но они собирались позволить ему лишь убеждать других принять христианство, а не заставлять их силой креститься. Этого Бертольду было недостаточно. Когда местные жители отвергли его требования выдать заложников и убили нескольких немецких фуражиров, он приказал перейти в наступление. Его армия была невелика, но хорошо оснащена. В его распоряжении были не только тяжеловооруженные рыцари на боевых конях, легко валивших с ног маленьких

---

21 Летопись Генриха Ливонского, переведенная на английский язык Джеймсом Брандиджем (университет Висконсина), представляет собой живое и умное описание периода 1180-1227 годов. Это одна из лучших средневековых летописей. Она явно написана для Вильяма Моденского, папского легата, который прибыл в Ригу в 1225 году. Эта летопись является наиболее тщательным и осмысленным трудом среди большинства современных ей работ. (The Chronicle of Henry of Livonia. Transl. James A. Brundage. Madison: University of Wisconsin Press, 1961).

прибалтийских лошадок, не успевших уйти с их пути, но еще и пехота, вооруженная арбалетами, длинными копьями и алебардами, закованная в железо и кожу. По сравнению с ними ливонские ополченцы были практически безоружны, кроме того, их было не так уж много и за их плечами было гораздо больше поражений, чем побед.

По иронии судьбы почти единственным убитым христианином стал сам Бертольд. Хотя саксонские рыцари быстро разгромили язычников, лошадь Бертольда понесла его прямо в строй врагов, где он был сражен среди песчаных дюн, прежде чем подоспела помощь. Жестоко отомстив за смерть епископа, крестоносцы оставили в замках небольшие гарнизоны и отплыли по домам. Численность гарнизонов была настолько мала, что, едва основное войско христиан отплыло, язычники символически смыли с себя знаки крещения в струях Двины, а затем осадили замки так, что монахи были не в состоянии выйти наружу в поля и ухаживать за своими посевами. Когда ливонцы предупредили, что любой священник, который останется в стране после Пасхи, будет убит, испуганное духовенство бежало назад в Саксонию.

Третий епископ, Альберт фон Буксхевден, привел большую армию из Саксонии, принудил ливов принять христианство и основал город на Даугаве, около Риги. Спустя всего несколько лет под его руководством крестоносцы одолели сопротивление леттов, вторглись на эстонскую территорию на севере и востоке и заняли слабозаселенные земли на побережье и к югу от Двины.

Хотя почти каждое лето на защиту христианских крепостей прибывало достаточно крестоносцев, чтобы предпринимать даже наступательные действия, было понятно, что этих войск мало, чтобы обратить язычников во внутренней части Ливонии. Кроме того, эти крестоносцы приходили и уходили, не заботясь о том, кто будет защищать страну долгими зимами. Сначала епископ Альберт склонялся к мысли создать рыцарское сословие из местных вождей. Эту идею удалось воплотить лишь отчасти, так как мало у кого из местной знати было достаточно доходов, чтобы приобрести соответствующее вооружение. В Ливонии большую роль играли несколько вождей, в том числе Копо, который даже путешествовал в Рим, где встречался с папой. Эти «курляндские короли» играли большую роль в этих краях еще долгие годы. Затем Альберт решил передать налоговые феоды своим родственникам и друзьям, а также отдал небольшое количество феодов германским рыцарям в надежде, что они будут жить с доходов от своих полей[22]. Некоторые из них женились на женщинах из местной знати, и со временем их ряды должны были пополнить некоторые из местных рыцарей. Но все равно число германских рыцарей было невелико, а епископ не мог уделить им еще что-нибудь, урезая свой и без того скудный доход или покушаясь на доходы своих каноников. Его третьим планом стало создание нового военного ордена – ордена Меченосцев[23]. Меченосцы обеспечивали гарнизоны, защищавшие завоеванное в течение зимы, и служили советниками, которые повышали боеспособность «летних» крестоносцев.

Итак, армия крестоносцев, действовавшая в Ливонии в XIII веке, состояла из различных групп. Это были Меченосцы, вассалы разных епископов, ополченцы из Риги и других городов, местное ополчение и крестоносцы, прибывшие из других земель. Местные войска иногда сводились в особые отряды, сражавшиеся под собственными знаменами, и отправлялись служить в пограничных замках, где они отражали внезапные вражеские нападения. В битве эти отряды обычно располагались на флангах. Формирования местных племен обычно ставили подальше друг от друга, чтобы они не сделали ошибки, приняв союзника за врага, или не воспользовались случаем свести давние счеты со старыми соперниками в самый разгар битвы. Когда перспектива победы была очевидна, они сражались хорошо, однако всякий раз, когда ход битвы оборачивался против христиан, они поспешно спасались бегством, оставляя тяжеловооруженных немцев в трудном положении. Местная легкая кавалерия занималась разведкой и использовалась при набегах. Поскольку за ними особо не присматривали, они

[22] В те времена в Ливонии не было крепостных, хотя существовали немногочисленные рабы – те, кто был взят в плен в набегах. Крепостное право стало широко распространенным только в XV веке.

[23] Создан в 1202 году, но утвержден папской буллой 20 октября 1210.– *Прим. ред.*

располагали большими возможностями для бесчинств – грабежей, изнасилований и убийств, чем медленно передвигавшиеся рыцари и пехота. Что касается прибывающих в летнее время крестоносцев, то многие из них были купцами, у которых хватало средств на коня и оружие. В целом ливонские крестовые походы значительно отличались от крестовых походов в Святой земле и даже в Пруссии.

После того как епископ Альберт перенес свою резиденцию в Ригу, этот город стал важным торговым центром. Сюда, вниз по Даугаве, приезжали русские купцы, чтобы продавать воск и меха, а вверх по реке германские моряки везли в Полоцк ткани и железо. Это еще более усложняло политику епископа. Православная церковь имела еще неустойчивое влияние в слабо заселенных лесах северной Руси. Титулы тамошних русских князей были звучными, что не вполне соответствовало их истинному положению. Тем не менее их земли были обширными, поля и леса – богатыми, торговые города, расположенные вдоль великих рек,– преуспевающими. И они гордились, что благодаря политике изоляции они хранят себя и своих подданных от искушений и развращенности западного католического мира. По отдельности русские князья Пскова, Новгорода и Полоцка пытались вытеснить епископа Альберта из Ливонии, заявляя, что приходят на помощь своим подданным. Только Меченосцы выручали епископа из этих военных неприятностей. Так же хорошо они охраняли земельные владения епископа от посягательств королей Дании, которые хотели сами стать хозяевами Балтийского побережья. Но Меченосцы отказывались становиться вассалами епископа, заявляя, что служат лишь папе и императору.

Со временем епископ Альберт отдал Меченосцам треть завоеванных земель, но крайне неохотно и не оставляя попыток утвердить над ними свою власть. Когда их ссоры начали угрожать крестовому походу, папа отправил туда своего легата Вильяма Моденского, чтобы на месте разрешить противоречия. В итоге епископу пришлось признать автономию Меченосцев, затем он отдал большую часть из оставшихся у него земель четырем подчиненным ему прелатам, двум аббатам и их каноникам. А поскольку он еще раньше наделял землями своих родственников, то у него оставалось совсем немного ресурсов, чтобы поддерживать свое немалое войско. Не мог он полностью полагаться и на местное ополчение, хотя те и желали участвовать в войне со своими традиционными соперниками. Ему нужны были опытные воины, знавшие местные языки и обычаи, чтобы обучать ополченцев западным приемам боя и вести их в битву. Но только братство Меченосцев располагало рыцарями, желавшими жить среди местного населения, и только Меченосцы могли исполнять эту задачу за разумную плату, поскольку бедность, целомудрие и послушание отнюдь не соблазняли честолюбивых светских рыцарей. Поэтому именно братство Меченосцев, чей военный контингент был необходимым в отсутствие армии крестоносцев и чьи рыцари могли обеспечивать организацию местных сил, стало во главе крестового похода в Ливонию.

Хотя организация ордена Меченосцев имела сильные стороны, ей были присущи и слабости. Во-первых, это касалось малочисленности их монастырей в Германии. Отсутствие связей в немецких землях сдерживало набор добровольцев и затрудняло сбор пожертвований. В результате орден постоянно испытывал финансовый кризис. Во-вторых, доходов ордена, получаемых с их владений и налогов в Ливонии, не хватало, чтобы набирать количество наемников, достаточное для должной поддержки рыцарей и сержантов ордена. Вечные финансовые кризисы вынуждали орден Меченосцев к расширению их владений в надежде на увеличение числа обращенных, которые будут платить дань и снабжать воинов необходимым, чтобы рыцарское войско стало равным по силе армии врага. Такие действия ордена привели к конфликту из-за Эстонии с королем Дании[24], а также с языческой Литвой[25] и православной

[24] В 1217 дат. кор. Вальдемар II высадился на берегах Эстонии и, взяв городище Таллин, основал на его месте крепость Ревель (совр. Таллин). В 1227 году город был захвачен Меченосцами, получившими по договору 1230 часть Эстонии. – *Прим. ред.*

[25] В 1208 году был организован неудачный поход в Литву. В 1229 орден, нарушив мирный договор 1225 года, организовал поход в Литву. После этого литовцы еще больше стали поддерживать земгал.– *Прим. ред.*

Русью, особенно с Новгородом[26].

Конец Ордена Меченосцев

Военная катастрофа, постигшая орден в 1236 г., не была неожиданной. Уже многие годы в ордене понимали, что численность его войск не соответствует стоявшим перед ним задачам. Орден не отваживался отягощать еще больше своих данников, которые и так понесли значительный урон в ходе завоеваний, потеряв множество людей, скота и имущества. Руководители ордена считали, что лучшим способом увеличения доходов для содержания рыцарей, наемников и священников было бы получение владений в Германии. Но это было долгим делом, и для этого требовался могущественный покровитель. В 1231 году магистр Фольквин попытался разрешить экономический и политический кризис объединением с Тевтонским орденом. Он надеялся, что тевтонские рыцари предоставят ему людей и средства, необходимые для защиты Ливонии, их дисциплина укрепит дух монастырей Меченосцев, а их связи с папой помогут решить спор с епископом Риги. Что было еще важнее, в это время орден рассорился с папским наместником, оставленным Вильямом Моденским на время своего отсутствия. Этот клирик явно увидел свое назначение шагом к будущей блестящей карьере в церкви.

Великий капитул Тевтонского ордена, собравшийся в Марбурге, решил отказаться от предложения Меченосцев, но сама идея казалась им конструктивной. Встречаясь при дворах папы и императора, тевтонские рыцари, вероятно, учились у Меченосцев больше, чем учили сами. Братство Меченосцев имело больший опыт существования в Прибалтике, ведь они оказались там раньше на два с половиной десятка лет, чем тевтонские рыцари.

Чтобы изучить ситуацию в Ливонии, Герман фон Зальца послал туда из Германии двоих кастелянов. Они провели там зиму 1235/36 г. и доложили о своих наблюдениях на ежегодном Капитуле, состоявшемся вскоре после того, как Фридрих II и фон Зальца присутствовали на церемонии канонизации святой Елизаветы в Марбурге. Доклад кастелянов был настолько отрицательным, что дискуссии почти не было. Кроме уже упомянутых выше политических проблем тевтонские кастеляны нашли монастырскую жизнь меченосцев не соответствующей правилам Тевтонского ордена. К тому же Меченосцы требовали такой автономии в возможном объединенном ордене, что реформирование их монастырей было бы невозможным.

Вскоре после этого и произошел крах ордена Меченосцев. Их общеизвестная скупость и безжалостность придала обвинениям против них весомость, в результате чего папа лишил их финансовых и людских подкреплений, столь необходимых им для выживания. В отчаянии, пытаясь найти выход, магистр Фольквин повел свои армии в языческие земли на юг. Примирение с папой, устроенное Вильямом Моденским, произошло слишком поздно[27].

Орден Меченосцев еще мог бы пережить очередной кризис, если бы его магистр не стал предпринимать столь рискованные действия. К несчастью для него, в конце лета 1233 года в Ливонию прибыл отряд крестоносцев из Гольштейна. Несмотря на свою малочисленность, они потребовали вести их в бой. Магистр Фольквин, не желая разочаровать своих гостей, неохотно согласился на набег в Самогитию, часть Литвы, расположенную между Ливонией и Пруссией. Возможно, предыдущие походы в Литву были не менее рискованными, но на этот раз судьба решила его исход. Крестоносцы практически не встретили сопротивления, потому что местные воины предпочли бросить свои деревни и подстеречь врага на реке Шауляй на обратном пути. Когда возвращающиеся крестоносцы достигли брода, они обнаружили, что его прикрывает

---

[26] *С* 1214 начались столкновения русских князей с рыцарями. В 1217 году орден совершил неудачный рейд в новгородские земли. В 1221 году владимирский великий князь Юрий Всеволодович предпринимает поход и осаждает Ригу, но безуспешно. В 1223 году князь Юрий Всеволодович предпринимает новый поход против немецких рыцарей. В 1234 году на р. Эмбах под г. Юрьевом новгородский князь Ярослав Всеволодович одержал победу над войсками ордена Меченосцев.– *Прим. ред.*

[27] 9 февраля 1236 папа римский Григорий IX, благословил Крестовый поход в Литву.– *Прим. ред.*

небольшой, но решительно настроенный отряд язычников. Тогда Фольквин приказал рыцарям спешиться и перейти реку, предупредив, что им следует торопиться, пока к язычникам не подошли подкрепления. Гольштейнские рыцари отказались сражаться пешими, Фольквин не смог заставить их выполнять приказ, и крестоносцы разбили лагерь на ночь. На следующий день, когда крестоносцы в конном строю переправились через реку, они обнаружили, что все вожди «горных литовцев», под командованием Миндаугаса[28], или привели, или прислали сильные отряды на помощь самогитийцам. В последовавшей битве Фольквин и половина его братьев-рыцарей погибли, так же как и большинство крестоносцев. Местное ополчение разбежалось еще в начале битвы. Большинство из них, не отягощенные тяжелым вооружением, переплыли реку и бежали на север, пока литовцы были заняты истреблением рыцарей.

Литва

Глядя назад, мы можем видеть, что перспектива оккупации земель, соседних с Литвой, была весьма соблазнительной для братства Меченосцев. При этом литовцы выглядели похожими на другие племена, так что крестоносцы не считали их способными к объединенному сопротивлению. Подобно пруссам, литовцы имели единый язык и единую культуру, и они предположительно разделялись по меньшей мере на двенадцать различных групп под руководством клановых старейшин. Но, во-первых, в действительности существовали только две крупные группы. Это были горцы (Аукштайтия) и жители равнин (Жемайтия, или Жмудь, или Самогития), расположенных к северу от реки Неман. Во-вторых, среди горцев уже выделилось одно правящее семейство. Это была семья того самого Миндаугаса, чьи выдающиеся способности стали очевидными со времени победы над Фольквином. Вскоре Миндаугас уже носил желанный титул Великого князя. В-третьих, у литовцев существовала давняя традиция объединяться, чтобы совершать на соседей наводящие ужас набеги. На эту традицию мог опираться любой военный вождь. А Миндаугас не был обычным вождем. Он был одаренным, хотя и жестоким человеком, который знал, как карабкаться вверх, попирая руины гибнущих государств.

Крестоносцы и монголы преподали литовцам важный урок: чтобы отстоять независимость, нужно национальное объединение. Это было несложно понять, но лишь Миндаугас сделал правильные выводы: такого единства можно достичь, лишь реформируя систему власти. Вскоре он уже сокрушал несогласных и возглавлял походы войск бывших соперников на Ливонию, Русь, Волынь и Полоцк. Можно сказать, что «племя, которое постоянно охотится вместе, остается вместе».

Помимо воинственности, которая, кстати, не была монополией только языческих племен, Литва не представляла угрозы ни для Руси, ни для католической Польши. Литовские жрецы не обращали никого в свою веру, а в самой их религии вряд ли было больше суеверий, чем в бытовом католицизме того времени. Крестоносцы сами часто верили в астрологию, магию и колдовство. Некоторые из западных суеверий того времени основывались на дохристианских религиях, другие одобрялись самыми мудрыми и образованными философами и церковниками (например, Фридрих II, который был настолько нерелигиозным, что враги назвали его слугой антихриста и даже самим дьяволом, покровительствовал астрологии). Язычники редко практиковали человеческие жертвоприношения, хотя время от времени и сжигали заживо какого-нибудь ценного пленника. Полигамия была уже редкостью. Их жестокость на войне вряд ли отличалась от жестокости христиан, разве что они предпочитали открытому столкновению тактику внезапных набегов. Обе воюющие стороны считали мирное население своей законной добычей во время войны. Короче говоря, князьям и знати не пришлось бы слишком менять свой образ жизни, поэтому миссионеры были уверены, что языческие вожди охотно примут христианство, если цена за это будет подходящей.

В тот момент крестоносцы не принимали литовцев в расчет в своих планах.

---

[28] Более привычным для русского читателя является написание Миндовг, но здесь и далее для литовских имен приводится их современное звучание.– *Прим. ред.*

Зарождающееся в горной Литве государство было далеко, только отчасти сформировалось, и казалось, что оно развалится еще до того, как на его границах снова появятся крестоносцы. Миндаугас доказал, что эти расчеты неверны. Он смог извлечь выгоду из политического кризиса на Руси для обогащения своих сторонников. Нападая на ослабевшие русские государства, он обогатил класс воинов, чем обеспечил себе поддержку в своих претензиях на титул Великого князя. Через несколько лет Литва стала признанным государством.

Очевиден урок, который следовало извлечь из этого. Власть папы была велика, и ее следовало принимать в расчет, даже когда он был не прав. Меченосцы полагались на помощь императора – и обманулись в своих надеждах. В будущем, при новых столкновениях папы и императора, тевтонским рыцарям, занявшим место Меченосцев в Ливонии, приходилось каждый раз тщательно взвешивать позицию, которую они займут в том или ином конфликте. Эта ситуация вызывала ожесточенные споры внутри ордена, но в конце концов тевтонцы предпочли оставаться нейтральными, насколько это было возможным, и сохранять хотя бы видимость дружбы с обоими своими повелителями и покровителями.

Вторым уроком, извлеченным из длительных войн, последовавших за Вендским крестовым походом (1147 год), стало понимание, что всегда легче обратить в христианство население, действуя через местного властителя. Следовало найти или сотворить такого правителя, который мог и хотел бы стать феодалом, правя своими новообращенными подданными с помощью иноземного оружия и советников. Сообразительный местный правитель, используя церковь против своих алчных соседей, мог стать независимым и относительно могущественным. Это было вполне приемлемым для большинства христиан, которые знали, что династические союзы собирают земли куда вернее и с меньшим риском и затратами, чем войны. Такое решение было приемлемым и для Тевтонского ордена в той мере, пока оно не грозило им потерей земель, завоеванных дорогой ценой.

Третий урок также не был забыт, по крайней мере в этом поколении: Меченосцы не попали бы в трудную ситуацию, если бы не домогались земель в Эстонии. Тевтонский орден, насколько это было возможно, старательно избегал споров со своими могущественными христианскими соседями из-за земель. Это не значило, что братья-рыцари легко сдавались, когда какой-нибудь герцог или князь требовал их землю или пытался ввести новый налог, но они избегали вооруженного конфликта, приглашая в судьи нейтральную сторону, в частности папских легатов, чтобы рассудить их, и скрупулезно исполняли вынесенное теми решение. Это предотвращало многие возможные трудности для войска ордена.

Тевтонские рыцари

Великий магистр Герман фон Зальца был в Вене с императором, когда услышал, что братство Меченосцев потерпело катастрофу, но дела призывали его на юг, в Италию, а не на север, в Марбург, где специальный Капитул был готов обсудить отчаянный призыв Меченосцев о помощи. Он отправил двоих братьев-меченосцев, посланных к нему, к Великому капитулу, который обсудил их просьбу, не придя ни к какому решению. Наконец капитул предоставил решение этого вопроса своему Великому магистру, это должно было произойти на следующем собрании в Вене. Этот Капитул должен был представлять собой внушительное событие. Присутствовали Герман фон Зальца и Герман Бальке, к тому же в Вене в это время находился император Фридрих II. Так и не придя к какому-либо решению, Капитул отправил делегацию к папе Григорию IX, который в этот момент был в Витебо, убежище папы в холмах к северу от Рима. Там Герман фон Зальца и меченосцы подали папе петицию с просьбой о присоединении ордена Меченосцев и всех их земель к Тевтонскому ордену. Папа удалился на личное совещание с Великим магистром, а затем призвал обоих меченосцев и нескольких свидетелей. Приказав меченосцам преклонить колени, он снял с них все предыдущие клятвы, объяснил им кратко устав Тевтонского ордена и спросил, клянутся ли они следовать ему. Когда те согласились, его слуги сняли с них мантии и надели новые – белые плащи с черным крестом на плече. Они и их братья стали отныне членами Тевтонского ордена.

Двое посланников были столь ошеломлены быстротой церемонии, что едва дождались возможности спросить Великого магистра об условиях союза с Тевтонским орденом. В ответ

прозвучало, что этот союз заключен безо всяких условий. К тому же Эстония должна быть возвращена Дании. Бывшие меченосцы были неприятно поражены, но, несмотря на свое разочарование, они остались верными клятве послушания. 12 мая 1237 года был оглашен папский эдикт об объединении орденов:

> «Так как мы не ставим ничего выше, чем распространение католической веры, мы надеемся, что набожное прошение магистра и братьев достигнет желаемой цели и что милостью Господа братья Госпиталя (имеется в виду полное название Тевтонского ордена.– *Пер.*) обретут себе отважных братьев в Ливонии… и мы решили, что магистр и все его братья и все владения их будут присоединены к означенному ордену…»

На следующий день Григорий IX отправил послание своему легату в Прибалтике Вильяму Моденскому с приказом начать переговоры между королем Вольдемаром и Тевтонским орденом, чтобы решить спор об эстонских территориях. В июне состоялся еще один капитул в Марбурге, на котором собравшиеся представители решили отправить шестьдесят рыцарей (а всего около 650 человек) в Ливонию немедленно и возложить на Германа фон Балька руководство этой областью. Герман собрал своих рыцарей в монастырях северной Германии, так как они понимали нижненемецкий диалект, на котором говорили Меченосцы и большинство светских рыцарей и горожан в Ливонии. На 500 марок, пожертвованных императором, он снарядил их и отправил морем из Любека в Ригу, до того как зимняя непогода прекратит навигацию.

Эти подкрепления спасли Ливонский крестовый поход. Фон Бальке распределил своих рыцарей по замкам так, чтобы они смогли поближе познакомиться с местностью, местными жителями и противником. В 1238 году, на встрече в Стенсби, он вернул Эстонию королю Вальдемару, завоевав ордену нового союзника.

Отказ от наиболее значительных завоеваний подтвердил худшие опасения уцелевших Меченосцев. Они перебрались из реформируемых монастырей на север, на границу с Русью, и стали настолько осложнять жизнь Герману фон Бальке, приплывшему из Дании, что он поспешил в Италию, чтобы переговорить с фон Зальца и Григорием IX о том, что рыцари отказываются признавать его власть. Однако папе было не до него, так как спор между ним и императором ожесточился настолько, что проблемы далекого пограничья казались несущественными. Вскоре Герман фон Зальца умер в Салерно. Это был удар по умеренным группировкам в обеих партиях: в церкви и в государстве. Они, несмотря ни на что, надеялись если не на мирное разрешение проблемы, то хотя бы на то, что смертельное столкновение будет отложено, а этого времени Господу хватит, чтобы сотворить чудо. Фон Зальца был одним из немногих людей, которые были бы способны сотворить такой подвиг.

Конфликт с Новгородом

Еще до прибытия Германа фон Бальке в Ливонию крестовый поход там принял необычный оборот: казалось, стечение обстоятельств неожиданно сделало целый православный мир доступным обращению в католичество.

Православие «перешло к обороне» начиная с последних десятилетий XI века, когда турки внезапно вторглись в Малую Азию и разбили армию Византии. Именно приближающееся крушение Византийской империи спровоцировало тот призыв к Западу о помощи, что в итоге обернулось Первым крестовым походом. Хотя армии крестоносцев и разбили силы тюрков, ослабив их давление на Константинополь, но затем они проследовали дальше к Иерусалиму, не устранив мусульманской угрозы в целом. Со временем тюрки оправились и стали даже еще сильнее, в то время как Византия и Запад стали еще более подозрительными по отношению друг к другу. Этот взаимный страх и отчуждение наряду со внутренней смутой в Византии привели к тому, что Четвертый крестовый поход закончился не в Египте, а в Константинополе. С 1205 по 1261 год Константинополем правили католики, а некоторые наиболее важные островные владения Византии попали в руки итальянских городов-государств.

Русь была следующим православным государством, ощутившим натиск восточных кочевников. На этот раз это были монголы, посланные на Запад Чингисханом. Хотя их основной целью было завоевание Туркестана, одна из их армий вторглась в земли степняков к югу от Киевской Руси. Посадив пехоту на лошадей, в 1223 году русские князья повели свои армии в степь. Но они были сломлены неожиданной тактикой нового врага – внезапный бросок и отступление, ливень стрел и завершающее бой смертельное окружение. К счастью для уцелевших князей, армия монголов исчезла на востоке так же бесшумно и загадочно, как пришла. Смерть Чингисхана в 1227 году, возможно, заставила некоторых князей поверить, что опасность миновала, хотя существует мало свидетельств об их информированности о монгольских делах. Новый великий хан оказался не менее честолюбивым. Монголы вернулись в 1237 году с еще большим неистовством, и в этот раз они не собирались возвращаться домой. В конце кампании, к 1240 году, они завоевали все русские государства, за исключением Новгорода. Православие пошатнулось. Русские князья слали призывы о помощи своим западным соседям – в Польшу и Венгрию, папе и даже язычникам Литвы, но только Миндаугас предложил свою помощь, хотя и на жестких условиях: он будет признавать православие до тех пор, пока русские купцы и бояре будут щедро платить ему за его помощь. Они и платили. Это было началом экспансии Литвы, приведшей к образованию Великого княжества Литовского, ставшего крупнейшим государством Европы.

В это время ливонские крестоносцы двинулись на Новгород – город, столь богатый и сильный, что его называли Господин Великий Новгород. По сравнению с большими городами Византии и Востока это название звучало некоторым преувеличением. Тем, кто видел Константинополь, Самарканд или даже Венецию, любой северный город казался маленьким и бедным, но тем, кто знал только Любек или Киев, Новгород внушал почтение. Хотя вдохновенный фильм Эйзенштейна «Александр Невский» изображает тевтонских рыцарей во главе нападения, по-видимому, орден принимал небольшое участие в Ледовом побоище. Армия католиков являла собой рыхлую коалицию войск, собранных папским легатом Вильямом Моденским, который вернулся на Запад еще до битвы. Похоже, он считал, что, если крестовый поход против Новгорода увенчается успехом, он сломит последнюю русскую цитадель православия и воссоединит христианский мир, если же поход потерпит неудачу, Запад избавится от части мятежников в своих рядах.

Этими мятежниками в основном были немецкие рыцари. Некоторые из них были бывшими Меченосцами, не смирившимися с судьбой, предопределенной им папой. Другие были светскими рыцарями, которые поселились в Эстонии по приглашению предыдущего папского легата. Меченосцы, с одной стороны, боялись, что король Вальдемар может конфисковать их владения, ас другой – жаждали новых земель. А кроме них был еще шведский король Эрик XI (1222-1250), чьи войска двигались вдоль северного побережья Финского залива, подчиняя местные племена и угрожая распространить королевскую власть на всю эту область, которая поставляла европейским торговцам лучшие меха. Наконец, среди этой армии были и собственно крестоносцы – большинство, скорее всего, из горожан северогерманских городов. Те хорошо знали Новгород и хотели бы диктовать ему свои условия в торговле.

Сначала для крестоносцев все шло хорошо. Летом 1240 года шведы заняли дельту Невы – водный путь к Ладоге, откуда корабли могли войти в Волхов – реку, на которой стоял Новгород. Тем временем крестоносцы из Ливонии перешли через Нарову, а другие напали на Псков. Шведское вторжение, возглавляемое ярлом Биргером и финским прелатом епископом Томасом, угрожало перерезать пути, по которым в Новгород поступало западное зерно. (Новгород зависел от поставок продовольствия с Запада, поскольку южная Русь находилась в руках монголов.) Так как купцы из Любека и Висби не желали добровольно жертвовать своими доходами от этой торговли в пользу шведского короля, единственным ходом для него оставалось установить контроль над устьями рек. Новгородские купцы, осознав степень угрозы, призвали обратно молодого князя Александра, который только что покинул несговорчивый город, и упросили его изгнать шведов[29]. Александр смирил свой гнев и привел свою опытную

[29] Здесь автор несколько запутался в хронологии событий. Александр Невский был вынужден уехать из Новгорода после своей победы на Неве. – *Прим. ред.*

дружину в Новгород. Русский летописец в Новгороде рассказывает о последовавших событиях:

> «Шведы пришли со своим [правителем] и своими епископами и встали на Неве в устье Ижоры, желая завладеть Ладогой, или, иначе говоря,– Новгородом и всеми новгородскими землями. Но вновь добрый и милостивый Господь сохранил и защитил нас от чужеземцев, ибо втуне творили они дела свои без Божьего слова. Пришли в Новгород вести, что шведы идут к Ладоге, и князь Александр со своими людьми и новгородцами, и ладожцами не умедлили. Вышел он им навстречь и одолел волею Святой Софии и молитвами Богоматери Девы Марии 15 июля [1240г.]… И была сеча великая…» [30].

Новгород был спасен от шведской экономической блокады. Благодаря этой битве на Неве князь Александр стал впоследствии известен по прозвищу, полученному после нее,– Невский.

Епископ Томас оставил свою кафедру в 1245 году, убежденный, что потерпел неудачу в деле своей жизни – крещении финнов и карелов. Но он был слишком пессимистичен. Четырьмя годами спустя Карл Биргер начал военную кампанию, которую шведы называли вторым крестовым походом, в земли, где теперь расположен г. Хельсинки. В последующие годы некоторые шведские рыбаки смогли перебраться через залив в Эстонию, где они основались в маленьких поселениях, расположенных вдоль побережья. Впоследствии шведская эмиграция в эти земли значительно увеличилась и изменила их этнический состав.

Ледовое Побоище

Ливонская угроза была для Новгорода более опасна, чем шведская. Объединенные силы бывших Меченосцев, мелких рыцарей из Эстонии, датчан, возглавляемых герцогами Канутом и Абелем, немцев под предводительством епископа г. Дорпата[31], Германа фон Буксведена (брата епископа Альберта), и русских под предводительством князя Ярослава (изгнанного из Пскова), вторглись на новгородские земли с запада. В сентябре 1240 года эта армия захватила Изборск и разбила войско из Пскова, идущее на выручку изборскому гарнизону. Затем настала очередь Пскова. После недельной осады город сдался на определенных условиях. Очевидно, полагаясь на союзников внутри города (возможно, друзей князя Ярослава, который отдал в заложники их детей), крестоносцы разместили в городе гарнизон из двух рыцарей и их свиты, в общей сложности около тридцати или пятидесяти человек. Вожди крестоносцев, наверное, провели всю зиму, предвкушая, как в следующую кампанию будут перекрыты новгородские торговые пути. Особенно после того, как услышали новость, что горожане Новгорода, которые предпочли мир с немцами (возможно, потому, что они считали, торговля с Западом необходима для выживания города), поссорились с князем Александром и он уехал в отдаленный Переяславль, где правил его отец Ярослав.

Когда Вальдемар Датский умер в марте и его сыновья остались дома, опасаясь, что разразится гражданская война, расформированные Меченосцы увидели в этом кризисе не потерю союзника, а возможность возвратить себе Эстонию. Они уже вели переговоры с датскими вассалами в Эстонии, которые желали бы нарушить договор 1238 года и одновременно попытаться завоевать Новгород. Источники тех лет слишком малочисленны, чтобы дать представление о том, в какой степени бывшие Меченосцы возглавляли это нападение на Русь и снабжали его людьми, действуя без официального разрешения и подкреплений со стороны Тевтонского ордена. Но кто-то из бывших Меченосцев, возглавлявший случившийся ранее мятеж против магистра Фольквина, вынужденного когда-то захватить Эстонию против своей воли, явно играл одну из первых ролей в подготовке этого

---

[30] Новгородская летопись, 1016-1471 года, переведенная Р. Мичелом и Н. Форбесом. Это не самый легкий текст для чтения, но он передает живо суть православной веры.

[31] Ныне город Тарту в Эстонии.– *Прим. ред.*

вторжения.

К апрелю 1241 года армия из тевтонских рыцарей, бывших Меченосцев, вассалов Дании и местных эстонцев заняли Карелию – землю, лежавшую на восток от Нарвы. Из замка, сооруженного ими в Копорье, они совершали дерзкие набеги на юго-восток, однажды приблизившись на двадцать миль к Новгороду и уведя столько коней, что крестьяне не могли той весной вспахать свою землю.

Эти успехи сделали союзников столь уверенными в победе, что они поспешно послали епископа Генриха Озельвикского в Рим, с просьбой к папе Григорию о назначений Генриха епископом покоренных земель. Возможно, предполагалось предложить русским князьям на севере военную помощь Запада против монголов. Взамен православные люди должны были принять унию церквей при ведущей роли католиков. Конечно, и в Пскове, и в других городах были люди, выражавшие желание согласиться на эти условия, как это сделали русские князья в Галиции (как раз в это время монгольские орды разоряли их земли). Также ясно, что именно военная поддержка со стороны Пскова столь усиливала натиск Запада на Новгород, так как крестоносцы не могли бы набрать достаточное количество воинов, чтобы сломить сопротивление новгородцев. Папа, со своей стороны, выразил полное одобрение происходящего, приказав архиепископу Лунда и подчиненным ему епископам воззвать к своим людям и «подобно Моисею, повесить меч на пояс» – вооружиться словом Божьим, чтобы защитить христиан в Эстонии.

Остается неизвестным местонахождение Вильяма Моденского в период с февраля 1241 года до февраля 1242 года. В 1239-1240 гг. он побывал в Пруссии, Любеке и Дании, пытаясь разрешить любой спор, который мог помешать крестовому походу. Зная что-то о его перемещениях в упомянутое время, можно было бы ответить на вопрос, организовывал ли он в это время в Эстонии нападение на Новгород или, будучи в Германии, Богемии и Польше, пытался создать оборонительную стратегию против наступающих монголов.

Невозможно также точно выяснить подробности о деятельности ливонского магистра Дитриха фон Грюнингена. Он был одним из рыцарей, которые вступили в орден вместе с Конрадом Тюрингским в 1234 году, и был избран магистром Ливонии в 1237 году, когда, очевидно, было решено, что ему необходимо набраться больше опыта, который он явно получил в последующие годы. Он был преемником Германа Бальке в 1238 году, но отсутствовал в критические месяцы 1241 года, когда планировалось нападение на Новгород. Вернулся он в 1242 году, очевидно уже летом, с открытием навигации, и оставался в Ливонии до 1245-1246 гг., когда начал временно исполнять функции магистра Германии, а затем стал магистром Пруссии. В отсутствие Дитриха дела вел Андреас фон Фельбен. Из его последующей блестящей карьеры мы можем заключить, что в 1241-1242 годах он также отлично справлялся со своими обязанностями и его имя не связывалось с провалом похода на Русь.

Конечно, рыцари ордена в Пруссии были весьма озабочены монгольской угрозой. Хотя постоянно подчеркивается, что легенда о прусском магистре Поппо, якобы нашедшем свою смерть под градом татарских стрел на поле у Лигница, не соответствует действительности, популяризаторы истории продолжают воскрешать ее. Источником этого мифа, возможно, послужила обязанность ордена защищать христиан от всех вооруженных врагов. Возможно, Поппо действительно участвовал в этой битве и был ранен. Прямые доказательства этого отсутствуют. Он действительно скончался в Лигнице, когда навещал в монастыре свою супругу, и был похоронен там, но много лет спустя.

В любом случае для Андреаса это было неподходящим моментом, чтобы рисковать своими рыцарями, которые могли потребоваться во многих других местах. Он понимал, что рыцари, которые рвались напасть на Новгород, были мятежниками, собиравшимися разорвать договор, заключенный с датским королем в Стенсби, и ввергнуть орден в войну с Данией. Возможно, временный характер его власти ограничивал его уверенность в действиях. Как бы там ни было, здравомыслящий Андреас, скорее всего, не был причастен к походу на Новгород в 1241 году.

К тому же фон Фельбен тогда был более озабочен другими проблемами, чтобы поддержать это нападение. Ему нужно было утихомирить волнения в Эзеле, что он и проделал, проведя свою армию по льду и устрашив мятежников. Сохранился мирный договор, который

дает нам ценные свидетельства политики крестоносцев по отношению к своим подданным. Во-первых, любой уличенный в исполнении языческих обрядов, наказывался штрафом и бичеванием. Во-вторых, крестьяне должны были доставлять дань на кораблях в Ригу или епископу. В-третьих, тот, кто был виновен в детоубийстве, подвергался штрафу, а если это оказывалась мать ребенка, то ее девять воскресений подряд приводили на кладбище, где с нее срывали одежду и подвергали бичеванию. В-четвертых, ежегодно ко времени, когда уплачены налоги, протекторы выносили судебные решения, в которых они следовали рекомендациям местных старейшин. Наконец, виновные в убийстве чужеземца или родича обязывались платить вергельд – виру размером в десять марок. Это был огромный штраф, который мог быть уплачен только с помощью всего клана. Иными словами, договор затрагивал разнообразные аспекты: религиозные, финансовые и социальные, то есть те, которые, по-видимому, не были учтены уже существующими соглашениями. Также этот договор демонстрирует, что эстонцы Эзеля не были беспомощными и бесправными крепостными. Магистр не подписывал бы официальные соглашения, требующие присутствия священников, монахов, вассалов, маршала, множества рыцарей, если бы старейшины не были влиятельны и не располагали значительным имуществом.

Тем временем новгородцы просили князя Александра вернуться в Новгород. Покорные горожане теперь убедились, что они не могут сражаться с немецко-псковскими силами в одиночку, и, вероятно, уступили князю во всех спорных вопросах. В конце 1241 года Александр принудил к сдаче немецко-датский гарнизон к востоку от Нарвы. Примечательно, что он отпустил (разумеется, за выкуп) западных воинов, но эстонцев велел повесить как мятежников и предателей. Таким образом, он продемонстрировал, что его занимает совершенно определенная задача – сохранять контроль над жизненно важными территориями. У него не было намерения опрокинуть крестоносцев в море; его заботы были на юге, где сохраняли свою власть монголы, а не на западе. Он только хотел обезопасить себя от нападения с тыла, когда он вступит в бой с татарами. Действия Александра против псковского гарнизона 5 марта 1242 года так описываются немецким летописцем:

> «Он двинулся к Пскову со многими силами. Прибыв туда, он освободил псковичей, чему те возрадовались. Когда же он увидел немцев, он не колебался долго, но изгнал прочь двух братьев и преследовал их слуг. Немцам пришлось бежать… если бы Псков был защищен, христианство бы торжествовало до конца времен. Было неразумно завоевать отличную землю и не удерживать ее, как должно… Затем король Новгорода вернулся домой»[32].

Соответствующая запись в Новгородской летописи очень коротка:

> «Князь Александр занял все дороги [на Псков], захватил немцев и чудь, заковал тех и других в железо и отправил их в Новгород, чтобы там их посадили в тюрьму».

Затем Александр повел небольшое войско на епископство Дорпата, но повернул обратно после того, как люди епископа Германа отбросили его разведчиков. Возможно, какое-то число тевтонских рыцарей присоединилось к преследованию отступающих войск Александра, что сделало в целом вклад ордена в эти события более заметным. Затем православное войско и католическая армия сошлись на Чудском озере – в знаменитом Ледовом побоище. Обе армии были невелики. У католиков было, предположительно, около двух тысяч человек, у русских – примерно шесть тысяч, но это превосходящее число воинов, в сущности, уравновешивалось более совершенным оружием крестоносцев.

В угоду политическим позициям XX века эта битва получила незаслуженную славу. Это событие наделили значением гораздо большим, чем оно того заслуживает, благодаря

---

[32] Ливонская рифмованная летопись. Пер. Дж. Смита и В. Урбана. Новое, расширенное издание. Чикаго: Литовский научно-исследовательский центр, 2001. (Это наивное, живое и информативное повествование.)

выпущенному в 1938 году фильму Сергея Эйзенштейна «Александр Невский», который сопровождала волнующая музыка Сергея Прокофьева. На самом деле, хотя фильм достаточно точно изображает некоторые аспекты битвы, особенно костюмы и тактику, передавая нам потрясающее ощущение драматичности средневековой битвы, прочие моменты битвы, показанные в фильме,– чистая пропаганда. Конечно же, не стоит и говорить о том, что предки эстонцев и латышей не были согбенными карликами, как утверждают авторы фильма, не были они также и бесправными крепостными рабами. Магистр Андреас был в Риге и потому не мог быть взят в плен Александром Невским, чтобы впоследствии его обменяли на мыло. Войско русских в основном состояло из профессионалов. Фильм же рисует некий аналог ленинских коммунистов, крестьян и рабочих, противостоящих некоему эквиваленту фашистских штурмовых колонн. Германские крестоносцы отнюдь не были предвестниками нацистов, этакими белокурыми гигантами, которые сжигали детей живьем. Короче говоря, многие сцены из этого фильма рассказывают нам больше о Советском Союзе незадолго до вторжения Гитлера, чем о средневековой истории. С другой стороны, вполне возможно, что у крестоносцев действительно был небольшой орган. Генрих Ливонский упоминает случай, произошедший в другой, более ранней битве, когда звуки этого музыкального инструмента заставили две сражающиеся армии на мгновение изумленно остановиться, а записи конца века упоминают орган среди религиозных предметов, уничтоженных литовскими язычниками. И самое главное, Чудское озеро достаточно удалено от моря, чтобы в последние дни зимних холодов на озере сохранилось достаточно льда вдоль побережья, чтобы выдержать тяжесть вооруженного всадника.

Весна еще не наступила, когда 5 апреля армия крестоносцев переправилась через озеро или, что более вероятно, прошла вдоль берега, чтобы встретиться с русским войском. Хотя некоторые из стычек, возможно, происходили на льду, маловероятно, что крестоносцы рискнули бы использовать значительные силы конницы для сражения на льду. Тяжеловооруженные западные рыцари составили голову колонны, за ними следовала легкая кавалерия и пехота. Этот строй и атаковал русскую пехоту. Ливонская рифмованная летопись лаконично описывает битву:

> «У русских было много стрелков, и битва началась с их смелой атаки на людей короля (датчан). Знамена братьев-рыцарей вскоре развевались в гуще стрелков, и слышно было, как их мечи крошили шлемы [русских]. Многие с обеих сторон пали мертвыми на траву[33]. Затем войско братьев было полностью окружено, ибо у русских было столько людей, что против каждого немецкого рыцаря сражалось шестьдесят воинов. Братья сражались доблестно, но, несмотря на это, были разбиты. Некоторые из них убежали с поля битвы к Дорпату, и они спаслись, потому что убежали. Двадцать братьев погибли и шестеро попали в плен»[34].

Итоги битвы, конечно, отразились и за пределами ливонско-русских границ. Восстания вспыхивали в Курляндии и Пруссии, угрожая втянуть тевтонских рыцарей в войну на столь многих фронтах, что они вряд ли смогли бы справиться со своими врагами. Тем не менее Александр Невский не был заинтересован в войне против государств крестоносцев в Ливонии. Во-первых, бывшие Меченосцы и тевтонские рыцари, участвовавшие в битве, понесли потери вдвое меньшие, чем в битве на реке Шауляй. Если учесть, что эти потери могли быть легко возмещены войсками, которые магистр держал в резерве, орден оставался очень сильным противником. Кроме того, князю пришлось бы осаждать и штурмовать крестоносцев в их хорошо укрепленных деревянных замках, а его войско не имело осадных орудий. Наконец, монгольская угроза была столь близка, что князь должен был немедленно заняться ей. Соответственно, он предложил католикам великодушные условия, которые те немедленно

---

[33] Именно траву! – *Прим. пер.*

[34] Цитируется в книге Давида Николля: Чудское озеро, 1242: Битва на льду (Osprey; London, 1996).

приняли: новгородские войска уходили с псковских земель и других пограничных территорий, Александр освобождал пленников, а немцы освобождали заложников. Три года спустя Александр отбил попытку Литвы воспользоваться ослаблением Новгорода. В итоге ему, как и прочим русским князьям, пришлось признать власть Золотой Орды и сотрудничать с монгольским ханом. В последующие двадцать лет между русскими и немцами не было вооруженных столкновений.

Это был опасный для Новгорода момент, но не настолько, как иногда думают. Если бы Новгород был завоеван западными католиками, он мог бы действительно разделить судьбу Византии после Четвертого крестового похода, то есть временно попасть под власть иноземцев. Возможно, Новгород понес бы в политическом и экономическом смысле такие потери, что не смог бы противостоять более опасному врагу, надвигавшемуся с Востока. Однако трудно представить себе крестоносцев, навсегда поработивших русскую культуру, православную церковь и русскую знать. Если это оказалось не под силу Золотой Орде, способен ли был на это Запад? Легко преувеличить значение Ледового побоища. Если говорить о непосредственных результатах, то они были более важными для крестоносцев, поскольку остановили их военное продвижение на Восток. Более отдаленным во времени результатом было то, что сражение дало русским память о славной победе над грозным врагом, победе, особенно яркой на фоне поражений тех лет.

Сложись ход сражения иначе, судьба Эстонии и Ливонии изменилась бы. Тевтонские рыцари (фактически – бывшие Меченосцы), которые поддержали это нападение, могли взять на себя обязательства, за которые пришлось бы отвечать всему ордену. Хотя выжившие братья позднее продолжали жаловаться, что их не поддержали должным образом («Епископ… привел слишком мало людей, а войско братьев было слишком малочисленным»), им ничего не оставалось, кроме как смириться с властью магистра Дитриха. Только один из этих рыцарей появляется потом в Ливонских хрониках, и то через много лет. По меньшей мере один из уцелевших предводителей был послан в Святую землю. Не было ли бывших Меченосцев и среди тех тевтонских рыцарей, которые перешли в орден Тамплиеров в 1245 году? Мы не знаем. Даже Андреас фон Фельбен временно оставил страну, оставаясь в своих родных Нидерландах в 1243 году. Кажется, именно это поражение предоставило магистру Дитриху возможность провести в ордене основательную чистку, которую он выполнил с таким успехом, что в 1246 году был избран магистром Пруссии, а еще через восемь лет – магистром Германии.

Дорпат (Дерпт) и Новгород

Середина XIII века стала вершиной успехов крестоносцев в Прибалтике. Самым важным было то, что крестоносцам удалось убедить Миндаугаса Литовского в военном превосходстве христианского бога над языческими. В 1252 году он принял корону Литвы из рук немецкого епископа в присутствии магистра Ливонии. Хотя Миндаугас ничуть не изменил своих манер и обычаев и не допускал миссионеров нести слово Божье по своему королевству, Запад не торопил его с этим. Пожалуй, можно сделать вывод, что тевтонские рыцари были твердыми последователями «реальной политики». То есть они слишком хотели получить земли и людей, чтобы настаивать на немедленном крещении и изменении обычаев. Рыцари понимали необходимость медленного продвижения в таких обстоятельствах, не позволяя религиозному фанатизму нарушить традиционное течение местной жизни. В 1257 году крестоносцы из Ливонии и Пруссии даже сумели заставить самогитов принять на два года договор, в течение которого в страну допускались миссионеры и купцы.

Тевтонские рыцари добились таких успехов, невзирая на деятельность нового архиепископа Риги – Альберта Суебира (Сюбира), который никогда не пренебрегал возможностью досадить своим врагам. Амбиции архиепископа не были тайной – он был уверен, что церковь должна направлять крестоносцев и что он – самый подходящий для этого представитель церкви.

Этот период мирного обращения закончился в 1259 году, когда самогитийские жрецы убедили свой народ вновь поднять оружие против христиан. Дважды за короткий срок военные силы язычников разбивали армии крестоносцев из Пруссии и Ливонии. Затем в Ливонии и

Пруссии вспыхнул мятеж, и самогитийская армия покинула свою страну, чтобы помочь мятежникам. Затем самогиты заставили Миндаугаса присоединиться к ним. Тот, будучи практичным политиком, заявил о своей верности языческим богам войны и повел свои войска в Ливонию. Русские войска вторглись в Эстонию, что было частью большой и превосходно разработанной стратегии Миндаугаса. К несчастью для него, трудности с сообщением между двумя этими армиями сделали невозможным координацию их действий. Два войска быстро вернулись в родные земли, не встретив друг друга. Тевтонские рыцари и епископ благодаря этому избежали самой большой опасности за свою короткую историю.

Проживи Миндаугас еще несколько лет, крестоносцам пришлось бы туго. Но как бы то ни было, в 1263 году он был убит своими противниками. Когда его сын, выйдя из монастыря, предъявил свои права на трон, Литва была ввергнута в междоусобную войну. Один из заговорщиков – князь Довмонт, бежал в Псков, где стал местным князем, и в 1266-1267 годах нападал на Полоцк, русский город, стоявший на торговых путях из Новгорода в Литву и из Риги во внутренние русские княжества. Каждый раз, когда Довмонт добивался успеха, крестоносцы начинали опасаться, что христианство не выживет в Литве (и оно действительно вскоре там исчезло). Кроме того, Довмонт постоянно устраивал набеги на Эстонию, для защиты которой Ливонский орден построил крупный замок в Вейсенштейне[35]. Помимо постройки замка, обеспечивавшего оборону области Йервен, орден разослал призыв к крестоносцам объединиться для удара по Пскову, что устранило бы угрозу в целом. Несмотря на ссоры его предводителей между собой, из-за которых русские войска долго бродили бесцельно, прежде чем предприняли короткую бессмысленную осаду Везенберга[36] (Раковора) – датской крепости, построенной в 1252 году для контроля над стратегическими путями, было ясно, что русские еще вернутся. Но чего совершенно не ожидал Ливонский магистр, так это того, что архиепископ Рижский Альберт Суебир устроит заговор, чтобы захватить власть, в то время как орден занят защитой границ. Среди крестоносцев, прибывших в Ливонию в 1267 году, был Гунзелин Шверинский, хитроумный и опасный человек, хотя и не из самых влиятельных государей. Он постоянно, хотя и безуспешно, участвовал во множестве феодальных войн в своих краях. Двадцать лет он ссорился со своими соседями, проигрывая каждый раз, хотя его неудачи были скорее следствием скудных военных и финансовых ресурсов, чем отсутствием отваги или способностей. Он участвовал в Датской войне в 1250 году, присоединился к войне за датское наследство и служил приверженцам Вельфов в длительной междоусобице в начале 1260-х годов – теперь он выигрывал, однако это было несопоставимо с его усилиями. Его жена была из Мекленбургского дома, и он должен был унаследовать этот трон в смуте, возникшей после смерти герцога Иоганна Пархима, но его со временем одолел молодой герцог Генрих. Это было как раз в то время, когда Гунзелин принял крест, чтобы отправиться в крестовый поход в Ливонию. Возможно, его привлекали приключения и вдохновляли религиозные соображения, возможно, он просто поддерживал семейные традиции. Возможно, это было требование Генриха, чья семья традиционно участвовала в крестовых походах (один из братьев Генриха был Поппо, низложенный магистр Пруссии). Генрих не желал идти в поход сам, пока его возможный враг оставался у него за спиной.

Возможно даже, что Гунзелин планировал переселиться на восток. В конце концов, Шверин не был устоявшимся государством – ему было всего чуть более ста лет. Он располагался на границе между языческим и христианским мирами, его население составляли перемешавшиеся и мирно сосуществующие немцы и славяне. Семья Гунзелина давно породнилась со славянской знатью, когда-то владевшей этими землями, и жизнь на новых землях не должна была казаться ему чем-то очень непривычным. Уже многие годы он собирал в Ливонии владения, обмениваясь землями с монашескими орденами – популярный в Средневековье способ «застраховать» свои владения,– и он, несомненно, хорошо знал о местных делах. Кроме всего прочего, в то время его собственные владения были заняты

[35] Ныне город Пайде в Эстонии.– *Прим ред.*

[36] Ныне город Раквере в Эстонии.– *Прим ред.*

герцогом Бранденбургским, и Гунзелину нужны были земли, чтобы дать достойное наследство своим детям. Короче говоря, в Шверине для него было мало перспектив.

Должно быть, крестоносцы высадились в Ливонии летом или осенью 1267 года, в ожидании зимней кампании против Новгорода. Магистр Отто, хотя и озабоченный литовскими нападениями вдоль Даугавы, приказал тридцати четырем рыцарям из Вайсенштейна, Леала[37] и Феллина[38] поддержать войска епископа в Дорпате. Кроме рыцарей ордена, у того были местные войска и дружины вассалов датского короля. Среди многочисленных крестоносцев был и герцог Генрих Мекленбургский со своими войсками из немцев и славян. Но Гунзелин, очевидно, провел в Эстонии совсем немного времени.

Корабль доставил его прямо в Ригу, к епископу Альберту, с которым, как можно предположить, он уже встречался во время длительного пребывания Альберта в северной Германии. Но только сейчас эти два человека обнаружили, насколько полезны могут быть друг для друга. Альберт протестовал против независимости Тевтонского ордена и того, что они конфисковали его земли и подняли смуту даже между его канониками. Гунзелин был беден, но воинствен и с большими амбициями. Без сомнения, он помнил, что его дед в свое время осмелился захватить короля Вальдемара II, надолго ввергнув в смуту Датское королевство. Непонятно, кому принадлежала идея напасть на орден и поделить его земли, но 21 декабря 1267 года Гунзелин и Альберт подписали соглашение именно об этом. Архиепископ назначал графа протектором всех своих земель и передавал тому всю власть, все доходы и всю ответственность за эти владения. Предполагалось, что графа ждет щедрая награда – земли, которые он сможет отнять у ордена или язычников, но если его постигнет неудача, архиепископ не будет платить за него выкуп, снимая с себя всякую ответственность за его действия. Это было рискованное предприятие, но граф Шверинский привык к риску.

Гунзелин надеялся стать крупным землевладельцем в Семгаллии и сюзереном в Нальзене в приграничной Литве. Возможно, он считал эти земли к югу от Двины легкой добычей. Они были слабо населены, и у них тогда не было опытного повелителя с большой дружиной. Готовя владения архиепископа к предстоящей войне, Гунзелин наверняка навещал вассалов, осматривал замки и оценивал количество войск, которые он сможет собрать. Затем он отправился на Готланд, чтобы набрать наемников, необходимых ему для пополнения войска. Тем временем архиепископ сводил знакомства со всеми потенциальными врагами ордена. Если бы он смог найти достаточную поддержку за границей, его заговор имел бы большие шансы на то, чтобы свергнуть власть тевтонских рыцарей в Ливонии.

А в это время большая русская армия, возглавляемая на этот раз князем Дмитрием Переяславским, сыном Александра Невского, вторглась в Эстонию. Русские не были уверены, что им следует делать в первую очередь – вторгнуться в Литву через Полоцк, или пересечь Нарву через Вирлянд[39], а затем идти на Ревель, или через болота двигаться к Дорпату. Западное войско (оцениваемое летописцем в тридцать тысяч человек) собиралось у Дорпата. Войска столкнулись в ожесточенном сражении 23 января 1268 года у Махольма, а затем снова 28 февраля к востоку от него, на берегах реки Кеголы. Ливонская рифмованная летопись описывает сражение:

> «Когда прибыли люди, что должны были выступать с братьями, был отдан приказ разместить местных воинов на левом фланге. Им предстояло держать в бою эту позицию. Привели туда и еще большее войско из королевских вассалов немецкой крови, и заняли они правый фланг. А братья-рыцари со своими людьми ударили в центре. Епископ Александер был убит. Два полка русских двинулись на него, но были обращены в бегство. Там и здесь русским пришлось отступать… Братья отомстили за

[37] Ныне город Лихула в Эстонии.– *Прим ред.*

[38] Ныне город Вильянди в Эстонии.– *Прим ред.*

[39] Область в Эстонии, современное название Вирумаа.– *Прим. ред.*

> обиды, которые долго терпели от схизматиков. Поле битвы было широко, и всюду русские терпели поражение… Каждому немцу приходилось сражаться с шестьюдесятью русскими… Князь Дмитрий сражался как герой, поведя в бой пять тысяч отборных русских воинов. Другое войско бежало. И вот что случилось. Знаменосцы ордена противостояли ему на очень плохой речке. Он увидел войско братьев там, а у братьев было много воинов, числом сто шестьдесят, и этого должно было хватить. Там были и пешие воины, которые, заняв место перед мостом, сражались как герои, и было их около восьмидесяти. Они отразили натиск русских, и те бежали… Много русских жен рыдало над телами своих мужей, когда закончилась битва. И правду говорю я, что русские не простили того братьям-рыцарям, хоть тому прошло много лет».

Новгородская летопись передает ход сражения более связно:

> «Когда подошли они к Кеголе-реке, там стояло наготове войско [немцев]. И было оно словно лес, ибо вся земля немецкая пришла на то поле. Но мужи новгородские, не мешкая, перешли реку и стали строить свои ряды. И псковичи встали по правую руку, а Дмитрий и Святослав стали еще правее, а слева стал Михаил, а новгородцы встали прямо супротив железных рядов немецкого клина. И так сошлись два войска, и началась ужасная битва, подобной которой не видели ни отцы, ни деды… И столкнулись войска, и клали новгородцы головы за Святую Софию. Но милостивый Господь послал скоро милосердие свое, не желая полной погибели грешным. Наказав, простил он нас снова и отворотил гнев свой от нас. И силой Святого креста и молитвами Святой Богородицы Девы Марии и всех святых, с Божьей помощью одолели немцев [князь] Дмитрий и новгородцы и гнали их к городу семь верст по трем дорогам, так что кони не могли пробраться через тела павших. И повернули они от города против другого клина вражеского войска, что ударил в новгородский обоз, и новгородцы желали сразиться с ними, но другие сказали: "Близится ночь, а если мы смешаемся и биты будем?" И так войска стояли супротив друг друга, ожидая дня. И проклятые христопродавцы бежали, не дожидаясь света…»

Это было запутанное сражение между двумя крупными армиями. Очевидно, каждая из них одержала верх на одной части поля боя, после чего немцы отступили, чтобы прикрыть другой брод. Обе стороны были измотаны, и русские войска вскоре отступили на свою территорию.

В выигрыше остались монголы, которые хорошо умели сталкивать своих врагов. В 1275 году они собирали второй налог «с каждого дыма» по всей русской земле, на этот раз не встречая сопротивления. Именно эту Монгольскую империю, протянувшуюся от Руси до Багдада и от Пекина до Ханоя, увидел Марко Поло в своем долгом путешествии в 1268 году.

Конфликт между католицизмом и православием не проявлялся еще многие годы. Обе стороны видели, что преимущество находится у обороняющейся стороны. У тех и других были хорошо укрепленные крепости с отважными гарнизонами, готовыми защищаться до последнего, а большие расстояния и плохие дороги делали невозможными длительные осады. Рыцари, служившие в ордене, духовенство, светские рыцари и горожане были готовы драться за свои владения. Но в равной степени против русских и литовских набегов были настроены и местные жители, те, кто в первую очередь страдал от набегов в прошлом. Они из двух зол предпочитали «более знакомое».

Местные племена в конце XIII века

Обвинение ордена в том, что он тормозил процесс обращения местного населения в христианство, лежит в основе всех нападок на деятельность тевтонских рыцарей в Ливонии и Пруссии. С одной стороны, подход, бытовавший с XIII века (усилившийся в конце XIX века и широко признанный в конце XX века), гласил, что любое вмешательство в местные обычаи есть западный колониализм и культурный империализм. В то же время приверженцы этой доктрины обвиняют орден и в том, что он не смог принести прибалтам христианство и просвещение,

чтобы поднять их до уровня немецкой нации (словно это не было бы значительным вмешательством в жизнь местных племен). Противники ордена считали, что подход «снизу», через местных священников, произвел бы большее впечатление на слушателей. Такие проповедники знали бы в совершенстве местные языки и обладали бы более высокой моралью, чем чужеземцы. Возможно, они и были правы. Беда в том, что у ордена не было выбора. Религиозное образование и назначение священников было обязанностью архиепископа и епископов, а не магистра и чиновников ордена. Если бы монахи-рыцари попытались учить вере кого-либо, любой папа немедленно и жестоко покарал бы их. Более того, любые попытки убедить епископов и их каноников стать братьями ордена вызывали негодующие вопли протеста.

Ясно, что все попытки проповедовать слово Божье среди прибалтийских народов были более чем неудачными. Причины этих неудач были видны даже современникам: церковь не доверяла сыновьям языческих жрецов, которые могли еретически толковать христианскую веру, что грозило душам их паствы, безбрачие не было в обычае, а пример женатых православных священников давал опасное искушение. Более того, так как иноземные прелаты и каноники не говорили на эстонском или латышском, они не могли точно знать, что говорят или делают священники из местных жителей. У Церкви не хватало средств содержать духовенство в отдаленных областях: священники, которых набирали по Германии, вскоре перебирались в города, где могли найти себе занятие или, по меньшей мере, могли общаться на родном языке с кем-то еще, кроме случайного купца, местного землевладельца или военачальника – людей, с кем они имели мало общего. Наконец, все обращенные в христианство местные жители довольно скоро подстраивали под новую веру местные мифы и понимали ее через призму старинных обычаев. У нас не вызывают особых эмоций ирландские *фэйри* и хорватские *вилии,* но средневековая церковь воспринимала их всерьез. Не менее серьезно сопротивлялась она включению языческих верований прибалтов – в первую очередь связанных с похоронами и поминовениями усопших – в повседневные службы и сезонные празднества.

Ливонцы повсеместно и успешно сопротивлялись внедрению христианских погребальных обрядов. Однако мы владеем информацией именно об этой форме сопротивления только потому, что церкви было гораздо легче следить за погребальными обрядами, чем за соблюдением постов, тайными церемониями и суевериями, отличными от тех, которых придерживались немцы. Женщины в особенности были упорны в своем сопротивлении переменам, возможно, потому, что их жизнь была меньше затронута новым режимом, чем мир мужчин. Кроме того, ни тевтонским рыцарям, ни священникам не полагалось проводить время с женщинами.

Все, что, казалось, поняли новообращенные – это необходимость повторять определенные молитвы, почитать святых и добавить новые суеверия к своей уже и так разнородной системе верований. Понимание роли Троицы в монотеистической вере было для них, наверное, столь же сложным, как и сегодня, а христианский моральный кодекс, как казалось временами, был мало связан с повседневной жизнью обычных немцев. Правители этих земель, вероятно, и не знали, что происходит в их деревнях – и менее всего рыцари монашеского ордена, обязанные проводить свое время в монастыре в молитвах, а не общаясь с местным населением (пиры и попойки с мужчинами были еще терпимы, но не увеселения, на которых присутствовали бы женщины). То, что местные жители хотели сохранить, они хранили в музыке и песнях, которые не понимали чужеземцы. Эта песенная традиция (но, увы, не сами песни) дошла до наших дней – в 1988-1991 годах прибалтийские государства вновь обрели свою независимость не с помощью террора или силы, но с помощью «революции песен».

Окольный подход ордена к обращению был более эффективен в Пруссии, где многочисленные немецкие и польские крестьяне ускоряли процесс культурной ассимиляции и постепенной германизации. Но даже при этих условиях вопрос, насколько искренним было обращение местных жителей, обсуждался веками. Миссионеры впустую проповедовали, так как их было слишком мало и они слишком плохо знали местные языки, чтобы достучаться до сердец ливонцев. Христианство проникло в местное общество, лишь когда волны Реформации и контрреформации докатились до Прибалтики.

Несмотря на широко распространенное заблуждение, крепостничество и рабство отнюдь

не были судьбой завоеванных орденом народов. Налоги и повинности – да, моногамия и формальная принадлежность к христианству – да, но практически во всем остальном покоренные жители могли продолжать жить своей обычной жизнью. Старейшины продолжали управлять делами своих сообществ, воины радовались добыче и престижу, что давала им война, крестьянские же семьи должны были работать, вероятно, не более трех дней в году на полях своего господина, проживавшего часто где-то за тридевять земель. Бесспорно, как светские, так и церковные землевладельцы желали «округлить» свои земли, превышали свои законные права и не знали удержу в сборе налогов. Почти с той же вероятностью некоторые местные вассалы считали это и своим правом (унаследованным от своих матерей и бабок, вдов и дочерей знатных эстонцев и ливонцев, сгинувших в прошедших войнах, или, как в случае с семейством фон Роппов,– от брачного союза с известной русской династией).

Административно Ливония оставалось разделенной, поэтому, возможно, судьба различных поселений была совершенно разной. На землях ордена селилось сравнительно мало немцев, на землях архиепископа – чуть больше. Немецкое влияние почти не распространялось за стенами маленьких общин, ютившихся подле главных замков и прибрежных городов. Однако в Эстонии, где епископы Дорпата и Эзелья-Вика правили через посаженных на земли вассалов, и во владениях датского монарха немецкие рыцари, купцы и ремесленники были гораздо более многочисленными.

К несчастью, именно эта горстка управителей и купцов вела записи и писала письма, составляющие наши самые важные исторические источники по этому периоду. Когда мы доходим до последних строк «Рифмованной летописи» и понимаем, что ее автор отложил перо, мы испытываем чувство потери, почти столь же болезненной, как когда мы заканчиваем чтение «Летописи Генриха Ливонского». Век балтийских крестовых походов заканчивался раздором, за перипетиями которого нам приходится следить по запискам юристов и заявлениям врагов ордена на слушаниях, проводимых папскими легатами. К сожалению, тевтонские рыцари бойкотировали эти слушания, тем самым лишив нас возможности услышать их версию событий. Жители Риги не могли отказаться от своего союза с язычниками-литовцами, потому что это означало бы в итоге капитуляцию перед ливонским магистром. Тридцать лет этот город вел отчаянную, но тщетную войну за свою свободу. Крестовый поход XIII века обернулся гражданским конфликтом, который будет длиться несколько десятилетий и вспыхнет снова в XV веке.

Глава седьмая
Территориальные столкновения с Польшей

Помереллия и Данциг

Стратегическое значение Помереллии (Западной Пруссии) заключалось, во-первых, в том, что она располагалась на южном побережье Балтийского моря вдоль последнего участка морского пути из Любека в Пруссию: ее правители могли на свое усмотрение либо способствовать, либо препятствовать морской торговле. Во-вторых, она представляла для крестоносцев из Священной Римской империи альтернативный сухопутный маршрут в Пруссию. Некоторые крестоносцы прибывали туда морем, особенно из Англии и Шотландии. Это был самый комфортный, хотя и дорогой способ путешествовать, а с Ливонией крестоносцы и купцы поддерживали отношения только морем. Но большинство крестоносцев прибывало в Пруссию из Майнца, Тюрингии и Верхней Саксонии. Для них путь в Торн, Кульм и Мариенбург лежал через Великую Польшу. Если бы этот путь оказался перекрыт польским королем, они могли бы достичь Пруссии только через Бранденбург, Ноймарк и Помереллию.

Для Польши владение Помереллией гарантировало бы доступ к Балтийскому морю – важный фактор для увеличения объема зерна, вывозимого по Висле на международные рынки. Более того, король смог бы разместить свои силы в тылу у владений ордена в Восточной Пруссии, на расстоянии одного короткого перехода от таких важных замков, как Мариенбург и

Эльбинг.

Экономическое значение Данцига для обеих сторон не столь очевидно. У тевтонских рыцарей были и другие выходы к морю для вывоза производимых на их землях зерна и лесных товаров, а Данциг никогда не был полностью покорен воле ордена. Избиение его жителей орденом во время восстания было столь же преувеличенным (десять тысяч человек, намного больше всего его населения в то время), сколь и часто упоминаемым польскими королями. Позднее чиновникам ордена пришлось уже вести переговоры с богатыми и самоуверенными патрициями, которые определяли политику этого ганзейского города, и полагаться на данцигские военные корабли в своих попытках подавить пиратство на Балтике. Пясты высоко ценили свой теоретический статус сюзеренов Данцига, гораздо выше, чем те военные или финансовые преимущества, которые они бы получили в результате его обретения. Хорошим пропагандистским шагом было заявление, что немецкоязычные граждане Данцига на самом деле являются поляками,– заявление правдоподобное, так как в то время язык еще не был очевидным признаком политической принадлежности.

Подлинным предметом спора была власть – если бы тевтонские рыцари захватили Помереллию и Данциг, то они могли бы приводить крестоносцев в Пруссию, независимо от того, какую политику проводит король. Они могли бы набирать людей в войска и собирать налоги с этих земель, чтобы поддержать свои действия на восточной границе.

А если бы польский король захватил Помереллиго, он смог бы склонить Пруссию к вассалитету. Поскольку военный орден рассматривал владение Помереллией как необходимое для выживания, магистры уделяли этой проблеме первоочередное внимание. Напротив, для короля овладение Помереллией приносило мало выгод, кроме власти над Тевтонским орденом – рыцари-вассалы и налоги с этих земель лишь слегка увеличили бы его силу и состояние. Так что он мог отложить решение этого вопроса на будущее.

Помереллия, вероятно, стала бы владением Пястов, если бы Польша не потерпела военную катастрофу в столкновении с монголами в 40-х годах XIII века. Это произошло бы не только по праву наследования – орден в этом отношении не мог состязаться со светскими правителями (обет безбрачия!), но и из-за того, что Пясты были бы достаточно сильны, чтобы заставить орден делиться плодами святой войны с самого начала, прежде чем он смог закрепиться в Восточной Пруссии. Как минимум, князья Мазовии захватили бы Кульм и поставили бы своих сторонников прелатами на четырех епископствах Пруссии. С равной степенью уверенности можно сказать, что любая амбициозная династия любой национальности вряд ли удержалась бы от притязаний на контроль над землями ордена. Так как князь Конрад и его наследники контролировали водные пути в Мазовии, что вели в Литву и Волынь, им приходилось защищать эти земли от нападений язычников. Дополнительные обязательства в Пруссии еще больше вовлекли бы их в будущие конфликты с Литвой.

Все могло бы произойти так. Но тем не менее у Польши была другая судьба. Так как польское королевство терпело одно поражение за другим, все, что поляки могли сделать,– это оплакивать упущенные возможности. Патриотам оставалось только ожидать дня, когда королевство снова пробудится, когда король, знать, духовенство, рыцари и мелкопоместное дворянство смогут снова действовать вместе для процветания государства и процветания христианства. В середине XIII века этот день выглядел далеким, но к концу века он, казалось, был на пороге.

Объединение Польши

Объединение Польши не было ни легким, ни быстрым. Оно произошло практически случайно, когда ветви широко раскинувшегося семейного древа Пястов перестали приносить династии сыновей. Род, что владел Краковским княжеством (и короной), закончился со смертью Болеслава Стыдливого в 1279 году. Лешек Черный, внук Конрада Мазовецкого, стал королем. Лешек показал себя способным вождем, одолев в битве русское войско, затем сокрушил судавийских пруссов в 1282 году и, наконец, с помощью венгерских и половецких воинов захватил Краков в 1285 году. Он пережил опустошительное нашествие монголов в 1287 году, но лишь для того, чтобы скончаться в следующем году, не оставив завещания. С ним

умерли и надежды на скорое возрождение силы и славы Польши.

После смерти Лешека Черного Генрик Силезский немедленно выступил к Кракову, хотя его родственники поддержали Болеслава Мазовецкого. Но у Генрика армия была больше, и он был ближе к Кракову, так что он легко завладел южной частью королевства. Но популярностью он не пользовался – по воспитанию он был скорее немец, чем поляк. Рано осиротев, он нашел спасение от своих родичей из Силезии лишь благодаря Оттокару Богемскому, ставшему его опекуном, и поэтому Генрик вырос при богемском дворе. Его войска составляли треть чешской армии, которая потерпела поражение от Рудольфа фон Габсбурга в 1278 году во время решительного столкновения, которое стоило жизни королю Оттокару. Но Генрик сразу же после битвы нашел победителя и принес ему клятву верности. Вернувшись в Силезию, он привел с собой немецких переселенцев и еще более усилил немецкое влияние при своем дворе. Это оскорбило многих поляков, которые опасались, что при Генрике Польша превратится в придаток Священной Римской империи. Впрочем, судя по его завещанию, эти страхи были необоснованными. Когда он неожиданно скончался в 1290 году, в разгар переговоров с папой о своей коронации, он завещал Краков Пржемыслу Великопольскому, а Силезию своему двоюродному брату Генрику с тем, чтобы эти земли позднее вернулись короне. Увы, с этой формулировкой были согласны не все. Ладислав Короткий[40] (Владислав Лотиетек, 1261-1333), правивший в Куявии, опротестовал завещание. Его поддержал Венцеслас (Вацлав) II Богемский[41] (1271-1305), который и начал борьбу за трон, что длилась с перерывами почти двадцать лет.

Чешский король был гораздо сильнее, чем его противник, и к 1292 году занял южную Польшу. Север удерживал Пржемысл, наследник как Местивина Померелльского, так и князей Великой Польши. Поначалу Пржемысл намеревался восстановить королевскую власть. Его короновал архиепископ города Гнезно в 1295 году. Но его правление было коротким: через год он был убит, возможно при неудачном похищении. Хотя виновник так и не был найден, многие подозревали, что за покушением стояли герцоги Бранденбургские, соперничавшие с ним за владение Помереллией. Когда последовавшая смута прекратилась, земли и претензии покойного короля унаследовал Ладислав Короткий. Тем временем править де-факто в Помереллии стали ее вассалы, в первую очередь из Свенце, владетель Данцига, и Слупска (Штольп) со своим сыном Петером.

К этому времени уже любому было ясно, что воссоединение Польского королевства произойдет очень скоро. Прусским магистрам приходилось думать о том, что это событие принесет им. Их взаимоотношения с князьями из династии Пястов существенно менялись в разные годы, однако в основном были дружескими и взаимно полезными. К тому же во многом именно орден способствовал благоприятным переменам, происходившим в королевстве. Защищая границу Польши от нападений язычников, орден способствовал стабилизации положения в стране, позволив польским князьям сосредоточиться на столь необходимых внутренних реформах. Постоянный поток крестоносцев, проходивших через Силезию и Великую Польшу, стимулировал развитие местной экономики, а также рост среднего класса, который платил налоги и оказывал другие услуги королевству, способствуя Дальнейшему развитию внутренней торговли и промышленности. Лучше содержались дороги и мосты, так что пути сообщения внутри королевства стали удобнее и надежнее.

Следуя примеру церковнослужителей, которые поселяли немецких крестьян на землях Силезии, Помереллии и Пруссии, польские князья начали собственную внутреннюю колонизацию, переселяя как польских, так и немецких крестьян. Что более важно, польские владыки смягчили законы, которые удерживали большинство крестьян в крепостной зависимости. Освобожденные крестьяне работали больше и более продуктивно, чем крепостные рабы, и это было благотворно для экономики, и к тому же увеличивало доходы князей. Многочисленное польское рыцарство также выиграло от перемен. Но как только они

---

[40] Брат Лешека Черного.– *Прим. ред.*

[41] Зять Пржемыслова II Великопольского.– *Прим. ред.*

обрели чувство собственной значимости, они начали выражать свою возросшую самоуверенность и амбиции в патриотизме шовинистического толка, включавшем и сильные антигерманские настроения. Естественно, такое положение дел беспокоило руководителей ордена, потому что эта открытая враждебность неизбежно влияла на их отношения с Пястами.

Силы, что влекли Польшу к национальному возрождению, могли служить тому способному счастливчику, который сумел бы соединить идеи государства и власти в личности короля. Тевтонских рыцарей пугала перспектива иметь «под боком» сильного германского герцога, однако перспектива иметь непредсказуемого и драчливого Пяста на троне соседней страны была еще более тревожной. Особенно если бы корона досталась Ладиславу Короткому. Рыцари ордена хорошо знали его, а он хорошо знал их. Обе стороны не доверяли друг другу, но никто не хотел начинать войны.

Ладислав был человеком настроения, но политиком он был последовательным. Его резкие манеры часто вставали между ним и его целью, однако настойчивость и воинственность Ладислава завоевали сердца многих польских князей и мелкопоместного дворянства. Он был за прошедшие годы вовлечен во множество интриг, но у него было относительно немного конфликтов с орденом. Это означает, что он не прилагал усилий, чтобы ослаблять позиции крестоносцев в Пруссии в те десятилетия, когда итоги крестового похода были еще неопределенными. Учитывая это, а также полагая, что Ладислав, скорее всего, не преуспеет в своих чаяниях, прусские магистры противились искушению вмешаться в польские дела, хотя могли бы оказать большую поддержку врагам Ладислава.

Ладислав, в сущности, полагался на прусских магистров, что защищали от нападений его наиболее уязвимые земли. Когда литовцы увидели, что Ладислав ослабил защиту Великой Польши, стянув почти всех рыцарей на войну в Силезии, они напали на Калиш. Это был дерзкий набег в сердце польских земель. Если бы Ладислав не отказался от своих претензий на корону, ему пришлось бы положиться на орден в отражении очередного опасного вторжения. Использовал он орден и против своих бранденбургских противников.

Помереллия – кто первым поднимет лежащее богатство?

Пока Ладислав Короткий и Генрик Силезский соперничали за корону на юге, герцоги Бранденбургские двинулись в Помереллию, снова провозглашая ее своей. В конце 60-х годов XIII века князь Местви[42] призвал их оказать помощь в борьбе с братом и с Тевтонским орденом. Ценой этой помощи стало то, что он стал вассалом Бранденбургов. Впрочем, эти феодальные взаимоотношения недолго оставались мирными. Ссора произошла в 1272 году. Бранденбурги оккупировали большую часть княжества, но, не сумев захватить Данциг, ограничились соглашением, подтверждавшим вассальную зависимость Местви. Позднее, когда Местви завещал свои земли родственникам из рода Пястов, у Бранденбургов не хватило сил подтвердить свои права на выморочное владение. В 1295 году Пржемысл нанес краткий визит в Помереллиго, но смог уладить лишь немногие из многочисленных местных конфликтов, в которые Местви вверг разгневанных епископов, аббатов и вассалов. Хаос на севере Польши в следующем году еще более усугубила смерть Пржемысла. Его дочь, унаследовавшая притязания на эти земли, была замужем за Венцеласом II, так что богемский монарх становился главной кандидатурой на корону Польши. Венцеслас немедленно занял Краков. Со своей стороны Лешек Черный и Ладислав Короткий предъявили права на Помереллиго, а Генрик Силезский попытался захватить Великую Польшу. Именно при этой головокружительной смене декораций среди главных действующих лиц оказалось семейство правителей Свенца. Неудивительно, что они признали Венцеласа II королем и вступили в тесный союз с его бранденбургскими сторонниками, так же как они были вместе с Венцеласом III в течение его короткого правления (1305-1306).

Свенцы не могли предвидеть того, что в 1306 году королем станет Ладислав Короткий, как и того, что его короткий визит в Помереллию в том же году обрушит на их головы целую

[42] Другое чтение его имени Мщуй.– *Прим. ред.*

бурю: Ладислав, желая наказать семейство за лояльность к его противникам (а возможно, чтобы покрыть конфискованными у них землями свои издержки), приказал арестовать их по обвинению в государственной измене. Испуганные таким поворотом событий, они обратились к Бранденбургам, и престарелый герцог вскоре оккупировал почти всю Помереллию, кроме Данцига. Город, населенный в основном германскими купцами, сдался без боя, но цитадель осталась в руках у поляков.

Осада продолжалась, и верный короне кастелян данцигской цитадели дважды обращался к Ладиславу с просьбой прийти ему на выручку. В ответ ему было велено обратиться за помощью к тевтонским рыцарям. Он так и поступил. Этот судьбоносный поступок обозначил конец первой эпохи Прусских крестовых походов – эпохи, когда все враги язычества обычно действовали вместе. Никто не мог предвидеть, что ссора между магистром Пруссии и королем продлится столь долго, но в ретроспективе она выглядит столь естественной, что некоторые историки рассматривают последовавшие события как заранее спланированную агрессию.

Это подозрение связано со сменой руководства ордена[43]. В начале 1306 года по состоянию здоровья в отставку уходит Конрад Зак. Его последней кампанией стало зимнее нападение на Гардинас (Гродно), когда отряды ордена взобрались на стены под прикрытием снежной метели и одолели спящий гарнизон, но не смогли захватить цитадель. Преемником Зака стал бывший кастелян Кульма, высокородный Зигхард фон Шварцбург; но он также подал в отставку всего через несколько месяцев после своего избрания. Новым магистром стал Генрих фон Плотцке, знаменитый воин, который был прислан в Пруссию Великим магистром всего несколько месяцев спустя.

Магистр Зигхард выслал в Данциг отряд на выручку осажденному померелльскому гарнизону. Этот приказ, как и то, что последовало за ним, казался современникам настолько незначительным, что летописцы того времени Петер фон Дусбург и Николас фон Ерошин даже не прерывают своего повествования, чтобы упомянуть об этом. Но в действительности это был важный шаг. С этого момента Тевтонский орден оказывался глубоко замешанным в польско-померелльские отношения. В последующие годы чем больше Генрих фон Плотцке узнавал о претензиях Ладислава на Помереллию, тем меньше он хотел отдавать королю эту провинцию.

Тевтонские рыцари захватывают Данциг и Помереллию

Фон Плотцке, действуя по просьбе Ладислава, изгнал из Данцига бранденбургские войска в сентябре 1308 года. Вначале, видимо, горожане приветствовали рыцарей ордена, но, когда увидели, что они не собираются передавать власть в городе королевской администрации, подняли короткий и кровопролитный бунт. Больше всего потерь понесли немецкие купцы и ремесленники, жившие в городе и сделавшие его торговым центром, превосходящим по своему значению Эльбинг или Торн.

Подавив бунт, рыцари столкнулись со сложным выбором. Они могли уйти из враждебного города без надежды получить плату за свои труды или найти способ облегчить переговоры с Ладиславом. Магистр фон Плотцке выбрал последнее – он захватил Диршау и все прочие крепости, принадлежавшие Бранденбургам, а затем предъявил Ладиславу счет за услуги – десять тысяч марок. Ладиславу не хватало не только роста, но и такта: платить он отказался. Кроме того, король дал понять, что ожидает от ордена услуг, когда бы он ни потребовал их. Отказ заплатить ордену был ошибкой со стороны Ладислава, которая надолго отсрочила объединение Польши и спровоцировала противостояние между Польшей и Тевтонским орденом, тяжким грузом легшим на преемников Ладислава.

Ладислав не учел уроков Риги, с которой орден воевал с 1298 года. Возможно, это было результатом его гордыни. Наверное, Ладислав не мог и вообразить, что находится в опасности, как архиепископ Риги. А может быть, подобно многим удачливым людям, он стал слишком полагаться на свое везение и способность избегать опасных ситуаций. Ладислав немногого

[43] Имеется в виду магистр Пруссии, а не Великий магистр.– *Прим. ред.*

добился бы в жизни, если бы уступал каждый раз своим могущественным противникам или смиренно принимал происходящее, и как все удачливые представители рода Пястов, он полагался на свою способность убеждать собеседников, на свои личные качества, наконец, на силу.

Магистр Генрих заявил, что Помереллия останется у ордена до тех пор, пока их спор не будет решен[44].

Его дипломаты заключили соглашение с Бранденбургами, которые в 1309 году продали свои права на Помереллию Тевтонскому ордену. Цена была десять тысяч марок. Таким образом, в 1307-1310 годах Помереллия окончательно перешла в руки ордена.

Этот шаг был ответом магистра Пруссии на угрозу объединявшегося Польского королевства. Генрих не мог позволить Ладиславу задаром использовать рыцарей ордена и его дружбу, тем более предъявлять права на власть над орденом. Наоборот, орден теперь подкрепляли налоги и воины Западной Пруссии, союз с Бранденбургами и открывшиеся пути снабжения из Германии. Теперь тевтонские рыцари были уверены в том, что смогут одолеть любую польскую армию.

Эти действия магистра были ошибкой. Но ошибка эта стала ясна только в ретроспективе. В то время, как и спустя многие десятилетия, рыцари ордена считали, что все идет правильно, более того, они думали, что это было гениальным разрешением конфликта. Орден действовал, придерживаясь буквы закона в гораздо большей степени, чем большинство правителей того времени, расширявших свои владения. Не будем забывать, что в ту эпоху буква закона была гораздо важнее его духа. Тогда вопрос национальных связей обычно считался мелким и неважным: династии переезжали из страны в страну, провинции обретались и терялись в войнах, их покупали и продавали, а желания населения никто не принимал в расчет. В тот момент, кстати, рыцарство и дворянство Западной Пруссии смотрело на Ладислава как на угнетателя. По всем принятым тогда стандартам тевтонские рыцари поступили честно и благородно. Но польские рыцари и знать не уступили, как ожидалось: они поддержали Ладислава и его преемников в требовании вернуть провинцию, которая была очень слабо связана с королевством большую часть XIII века. Польское национальное чувство сделало Помереллию пробным камнем патриотизма, а общий антинемецкий настрой сосредоточился на Тевтонском ордене. Связанные спором о Западной Пруссии, ни Польша, ни орден уже не могли эффективно решать свои проблемы на восточных границах.

Враждебное отношение со стороны поляков сделало невозможным для ордена победу в крестовом походе против самогитийских и литовских язычников. Но следует помнить, что даже если бы тевтонские рыцари могли предвидеть долгосрочные последствия своих действий, у них не было другой возможности ответить на вызов Ладислава. Пруссия уже стала центром деятельности ордена. Через двадцать лет после потери Акры немецкие монастыри ордена неохотно признали, что их шансы вернуться в Святую землю невелики, и решили сосредоточить свои силы на непрекращающемся крестовом походе против прибалтийских язычников.

В этой ситуации Великий магистр ордена Зигфрид фон Фойхтванген перенес свою ставку из Венеции в Мариенбург.

Во-первых, этим признавалось, что продолжительные жалобы прусских рыцарей ордена на забвение их нужд имели под собой основание. Действительно, их долго копившиеся обиды и раздражение вылились на бурно прошедшем Великом капитуле 1303 года в Эльбинге. Во время капитула прусская и ливонская делегации ожесточенно спорили с немецкими и венецианскими представителями, требуя отставки Великого магистра Готтфрида фон Гогенлоэ. До самой смерти последнего через восемь лет орден находился почти на грани раскола. В эти годы Зигфрид фон Фойхтванген не решался пересечь Альпы, даже чтобы провести инспекцию или набрать добровольцев, из опасения оскорбить тех рыцарей, что предпочитали ждать нового

---

44 Вышло так, что он был решен только после Второй мировой войны – и очень жестоко – насильственным переселением большей части немецкоязычного населения Западной и Восточной Пруссии, включая потомков коренных пруссов.

крестового похода в Святую землю. Во-вторых, ситуация в Италии становилась опасной. В 1303 году король Франции организовал захват папы Бонифация VIII, а следующий папа перебрался в Авиньон, где, как заявляли и он, и король, ему будет безопаснее. Через четыре года посланцы короля снова оскорбительно обошлись со Святым престолом. По приказу короля Франции был арестован весь Орден тамплиеров по обвинению в ереси. Его рыцари признались во множестве невероятных и чудовищных преступлений, а позднее многие были сожжены заживо. Владения ордена были конфискованы. В начале 1308 года тамплиеры были арестованы и в Англии.

Наблюдая развитие событий, Зигфрид фон Фойхтванген заключил, что лучше ему перенести резиденцию в более безопасное место, поскольку в тот момент в Италии и Германии у тевтонских рыцарей не было друзей среди правящих семейств, а богатство ордена могло ввести в искушение правителей, нуждавшихся в средствах. Кроме того, у ордена не было исторических связей с Венецией – это было лишь место, удобное для ведения политики в Средиземноморье. А в ближайшие годы не предвиделось возможности организовать крестовый поход с размахом, достаточным, чтобы вновь укрепиться в Святой земле, так что рыцари, располагавшиеся вне Прибалтики, были не нужны никому. Если каким-либо чудом крестоносцы вернулись бы в Палестину, орден присоединился бы к ним, но пока он направлял свои силы на войну против язычников в Прибалтике. Фон Фойхтванген разместил в Мариенбурге свою постоянную резиденцию в 1309 году, но только уже следующий Великий магистр, Карл фон Триер, смог укрепить свою власть над магистрами провинций, вновь сделав пост Великого магистра реально действующим. К тому времени уже все его рыцари осознали новую цель ордена – истребление воинствующего язычества в Прибалтике.

Фон Фойхтванген назначил новых чиновников, дав им более громкие должности, до того существовавшие лишь в Святой земле, назначил протекторов в сельские провинции и организовал монастырь ордена в Данциге. Город к тому времени оправился от последствий мятежа и снова стал ведущим коммерческим центром в Прибалтике, а его горожане и ремесленники перестали считать правление ордена жестокой деспотией.

Король Ладислав Польский

До 1320 года орден не рассматривал Ладислава как серьезную угрозу. Польский король не казался ни военным гением, ни даже особенно хорошим правителем. Где бы он ни появился, вспыхивали конфликты и военные столкновения, с которыми он с трудом мог справиться. Орден должен был радоваться его конфликтам с родственниками, ибо это гарантировало, что князья Мазовии будут поддерживать орден в политической и военной областях.

Изначально польское духовенство раскололось во мнениях по вопросу признания Ладислава, но этот раскол закончился со ссылкой враждебно настроенного к нему епископа Кракова. Позднее Ладислав добился поддержки архиепископа Гнезно, верховного священнослужителя королевства. Но только 20 января 1320 года он был официально коронован, причем коронация прошла без благословения папы. Эта неловкость стала результатом бесконечных ссор германского императора и авиньонского папы, но в долгосрочном плане она сделала польскую монархию независимой от политики Святого престола. Также был возрожден принцип наследственной передачи короны – от отца к сыну, а не от брата к брату по очереди, а затем старшему сыну старшего брата, как требовало древнее (лестничное.– *Пер.*) право. Более того, Ладислав, сам родом с севера страны, желал завладеть Помереллией, в то время как большинство соперничающих Пястов думали только о Силезии. И наконец, этот упрямый и мстительный человек не прощал обид, подобных той, что нанесли ему тевтонские рыцари.

К 1320 г. Ладислав многому научился из своих поражений. Он понял, что не следует начинать войну, если нет надежды выиграть ее. Так как он не мог надеяться в то время на победу над орденом, он сосредоточил свои усилия на реорганизации страны на феодальной основе, а его обращения к папе заложили основу будущих претензий к юридической правомочности власти ордена в Западной Пруссии, Данциге и Кульме.

Ладислав и язычники

Когда в 1323 году скончался русский князь Галиции и Волыни[45], Ладислав пожелал, чтобы эти области унаследовал Болеслав Мазовецкий, но Гедиминас[46] Литовский дал понять, что не потерпит, чтобы без его согласия большой кусок земель вдоль его южных и западных границ был передан кому-либо из Пястов. Завязавшиеся переговоры выявили общие интересы Польши и Литвы. Во-первых, это была борьба с общими врагами – татарами в южных степях и тевтонскими рыцарями на северном побережье. Результатом переговоров стало заключение союза – Гедиминас отдал своих дочерей за мазовецких князей. Пятнадцатилетний сын Ладислава Казимир (1310-1370) женился на Алдоне, красивой литовской принцессе, которая вернула веселье польскому двору, опечаленному смертью двоих старших братьев Казимира. Она прибыла в Польшу в сопровождении прекрасных дам и искусных музыкантов. Какое-то время Казимир был в нее горячо влюблен, но позднее начал волочиться за другими женщинами, оставив жену под игом домашней тирании своей матери.

Ладислав в это время уже был прожженным дипломатом. В начале 1326 года он подписал с Тевтонским орденом договор, в котором, казалось, отказывался от союза с Литвой. Великий магистр считал, вероятно, что разделяет противников ордена и направляет короля на войну с татарами. Ладислав только что получил папскую буллу «На защиту католической веры в войне или битве в королевстве Польском, или иной христианской земле, или в землях, соседних к вышеупомянутому королевству, или лежащих вблизи его и населенных или принадлежащих схизматикам, татарам или прочим язычникам». Но подлинной целью Ладислава был Бранденбург, чьи герцоги были проверенными сторонниками крестоносцев. Уже следующей весной он позволил пройти через свои земли войску литовских язычников, которые без предупреждения напали на немецкие города и села, разоряя области, не испытавшие набегов язычников даже во время самых тяжелых войн XIII века.

Летописец, современник этих событий, выразил ярость крестоносцев от разорения церквей, поругания реликвий, убийства священников, разорения монастырей, истязаний пленников. Он утверждает, что эти сцены ужаснули даже поляков, сопровождавших язычников. В летописи встречаются эпизоды, которые могли быть рассказаны только очевидцами: литовские воины так спорили о праве на одну красивую пленницу, что наконец их вождь выступил вперед и разрубил ее на две части, заявив: «Теперь она ничего не стоит. Каждый может взять ту половину, что ему нравится»; монашка просит предать ее смерти, но не лишать невинности и после молитвы гибнет под мечом язычника и тому подобные. Тевтонские рыцари использовали эти истории, чтобы обратить общий гнев на язычников и их польских союзников. Ходили даже слухи, что литовский военачальник Давид Гродненский был убит польским рыцарем. Многие спрашивали себя, не закончится ли на этом польско-литовский союз.

Тевтонские рыцари не стали ждать окончания срока действия договора, чтобы отомстить Ладиславу за его нападение на их союзника. Они заключили союз с князьями из династии Пястов, угрожая самой короне Ладислава: сначала с Генриком Силезским, а затем с Болеславом Галицко-Волынским. Первый договор буквально пылал гневными словами в адрес Ладислава, обвиняя его в нарушении мира, помощи язычникам в разорении христианских земель и в безжалостной тирании. Позднее Генрик и его братья стали мирскими братьями ордена.

В это время Великим магистром был Вернер фон Орзельн, бывший кастелян Рагнита и Великий командор. Хотя он был горячим сторонником войны против язычников, в последующие три года почти не велось военных действий. Это, впрочем, было связано не с Ладиславом, а с войной между императором и папой, из-за которой набор крестоносцев в Германии был невозможен.

Долгая история Священной Римской империи отмечена постоянными конфликтами между

---

[45] Братья Андрей и Лев II Владимировичи. Андрей княжил на Волыни, а Лев II – в Галиции. В борьбе против монголов в 1323 г. князья погибли. Галицкие бояре пригласили на княжеский стол сына их сестры Марии Болеслава,– *Прим. ред.*

[46] Гедемин.– *Прим. ред.*

папой и императором. Конфликт, который происходил в это время, отличался от прочих. В это время обе стороны были слишком слабы, чтобы нанести существенный урон противнику, и их действия сводились в основном к словесным обличениям и угрозам. В 1326 году, после того как папа наложил на Германию интердикт, приостановив все церковные службы, Великий магистр собрал представителей ордена в Ма-риенбурге, чтобы обсудить эту проблему. Капелланы и рыцари проголосовали за то, чтобы поддержать императора Людовика IV Виттельсбаха, герцога Баварского.

На этом же капитуле делегаты проголосовали за некоторые изменения в статутах ордена. Принципиальным новшеством был пересмотр формы церковной службы, но последующие поколения запомнили этот капитул по более поздней подделке, которая давала магистру Германии право смещать некомпетентного Великого магистра.

Война на нескольких фронтах

Первая кампания Великого магистра Вернера в 1327 году была направлена на юг, по обоим берегам Вислы. Эти земли король Ладислав удерживал, пытаясь утвердить королевскую власть над своими мазовецкими родственниками. В первую очередь Вернер очистил от польских войск Доб-рин и Плоцк, а затем вторгся в Куявию. Когда же его наступление на Бржеск провалилось, Вернер предложил мир. Возможно, он считал, что уже преподал Ладиславу хороший урок. Если он и в самом деле так думал, то ошибался. Этот конфликт был только началом долгой войны. Ладислав согласился на перемирие, но лишь для того, чтобы дождаться подходящего момента и нанести сокрушительный ответный удар по противнику.

Видимо, не вполне понимая, за что взялся, Вернер продолжал осуществлять свой замысел и перебрасывал войска на восток, преимущественно в Самогитию. Заменив ливонских рыцарей в Мемеле прусскими, он получил возможность послать дополнительные войска на осаду Риги. Для маршала Пруссии это также облегчило координацию действий на Немане. Затем Вернер пересек глухие леса, чтобы ударить на Гродно, крепость, защищавшую водные пути западного направления, проходившие через болота и озера к реке Нарев, а затем к Бугу. Это был самый легкий путь, чтобы попасть из Мазовии и Волыни в Литву. Вернер использовал эту уловку, чтобы увлечь врага в погоню, а затем напал из засады на ошеломленных язычников. После этого земли около Гродно были опустошены на тридцать миль вокруг. Часть литовской знати, те, кто понял, что Гедиминас не может дальше защищать их, или те, кто враждовал с ним лично, ушли в Пруссию со своими женами и детьми, приняликрещение и стали служить в армии крестоносцев. Приблизительно в это же время Вернер уже не использовал Кристмемель как передовую базу на Немане. Говорят, что за год до этого беду предвестило видение: трое рыцарей увидели звезду, двигавшуюся на восток из созвездия Водолея. Никто, конечно, не подумал тогда, что движение звезды – провозвестник оползня, который разрушит стены Кристмемеля. Фундамент деревянной крепости, сдвинутый оползнем, разрушил дорогу и часть стен. Осмотрев повреждения, гроссмейстер понял, что он не сможет восстановить укрепления немедленно. Поэтому по завершении роскошного пира он приказал предать руины огню и временно оставил это место забвению.

В конфликт вступает Иоанн Богемский

Король Иоанн Богемский (1296-1346) был во всех отношениях исключительным человеком. Коронованный в четырнадцать лет, он беспрестанно путешествовал, воевал, вмешиваясь во все мыслимые конфликты. Современники говорили, что «ни одна война не происходит без Иоанна». Когда ему исполнилось тридцать, он оставил управление Богемией своим вассалам и полностью предался заграничным авантюрам. Его самой большой мечтой было возглавить крестовый поход в Святую землю. К несчастью для него, в это время было невозможно собрать христианское войско достаточно сильное, чтобы бросить вызов сарацинам. Поэтому он принял поход в Самогитию как подходящую замену. Зимой 1328/29 года он прибыл в Пруссию с большим числом рыцарей и дворян: богемских, немецких и польских. Его сопровождал французский трубадур Гийом де Машо, который должен был сочинить

поэтическое описание деяний и подвигов короля. Великий магистр Вернер созвал войско, численность которого можно приблизительно оценить в 350 рыцарей и 18 000 пехотинцев. Объединенная армия была так велика, что участники похода надеялись нанести самогитийцам удар столь же сокрушительный, как и тот, что в предыдущем столетии нанес язычникам Оттокар II, владевший тогда этой землей. Иоанн хотел одержать столь впечатляющую победу, чтобы в Самогитии в его честь называли города, подобно Кенигсбергу, названному в честь Оттокара II[47].

Крестоносцы прошли через замерзшие болота и реки к замку в глубине страны, где вид осаждающей армии вынудил гарнизон просить о почетной капитуляции. Это предложение вызвало споры в лагере крестоносцев. Вернер требовал переселить гарнизон в Пруссию, сравнивая язычников с волками, что не отстанут от своих злых дел. Рыцарственный король Богемии, несмотря на это, настаивал, чтобы с язычниками обошлись учтиво и великодушно, чтобы они были крещены, после чего смогут оставаться во владении замком; Мнение короля возобладало. Вскоре священники крестили 6000 человек – мужчин, женщин и детей.

Эта великодушная политика могла оказаться правильной, если бы крестоносцы заняли всю Самогитию, но у них не было такой возможности. В это время дошли вести, что Ладислав вторгся в Кульм в тот же день, когда крестоносцы вышли в поход. Гонец скакал пять дней, чтобы просить Великого магистра вернуть войско на защиту Пруссии. Неохотно Вернер и Иоанн повернули обратно в Кульм, но не успели перехватить Ладислава. А тем временем новообращенные самогиты восстали.

Крестоносцы понимали, что новое вторжение в Самогитию невозможно, пока не устранена угроза от Ладислава. Более того, затронут вопрос чести, который был столь же важен, как и стратегическая ситуация: им нужно было отомстить Ладиславу за нарушение договора. Кроме того, нужно было также наказать Ладислава Мазовецкого (ум. в 1343 году), которого они теперь считали подлым предателем христианского дела. В марте 1329 года Вернер и Иоанн подписали официальный договор о союзе. Иоанн объявил о своих претензиях на польский трон по праву наследования и женитьбы. Этот факт стал важным, когда его супруга отказалась от своих наследственных прав на Восточную Пруссию в пользу гроссмейстера. После этого объединенные войска ордена и Иоанна вторглись в Мазовию и Куявию, разорив обширные земли по обоим берегам Вислы, и вынудили Ладислава вновь запросить мира.

Еще до окончания военных действий Иоанн заставил Ладислава Мазовецкого стать своим вассалом, и тевтонские рыцари оккупировали Добрин – провинцию, защищавшую южные подходы к Кульму. Через год Иоанн продал ордену свою часть завоеванных земель.

Вмешательство папы

Одной из причин напряженных отношений между орденом и папским престолом стала выплата налога, который назывался «грош святого Петра». Этот налог Польша и Англия платили напрямую в папскую казну. В последнее время папа Иоанн XXII предпринял попытки получать этот налог и с других государств. Естественно, он встретил сопротивление, и ему нужен был убедительный пример, для которого орден, казалось, идеально подходил. Рыцари давали обет послушания, их подданные в Западной Пруссии платили этот налог, а кроме всего прочего, орден был сказочно богат. Однако тевтонские рыцари отвергли эти притязания на основании того, что многие из их владений находились в Германии и Италии, где орден был огражден от выплаты этого налога. Более того, выплата этого «гроша» могла создать почву для притязаний Польши на господство в Пруссии. Иоанн XXII, не отличавшийся смиренным

[47] После Второй мировой войны город был переименован в Калининград советскими победителями в честь одного из руководителей сталинской партии. Большинство свидетельств германского прошлого, уцелевших после сражений, были уничтожены. Так, были уничтожены некоторые места, напоминающие о живших там Иммануиле Канте (1724-1804) и об Иоганне Готфриде Хердере (1744-1803), а также здания, возведенные тевтонскими рыцарями и герцогами Пруссии.

нравом, подтолкнул врагов ордена обратиться на орден с судебными жалобами, дав им понять, что с вниманием отнесется к их просьбам. Впрочем, в 1330 году папа предложил простить ордену все недоимки за Кульм и Западную Пруссию, если рыцари начнут все же выплачивать налог. Капитул провинции принял это предложение, но Великий магистр ответил отказом.

Тогда папа повелел Великому магистру и верховным чиновникам ордена прибыть к нему в Авиньон, чтобы объяснить свое поведение, предупредив, что в случае отказа действие привилегий ордена будет приостановлено, отлучения, данные его легатами, получат высочайшее подтверждение, а руководители ордена будут судимы заочно. Представители ордена так и не прибыли. Еще меньшего успеха папа добился, требуя, чтобы орден присоединился к военным действиям против императора и его сына, Людовика Бранденбургского. Тевтонские рыцари не желали рисковать и идти на примирение. Они не только считали, что император и его сын действуют правомочно, но и опасались, что, если они согласятся с папой, император конфискует их владения в Германии, а его сын перережет путь снабжения ордена через Бранденбургское герцогство.

Если уж гроссмейстеры ордена скептически относились к предложению папы стать посредником в их споре с Польшей, то современные историки могут тем более быть скептичными насчет обвинений Святого престола в адрес тевтонских рыцарей. Но все же папские легаты оставались фигурами, которые легко переезжали от одного двора в другой, и все стороны признавали, что, какими бы ни были его мотивы, папа остается папой, а церковь остается единственной международной силой в христианском мире. Еще важней было то, что и ордену, и королю была необходима передышка и обеим сторонам нужен был кто-то, способный ее предоставить. Соответственно, усилия папы по заключению мира между орденом и Польшей увенчивались успехом в 1330, 1332 и 1334 годах, но надежды на продолжительный мир оставались слишком слабыми. Стороны были столь враждебны друг к другу, что лишь с прошествием времени и сменой ключевых фигур могло ослабнуть взаимное недоверие. Эти договоры приносили передышку в военных действиях, но не более.

Победа в Ливонии

Однако эти договоры позволили Вернеру фон Орзельну возобновить действия в Самогитии. Зимой 1330 года он торжественно встретил большой отряд рейнских крестоносцев, которых повел затем во враждебную провинцию. Крестоносцы так и не нашли в лесных пущах ни единой крепости, которую могли бы осадить. Местное население, заранее предупрежденное о появлении крестоносцев, покинуло свои деревни, чтобы укрыться в лесу. Поэтому экспедиция Вернера добилась относительно незначительных успехов. Тем не менее операция в достаточной мере отвлекла внимание литовцев, так что рыцари из Рагнита смогли проскользнуть мимо вражеских аванпостов и напасть на Вильнюс, глубоко на территории страны. Застав стражу врасплох во сне, они разграбили и сожгли пригороды.

Война в Ливонии закончилась в том же самом году капитуляцией Риги. Хотя горожане ожидали жестокого обращения со стороны рыцарей ордена, им были неожиданно предложены столь великодушные условия, что стороны достигли полного согласия. В последующие годы жители Риги прекратили вмешиваться во внешнюю политику, обратив свои интересы к торговле. Ливонские рыцари теперь находились столь же близко к Вильнюсу и Каунасу, как и прусские, а из Динабурга[48] могли вести набеги на недостижимые из Пруссии области Литвы. В короткие сроки они смогли усилить действия прусского ордена против Самогитии.

Война с Ладиславом

По мнению Ладислава, ситуация становилась нестерпимой. Крестоносцы добивались слишком больших успехов. Ладислав Польский, подстрекаемый Ладиславом Ма-зовецким отбить Добрин, обратился к союзникам – правителям Литвы и Венгрии. Гедиминас, желая

[48] Ныне город Даугавпилс в Латвии. – *Прим. ред.*

вновь открыть для себя путь в Польшу, согласился начать кампанию в конце лета. Он должен был пройти лесами у Визны и встретить армию Ладислава в Кульме или Добрине. Ладислав попытался восполнить недостаток опытных рыцарей, послав в Венгрию своего сына Казимира. Триумфом его личной дипломатии было то, что Казимир убедил своего двоюродного брата Шарля Робера послать весной 1331 года своих рыцарей против общего врага – Иоанна Богемского.

Однако прежде чем противник получил эти подкрепления, Великий магистр выслал войска против большого каменного замка, мешавшего судоходству на Висле. Прибыв к замку, те столь быстро соорудили камнеметные машины и осадные башни, что через три дня от стен замка мало что осталось. Приступ следовал за приступом, затем нападавшие разожгли у стен большой огонь, испепелив много защитников и отогнав других, пытавшихся предпринять безнадежную вылазку. Покончив с этим замком, рыцари захватили также Бржец и Накель – две крепости, прикрывавшие северную Куявию. Король не мог прийти к ним на выручку, у него было слишком мало войск.

В этот момент и прибыл Казимир с венгерскими войсками. Князю было девятнадцать лет, он был очарован непринужденной, но утонченной жизнью в Визеградском дворце в Венгрии. С одобрения сестры и с ее помощью белокурый князь завел роман с одной из королевских фрейлин – Кларой Зак. Будь Казимир подходящим холостяком или будь их отношения менее близкими, эта история могла иметь романтическое продолжение. В реальности же получилось так, что 17 апреля отец девушки – владетель Хорватии – ворвался в королевский дворец, размахивая мечом. Он ранил короля, отрубил королеве четыре пальца на правой руке и едва не убил обоих молодых принцев – Андреаса и Людовика. Королевское возмездие было скорым. Буйного отца четвертовали, разбросав потом куски его тела по стране, его сына казнили, привязав к лошади и пустив ее вскачь (труп потом бросили собакам), а Кларе пришлось с позором покинуть двор. Все остальные ее родственники были изгнаны из королевства. Так что Казимир поторопился уехать из страны, пока гнев венгерского короля не обратился и на него.

Теперь, получив прибывшие с Казимиром венгерские подкрепления, Ладислав был готов к наступлению. В его распоряжении было много рыцарей и не меньше наемников, поэтому он решил не терять времени на осаду хорошо укрепленных замков, а вторгнуться в Кульм, соединиться с войском Гедиминаса и либо вынудить Великого магистра принять генеральное сражение, либо захватить города этой области. Кампания начиналась благоприятно для польского короля. В сентябре он перехитрил Вернера, внушив тому, что собирается вторгнуться в Западную Пруссию, а сам перешел на восточный берег Вислы. Однако его расчет оказался неверным. Он прибыл на место встречи слишком поздно. Гедиминас знал, что его армию, как тень, преследует небольшой отряд рыцарей ордена, и, когда его разведчики не смогли обнаружить польское войско в обусловленном месте, Великий князь благоразумно повернул домой. Ладислав, таким образом, очутился в Западной Пруссии с многочисленным войском, но это превосходство было не настолько велико, чтобы он смог осаждать города. К тому же ввиду приближения войска Великого магистра он не мог разослать войска собирать фураж и продовольствие, что сказалось на обеспечении армии. Король не желал позорно отступать, но не мог и оставаться в Кульме длительное время в состоянии неопределенности. Вернер, несмотря на присутствие ливонского и прусского магистров, не желал открытого столкновения. Не желал он, впрочем, и позволить полякам и венграм грабить его самую ценную провинцию. Так что когда кто-то предложил заключить мир, Вернер и Ладислав охотно на это согласились. Вернер соглашался передать королю города в Куявии, предварительно уничтожив укрепления и замки, и обещал вернуть Добрин Ладиславу Мазовецкому.

Убийство Вернера

Вскоре после этих событий Великий магистр встретил свою смерть от руки убийцы. Обстоятельства сберегли несколько редких свидетельств о процессе правосудия у тевтонских рыцарей. Произошло следующее. Убийца – рыцарь из монастыря в Мемеле – получил взыскание за жестокое и необузданное поведение, которое дошло до угроз ножом кастеляну. Наказанный прибыл в Мариенбург в надежде на прощение, но получил приказ вернуться в

Мемель. Разочарованный рыцарь покинул приемную залу, но остался в замке. Перспективы у него были самые мрачные. Легким в ордене считалось наказание сроком на год, в течение которого виновному запрещалось общаться с братьями-рыцарями, с него снимались почетные орденские одеяния и ему вменялся пост – хлеб и вода три дня в неделю. Этого рыцаря ждало строгое наказание – возможно, тюрьма и кандалы. Спрятавшись в коридоре, он дождался, когда Вернер пойдет на вечерню, напал на Великого магистра и нанес ему два ножевых ранения, ставших смертельными. Очевидно, убийца не задумывался о побеге, потому что был тут же схвачен. Чиновники ордена, которые судили его, решили, что он безумен и не отвечает за свои действия. Но они не знали, к какому наказанию его приговорить. В статутах ордена говорилось о смертельной казни за измену, трусость и содомию, но ничего не говорилось про убийство. Так что они запросили совета в Курии и, получив ответ, последовали мудрому совету папы: приговорить убийцу к пожизненному заключению.

Лютер фон Брауншвейг

Преемником Вернера стал Лютер фон Брауншвейг, самый младший из шести сыновей герцога Альбрехта Великого. Другие два младших сына вступили в ордена Тамплиеров и Госпитальеров. Лютер же стал в ордене сначала ризничим, в чьи обязанности входило расселение в Пруссии немецких крестьян. В этом деле он добился больших успехов, набирая переселенцев в землях, принадлежащих его братьям, правящих в Нижней Саксонии (помогало ему и то, что теперь языческие набеги редко достигали центральных прусских земель). Он бережно хранил семейные связи, и двое его племянников позднее также вступили в орден.

Лютер был одаренным поэтом, который поощрял сочинителей религиозных и исторических трудов, связанных с Тевтонским орденом. Большинство его сочинений утеряно, сохранилось лишь написанное им «Житие Святой Варвары». Культ этой святой был тесно связан с завоеванием Пруссии, кроме того, дед самого Лютера участвовал в крестовом походе 1242 года, во время которого рыцари захватили реликварий, содержащий голову святой, и поместили его в Кульме.

Лютер сочетал занятия поэзией с успешными войнами в Польше и Самогитии. Особый блеск придавали ему обходительность и личное благородство, а его благородное происхождение еще более усиливало этот блеск. Четырех лет его деятельности оказалось достаточно, чтобы память о нем осталась в последующем столетии, когда Великие магистры не были ни особенно одаренными, ни особенно чтимыми.

Лютер был за продолжение войны против Ладислава, даже если это означало задержку крестового похода. Он хотел нанести королю такой удар, чтобы тот уже не представлял угрозы тылам ордена. Для этого ему была необходима помощь Иоанна Богемского, который должен был связать Ладислава в Силезии, на которую оба предъявляли права. Пока она оставалась поделенной между мелкими князьями из Пястов, Ладислав не мог полностью сосредоточиться на войне на севере. Даже если бы он бросил все свои силы на север против ордена, победа короля Иоанна в Силезии стоила бы победы тевтонских рыцарей в Куявии или Великой Польше. Война с Польшей была не по силам одному ордену. Поляки были хорошими воинами, отлично вооружены и сражались за свои дома. Лютер набрал наемников из Германии и Богемии для усиления своей армии, принял на службу мятежных польских панов и был готов с размахом вести войну. Когда в июле 1331 года начались боевые действия, в ряды крестоносцев поспешили англичане. Для них одна война была так же хороша, как и другая, а пограбить в Польше можно было больше, чем в Самогитии.

Войсками наемников командовал Отто фон Бергау, зять маршала Богемии и близкий друг короля Иоанна. Он повел пятьсот рыцарей, которые не только получили хорошую плату, но и разделили с крестоносцами наиболее важные духовные привилегии, включавшие отпущение грехов всем участникам этого крестового похода. Впрочем, их поведение, как и всего прусского войска в целом, было каким угодно, но только не святым. В описаниях их действий перечисляются обычные для того времени поджоги, убийства, похищения, кроме того, очевидцы упоминают изнасилования. Худшие черты войны в Самогитии соединились с обычаями наемников вести войну. По всему северу Мазовии и Куявии воцарился хаос.

Использование орденом наемников в качестве крестоносцев стало пропагандистской победой поляков, которые старательно раздували эту тему на последующих папских слушаниях.

Ладислав не мог оказать серьезного сопротивления. Он оставил в прикрытии Казимира с небольшим отрядом, в то время как сам с большей частью войска дожидался богемского короля. Его план оказался достаточно успешным. Крестоносцы прошли через Куявию, не добившись заметных военных успехов. Короля не заботило, что они разоряли дома, церкви и мельницы, а также грабили простой народ. В войне, основанной на грабежах, жестокость была обычным делом. Важно было то, что ни один замок не был потерян.

Битва при Пловцах

Как все современные ему полководцы, Лютер фон Брауншвейг понимал, что разорение земель было эффективным способом ведения военных действий против упорного противника. Его приказы наносить максимально возможный ущерб были поняты наемниками, рыцарями и остальными воинами как лицензия на запугивание и разорение подданных польского короля. Однако его войска не добились сколь-либо значительного успеха.

Король Иоанн, со своей стороны, был разочарован неудачной попыткой сокрушить соперника. Тогда он предложил объединиться с армией Великого магистра у Калиша в сентябре и дать решающее сражение. Соглашаясь на этот план, Лютер послал маршала ордена Дитриха фон Альтенбурга с войском прусского ордена на встречу с богемским королем. Дитрих прошел через Куявию, направив свои силы по нескольким дорогам, чтобы грабить и жечь, но не обнаружил у Калиша богемскую армию. Это было обычным делом в те времена: пути сообщения были в очень плохом состоянии, и большинство подобных затей терпело неудачу из-за того, что какая-либо из сторон неожиданно запаздывала или вообще оказывалась не в состоянии прийти на место встречи. Получилось так, что Иоанн только что вернулся из экспедиции в Италию и не смог выступить вовремя. Дитрих, обнаружив, что со всех сторон приближаются польские войска, и не зная, что армия Иоанна находится всего в нескольких днях пути, начал медленно отступать, разоряя окрестности. Таким образом, он удалялся от Иоанна, который в свою очередь повернул обратно, узнав об отступлении Дитриха. А следом за Дитрихом двигались Ладислав и Казимир с сорокатысячным войском. Эта армия была многочисленнее, но хуже вооружена, чем войско ордена, так что король не спешил ввязываться в битву. Лишь когда Дитрих разделил свое войско на три части, Ладислав бросил свои силы на слабейший из немецких отрядов под Пловцами[49],1331 г.

Маршал Дитрих не понимал, насколько его войско уступает в численности противнику. Введенный в заблуждение своими польскими разведчиками, он считал, что ему противостоит лишь небольшой отряд, а густой туман мешал рекогносцировке. Дитрих построил свое войско в пять полков и встретил лицом к лицу королевскую армию, также разделенную на пять полков. Битва была крайне жестокой, что нетипично для тех времен, когда генеральные сражения случались редко и были короткими. Перелом в битве произошел, когда конь маршальского знаменосца пал, пронзенный копьем. Возможно, в этом был повинен какой-то польский рыцарь, неожиданно перешедший на сторону короля. Так как знаменосец приколотил знамя гвоздями к седлу, он не смог его снова поднять. Ряды богемцев и немцев смешались, они не видели своего командующего, а поляки, казалось, были повсюду. Вскоре битва закончилась. Рыцари Ладислава разгромили три из пяти полков противника, захватив пятьдесят шесть тевтонских рыцарей. Пленников бросили в яму. Когда подъехавший король узнал, кто они, он приказал перебить рядовых рыцарей и оставить для выкупа командиров.

Действия Ладислава объясняются тем, что он боялся подхода остальных сил ордена. И действительно, во второй половине дня подошел со своим отрядом кастелян Кульма, который обратил в бегство измотанных предыдущим боем поляков, захватив шестьсот пленников. Найдя маршала Дитриха прикованным к телеге, кастелян освободил его, затем проехал по полю, где раздетые мертвые рыцари лежали огромными грудами. Зарыдав, он сошел с коня и отдал

[49] Сражение еще именуется Окменской битвой по р. Окмене (современная р. Акмяне в Литве).– *Прим. ред.*

приказ перебить всех пленных поляков. Пруссы из его войска попытались отговорить его, заявляя, что им понадобятся пленные для обмена. Дитрих ответил им, чтобы они не беспокоились – «Господь пошлет нам в этот день еще много пленных», и не отрываясь смотрел, как убивают закованных пленных. Продолжая преследовать отступавших поляков, войска ордена действительно захватили еще до наступления сумерек сотню пленных. Но Ладислав и Казимир ускользнули: они прекрасно понимали, что для них значит теперь попасть в руки маршала. Они сражались хорошо и отважно и не рассматривали как унижение то, что спасались бегством, так как продолжать бой, располагая лишь разбитыми и изнуренными войсками, было бы бесполезным. Оставить поле боя за собой было не столь важно для них, как одержанная утром победа.

Когда сражение подошло к концу, все что оставалось, это похоронить убитых. Епископ Куявии послал своих людей захоронить тела в общих могилах, при этом насчитали 4187 павших с обеих сторон. Немедленно после этого он отстроил часовню, где можно было помолиться за души павших. Поле битвы стало местом поклонения поляков-патриотов и местом позора для немцев. Один из поэтов-крестоносцев заканчивает свое повествование перед сражением, не описывая его.

Уже наступила Пасха 1332 года, когда Лютер стал способен думать о мщении. Его приготовления были устрашающими. Он не только набрал новых наемников, но и призвал много крестоносцев, некоторых даже из Англии. После двух недель осады Великий магистр захватил Бржец, затем Иноврoцлав и, наконец, весь север Куявии. Ладислав нанес ответный удар в августе, но без успеха. Тогда он запросил мира, который должен был длиться до середины 1333 года. К тому времени Ладислав скончался.

Мирные переговоры

Прежде чем папа успел выдвинуть свои возражения, Казимир спешно короновался в Гнезно. Но беда пришла не со стороны Святого престола, а со стороны матери Казимира, которая не желала передавать королевские регалии Алдоне – пользовавшейся популярностью в Польше литовской жене Казимира. Казимир тем не менее был тверд, ведь речь шла о королевских прерогативах. Аддона была коронована вместе с ним, а его мать отправилась в монастырь.

Теперь, когда Ладислава не было в живых, Казимир мог начать мирные переговоры. Они с Великим магистром согласились, что их интересы будут представлять и защищать Шарль Робер Венгерский и Иоанн Богемский. Именно в это время Казимир проявил свои выдающиеся дипломатические способности, за которые позднее получил прозвание Великий. Во-первых, он искусно сыграл на взаимной зависти Виттельсбахов, Бранденбургов и Люксембургов, правивших Богемией, пообещав в жены Людовику Бранденбургскому свою молодую дочь. Затем он сломил предубеждение соотечественников против своей «прогерманской» политики, после чего ему уже было нетрудно убедить капризного Иоанна Богемского прекратить войны в Силезии и отправиться искать приключения в других землях.

Осенью 1335 года Казимир, Иоанн и Шарль Робер встретились в Венгрии, в великолепном дворце Вишеграда, возвышавшемся над Дунаем, на одной из самых знаменитых конференций в Средние века. Неделю за неделей они проводили, сочетая великолепные развлечения с трудными переговорами. В ноябре туда же прибыла делегация тевтонских рыцарей с требованием, чтобы Казимир отказался от своих претензий на Западную Пруссию. Так как Лютер фон Брауншвейг скончался во время путешествия в Кенигсберг, где собирались освящать новый собор, делегация была послана его преемником, Дитрихом фон Альтенбургом, чья родословная почти не уступала родословной Лютера. Младший сын в семье, вынужденный выбирать между возможными путями церковной карьеры, он выбрал путь, связанный с военным орденом. Сначала кастелян Рагнита, затем протектор Самландии и, наконец, маршал ордена, он был способным военачальником. Единственным пятном в его послужном списке было поражение при Пловцах, и Дитрих жаждал отмщения.

Ни одна из сторон не уступила ничего существенного во время переговоров. Хотя тевтонские рыцари шли на значительные уступки, даже сверх оговоренных, их посредники

были лишены воображения, они предлагали возврат к status quo ante bellum (к ситуации до войны.– *Пер.*). Король Иоанн отказался от своих прав на польский трон, что лишило законной силы передачу Западной Пруссии ордену. Казимир, который хотел добиться мира на севере, чтобы сосредоточить свои силы на других границах, предложил значительную двустороннюю уступку: он предлагал ордену Западную Пруссию как дар польской короны, подразумевая, что земля может быть передана им еще кому-нибудь. По крайней мере, это был шаг к соглашению. Обе стороны хотели прекратить военные действия, но переговоры не пошли дальше обещания Дитриха оставить Куявию и обещания Казимира добиться отказа его подданных от Западной Пруссии.

Вскоре после этого Казимир обнаружил, что не может выполнить своего обещания. Сначала князья Мазовии выступили за разрыв соглашения. Затем уже и польская знать отказалась ратифицировать договор, и, наконец, сам папа заявил, что поддержит законное возвращение Западной Пруссии и Кульма Польскому королевству. Великий магистр сомневался, что дело обошлось без влияния Казимира, и поэтому связался с королем Иоанном, который опять заговорил о некоторых проблемах в Силезии, так и оставшихся нерешенными. А тем временем Дитрих разместил гарнизоны в замках Куявии, но оставил у власти польскую администрацию, так как в его планы не входила постоянная оккупация этой области. Напротив, гарнизоны в Добрине и Плоцке были усилены, так как это был лучший способ заставить поляков воздержаться от набегов на Кульм.

Хотя Казимир приветствовал знатных крестоносцев, прибывших из Пруссии в марте 1337 года, и устроил им пышные развлечения, что дало королю Иоанну возможность предложить закончить войны, лишь после 1340 года, когда у Казимира оформился план похода на юго-восток к Киеву, мирные переговоры начались всерьез.

Операции в Самогитии

Тем временем язычникам Самогитии приходилось теперь защищаться от нападений как с севера, так и с востока и юга. Ливонские рыцари наносили удары из Мемеля, Гольдингена, Митау, Риги и Динабурга, пересекая полосу безлюдных лесов. Это была жестокая война, в которой никто не просил пощады и никто не давал ее.

Жестокость этой военной кампании можно увидеть на примере сражения в окрестностях маленького замка недалеко от Каунаса. В феврале 1336 года Людовик фон Виттельсбах привел из Бранденбурга войско крестоносцев, в котором было также много австрийцев и французов, войско настолько большое, что для перевозки его снаряжения потребовалось двести судов. Герцог Людовик ожидал, что осада деревянной крепости не затянется и в его руки скоро попадут все четыре тысячи беженцев, что собрались там, их скот и имущество. Но когда язычники увидели, что крестоносцы вот-вот пойдут на штурм, они развели огромный костер и начали бросать в него свои пожитки, затем задушили своих жен и детей и бросили их тела туда. Они сделали это в ожидании, что, когда попадут в свой загробный мир, подобный Вальгалле, с ними останутся все их земное добро и семьи. Христиане сначала не могли поверить своим глазам. Затем, разъяренные тем, что добыча ускользнула у них прямо из рук, они пошли на приступ, невзирая на потери. Крестоносцы одержали победу, но цена была высока. Вождь язычников Маргер снес немало голов, прежде чем понял, что скоро его схватят. В последний момент он прыгнул вниз, в подвал, где прятал свою жену. Взмахнув мечом, он разрубил ее на куски и потом вонзил оружие себе в живот. После падения крепости крестоносцам досталось всего несколько пленников, которых можно было сделать крепостными.

Затем фон Виттельсбах начал строительство замка на острове возле Велюна[50], надеясь подготовить базу для еще более масштабного похода в следующем году. Но осознав, что не успеет закончить работу, прежде чем его припасы иссякнут, он сжег наполовину отстроенную крепость и отступил. Следующей зимой, в 1337 году, в крестовый поход отправились король Иоанн и герцог баварский Генрих, с рыцарями из Богемии, Силезии, Баварии, Палатината,

[50] Литовская крепость на Немане, ниже впадения в него Дубиссы. Ныне Велюона в Литве.– *Прим. ред.*

Тюрингии, рейнских земель, Голландии и даже Бургундии, а тевтонские рыцари привели ополчение из Натангии и Самбии.

Погода была необычно теплой, так что войско отправилось вверх по Неману на судах. Взяв две крепости возле Велюна, крестоносцы построили деревянный замок напротив развалин Кристмемеля, названный Байербург в честь баварского герцога. Байербург стал базой для набегов и местом отдыха для больших экспедиций, направленных в центральную Литву или на север в Самогитию. Гедиминас, зная, что ему придется либо разрушить этот стратегически важный замок, либо подвергаться неожиданным нападениям, осаждал его двадцать два дня тем же летом, но безуспешно. Когда он, понеся тяжелые потери, отступил, гарнизон сделал вылазку и захватил осадные орудия, установив их потом на стенах замка.

Король Иоанн не дождался завершения этой экспедиции. Он простудился, простуда перекинулась на глаза, а затем перешла в заражение. Его болезнь все усиливалась по пути домой. Иоанна пытался излечить лекарь-француз в Бреслау, но король пришел в ярость от его неумелости и велел утопить беднягу в Одере. В Праге Иоанн обратился к доктору-арабу, но и тот не помог. Инфекция распространилась и на второй глаз, и король практически ослеп. Впрочем, это ничуть не умерило рыцарских замашек и амбиций Иоанна, наоборот, кажется, даже укрепило его репутацию. Перед тем как покинуть Кенигсберг, он занял шесть тысяч флоринов на расходы, необходимые ему для переговоров с Казимиром, и он действительно не прекращал переговоры даже в самые худшие дни приступов болезни.

Казимир был готов заключить мир. Алдона умерла в мае после долгой болезни, так и не родив ему сына. Хотя Казимир и пережил множество любовных приключений, у него не появился наследник, который был нужен королевству. Поскольку война помешала бы ему заключить брачный союз с каким-либо правящим домом, он принял мир с орденом. Как случается иногда, Казимир был чрезвычайно несчастлив в своей семейной жизни. Он надеялся жениться на дочери Иоанна Маргарите, но она умерла буквально накануне венчания в Праге. Затем Казимир спешно заключил союз с некрасивой Адельгейдой Гессенской, которую он вскоре отправил в провинцию и не желал более видеть. Так как папа не давал ему разрешения на развод, у него не оставалось шансов завести законного сына-наследника.

В эти годы орден не мог воспользоваться тем, что Казимир занят другими делами, и начать большой поход против Самогитии. В Пруссии собирались лишь небольшие войска, да и то их действия постоянно сдерживались плохой погодой. Зимой 1339 года, например, граф Палатинатский повел войско на Велюн, но четыре дня лютых холодов заставили его вернуться в Кенигсберг. Некоторые литовцы сдавались, соглашаясь получить феод в Пруссии, а еще больше литовцев, вероятно, думали, что крестовый поход вскоре закончится победой христиан.

Новые папские расследования

После 1340 года крупные походы стали редкими, отчасти из-за событий в Священной

Римской империи, отчасти из-за необходимости держать крупные силы на польской границе. Великий магистр смирился с этим как с печальным, но неизбежным фактом. Он не мог пойти на уступки ни папе, ни польскому королю, особенно когда, казалось, они действовали сообща. Слушания, проводимые папскими легатами в Варшаве в 1338 году, шли обычным путем: поляки представляли множество свидетелей, а тевтонские рыцари бойкотировали процесс. Как и ранее, Великий магистр просил доминиканцев, францисканцев и цистерцианцев написать письма, в которых орден описывался бы как «стена вокруг дома Господня», чьи рыцари истово посещали церковные службы, были добронравны и дружелюбны, а также строго придерживались дисциплинарных правил ордена.

Великий магистр заявил, что император Людовик IV запретил ему отвечать на любые жалобы, подаваемые папе.

Но это оправдание имело больше веса в Германии, чем в Авиньоне, где Святой престол занял каноник, бывший когда-то инквизитором. В результате всего этого в 1339 году легат папы приказал ордену вернуть польскому королю Западную Пруссию, Кульм, Куявию, Добрин и Михелау и выплатить убытки в размере ста девяноста четырех тысяч пятисот марок – почти невообразимую по тем временам сумму.

Хотя папа и вызывал Великого магистра в Авиньон, чтобы тот объяснил свое поведение, Его Святейшество смягчился, когда Дитрих написал, что его присутствие требуется на востоке ввиду неминуемого нападения татар. Святой Отец побуждал тевтонских рыцарей продолжать свои усилия по защите христианства и превозносил их «защиту дома Израилева, религиозное рвение, мораль, строгое исполнение своего Устава и поддержание мира». Поэтому папе было легче пойти на дальнейшие уступки. Он в отличие от предшественников был заинтересован в реформировании монашеских орденов, а не в уничтожении их. Папа понимал, что выполнение решения легата подкосит силы военного ордена, и не мог позволить, чтобы главный носитель креста в Прибалтике был поставлен на грань банкротства. Новой комиссии было поручено провести новое расследование, тем временем папа призвал противоборствующие стороны к компромиссу. Серьезные переговоры стали возможны после смерти Дитриха в 1342 году. Теперь новые вожди с обеих сторон могли искать пути, чтобы положить конец конфликту, в котором никто не мог одержать победу.

Мирный договор с королем Казимиром

Сравнительно мало известно о начале карьеры Людольфа Кенига, который был избран Великим магистром в июне 1342 года. Он был уроженцем Нижней Саксонии, затем служил в Пруссии (что само по себе было редкостью – рыцари, говорившие на нижненемецком диалекте, обычно направлялись в Ливонию), а потом был ризничим и Великим командором. Его политика достижения мира с польским королем увенчалась успехом через год после его избрания.

Мирный договор, заключенный в 1343 году в Калише, основывался на трех принципах. Во-первых, князья Мазовии и Куявии (вероятные наследники Казимира, если у него не появится сына) отказывались от своих притязаний на Западную Пруссию. Во-вторых, Богуслав Померанский, зять Казимира (и также вероятный наследник польской короны), обещал заботиться о том, чтобы этот договор выполнялся, кто бы ни занял польский трон. В-третьих, Казимир получал от всех своих городов и от польской знати клятву, что они будут сохранять мир и признавать действительность договора. В свою очередь, Людольф обещал передать ему Мазовию и Куявию.

Пышная церемония положила конец двадцатилетней войне. Вскоре летописец мог записать: «Наконец папа снял интердикт, висевший над Пруссией». Калишский мирный договор положил конец вражде между двумя крупнейшими католическими силами в Северо-Восточной Европе. Хотя этот мир так и не стал вечным, он замышлялся именно таким. В принципе, у подписавших его сторон не оставалось фундаментальных причин для новых ссор. Интересы ордена были на севере – в войне против литовцев, а интересы Казимира – на юге, в войне против татар. Земли, лежащие между ними, Мазовия и Куявия, оставались владениями менее значимых князей из рода Пястов, которые обычно были более или менее нейтральны.

Завершив эту эпоху войн с Польшей (многие историки представляют дело так, что она занимала весь век, а не три десятилетия, как было в действительности), орден смог возобновить крестовый поход против Самогитии. На этот раз в действия крестоносцев не вмешивались францисканцы, наиболее сочувственно относившиеся к еретическим и нехристианским воззрениям: в 1340-1341 годах, примерно во время смерти Гедиминаса, двое братьев этого ордена подверглись мученической смерти в Вильнюсе, и до 1387 года францисканцы, кажется, не появляются больше в литовской столице.

Осталось почти незамеченным, что тевтонские рыцари воспользовались присутствием герцога Баварского в крестовом походе 1337 года для подачи петиции императору о пожаловании им трех небольших приграничных областей. Их просьба была удовлетворена[51], что вместе с даром Миндаугаса в 1257 году, казалось, подтверждало право ордена на завоевание Самогитии. Теперь все что было нужно сделать Великому магистру – привлечь достаточно крестоносцев для пополнения своих войск. Он нашел для этого способ – обратиться к культу рыцарства.

Культ рыцарства в Пруссии

Папы Клемент VI, Иннокентий IV и Урбан V восстановили до некоторой степени уважение общества к католической церкви. Они прекратили столь долго длившийся спор об избрании императора и боролись с продажностью и семейственностью среди церковников. К тому же они оказывали большую поддержку крестоносцам и положили конец упрекам в адрес тевтонских рыцарей по поводу Риги и Данцига.

И уже вскоре в Пруссии появились западные крестоносцы, гораздо более многочисленные, чем во время предыдущих походов. Шанс поучаствовать в изысканных пирах и охотах, тратя деньги в пределах разумного и пребывая в относительном комфорте, привлекал их не меньше, чем возможность нанести удар по врагам Господа. В 1345 году король Иоанн и его сын Карл Моравский явились в Пруссию в сопровождении короля Людовика Венгерского, герцога Бурбонского, графов Голландии, Шварценбурга, Гольштейна и Нюрнберга. Такое внушительное собрание знатных людей не собиралось ни в каком месте Европы тех дней. Хотя в целом нельзя сказать, что Пруссия стала местом паломничества скучающей европейской знати, для периода 1345-1390 гг. это утверждение до некоторой степени верно.

Появление этого нового рыцарства также означает появление фундаментально нового типажа. Через короткое время Вильям Голландский и Иоанн Богемский умрут. Когда в 1346 году Шарль Моравский станет королем Богемии, а в следующем году – императором, у него не останется времени на крестовые походы. Людовик Венгерский также больше не будет покидать своих владений. Короче говоря, следующему Великому магистру придется вместо того, чтобы приглашать время от времени нескольких персон из королевских домов, созывать пусть и менее знатных рыцарей, но зато ежегодно, для чего он обратится к их рыцарским чувствам.

Рыцарский Век

Тевтонские рыцари значительно изменились за время, прошедшее между 1310 и 1350 годами. Слава и богатство, а также тесная связь с родными землями заметно изменили их образ жизни. Их богатство позволяло им жить подобно знатным господам именно в тот период, когда рыцарство входило в эпоху экстравагантности и роскоши, превосходящей все разумные пределы. Соперничество с Казимиром Польским заставило их искать дружбы самых знатных семейств Европы, а крестовые походы в Самогитию привлекали – пусть не столь знатных, но более многочисленных рыцарей из всех стран. Постепенно тевтонские рыцари пришли к мнению, что цели их крестового похода будут легче достигнуты, если меньше думать о монашеских ценностях и больше – о рыцарских. В этот момент они нашли в Винрихе фон

[51] Некоторые историки интерпретируют этот документ как дарение ордену всей Руси и Литвы. Это маловероятно – тевтонские рыцари были амбициозными, но и в высшей степени практичными людьми.

Книпроде лидера, который сочетал все доблести рыцарства.

Соответственно эпоха с 1350 по 1400 год стала для ордена духовной и моральной кульминацией крестовых походов в Прибалтике, но и обнаружила их мирскую сущность.

Во Франции и Англии рыцарство отличалось великолепием и блеском, а для тевтонцев рыцарство было сугубо мужским делом. В ордене было очень мало женщин: только сиделки в госпиталях. Никто из них, насколько известно, не был благородного происхождения, поэтому они были совершенно неуместны на пирах. Так что рыцарство в Пруссии проявлялось только в добродетелях, связанных с войной против врагов Христа и Девы Марии.

Предыдущие сто лет были эпохой великих битв и с трудом добытых побед, а вторая половина XIV века стала для ордена эпохой триумфа, общественного признания и международной популярности. Отчасти это было вызвано провалом прочих крестовых походов. Святая земля была потеряна, турки завоевывали Болгарию и Сербию, испанская Реконкиста замедлила свое продвижение из-за Столетней войны. Было очень важно, чтобы хоть один крестовый поход увенчался успехом, так как священная война являлась воплощением культа рыцарства, благодаря которой жизнь благородного общества XIV века обретала смысл и значительность. Рыцарство и крестовые походы вовсе не способствовали улучшению государственного управления или расцвету экономики, но они имели значение для благородного сословия, чья роль в управлении государством, в экономической жизни и даже на войне все более снижалась. Рыцарство было дорогим и непрактичным удовольствием, но в этом заключалась и его привлекательность. Новый класс профессиональных воинов не мог себе позволить войти в этот слой – им приходилось думать о том, чтобы создать себе состояние прежде, чем их настигнет старость; мелкая знать не могла позволить себе такой роскоши, так же как и горожане, которым средства нужны были для развития своего дела. Духовенство часто придерживалось иной системы ценностей – моральных и социальных. Но даже эти классы привлекал рыцарский кодекс, провозглашавший щедрость, верную службу, честь, хорошие манеры и в целом возвышенный образ жизни. Все считали, что обществу нужны идеалы, пусть даже далекие от обыденной жизни. Более того, даже критики рыцарства соглашались, что оно необходимо для защиты христианства от врагов и что западное христианство лучше защищать с помощью побед, а не поражений на поле боя. Литовские *Reisen* (походы – *нем.*) давали возможность как проявить рыцарские манеры, так и одержать победу, а тем, кто был действительно набожен, участие в походах сулило также и духовную награду.

Вероятно, причиной такого расцвета рыцарства в Прибалтике послужила также чума, известная как Черная Смерть, что на треть сократила население Европы. От эпидемии сгинули целые семейства, оставив свои богатства наследникам, склонным больше тратиться и меньше заботиться о будущем. «Ешь, пей и веселись» – вот был их девиз. Другим следствием эпидемии стала возросшая набожность. Походы в Пруссию отвечали обоим запросам.

Хотя число крестоносцев на этот раз так и не достигло численности походов в предыдущие века, рыцари-крестоносцы отнюдь не были редкими на дорогах Европы. Неудивительно, что в прологе к «Кентерберийским рассказам» Чосера появились следующие строки:

Тот рыцарь был достойный человек.
С тех пор как в первый он ушел избег,
Не посрамил он рыцарского рода;
Любил он честь, учтивость и свободу;
Усердный был и ревностный вассал.
И редко кто в стольких краях бывал.
Крещеные и даже басурмане
Признали доблести его на поле брани.
Он с королем Александрию брал,
На орденских пирах он восседал

Вверху стола, был гостем в замках прусских[52],
Ходил он на Литву, ходил на русских,
А мало кто – тому свидетель бог –
Из рыцарей тем похвалиться мог[53].

Англичане часто рассматривали крестовые походы как религиозное паломничество во имя непорочной Девы Марии и святого Георгия. Рыцари-паломники часто встречались и на дорогах Франции и Германии. Это были особенные паломники: они путешествовали не босиком, в бедности и смирении, но с помпой и церемониями, и их занятием были не молитвы и посты, но пиры и изысканные приемы. Участники этих походов были воплощением рыцарства, пышности и похвальбы. Опытные ветераны европейских войн собирались, чтобы поучаствовать в пирах и охотах, а также заслужить духовную награду, которая перевесила бы их прежние грехи. Молодые оруженосцы толпами устремлялись в Пруссию в надежде быть произведенными в рыцари известным воителем, возможно, даже каким-либо королем или герцогом.

Рыцарство в прусской литературе

Дух рыцарства прославлялся в поэзии и в прозе. В Пруссии он уже вызвал всплеск литературного творчества, особенно между 1320 и 1345 годами, когда рыцари и священники сочиняли религиозные и исторические произведения умеренного качества, но имеющие большое местное значение. Воодушевляемые примером двух Великих магистров Лютера фон Брауншвейга и Дитриха фон Альтенберга – оба были сочинителями,– прусские писатели составляли жития святых, переводили отдельные отрывки из Библии, а также составляли историю крестовых походов в Прибалтике. Эти авторы, сочинявшие на своих родных средне– и верхнегерманских диалектах, привлекают внимание скорее своими честолюбивыми поэтическими замыслами, чем их успешным воплощением. Впрочем, этого следовало ожидать от людей, не имевших навыков в риторике. Сила этих произведений скорее в их страстности, чем в отвлеченном созерцании. Можно невысоко оценивать их поэтическое значение, но следует изумляться, что эти люди вообще пытались создавать литературу. Война обычно плохо сочетается с тонким литературным вкусом. Легче было бы просто перенять рыцарские и духовные творения родных земель, но тевтонские рыцари не сделали этого. Творить литературу для них было потребностью.

Расцвет литературного сочинительства был краток. Оно пустило ростки в конце XIII века, пришло к полному расцвету еще до середины следующего столетия, быстро увяло и зачахло после фатальных событий 1410 года. Списки книг, хранившихся в различных монастырях и частных библиотеках, дают повод предположить, что дело, скорее, в том, что авторы их столкнулись с ограниченностью интересов военного ордена, а не в том, что они потеряли интерес к литературе. В 1394 году существовало мало крупных библиотек. Мариенбургское собрание из сорока одной книги на латыни и двенадцати на немецком языке было немаленькой библиотекой по стандартам Северной Европы.

Общей целью всех этих писателей было сочинение стихов, побуждающих читателей и слушателей к тому, чтобы повторить или даже превзойти деяния предшественников. В монастырях было обычной практикой, когда во время трапезы при общем безмолвии кто-нибудь из священников читал вслух жития святых, отрывки из Библии или истории ордена. Приоритет отдавался книгам Старого Завета (Юдифь, Эзра, Ниемия, Давид, Иов, Маккавеи и т. п.), которые были более близки военному ордену, чем Новый Завет. Можно без преувеличения сказать, что средневековому миру более подходил Старый, а не Новый Завет. И ни об одном из

---

52 *Bord,* или круглый стол, или стол чести, был хорошо известен (как и следовало ожидать на родине короля Артура), и когда знатных лордов и рыцарей приглашали сесть вокруг него, почетные места занимали не только люди благородного происхождения, но и проявившие доблесть в битве.

53 *Джеффри Чосер.* Кентерберийские рассказы. Пер. И. Кашкин, О. Румер. Москва: Художественная литература, 1973.

средневековых сообществ нельзя утверждать это с такой справедливостью, как о Тевтонском ордене. Рыцарям было легко понимать таких людей, как Моисей, Соломон и Давид. Правила из Книги судий напоминали статуты, которым рыцари следовали в своей повседневной жизни. Рыцарям было легко ухватить суть борьбы между богоизбранным народом и множеством врагов.

Куда менее применим к их жизни был Новый Завет. Хотя они и преклонялись перед миссией Христа, его чудесами и тем, что он был распят, все же им легче было представить себя участниками Армагеддона. Соответственно прозаическая версия Апокалипсиса была одним из первых переводов в ордене. Легенды о святых, особенно мучениках, также были популярны среди рыцарей. В ордене отмечалась память местной святой – Доротеи (умерла в 1394 году в Мариенбурге) и делались записи о приписываемых ей чудесах в назидание потомкам.

Эта литература получила мало распространения за пределами ордена. Образование было областью епископов и каноников. Священник получал степень магистра теологии, чтобы претендовать на повышения в церковной иерархии и, возможно, стать епископом, а рыцарь просто слушал популярные истории и баллады. Гуманитарное образование было делом будущего; литература изучалась как пояснение к грамматике, а затем обычно тут же забрасывалась. Но при этом год за годом сотни молодых честолюбивых людей из Пруссии и Ливонии ехали учиться за границу, в основном в Италию, где располагались самые лучшие и знаменитые университеты. Больше всего студентов привлекала Болонья, хотя многие ехали и в немецкие университеты, которые начали учреждать во второй половине XIV века. Тевтонские рыцари обдумывали вопрос основания собственного университета в Кульме и в 1386 году даже получили на это папское разрешение, но дальше дело так и не пошло.

В заключение можно сказать, что Пруссия прошла в Средние века свой религиозный и философский Ренессанс, впечатляющий своими устремлениями и достижениями, но довольно ограниченный.

Дева Мария

В литературе ордена заметно отсутствие любовной поэзии, которая преобладала при дворах, где рыцари проводили свою молодость. Этот факт говорит о строгостях религиозной жизни в ордене, где исторически сложилось так, что идеалом женщины был образ Девы Марии, которая высоко чтилась тевтонскими рыцарями.

Вспомним, что полное название ордена было Немецкий орден Госпиталя Святой Марии в Иерусалиме. Орден считал Непорочную Деву идеальной женщиной и посвящал себя служению ей. Современный литературный историк находит эту черту столь выраженной, что замечает: «Кажется, что ни один из рыцарей Девы Марии не мог представить себе литературное произведение, в котором не фигурировал бы образ Богоматери».

Значение этого почитания Девы Марии и нескольких других святых женского пола (Варвары, Доротеи) сегодня трудно понять полностью. Несомненно, оно было частично сублимацией сексуальных источников в религиозные действа. Борьба за сохранение целомудрия была непрестанной. Этому процессу помогали постоянные физические нагрузки во время охоты и военных тренировок, простая еда, строгий распорядок дня, посещение церковных служб днем и ночью, посты и караулы. К тому же поощрялось личное благочестие, связанное с преданностью по отношению к Деве и святым, которые представляли дом, любовь и будущую загробную жизнь. Также почитание Девы Марии было логичной кульминацией обычной романтической поэзии, которая возносила женские добродетели столь высоко, что никто из смертных не мог соответствовать им. Эта идеализация легко трансформировалась в обобщенный совершенный образ матери – матери Господа. Наконец, Дева Мария имела и чисто религиозное значение как мать Бога, вмешиваясь, чтобы защитить и спасти страдающее человечество. И строгости повседневной жизни, и возможную смерть на поле брани воины ордена воспринимали как добровольные муки, посвященные ей.

В 1389 году один из западных авторов, пропагандировавший крестовые походы, Филипп де Мезьер, составил описание священных войн в Прибалтике, используя следующий прием. Ему во сне является Священное Провидение и ведет его по миру в сопровождении Истинной

Правды и ее придворных дам: Справедливости, Мира и Милосердия. Как образец рыцарской литературы это произведение имело свою ценность, но источником, вдохновившим его создание, была Франция, а не Пруссия, и оно только косвенно отражало рыцарские ценности Тевтонского ордена.

Тевтонским рыцарям нравилась и другая литература, но предпочитали они истории собственных авторов, наполненные описаниями битв, подвигов, юмористических случаев и коротких историй, отражавших справедливость Господа и ограниченную способность человека понять, почему порой Он дарует победу, а порой – поражение. Истории из войн на границе Самогитии были детальными и подробными, дающими уроки, применимые и в будущих сражениях.

Орден был щедрым покровителем поэзии. Казначейская книга в Мариенбурге 1399-1409 гг. хранит многочисленные записи о выдаче платы жонглерам и шутам, певцам и ораторам, музыкантам и прочим, кто увеселял рыцарей ордена и его гостей. Впрочем, возможно, эти записи больше отражают жизнь резиденции Великого магистра более позднего времени. Считать, что она отражает жизнь 1350 года, было бы, пожалуй, сомнительным анахронизмом.

Многочисленные поэмы упоминают музыку, песни и танцы. Женщины отсутствовали на увеселениях, организуемых орденом, и хотя историк, работавший в более поздний период, упоминает эпизод, описывающий Винриха фон Книпроде, который вводит даму в зал, чтобы открыть танцевальный вечер, этот эпизод, разумеется, следует рассматривать как исключение. Танцы также устраивались светской знатью и горожанами, когда крестоносцы останавливались у них по дороге в Кенигсберг. Нередко артистов для этих празднеств предоставляли сами крестоносцы из знаменитых дворов Европы, которые отправлялись в поход со своими лучшими музыкантами и певцами. Это повышало престиж рыцарей-крестоносцев и помогало им коротать за пирами и праздниками долгие вечера северной зимы. Французский поэт Гийом де Машо, известный и за пределами своей страны, также побывал в Пруссии в эти годы. У рыцарей ордена были и свои барабанщики, горнисты и флейтисты, которые сопровождали их в каждой кампании. Ни одно вторжение в земли язычников не обходилось без рокота барабанов и звона медных гонгов. Но это была военная музыка, а не театральное представление. Наконец, существовала музыка для частых молитв и месс. В больших монастырях месса сопровождалась хоровым пением, а священники ордена бесплатно учили сыновей горожан, которые и пели на религиозных службах.

Глава восьмая
Литовское Испытание

Экспансия Литвы

В середине XIII века тевтонские рыцари добились обращения в христианство своего смертельного врага – Миндаугаса – и короновали его как первого короля Литвы. Они совершили это, как обычно происходило в этих краях, убедив литовского вождя, что лучше иметь крестоносцев союзниками, чем врагами. С помощью ордена или, благодаря исчезновению угрозы вторжения на его земли братьев-рыцарей с севера и запада Миндаугас смог расширить свои владения в сторону Руси, которой угрожали татары. Литовское княжество выросло широкой дугой с северо-востока на юго-запад.

Брызги воды с рук священника и необходимость изредка выслушивать службы на непонятном языке под непривычную музыку были для Миндаугаса единственным неприятным моментом в смене религиозных убеждений (не считая необходимости объяснить свое решение жрецам и знати). Не будучи многоженцем и не придерживаясь какой-либо религиозной доктрины, языческой или христианской, Миндаугас жил практически прежней жизнью. Этот скептицизм не слишком нравился тевтонским рыцарям – обращение, основанное на политике, зиждется на очень зыбкой почве. И в начале 60-х годов XIII века Миндаугас счел, что неудобства перехода в христианство перевешивают преимущества. Он вернулся к язычеству

практически с тем же энтузиазмом, с которым ранее пал в объятия католической церкви, – это казалось ему лучшим способом примирится с теми из литовской знати, кто восхищался, глядя как самогитийские язычники громят войска крестоносцев. Впрочем, смена религии ненадолго помогла Миндаугасу: вскоре он был убит своими врагами из числа соплеменников. Однако его отречение от католической церкви кардинально изменило ход истории в Прибалтике, который, как одно время казалось, был предопределен. Преемники Миндаугаса оставались язычниками еще более века в основном потому, что большинство их подданных верило, что их боги приносят им победу в бою, а также потому, что многочисленные русские подданные литовской короны предпочитали временно находиться под властью язычников, чем принять помощь католиков. Гедиминас (родился в 1257 году, Великий князь с 1316 по 1341 год) был исключительно прагматичным правителем. Его наследники также следовали этому правилу. Возможно, нигде больше в Европе не правила династия, столь последовательно подчинявшая свои поступки собственным интересам. Они не желали рисковать своим положениям в русских землях, обратившись в католичество, но позволяли католикам верить, что готовы принять католицизм и лишь агрессия Тевтонского ордена мешает им спасти свою душу.

Литовские правители именовали себя Великими князьями, этот титул был знаком их русским подданным. Но теоретический титул мало что значил. Большинство сторонников и слуг оставались верными династии Гедиминаса из-за семейных связей, должностей и наград, а не из религиозных традиций. Многие из литовской знати получили православное крещение, чтобы удовлетворить чаяния русских жителей в городах, где они правили или командовали гарнизонами. Многие женились на христианках, как православных, так и католичках. Но остальные оставались язычниками. Без сомнения, язычество имело для них немало привлекательных сторон, в числе которых было то, что Литвой продолжали бы править литовцы. Важно было и то, что самогиты признали бы только язычника-правителя из центральной части Литвы. Слабого христианского правителя они отвергли бы так же, как отвергли и могущественного Миндаугаса. Язычество отнюдь не умирало в Самогитии, напротив, ему следовали со всей страстью, подобной той, что испытывают подчас необразованные и не склонные к терпимости фундаменталисты нынешних дней.

Когда язычники вернулись к власти, они сожгли католический собор в Вильнюсе, засыпали его руины песком и возвели там капище Перкунаса. Это капище, посвященное богу-громовержцу, было, вероятно, столь же внове язычникам, как и христианский собор, так как традиционно язычники проводили свои обряды в священных рощах. Возможно, это объясняет причину того, что каменное сооружение не имело крыши, представляя собой ступенчатую пирамиду с 12 ступенями, ведущими к огромному алтарю. Там, вероятно, стояла деревянная статуя бога, а жрецы поддерживали постоянный огонь. Из этого можно сделать предположение, что язычество представляло собой динамично развивающееся верование, перенимающее некоторые черты соперничающих с ней религий.

Наследники Гедиминаса гордились своей терпимостью к другим религиям. Они, конечно, верили в своих богов, но вовсе не желали навязывать свою религию другим или даже предлагать ее им. Великие князья Литвы позволяли францисканским монахам держать в Вильнюсе часовню для нужд католических купцов и посланников. Лишь однажды францисканцы пострадали за веру, приняв мученическую смерть. Еще более терпимо литовские правители относились к православным священникам по той причине, что многие их подданные были православными. Некоторые из татарских телохранителей князей были мусульманами и жили своими обособленными сообществами. Такая политика – когда правительства договаривались с лидерами меньшинств, которые уже сами следили за выполнением спускаемых сверху законов и указов, просуществовала в Восточной и Центральной Европе до самой Второй мировой войны.

Этот прагматизм литовских князей не должен вводить нас в заблуждение. Средневековая терпимость к обособленным группам не то же самое, что современная терпимость к личности или терпимость мусульман к иноверцам, за которой слишком часто кроется лишь позволение тем жить людьми второго сорта. Для своего времени это была великодушная терпимость, достойная хвалы.

Попытки крестоносцев возобновить священную войну

Раздор в рядах крестоносцев положил конец той череде успехов, что характеризовала конец XIII века. Как только магистр Пруссии получил под свой контроль дикру (дикие пущи между Литвой и Мазовией.– *Пер.*), а магистр Ливонии покорил земгальцев, обе части ордена перешли к оборонительной стратегии. Тому были веские причины. Польша продолжала объединяться, Рига и ее архиепископ снова были на грани мятежа, сама католическая церковь была в смятении из-за похищения Бонифация VIII и переноса Святого Престола в Авиньон. Ситуация в Священной Римской империи также была слишком нестабильной, чтобы Великий магистр мог установить крепкие личные связи, подобные тем, что связывали орден с Оттокаром Богемским.

Благоразумные герцоги и архиепископы предпочитали оставаться в своих владениях, ожидая исхода событий.

В результате тевтонские рыцари не могли собрать коалицию, подобную той, что одерживала победы всего несколькими годами раньше. Рижане и их архиепископ стали для них врагами, а немецкая знать в Ливонии, как, впрочем, и местные племена, были озабочены междоусобицей в этих краях. Крестоносцы из Германии и Польши годами не появлялись в этих землях Правители Мазовии и Галиции с Волынью, что участвовали в кампаниях в Судавии, не были заинтересованы в продолжении войны к северу от Немана. А орден уже не мог собрать в Самогитии силы, достаточные, чтобы подавить язычников, поддерживавших мятежи в Пруссии и Ливонии.

Самотиты постепенно начали делать ставку на князя Витениса (1295-1316), причем ни одно решение не принималось без того, чтобы жрец не бросил жребий, испрашивая у богов совета. Теперь объединенные войска язычников ударили по принявшим христианство местным жителям Земгаллии, Курляндии и Самландии, а орден практически ничего не мог с этим поделать. Эта проблема стала столь серьезной, что после 1300 года каждый новый Великий магистр отправлялся в северные земли, чтобы на месте изучить, как обстоят дела. И каждый из них, в свою очередь, приходил к выводу, что проблему можно решить не военными, а политическими путями. Решением проблемы было бы устранение из рядов вражеской коалиции архиепископа Риги и его сограждан. А это было легче сделать из Авиньона, чем из Мариенбурга, поэтому Великие магистры регулярно возвращались в Империю, чтобы посоветоваться с ведущими политическими и церковными деятелями.

Патрули ордена, охранявшие границы Пруссии от вторжений и совершавшие небольшие рейды в литовские земли, заставляли часть язычников стеречь собственные поля и деревни. Основными базами орденских патрулей был Рагнит, расположенный на левом берегу Немана примерно в шестидесяти милях от устья реки, и, удаленный почти на такое же расстояние от него Кенигсберг на реке Прегель, а также замок у Мемеля, охранявший устье Курляндского залива и прибрежную дорогу в Ливонию. Эти три пункта образовывали треугольник, обозначавший присутствие крестоносцев в долине реки. Поддерживаемый еще одним хорошо укрепленным замком у Тильзита ниже по течению реки, гарнизон Рагнита нес на себе основную тяжесть пограничной войны. Для рейдов за дикру кастелян Рагнита призывал протекторов Самландии и Натангии с их местными войсками. Основным методом ведения войны было угонять скот, жечь дома и посевы и захватывать в плен всех, кто не успел укрыться в лесах. По меркам тех лет такая война была внешне в рамках морали. В эпоху, когда крепости были практически неприступны, а войскам приходилось платить из добычи, изматывание противника было единственно практичной стратегией. Более того, все оправдывали свои жестокие поступки достойной целью – покончить с набегами на христианские земли и уничтожить язычество.

Подобные патрули несли службу также на южной и восточной границах Ливонии. Базировались они в Гольдингене[54], Митау[55], Динабурге, Розиттене[56], Мариенхаузене[57] и

[54] Ныне город Кулдига в Латвии.– *Прим. ред.*

[55] Ныне город Елгава в Латвии.– *Прим. ред.*

Нойхаузене[58]. Ливонский магистр к тому времени переселил земгаллийцев на север, на земли вокруг Литвы, а их родные края превратились в пустоши, чащобы и болота, по которым странствовали лишь опытные и безжалостные разведчики обеих сторон. Никто, кроме них, больше не появлялся в этом регионе. Зимой, чтобы установить связь с Пруссией, ливонскому магистру приходилось посылать всадников через Курляндию, а потом вдоль побережья к Мемелю. Передавать же послания через капитанов судов, отправлявшихся из ливонских портов, было рискованно, потому что Рига постоянно враждовала с орденом, а купцы придерживались своих интересов.

Проповедники крестовых походов годами втолковывали христианам, что враги Креста – враги и Господами человека. Следовательно, язычники, мусульмане, схизматики и еретики не имели права на существование. Они были опасны для христианства, и их нужно было уничтожать «как паршивую овцу, дабы спасти здоровых». Сомнения, если они и возникали в головах людей, быстро разрешались представителями церкви, которые провозглашали, что любая война между христианами и неверными – война справедливая и достойное средство для защиты и распространения христианства. Цитируя блаженного Августина, они заявляли, что сама жизнь язычников греховна, вне зависимости от их дел – добрых или злых, потому что все, что они ни делают, они творят, не зная истинного Господа. Язычников даже не стоило бы приводить к христианству силой, им лишь следовало позволять выжить, как иудеям, в надежде, что их потомки со временем будут обращены и потому спасены. Тем временем язычникам не позволялось играть в обществе какую бы то ни было роль, исполнение которой могло бы вызвать восхищение христиан. Так что христианам следовало лишать язычников власти и имущества, гордости и престижа. Из этого следовало, что язычники Самогитии не имели права на независимое государство, особенно такое, где бы они преследовали христиан и мешали миссионерам. Именно на основе этих рассуждений в 1226 году император Фридрих II издал Золотую буллу в Римини, отдавая Пруссию и прочие языческие земли Тевтонскому ордену, а папа Александр IV (1254-1261) наградил их всеми землями, что они смогут покорить. Более того, поскольку язычники были опасными врагами христианства, часто совершавшими набеги на Польшу, Пруссию и Ливонию, папа благословил вечный крестовый поход, а императоры побуждали знать и рыцарей принять крест против язычников. Религиозным долгом всех христиан было помочь одолеть опасных язычников. Доминиканские монахи, эти проповедники любого крестового похода, состоявшие в самом престижном ордене того времени, говорили потенциальным добровольцам, что в тот момент, когда крестоносцы поражают врагов Господа, души последних отправляются прямо в ад[59].

Но гораздо проще было проповедовать крестовый поход и набирать крестоносцев, чем поймать самогита, чтобы убить его. Жители этой области Литвы переселились с востока в низины к северу от Немана и почти достигли побережья. Они жили в осушенных долинах, которые были расположены среди пересеченной местности. Их укрывали болота, полные комаров, и густые леса: это создавало вокруг них естественный барьер. Эти чащобы и трясины были практически безлюдны и не тронуты деятельностью человека из-за религиозных верований, включавших лесных богов и духов в обширный пантеон. Из-за боязни нападений воинственных соседей самогиты устраивали обширные засеки, отчего леса вокруг мест их

---

[56] Ныне город Резекне в Латвии.– *Пром. ред.*

[57] Ныне город Виляка в Латвии.– *Прим. ред.*

[58] Ныне Вадтайки s Латвии.– *Прим. ред.*

[59] *Кристоф Майер.* Проповедники крестовых походов: нищенствующие монахи и Крест в XIII веке (*Christoph Maier*. Preaching the Crusade: Mendicant Friars and the Cross in the thirteenth century. Cambridge: University Press, 1994). «Поскольку епископы прибалтийских епархий часто не могли содержать себя, то они путешествовали из одного немецкого аббатства в другое, помогая прелатам в службах, собирая пожертвования и проповедуя крестовый поход».– *Прим. ред.*

обитания становились еще более непроходимыми. После появления Крестоносцев эти места превратились в то, что стало называться *дикрой.* Небольшие отряды, часто состоявшие из местных жителей, веками страдавших от литовских набегов, уничтожали отдельные поселения. Самогиты в отличие от литовцев центральных областей не имели эффективной системы сбора налогов или военной службы, которые бы позволили поддерживать отдельные замки как базы для разведывательных отрядов. В течение нескольких лет западные поселения, уязвимые для нападений из Мемеля и Курляндии, были заброшены, а уцелевшие жители переселились вглубь лесов. Заброшенные поля вскоре снова стали лесами. Со временем вдоль границы, разделявшей прусские в ливонские христианские земли и Литву, протянулась так называемая *дикра* – полоса диких лесов, достигавшая девяноста миль в ширину, через которую вели лишь редкие тропы.

Витенис Литовский

К 1309 году орден снова держал ситуацию в Ливонии под контролем. Тевтонцы не одолели ни рижан, ни Витениса, однако и не проиграли им. Ситуация была настолько стабильной, что магистр Ливонии даже мог послать свои войска в Западную Пруссию, сначала чтобы изгнать оттуда герцога Бранденбурга, а затем – польские гарнизоны. К 1311 году он был готов вновь вернуться к литовской проблеме и нанести удар по Гардинасу (Гродно) – ключевому пункту в верхнем течении Немана, охранявшему большинство прямых путей по рекам и сухопутных дорог в Волынь и Мазовию, а также дороги, ведущие через область озер в Пруссию.

К этому времени Витенис уже стал могущественным правителем. Сторонники и даже тевтонские летописи именуют его королем, хотя папа и император признавали его лишь Великим князем (королевские титулы предназначались лишь христианским правителям). Витенис положил конец эпохе убийств и междоусобных войн и закрепил свою власть победами в Ливонии. Он был способным правителем и хитроумным военачальником. Часто он разделял свои войска и вел часть войск сам, а остальные отряды посылал в других направлениях, так что противнику приходилось гадать, где будет нанесен главный удар. При множестве путей, которые приходилось охранять рыцарям ордена, эта тактика часто приносила успех. У Витениса были и христианские союзники – горожане Риги и архиепископ города, для которых он часто делал вид, что готов вот-вот принять христианство. Присутствие францисканских монахов при его дворах в Вильнюсе и Тракае придавало достоверность этим ухищрениям. Тем не менее, хотя он позволял и русским подданным, и католикам исповедовать свою веру, он по-прежнему был предан язычеству. Любой намек на решение сменить веру – и опасность покушения, и так серьезная, еще больше возросла бы. Усилилось бы и сопротивление самогитов его претензиям на власть по всей стране. Витенис, будучи язычником, воплощал опасения христиан, страшившихся непредсказуемых и опасных действий, сверхъестественной хитрости и коварства. Всеми этими достоинствами он обладал в полной мере. Витенис не смог бы править Литвой без непоколебимой отваги и желания сравняться в хитроумии и жестокости с худшими своими врагами и лучшими друзьями. В своем варварском величии и простоте он был идеальным языческим королем, достойным противником крестоносцев.

Даже тевтонские рыцари возносили хвалу отваге и искусству Витениса, ибо они с гордостью считали себя более чем равными ему в этом. В 1311 году у них появился шанс проявить свою доблесть. В феврале Витенис совершил набег на Самландию и Натангию, перебив многих пруссов и захватив около пятисот пленников. Из опыта крестоносцы знали, что такие нападения почти невозможно предотвратить (лучшее, что можно было сделать,– это организовать наблюдение и предупреждать население о вторжении, чтобы мирные жители могли укрыться в своих убежищах, а ополчение успело собраться в определенных пунктах). Как только о набеге Витениса доложили маршалу ордена, он поспешил из Кенигсберга со своими мобильными силами и, собрав ополчение, последовал за войском Витениса. Он знал, что войско, идущее в набег, особенно уязвимо сразу же после того, как его силы разделяются, чтобы порознь возвращаться домой, и отдал приказ напасть на язычников, когда те пировали и делили добычу и пленных. Победа, одержанная крестоносцами, стала одной из величайших в этом веке.

Со своей стороны, рыцари совершали по меньшей мере один набег каждую зиму, когда их кавалерия действовала эффективно на замерзших реках и болотах, а литовцы не могли укрываться в засадах среди снега так же легко, как среди пышной летней зелени. Зимой 1311/12 года шесть рыцарей повели четыреста ополченцев из Натангии через пущи Судавии к Гродно, форсировав болота, считавшиеся непроходимыми, где проплутали два дня. Литовцы, тщательно охранявшие обычные пути, были застигнуты врасплох. Пруссы грабили литовские поселения, жгли, убивали и хватали пленных, убивая на месте тех, кто не выдержал бы долгого и трудного пути. Затем войско крестоносцев вернулось кратчайшей дорогой. Эта страшная месть за прошлые страдания вызвала новую вспышку ненависти у литовцев.

Современные национальные историки иногда забывают о взаимной вражде местных племен. Желание отомстить своим исконным врагам помогало крестоносцам собирать войска, организовывать набеги и находить работников для строительства укреплений. Эта вражда также приводила к ужасной жестокости.

Нападение на Гродно было прямым вызовом Витенису, чей престиж основывался на его военных победах и чьим основным божеством был бог войны. Уже в апреле он в свою очередь вторгся глубоко в Пруссию с силами, которые летописцы, по своему обыкновению преувеличивая, оценили в восемь тысяч человек. Пройдя через озерный край в период оттепели, Витенис избежал встречи с патрулями ордена и князя Мазовецкого, а затем, стремительно пройдя Эрмлянд, оказался у замка Браунсберг[60], мимо которого прошествовал, выкрикивая оскорбления стоявшему на стене епископу. Его воины разорили все поселения на побережье. Согласно донесениям христиан, особенную ярость вызывали церкви, в которых Витенис разрушал алтари, низвергал распятия и топтал их ногами, плевал на облатки, а затем сжигал сами здания. В один день он захватил свыше тысячи пленников, связанных и скованных, а вечером издевался над ними, вопрошая: «Где же ваш Бог? Что же он не помог вам, как наши боги помогают мне сейчас и всегда?»

Если эта цитата верна, Витенис радовался слишком рано. В действительности его войско находилось в серьезной опасности. Эрмлянд располагался далеко к западу от Литвы, и чем глубже литовцы проникали в Пруссию, тем больше времени было у местного ополчения, чтобы собраться, и тем легче было догнать медленно двигавшееся, отягощенное добычей литовское войско, чьи следы было легко найти на снегу. Именно в это время Великий командор собирал большую армию в пункте, расположенном на пути, по которому Витенис должен был возвращаться.

Генрих фон Плотцке большую часть прожитой жизни (полсотни лет!) мечтал о такой возможности. В его распоряжении находилось восемьдесят рыцарей и несколько тысяч ополченцев. Если удача не отвернется от него, он сможет разбить вторгшееся войско и, возможно, убить или пленить их короля.

Витенис также верил в удачу, но он понимал, что она благосклонна лишь к умелым и отважным воителям. Когда он увидел приближавшееся войско христиан, он приказал строиться для битвы на холме, за импровизированной стеной из деревьев и изгородей. Он, должно быть, решил, что христиане не решатся наступать на укрепленную позицию, а если дело дойдет до осады, у него есть угнанный скот, чтобы кормить своих людей, в то время как у христиан не могло быть с собой много припасов.

Фон Плотцке разгадал замысел врага, и хотя предпочел бы более подходящее для своей кавалерии поле битвы, он был готов сражаться в пешем строю. Гунтер фон Арнштайн – наверное, самый отважный рыцарь из своего поколения – получил приказ «прощупать» оборону язычников. Пробная атака была отбита, причем от сорока до шестидесяти человек были убиты, однако Гунтер изучил расположение и количество вражеских войск. Выслушав доклад Гунтера, фон Плотцке отдал приказ об общей атаке.

Поэт-крестоносец описывает нам волнующую сцену: когда христианские воины приблизились к позициям врага, они услышали вопли женщин и детей, зовущих своих родичей из прусского ополчения, ответные возгласы прусских воинов, крики людей, идущих в

60 Ныне Бранево в Польше.– *Прим. ред.*

жестокую битву. Эту летопись, должно быть, не раз читали вслух в трапезной, как было принято во время еды, чтобы наставлять в добродетели рыцарей и их оруженосцев. Такие пассажи, подчеркивающие рыцарские деяния, отвагу, справедливость, милосердие к несчастным и служение церкви и Деве Марии, дают нам возможность заглянуть во внутренний мир рыцаря-крестоносца. К сожалению, у нас отсутствует литовский эквивалент этой хроники. Языческие источники традиционно были устными, а не письменными, и они почти пропали для нас.

Когда христианское войско построилось для штурма, Витенис разглядел знамена своих противников и понял, с кем он столкнулся. Он знал, что успех на поле боя зависит не от числа, а от умения. Глядя на яркие знамена кастелянов и знамя гроссмейстера – черный крест на белом поле,– хорошо осведомленные язычники поняли, что им противостоят лучшие из тевтонских рыцарей. Поэтому, как только атака началась, наименее отважные литовцы (или, по крайней мере, наиболее здравомыслящие и благоразумные) начали ловить своих лошадей и торопливо бросились в бегство. Тем временем пленные женщины, вырвавшись из своих пут, устроили сумятицу в тылу. Витенис исчез и спасся, в то время как тысячи его сторонников пали в завязавшейся битве. Христиане захватили почти три тысячи лошадей, тысячи мечей и копий, освободили пленных и вернули все награбленное литовцами. В плен попал канцлер Витениса. Один из летописцев сложил гимн этой победе: «О благородные рыцари Господа! Господь должен воздать вам честь на земле и небесах». Генрих почтил этот день основанием женского монастыря в Торне.

Несмотря на одержанную победу, в ходе событий мало что изменилось. У ордена не была достатачно сил, чтобы закрепить ее. Витенис сумел улизнуть живым, перегруппировал свои силы, воодушевил подданных на решительную защиту своих крепостей и приказал всем не ввязываться в рискованные действия. Чуть позже, когда молодой кастелян Герхард фон Мансфельд храбро вторгся с небольшими силам на территорию Литвы, язычники вынудили его отступить. Боясь засады, они не приняли его предложения честной битвы, не спросили его имя и предупредили, что он долго не проживет, если будет приходить к ним со столь, малочисленным отрядом.

Было ясно, что заметные успехи возможны лишь в том случае, если будут взяты ключевые замки, а это было делом непростым, особенно в Литве, где крепости располагались за труднопроходимыми лесами и болотами и для их осады припасы и осадные орудия пришлось бы везти на большие расстояния. Более легким путем были подкуп или измена.

Второй способ работал лучше. Как уже упоминалось, в плен к Плотцке попал канцлер Витениса, кастелян Гродно. Его можно было бы вернуть за выкуп или обменять на кого-нибудь из пленников-христиан. Впрочем, этого могло и не случиться, так как Витенис мог решить избавиться от потенциально соперника и найти тому замену. Так что с кастеляна взяли обещание сдать Гродно в обмен на свободу. Как бы там ни было, требовалось действовать, быстро, чтобы он мог объяснить свое запоздалое возвращение тем, что прятался а лесах или заблудился по пути. Как и следовало ожидать, кастелян не выполнил свою часть сделки. Вместо этого он предал христиан, рассказав обо всем Витенису и приготовил засаду возле Гродно.

Генрих не пренебрегал опасностью. Он знал, что казначей мог оказаться хитрым лжецом. Мы не знаем, что сказал казначей, чтобы убедить Великого магистра и его советников, однако мы знаем, что измена была обычным делом в ту эпоху, что собственное поместье было важнее, чем верность своему роду, и что честолюбие часто оказывалось сильнее, чем верность. Хотя, следует заметить, языческий кодекс чести придавал особое значение сохранению верности клятвам, и, несомненно, Генрих знал, чем добиться от своего пленника крепкой клятвы. Он даже пообещал ему признать его в будущем вождем Литвы. В общем, Генрих имел веские основания доверять своему пленнику. Однако у него было столько же оснований не слишком ему верить.

Генрих провел свою армию почти до Гродно, когда его разведчики наткнулись на некоего старика. Под пытками он открыл им, что литовцы укрылись в засаде неподалеку от реки и поджидают, когда половина христианской армии перейдет реку, чтобы напасть на крестоносцев. Генрих пощадил старика, как и обещал, и повернул со своей армией назад.

Новый поход фон Плотцке предпринял в мае следующего года. Он созвал сто сорок

братьев-рыцарей и собрал большое конное ополчение, около двух тысяч пехотинцев, а также большое количество местных рыцарей. Все эти войска, вероятно, двинулись вперед разными маршрутами через реки, озера и болота, переправляясь через водные преграды на маленьких лодках. Когда конница крестоносцев приближалось к Гродно, в густом лесу они наткнулись на четырех литовских разведчиков. Убив троих, они захватили в плен четвертого и узнали от него, что их приближение осталось незамеченным. Витенис чувствовал себя в безопасности до такой степени, что послал пятьдесят человек, в число которых и входило четверо разведчиков, для подготовки охотничьего лагеря. Генрих истребил этот передовой отряд, а затем перешел Неман. Оставив двенадцать рыцарей и пеших ополченцев охранять корабли, он принялся истреблять в окрестностях всех язычников, невзирая ни на возраст, ни на пол. Было захвачено семьсот пленников, а мертвым «только Господь знает счет».

Эти победы сделали Генриха фон Плотцке серьезным кандидатом на место умершего Великого магистра Зигфрида фон Фойхтвангена, однако надежды на избрание рухнули, возможно, из-за захвата Данцига и Западной Пруссии, возможно, из-за деспотического нрава Генриха. В любом случае его кандидатура не подходила выборщикам из Германии, которые и продвинули на это место Карла фон Триера. Генрих фон Плотцке получил в утешение пост Великого командора и позднее – маршала.

Карл фон Триер выбирает Самогитию целью наступления

Карлу фон Триеру исполнилось к тому времени сорок шесть лет. Для столь высокого поста в ордене он был довольно молодым человеком. Но он хорошо говорил по-французски, а его латынь, по общему мнению, была столь хороша, что его любили слушать даже его противники. Поэтому он был идеальной фигурой для того, чтобы вести дела в Авиньоне с папой, французом по происхождению. А это было немаловажное обстоятельство, учитывая расследования, проводившиеся против ордена папскими легатами. Поскольку основное внимание ему приходилось уделять отношениям со Святым Престолом, фон Триер хотел снизить темп войны против Литвы. Он хотел заключить мир с королем Ладиславом Польским и решить проблемы в Ливонии. Такая политика не пользовалась популярностью среди рыцарей Пруссии. Единственная возможность склонить их к согласию – самому отправиться на восток и лично обратиться к ним.

После завершения поездки в Пруссию для изучения ресурсов ордена и обсуждения вариантов возможной стратегии новый Великий магистр приказал возобновить приостановленное наступление на Гродно. Он решил сконцентрировать свои силы для нападения на Самогитию в надежде обеспечить безопасный и короткий сухопутный проход в Ригу и положить конец опустошительным нападениям язычников на Курляндию и Земгаллию.

В апреле 1313 хода Карл фон Триер загрузил в Кенигсберге свои суда припасами, снаряжением и людьми и послал их вверх по Неману, через Балтийское море и Курляндский залив. Другие войска двигались сушей к Рагниту. Хотя во время шторма погибло четверо рыцарей и около четырехсот воинов и моряков, а также множество припасов и строительных материалов для новой крепости, это не помешало фон Триеру продвинуться со своими войсками на тридцать миль вверх по реке, где он выстроил наплавной мост. Когда тот был готов, священники возглавили крестный ход и отслужили мессу перед тем, как рабочие перешли мост и заложили большой деревянный замок, названный Кристмемелем. Именно он должен был стать базой для наступления в сердце Самогитии.

Вскоре после этого крестоносцы напали на литовские замки, стоявшие выше по течению. Сам Великий магистр возглавил штурм замка Бизена, наведя переправу из лодок и доставив осадные орудия. Этот штурм не увенчался успехом. Тем временем кастелян Рагнита проплыл дальше, к Велюну. Он хотел штурмовать стены прямо с большого военного корабля, но сильный порыв ветра выкинул судно на сушу на подходах к замку. Эффект неожиданности был утрачен, и лишь после отчаянной схватки команда корабля смогла отбиться от язычников и увести судно обратно в Рагнит.

Эти нападения обеспокоили Витениса. Особенно он опасался большого корабля, который угрожал теперь всем прибрежным замкам на Немане. Великий князь отдал приказ одному из

своих вассалов уничтожить судно как можно быстрее.

Литовский командир приказал сотне всадников следовать в Рагнит, в то время как шестьсот пеших воинов отправились вниз по реке на сотнях маленьких лодок. Приближающийся отряд язычников был замечен разведчиками, но те двигались столь быстро, что достигли Рагнита раньше, чем весть о них. Следующую часть их плана, было не так легко выполнить. Хотя язычники застали корабль стоявшим на якоре посреди реки всего с четырьмя лучниками на борту, он был настолько велик, что литовцы не могли забраться на борт, к тому же лучники поражали их одного за другим. Это нападение могло закончиться поражением литовцев, если бы к лучникам пришла, помощь, но в критический момент боя литовская кавалерия отбила попытку вылазки из замка. Вскоре после этого нападавшие перерезали якорный канат, и корабль заскользил, вниз по течению, сопровождаемый флотилией литовцев. Когда судно село на мель, язычники смогли поджечь его. Великий магистр не стал восстанавливать корабль. Очевидно, он решил, что от него не будет пользы, как предполагалось, даже летом. А зимой корабль такой величины, может оказаться скованным льдом или быть разрушен плавучими льдинами.

Жестокости войны

Мы знаем из других источников, насколько жестокими могли быть военные действия в ту эпоху. Польские свидетели, давая показания папским легатам в 1320 и 1339 годах, указывали, что воины из армий ордена применяли пытки, убивали невинных жителей, раздевали женщин, оскорбляли священников и уничтожали деревни, посевы и церкви. Если уж это происходило в христианской Польше, то можно представить, как крестоносцы обращались с язычниками в Самогитии.

К несчастью для историков, в этих свидетельствах есть серьезный изъян: тевтонские рыцари отсутствовали на этих расследованиях. Такое поведение рыцарей оскорбляло легатов, которые приходили в еще больший гнев, когда Великие магистры заявляли, что у легатов нет полномочий на вмешательство в дела ордена. Кроме того, большая часть свидетельств была основана на слухах, а некоторые показания были явным преувеличением, характерным для Средневековья,– этим проклятием современного исследователя. Многие из свидетелей выигрывали от решения суда против ордена. С другой стороны, некоторые из свидетелей были людьми знатными и опытными, которые должны были знать, что происходило на самом деле. Так как папские легаты опрашивали каждого из свидетелей поодиночке, задавая множество вопросов, то у них была возможность проверить истинность показаний. Папы, выслушивая доклады легатов о подобных жестоких деяниях ордена, не раз вызывали руководителей ордена явиться в курию.

Защищаясь, чиновники ордена отрицали одни обвинения, а о других говорили, что те преувеличены или искажены. Отношения с поляками, например, отнюдь не всегда были плохими. Епископ Плоцка отдал ордену кастелянство в Михелау в обмен на ежегодные платежи. Для епископа решающим было то, что орденские гарнизоны дадут ему какую-то защиту от вторжений соседей-язычников. Та же опасность нападений со стороны Литвы делала обычно дружелюбным отношение к ордену князей Мазовии. Более того, герцоги Померании и Силезии искали союза с орденом против Ладислава. Да и сами поляки были не безгрешны. Несколькими годами раньше Венский собор постановил, что польские епископы должны выплачивать специальный налог крестоносцам, чтобы поддерживать действия Тевтонского ордена, но это решение никогда теми не выполнялось. Наконец, польские короли не позволяли своим подданным участвовать в набегах в Самогитию, мешая крестовому походу. Хотя расследования, проведенные папскими легатами, так и не привели к осуждению ордена, на что надеялись его враги, они предоставили современному историку множество свидетельств жестокости войн XIV века. Эта жестокость подтверждается и теми историками, которые восхваляют крестовые походы. В те дни воины были склонны хвалиться своими деяниями, в том числе и такими, услышав о которых, их более мягкосердечные современники лишь качали головой в изумлении.

Принципы пограничной войны

Летописи ордена дают нам подробные описания, насколько ужасная дело война. Их рассказы о рейдах через дикру позволяют нам анализировать стратегию, которая лежала за действиями крестоносцев. Лучшим временем для кампаний была глубокая зима или разгар лета, в остальное время грязь и распутица препятствовали военным действиям. Февраль, июнь и ноябрь были излюбленными месяцами для набегов крестоносцев. В феврале замерзшие реки могли использоваться как удобный путь, июнь был теплым, к тому же еще рано было собирать урожай, а в ноябре ополчение уже было свободно от сельскохозяйственных работ, а снег был еще не слишком глубок для пехоты. Летописцы не скупятся в похвалах местным рыцарям за их деяния в эти годы. В этот период очень мало крестоносцев прибывало из Германии и их место занимают пруссы и ливонцы, сражавшиеся из любви к войне, славе и военной карьере.

Походы крестоносцев были хорошо организованы. В лесах и пустошах войско не могло прокормиться, и припасы приходилось везти с собой. Часто припасы оставляли в определенном месте на предполагаемом пути возвращения, иногда с охраной, иногда закапывая их, а иногда просто маскируя. Замки служили базами для припасов и местом отдыха, а суда перевозили провиант и снаряжение, когда внезапность нападения была не важна.

Рыцари знали множество троп, ведущих в Самогитию. Они собирали описания путей, используемых торговцами и самими рыцарями, и давали им имена людей, которые проходили этими путями. Рыцари записывали число дней, нужных для каждого перехода, и другую полезную информацию. Как только крестоносцы пересекали дикру, они знали, что делать. Обычной практикой было разделять войско на несколько отрядов, каждый из которых разорял весь день определенную область, а на ночь подходил к оговоренному месту сбора, где и ставился лагерь. В нем оставляли сильный отряд для охраны добычи и припасов, а также как резерв на случай неожиданного подхода сил противника. Так как дня обычно хватало, чтобы разорить небольшую территорию, войско переходило каждый день на новое место, следуя зигзагом и часто меняя направление движения, например иногда поворачивая назад. Делалось все, чтобы застать противника врасплох, до того как он спрячется в убежища или, наоборот, как только он появится из них. Иногда вперед высылались маленькие отряды, которые обращались в бегство при появлении противника, стараясь заманить того в засаду. Такая тактика приводила к тому, что защитники были очень осторожны, так что иногда даже небольшие отряды могли совершать дерзкие набеги вглубь вражеской территории и возвращаться невредимыми. Каждая кампания тщательно планировалась, и каждый год в общую тактику действий вносились новые изменения, И христиане, и язычники придерживались одной и той же тактики, потому что она была единственно возможной,– истощать силы противника, разоряя сельское хозяйство и нарушая торговлю.

Смерть короля Витениса

Витенис не позволял крестоносцам беспрепятственно вторгаться в Литву или Самогитию. Это был опытный и целеустремленный воин, со способными помощниками, ненавидевшими своих христианских врагов. Один из них, Давид Гродненский, впервые упоминается в летописях крестоносцев в 1314 году. Он был самым известным среди языческих воинов своего времени и служил кастеляном второй но значению крепости в стране – Гродно (первым по значению был Вильнюс). Что произошло с его предшественником – канцлером Витениса, нам неизвестно. Первым известным деянием Давида было уничтожение припасов, заготовленных фон Плотцке во время дерзкого сентябрьского набега на юго-восточную Литву, далеко за Вильнюс. Перебив стражу и побросав в огонь припасы, Давид угнал пятьсот лошадей. Он поставил Великого командора перед ужасным выбором: попытаться пробиться со своими голодными и уставшими отрядами сквозь силы противника, который явно находился где-то поблизости, или уходить окружным путем. Фон Плотике выбрал второе – пятисотмильный путь в обход опасностей. Этот поход был ужасен – крестоносцы выкапывали съедобные корни, ели мертвых лошадей. Многие из них погибли на пути домой, а те, кто вернулся, были настолько истощены, что надолго вышли из строя. Без единой битвы Давид из Гродно почти уничтожил

целую вражескую армию.

Со временем Великие магистры ордена осознали, что гораздо легче доставлять крестоносцев водой вверх по Неману, чем вести их через болота, реки и пущи. На большой реке крестоносцы могли эффективно использовать свои технологические преимущества – корабли, способные перевозить войска и припасы, замки, защищавшие стратегические пункты и служившие базами для набегов и крупных наступлений, а также метательные орудия. К тому же Неман и его притоки вели прямо вглубь литовских земель. Тевтонцы начали строить мощные замки вдоль Немана, сначала Рагнит, вблизи обширного устья, затем выше по течению – Кристмемеле и у Велюны.

В августе 1315 года самогиты незамеченными проскользнули к Раганту и взобрались на стены прежде, чем поднялась тревога. Гарнизон поспешил в донжон – хорошо укрепленную башню, демонстрировавшую инженерное превосходство Запада. Донжон крестоносцев был достаточно высоким, чтобы служить смотровой вышкой, и мог выдержать любое прямое нападение. Эта высокая башня имела всего один вход – высоко над землей, к которому вела узкая лестница, и загражденный крепкой решеткой изнутри. Башня стояла на каменном основании шестиметровой толщины. Любую попытку осаждающих приблизиться к донжону встречал град камней с двадцатиметровой высоты или ливень арбалетных болтов. Даже раненые и истощенные люди могли защищать такой пост в течение нескольких дней. Поскольку гарнизон имел хороший сектор обстрела над входом в замок, никакая вражеская армия не могла бы укрыться в замке, а защитники донжона могли бы продержаться до подхода подкрепления. Язычники даже не стали пытаться штурмовать его. Они сожгли уже созревшие посевы вокруг замка и ушли.

Через шесть недель под стенами Кристмемеля появился сам Витенис. Он соорудил две катапульты и привел многочисленных русских лучников. Его войско начало рубить деревья и стаскивать их на сухие места, откуда их легко было подтаскивать в ров. План Витениса состоял в том, чтобы навалить вокруг замка побольше дров и зажечь возле стен такие костры, от которых стены бы растрескались, а гарнизон задохнулся бы в дыму.

Как только Великий магистр узнал об осаде Кристмемеля, он начал собирать войска. Хотя он и не мог выступить, пока все его войска не соберутся, он выслал вперед на судах десять рыцарей и сто пятьдесят воинов. Витенис, предусмотрев такое развитие событий, не дал им пройти к замку. Все, что крестоносцы могли сделать, это осыпать стрелами литовцев, осаждающих крепость, надеясь замедлить их работу. На семнадцатый день осады пришли сведения о приближавшихся войсках ордена. Витенис не был еще готов к решительному штурму, но у него оставался единственный шанс взять Кристмемель до подхода Великого магистра. И он приказал заполнять ров бревнами и соломой, а потом поджечь их. Тысячи литовцев ринулись к замку, подтаскивая дрова. Литовские лучники непрерывно обстреливали стены в попытке согнать с них защитников или, по крайней мере, затруднить их стрельбу по пехоте. Но гарнизон был надежно укрыт за зубцами стен и стрелял из всех арбалетов. Потери среди литовцев были столь велики, что Витенис отдал приказ остановить атаку, сжег осадные машины и ушел восвояси.

Это был последний раз, когда крестоносцы слышали о нем. Никто не знает, что с ним случилось. Есть легенда, что он умер от удара молнии, однако, скорее всего, это просто неправильный перевод имени его наследника Гедиминаса. О генеалогии литовских правителей так мало известно, что веками историки считали, что Гедиминас был сыном Витениса, в то время как они, очевидно, были братьями. Был ли Витенис убит своим братом? Или это была позднейшая попытка запятнать репутацию Гедиминаса? Или Витенис был убит при осаде Кристмемеля? Если так, то тевтонские рыцари не знали об этом и поэтому не внесли упоминаний об этом факте в свои летописи, что они бы точно сделали в противном случае. Витенис был великим человеком, подлинным национальным героем. Не случайным кажется, что первые литовские монеты несли на себе изображение всадника с надписью «Витис». Религиозное значение этой фигуры, возможно, сочетается с тайным намеком на Великого князя.

Появление западных крестоносцев

Когда Карл фон Триер освободил Кристмемель, он не захотел распускать свою армию, не совершив чего-нибудь более значительного. Он отослал назад большую часть своего войска с возможно большим шумом, чтобы убедить вражеских разведчиков, что возвращается домой. Однако он оставил при себе 6000 человек, а затем послал их ночью вверх к Велюну. Литовцы были застигнуты врасплох. Крестоносцы преследовали поселян, пытавшихся укрыться а крепости, и перебили многих из них. Рыцари не пытались захватить главную крепость, однако сожгли дома вокруг и отступили.

Велюн был передовым фортом системы обороны Самогитии. Великий магистр не был готов к его осаде, но редкий год проходил без того, чтобы крестоносцы не жгли пригороды крепости. Если нельзя взять Велюн сразу, рассуждал Великий магистр, он будет постепенно выматывать силы защитников, уничтожая дома и посевы, убивая людей, так как Великий князь Литвы не мог обеспечивать им пропитание и подкрепления из года в год.

В 1316 году начали прибывать крестоносцы с Запада. Эти «рейнские пилигримы» (как они себя называли) были набраны Карлом фон Триером во время его посещения Германии. Начиная с этого времени крестоносцы прибывали в Пруссию даже чаще, чем в прошлом веке. Они называли такие поездки *Reisen* – средневековый эвфемизм для обозначения военного предприятия. Участники одного из этих походов позднее хвалились, что перебили двести язычников ценой всего пятидесяти воинов. Еще большее, чем число убитых врагов, значение имело число посвященных в рыцари по окончании похода. Церемония посвящения в рыцари стала неотъемлемой частью каждого крестового похода. Честь ее проведения предоставляли самому знатному из приезжих крестоносцев. Посвящение происходило, как только кто-то из кандидатов совершал достойное деяние. Кроме того, Великий магистр приглашал самых отважных воинов за стол, подобный Круглому столу короля Артура, и награждал наиболее проявивших себя рыцарей.

Князь Гедиминас

Пока крестоносцы развлекались рыцарскими церемониями в самогитских лесах, новый Великий князь Литвы распространял свое влияние на восток и юг. Подобно своим предшественникам, Гедиминас понимая, что русские князья, знать и горожане хотели вождя православной веры, но некоторые из них готовы принять на престол любого христианского лидера. В итоге они будут повиноваться любому, кто сможет защитить их от татарского хана, правившего степняками в южной Руси. Три четверти века татарские ханы правили Русью, допуская лишь минимум независимости даже для князей на окраинах своей империи: Новгорода и Пскова на севере, Галиции и Волыни на западе. Теперь власть хана ослабла и русские князья и города видели в этом шанс спастись от ужасного ига. Обдумывая восстание против татар, каждый из князей искал силу, способную защитить его. Ярость татар была хорошо известна: ошибка в расчетах обернулась бы тем, что лишь немногие бояре или горожане уцелели бы, чтобы рассказать о расправе. Некоторые из русских, живущих по соседству с Литвой, уже покорились Витенису. Но другие не ждали спасения от Гедиминаса, так как он был их старым врагом, чьи войска часто разоряли их земли. Князья Галиции и Волыни поначалу искали помощи у папы, затем у Польши и Венгрии. Так как тевтонские рыцари были их старыми союзниками, русские послы обращались даже к Карлу фон Триеру. Тем не менее никто из западных правителей не был готов выслать большое войско в степи, и менее всего – Тевтонский орден. Так что русским пришлось обратиться к Гедиминасу как к почти последней надежде. Так получилось, что это было блестящим решением сложной проблемы. Западные правители были слишком далеко, у них были свои заботы, и они требовали объединения церквей на условиях Рима. Византия и балканские государства располагались далеко и были к тому же слабы. А Гедиминас был рядом, готовый решать проблемы русских и относиться терпимо к их вере.

Когда Гедиминас доказал на деле, что способен защитить своих подданных, тонкий ручеек переходящих к нему превратился в поток. Он часто позволял русским боярам сохранять свои земли и должности и всегда разрешал им продолжать следовать традиционным законам и

обычаям. Он особенно уважал русскую православную церковь и ее иерархов, которые, в свою очередь, убеждали свой народ быть верным ему. Благодаря росту своих владений Гедиминас смог уменьшить неравенство сил в войне за Самогитию. Но его возможности оказывать сопротивление Тевтонскому ордену увеличивались очень медленно. Он не мог внезапно перебросить русские войска в зону военных действий на Немане. Даже в более поздние времена подавляющее большинство его кавалерии и пехоты составляли литовцы, и лишь изредка он приводил на запад русскую пехоту в больших количествах. Важнее было то, что он смог обеспечить свою знать и бояр назначениями в своей армии, так что даже если их земли были разграблены крестоносцами, им не приходилось выбирать между капитуляцией и голодом. Теперь они могли служить как профессиональные воины, чиновники или предводители гарнизонов в русских городах, где приобретали бы опыт и вооружение, необходимое, чтобы сравняться с западным войском.

Вскоре Гедиминас мог подписывать свои письма и указы «Король литовских и многих русских земель». Он назначил своих братьев – Федора (Теодорика) и Варниса (Война) – править Киевом и Полоцком, а своего сына Альгирдаса (Ольгерда) – Витебском. Позднее он посадил в Псков Давида Гродненского, откуда тот мог вести войну с Ливонским орденом. С некоторыми русскими князьями Гедиминас вступил в союз, взяв в жены наследницу Витебска и выдав свою дочь Марию за тверского князя. Позднее он расширил эту сеть союзов, включив в нее московское княжество, Галицию, Мазовию и даже Польшу[61].

Понимая, что отстает от крестоносцев в техническом оснащении, Гедиминас искал способы привлечь с Запада купцов и ремесленников, которые знали, как изготавливать или где покупать нужное ему снаряжение. Особое значение для него имели контакты с Ригой. Рижане, все еще воюющие с Ливонским орденом, рады были расширять свою торговлю и помогать любому врагу тевтонских рыцарей. Единственное их сомнение диктовалось желанием защищать и укреплять христианскую веру. Если бы они заключили союз с языческим монархом против крестоносцев, нарушив строго соблюдаемый религиозный кодекс, они бы испортили отношения с папой и императором, а также с другими ганзейскими купцами, знатью и их подданными, которые покупали товары из Ливонии. Но архиепископ Риги убедил купцов, что их действия не вредят делу христианства Францисканские монахи, находившиеся при дворе Гедиминаса в Вильнюсе, подкрепили убежденность рижан в том, что литовцы готовы принять католическую веру, если только крестоносцы прекратят свои нападения. Францисканцы были наиболее ярыми приверженцами Гедиминаса, и они распространяли истории об его искреннем желании стать христианином. Эта перспектива, какой бы неопределенной она ни была, была доводом для рижан в пользу их необъявленного союза с Великим князем Литвы.

В действительности Гедиминас не собирался менять веру, но позволял своим западным гостям верить в то, во что они хотели бы верить. Его терпимость к православной церкви была жизненно важной для русских подданных, в то время как литовцы ожидали от него сохранения язычества. Сам же Гедиминас хотел создать империю, включавшую в себя как католиков и православных, так и язычников. Религиозная терпимость к православию и к язычеству была для крестоносцев непостижимой. Свобода веры означала для них свободу заблуждаться и свободу склонять других к этим заблуждениям. Тевтонские рыцари учились рубить головы «пособникам дьявола», и они не могли принять религиозную толерантность, которая осуждала множество людей на адский огонь. Для них такая терпимость сама по себе была величайшим злом.

Ответ крестоносцев

Крестовые походы в сущности своей были средством расширения границ христианского мира. Этот идеал могли понимать и разделять многие нации: он выражал религиозные

---

61 Великолепное описание его дипломатии мы находим у С. Ровелла в книге «Возвышение Литвы: языческая империя в северо-восточной Европе» *(Rowell. S.C.* Lithania Ascending: Pagan Empire within East-Central Europe. Cambridge: University Press, 1994).– *Прим. ред.*

концепции, прекрасно отвечающие сознанию современников. Крестовый поход был к тому же способом приращения земель тевтонских рыцарей, которые представляли папу и церковь в такой же степени, как и самих себя. Тевтонские рыцари утверждали священную войну как единственный способ смирить и обратить в христианство язычников, что они и делали успешно в Ливонии и Пруссии, как и с мусульманами в Испании и Португалии. Короли Польши и Венгрии рассуждали так же, воюя с татарами и турками,– «что хорошо для нас, то хорошо и для христианства». Так дважды оправдывалась цена этих походов – цена крови и золота.

Общим для всех крестовых походов позднего Средневековья было то, что в них христиане Западной Европы сражались с опасными врагами на границах христианского мира. Обаяние романтизма, связанного с этими крестовыми походами, могли воспринять люди XIX века, но от нашего понимания оно уже ускользает[62].

Христиан Средневековья огорчал сам факт существования язычества на границах их мира, даже мирного и веротерпимого язычества. Они боялись магии и обрядов языческих жрецов, верили, что их чары и колдовство действуют, и считал священной войну против этих проявлений дьявольского промысла. И тем более христиане Запада не были рады таким соседям-язычникам, как татары и прибалтийские племена, которых никто не назвал бы мирными.

Литовцы же не видели причин искать оправдания своим набегам за скотом и пленниками на христианские земли. Торговля рабами, пути которой пролегали по крупным рейкам в Византию и на Восток, была древним занятием. Эти пути открыли викинги, местные племена переняли эту традицию, а татары занимались работорговлей вплоть до времен Петра Великого. Кроме того, литовские бояре начинали перенимать опыт своих соседей в ведении хозяйства, и создавать крупные поместья, основанные на выращивании зерновых при крепостном праве. Было неразумно обращать местных жителей в рабство до тех пор, пока была возможность «охотиться» на опытных работников в Польше, Пруссии и Ливонии. Христиане в принципе ничего не имели против рабства, пока оно не затрагивало их единоверцев. Но литовские язычники обращали в рабство как раз христиан, так что крестоносцы были исполнены решимости положить этому конец.

Никогда не защищали язычество *per se* и критики ордена, включая и Паулюса Владимири, польского ученою XV века, требовавшего, чтобы Констанцский собор объявил крестовые походы противными делу христианства. Утверждения о моральном и интеллектуальном превосходстве язычества– эта современный феномену явление, часто ассоциирующееся с верой в целительную силу камней и трав, с радикальным феминизмом и поклонением природе, однако редко связывается с колдовством и черной магией, как это было для людей Средневековья. Православные христиане были настроены по отношению к язычеству отнюдь не более дружелюбно, чем католики. Они относились к нему с той же смесью изумления и отвращения, что мы встречаем в западных письменных источниках, особенно у историков эпохи Ренессанса.

Литовцы же отнюдь не были «детьми природы». Их князья и бояре жили в политическом и социальном окружении, утонченном и сложном, и их нельзя приравнивать к «благородным дикарям» Руссо. В конце XIV века некоторые из них приняли католичество, а в их армиях служило большое количество мусульман, православных и язычников. Некоторые из них демонстрировали большое уважение к западной церкви. Но большую же часть столетия князья рода Гедиминаса были язычниками, не испытывавшими к другой вере ничего, кроме презрения.

Крестоносцы приходили в ярость от историй о нападениях на церкви, осквернении святынь и убийствах священников, монахов и монахинь. Не следует забывать, что это была эпоха Черной Смерти, культа флагеллянтов, массовых истерий, охот на ведьм, погромов и тайных ересей. Язычники были в числе немногих явных врагов, на которых христианин мог возложить ответственность за свои беды и несчастья. Они были очевидными и опасными врагами церкви и государства.

---

62 Исключение составляет ученый Самюэль Хантингтон из Гарварда, чья статья «Столкновение цивилизаций» вызвала широкую дискуссию *(Huntigton S.* Clash of Civilisations. Foreign Affairs, 1993).

Это позволяет нам провести различие между определенными особенностями самогитских крестовых походов и чисто территориальными устремлениями Тевтонского ордена. Это различие трудно определить, особенно если читать лишь современных историков. Обязательно следует помнить о духовных аспектах крестовых походов. Орден нуждался в подданных, которые кормили бы его войско, в замках, что служили бы монастырями и складами припасов, пограничных пунктах, где разведчики и патрули могли; бы отдыхать в безопасности и где могли бы собираться войска, когда приходила весть о набегах язычников, или, наоборот, для набега на языческие земли. Кроме того, некоторые области, например Самогития, с территории которой велись набеги на Пруссию и Ливонию, имели стратегическое значение. Тем не менее ошибкой было бы рассматривать это лишь как попытки военного ордена отстоять свою территориальную целостность. Очень часто тевтонские рыцари заключали перемирия с язычниками, позволяли папским легатам вмешиваться в политику ордена и доверялись слову литовских князей. Такое отношение, конечно же, не было характерно для всех эпох. Опыт порождает цинизм, и тевтонские рыцари могли быть весьма циничными, когда благодушно настроенный и далекий от понимания местных проблем человек уговаривал их приостановить крестовый поход, чтобы дать возможность уговорить язычников принять христианство. Эти прекраснодушные чужеземцы не замечали, что предложения о таких переговорах поступали от литовцев обычно именно в тот момент, когда орден был на пороге победы. Требования поляков передать им Западную Пруссию и Кульм, являвшиеся обычно частью любого предложения всеобщего мира со стороны Польши, также не способствовали тому, чтобы воины-монахи поверили, что Польша ищет мирного, а не силового обращения язычников. Тем не менее идеализм и стремление выдавать желаемое за действительное были живы и в XIV веке.

Практичные умы, впрочем, не видели альтернатив использованию силы, чтобы побудить династию Гедиминаса принять христианство. Язычники радостно отправляли христианских священников и монахов в лучший мир, игнорировали или отвергали попытки Святого Престола обратить их с помощью дипломатии. Это было воинственное язычество. Неважно, кто первым нанес удар – на тот момент ордену приходилось защищать свои границы от набегов самогитов и литовцев не реже, чем самим совершать рейды на их земли. Крестоносцы с Запада приходили в большом количестве, тратили свои деньги и рисковали жизнями, потому что верили, что защищают христианство.

Reisen в Самогитию привлекали французов, англичан, шотландцев, чехов, венгров, поляков и даже итальянцев. Это был именно интернациональный крестовый поход, который привлекал людей, чувствовавших себя неуютно в эпоху растущего национализма. Чем более этот национализм проявлялся в политике, отношениях внутри церкви и в литературе, тем более популярными становились немногие уцелевшие черты интернационализма. А крестовый поход против язычников объединял в красочном единстве многие аспекты западной веры и светской жизни: войну, демонстрацию рыцарского духа, восхваление подвигов, совершенных его участниками. XIV век был эпохой, чтившей свершения. Тем, кто желал утвердить себя достойными деяниями, крестовые походы предоставляли почти универсальное испытанное средство демонстрации бесстрашия, отваги и рыцарских достоинств. К середине века этот аспект крестовых походов сделался более заметным, чем религиозные обязательства. Постепенно эти походы становились все более светскими, все более делались развлечением рыцарей, пока их не постигла общая судьба идеалистического рыцарства и они не превратились в немощный анахронизм.

В этих походах существовал, конечно же, и национальный момент – Тевтонский орден был орденом немцев, представлявшим немецкую нацию Священной Римской империи. Великие магистры ордена помнили об этой обязанности и знали, как сыграть на любви немцев к своей земле и языку, но они не позволяли этому аспекту затмить прочие. Национальный вопрос стал серьезной проблемой лишь в XV веке.

В XIV веке у людей было немного других возможностей воплотить идеалы крестовых походов, и все они были более трудными, опасными и дорогими, чем крестовые походы в Пруссии, а также отнимали гораздо больше времени. Походы в Самогитию стали популярными через двадцать лет после потери Святой земли. Примечательное совпадение. Этого времени хватило, чтобы убедить большинство людей в неосуществимости планов нового крестового

похода в Палестину. Дух крестовых походов, казалось, исчезал, но рыцари ордена знали, как оживить его, организуя небольшие походы (слишком маломасштабные, чтобы достичь успеха против тех же турков) и отправляя потом домой их участников с рассказами о захватывающих победах над врагами Креста. Некогда разрозненные походы польских, немецких и богемских рыцарей превратились в хорошо организованное всеевропейское мероприятие.

Соответственно не было ничего странного в приезде Генриха, графа Дерби, в Пруссию в январе 1352 года, как и в том, что он вызвал Казимира Польского на поединок. Генрих привел свое войско сражаться с язычниками, но узнал, что поход не может состояться из-за конфликта на границе Польши и Пруссии. Он решил положить конец такому безразличию к нуждам крестоносцев. Его напор, вероятно, помог достичь компромисса, но англичане опоздали в Кенигсберг на зимний поход.

Не было ничего особенно необычного и в томг что Людовик Венгерский выдержал до конца скрупулезную и досконально исполненную языческую церемонию: в 1351 году он присутствовал на жертвоприношении рыжего быка, освящающего договор с литовским принцем Кейстутисом (Кейстутом) (1297-1382) относительно выкупа брата последнего, который был взят в плен Казимиром тем летом. Польские и венгерские крестоносцы вскоре раскаялись в своей чрезмерной доверчивости, когда Кейстутис ускользнул из их лагеря вместе со своем братом, а потом напал на крестоносцев с такой яростью, что монархи едва избежали гибели, а Болеслав Мазовецкий погиб.

В 1352 году Людовик Венгерский был ранен в жестокой схватке на Волыни, а Казимир Польский заложил Добрин Тевтонскому ордену, чтобы собрать деньги для борьбы с татарами. Короче говоря, крестовые походы в Восточной и Центральной Европе были явлением более сложным, чем просто кампании тевтонских рыцарей против язычников в Литве и Самогитии, В рамках походов происходили столкновения и с православными князьями, и с татарами-мусульманами, а на границе этого региона (и все помнили о том!) маячила тень турков, чьи армии стояли у ворот Константинополя.

Орден пропагандировал свою миссию во всех доступных в ту эпоху формах. Архитектура этого военного духовного ордена, например, подчеркивала переплетение военных и религиозных обязательств, и каждая деталь подчеркивала его мощь и величие. И орден так преуспел в этом, что мы редко вспоминаем о не менее важных походах поляков и венгров в Галиции, на Волыни и на Украине.

Надежды на крещение Литвы

Время от времени литовские князья предлагали обсудить принятие ими католичества. Не всегда причиной этого был возрастающий натиск крестоносцев из Ливонии и Пруссии и не всегда боязнь, что крестоносцы могут покорить Литву, хотя это давление учитывалось князьями, когда они сводили баланс приобретений и потерь. За этими предложениями стояло желание покончить с нападениями крестоносцев. Действия Великого магистра давно уже сковывали возможности Литвы на южных границах. Гедиминас, а позже его сыновья, особенно Альгирдас (Ольгерд) (1296-1377) и Кейстутис, с большим интересом наблюдали постепенный упадок Золотой Орды и распространяли свое влияние и власть на русские княжества где только могли. Король объединенных к тому моменту Венгрии и Польши Людовик Великий в 1370 году воспротивился их попыткам полностью завладеть южной Русью, особенно Галицией. После смерти Гедиминаса Альгирдас принял титул Великого князя и ответственность за большую часть отношений с Русью, в то время как Кейстутис взял на себя восточную и северную границы. Братья были из числа наиболее одаренных и изобретательных дипломатов в средневековой истории, опираясь на все, что возможно, из неразвитой экономики и малочисленного населения своих земель. Не менее талантливы они были и как полководцы, хотя оба предпочитали избегать чрезмерного риска. Когда обстоятельства были против них, они не колеблясь отступали или заключали перемирие. Последнее более всего раздражало Великих магистров ордена, которые из опыта знали, что Литва будет придерживаться своего слова лишь столько, сколько ей это выгодно.

Большинство политиков расторгнут договор или союз, если их нарушение сулит им

достаточно выгод. Но редко кто давал свое слово, столь хладнокровно продумывая, когда выгоднее будет его нарушить, как эти два брата и их потомки. Особенно неприятно было магистру ордена слышать от церковников и прочих исполненных благих намерений лиц призывы прекратить войну, так как литовские правители заявляют, что, дескать, они искренне обдумывают переход в христианскую веру и лишь нападения крестоносцев мешают им в этом. Литовские князья так искусно эксплуатировали желание христиан думать лучше о своих противниках, что постепенно рыцари ордена перестали хоть сколько-нибудь доверять им, даже когда принятие христианства стало действительно в интересах Литвы. Но это длинная и запутанная история, в которой современники разбирались с еще большим трудом, чем нынешние ученые.

Так, однажды весной 1361 года казалось, что Кейстутису придется принять христианство. Он с Альгирдасом вели большое войско для набега через Галимбию в центральную Пруссию, как раз когда английские и саксонские крестоносцы находились в Самогитии. Маршал ордена, который располагался в Кенигсберге, предложил Томасу Спенсеру и герцогу Саксонии вместе совершить марш-бросок через Пруссию и поймать язычников в ловушку, прежде чем они вернутся в свои леса. Крестоносцы с радостью согласились на это предложение, и успех превзошел все их ожидания. Они застали литовцев врасплох, перебив свыше ста из них и захватив в плен самого Кейстутиса.

Великий магистр Винрих фон Книпроде поместил своего почетного пленника в Мариенбурге, откуда он, казалось, не мог бежать. Однако в середине ноября шестидесятипятилетний князь совершил дерзкий побег. С помощью литовского слуги, работавшего в замке, Кейстутис выскользнул из своей камеры, поднялся по дымоходу, украл белый рыцарский плащ и неузнанным вышел во двор, где обнаружил оседланного коня Великого магистра. Взобравшись в седло, он выехал за ворота, никем не остановленный. Отъехав подальше от замка, Кейстутис бросил коня на дороге к Литве, но сам отправился пешком на юг, в Мазовию, где жила его дочь – княгиня Плоцка. Вскоре он уже был дома, возобновив войну и осыпая насмешками противника. Подобные успехи сделали его чрезвычайно популярным в западной Литве и Самогитии.

Альгирдас тем временем расширял границы Литвы на восток, одержав победу над татарами в битве при Голубых Водах возле Черного моря в 1363 году, и занял Киев. В 1368 и 1370 годах его войска подходили к стенам московского Кремля.

Кризис в этих войнах настудил в феврале 1370 года, когда Альгирдас и Кейстутис привели в Самландию литовско-русское войско. Фон Книпроде быстро отреагировал на их вторжение, собрав все доступные силы до самого Кульма и быстрым маршем двинув их на соединение с войском маршала Пруссии. Войска Кейстутиса жгли деревни и фермы вокруг Рудау[63], когда подошла армия крестоносцев. Распознав знамена врага, Кейстутис тут же бежал с поля боя. Альгирдас, напротив, приказал своим людям занять лесистый холм, где они смогли бы сражаться за свою добычу и пленных. Завязавшаяся битва стала одной из самых кровопролитных в те годы. К ночи рыцари сломили последние очаги сопротивления, доведя счет убитых врагов до тысячи ценой двадцати шести рыцарей и ста воинов. Альгирдас, как обычно, ускользнул, но это был последний раз, когда он посылал свои войска в Пруссию.

После смерти Альгирдаса в 1377 году Кейстутис настоял, чтобы литовские вожди следовали его повелениям, пытаясь предотвратить раздоры между ними или даже гражданскую войну. Эта ситуация отражала слабую систему власти в Литве. Некоторые из многочисленных отпрысков правящей династии уже осознавали, что имеющихся земель не хватит для удовлетворения всех притязаний, и никому из них не были свойственны особая терпеливость или самопожертвование. Более того, некоторые из русских земель, входивших в Литовское княжество, начинали искать независимости или переходить на сторону Москвы, чьи князья видели себя верховными правителями всех русских княжеств. В династии Гедиминаса всегда высоко ценились отвага, инициативность и хитрость; ее представителей никогда не учили следовать христианским добродетелям, даже князей, принявших православие. Семейная

63 Современный поселок Мельникове в Калининградской области.– *Прим. ред.*

солидарность их проявлялась лишь тогда, когда всем им угрожал внешний враг. Как замечает польский летописец Длугож:

> «Не верьте язычникам. Ныне пришла пора им самим отведать предательства, что взращивали они, если только Кейстутис не удержит в руке своей всех сыновей и племянников».

Кейстутис не принял титула Великого князя, хотя и мог бы это сделать. Тем не менее его политика разгневала старшего сына Альгирдаса (по второму браку) Ягайло и его родных братьев, которые уже и так влезли в междоусобицы со своими сводными братьями от первого брака отца. Ягайло (1354-1434) имел несколько больше прав на титул Великого князя, чем его старший сводный брат Андрей (1342-1399), потому что, согласно практике, широко применявшейся в Средние века, сыновья наследовали права на титул, которым владел их отец в момент их рождения. Так что Андрей был всего лишь сыном князя, а Ягайло – сыном Великого князя. Кроме того, Альгирдас признавал большую одаренность своего сына, рожденного Ульяной, его второй женой, а овдовевшая Ульяна стала сама по себе влиятельной фигурой в политике. Лишенная до того возможности участвовать в воспитании своих сыновей из-за того, что она была православной христианкой (Альгирдас настаивал, чтобы его сыновья оставались язычниками), она теперь желала использовать все имевшиеся у нее возможности, чтобы поддержать своего старшего сына против потомков своей предшественницы. Чтобы сделать его более приемлемым для потенциальных русских подданных, она убедила его принять православие.

Какое-то время казалось, что династия Гедиминаса, долго державшаяся за свои языческие корни, выберет православие. Если бы для честолюбивых князей это было единственным путем завладеть Русью, скорее всего, так бы и случилось. Нет никаких сомнений, что они приняли бы любую религию, не стесняемые никакими моральными ограничениями. Ничто не должно было препятствовать им карабкаться вверх по лестнице фортуны.

Однако Ягайло не довольствовался властью в своем уделе на востоке Литвы. В первую очередь он намеревался собрать в своих руках все восточные земли. Это означало столкновение с Андреем, чьи земли граничили на севере с территориями Ливонского ордена. Затем Ягайло задумывал подобрать под себя западные земли, принадлежавшие Кейстутису. Как только Литва оказалась бы под его властью – под управлением тех его родных и сводных братьев, кому он мог доверять,– он продолжил бы политику экспансии, столь успешную в начале века.

Глава девятая
Крещение Литвы

Междоусобная война литовских князей

Смерть Альгирдаса в 1377 году привела к междоусобной войне его многочисленных сыновей. Кое-кто из них видел себя его наследником. На восточные земли Литвы больше прав имел Андрей, старший сын Альгирдаса от первой жены. Но в этой борьбе победу в итоге одержал Ягайло, старший сын от второй жены. Ягайло отправил своего соперника в изгнание, а затем, когда Андрей вошел в союз с ливонскими рыцарями, помешал его попыткам вернуться. Несмотря на успехи в этой борьбе, Ягайло обнаружил, что его восьмидесятилетний дядя – Кейстутис – теперь требует, чтобы все члены семьи подчинялись ему. Ягайло пришел в ярость – он хотел властвовать и был слишком нетерпелив, чтобы ждать, пока возраст дяди возьмет свое.

Вскоре он придумал, как взять верх над Кейстутисом, а также навсегда устранить возможность военной победы Андрея. Через своего младшего брата Скиргайло он заключил секретный союз с ненавистными тевтонскими рыцарями, обещая в будущем принять католичество, а затем отправил Скиргайло, чтобы тот обратился к Людовику Великому в Венгрии, Венцеславу Богемскому (императору Священной Римской империи) и, возможно, к

самому папе Урбану VI. Западные монархи и прелаты, с которыми завязал переговоры Скиргайло, убедили престарелого Великого магистра ордена Винриха фон Книпроде прекратить поддерживать Андрея и заключить секретный союз с Ягайло.

Превосходный актер и выдающийся интриган, Ягайло сделал сына Кейстутиса Витаутаса[64] (1350-1430) своим ближайшим другом. В результате Кейстутис заподозрил неладное из-за того, что крестоносцам слишком хорошо известны его планы, а Ягайло приводит свои полки на поле боя чуть позднее, чем следовало бы. Но Витаутас вступился за Ягайло. Кейстутис вряд ли поверил сыну, но ему приходилось волноваться и о других вещах, в том числе о необузданном характере самого Витаутаса. Тот уже достиг возраста, когда ему следовало бы получить земли, власть, самостоятельность и ответственность, но, казалось, не был готов к этому. Кейстутис понимал, что необоснованные упреки против Ягайло могут только укрепить убежденность Витаутаса, что его кузена и друга по недоразумению оскорбляют. Так что Кейстутис уступил, чтобы сохранить Витаутаса на своей стороне хотя бы еще какое-то время. Ему казалось, что он должен еще многому научить сына. Научить не только науке войны, но и разбираться в людях. Конечно же, предательство Ягайло не могло долго оставаться в тайне – тем более в обществе знати, часто скучавшей, постоянно домогавшейся новых имений и титулов, повышения своего статуса, чья жизнь почти полностью проходила на глазах многочисленных слуг и челяди[65].

Не могли Ягайло с Кейстутисом и преодолеть свои разногласия по поводу политики. Ягайло выступал за то, чтобы сосредоточить все силы на продвижении границ Литвы на восток и присоединять новые русские земли даже ценой сдачи западных земель крестоносцам. Кейстутис был решительно против этого.

Когда Ягайло понял, что Кейстутис не будет пытаться призвать его к ответу, он стал действовать еще более дерзко. Он договорился о свадьбе своей сестры Александры с князем Мазовецким, не спросив разрешения у дяди, проводил совместные походы с Ливонским орденом, выгнал своих сводных братьев Андрея и Карибутаса (1342?-1399) из их уделов. В 1381 году Кейстутис решил, что справился с этой проблемой, когда арестовал Ягайло (а возможно, и его мать), взял его земли под свою руку и принял титул Великого князя. Но, поддавшись просьбам Витаутаса, он освободил Ягайло и позволил тому вернуться в свои владения на востоке.

В 1382 году Кейстутис выступил в поход на Новгород-Северск против Карибутаса, который также поднял мятеж. Ягайло понял, что это его шанс, и поспешил в Вильнюс, где стал собирать своих сторонников, отправил гонца к Великому магистру с просьбой спешно направить войска в Литву, а затем осадил островной замок Кейстутиса в Тракае. Когда Кейстутис и Витаутас подоспели иа выручку осажденному замку, они оказались зажатыми между войсками Ягайло и войсками крестоносцев. Ягайло пригласил Кейстутиса и Витаутаса к себе на переговоры и захватил их, поместив в крепости Кривиас (Крево[66]), затем позволил Скиргайло (возможно, по настоянию матери) умертвить Кейстутиса и взять себе западные земли. Затем он расправился с Бирутой – знаменитой своей красотой женой Кейстутиса, что была родом из Самогитии. Наконец, он подписал договор с новым Великим магистром Конрадом Цолльнером фон Ротенштайном, обещая в течение четырех лет принять христианство и передать западную Самогитию Тевтонскому ордену, как только крестоносцы смогут покорить ее.

Витаутас сбежал из тюрьмы с помощью хитрости. Маленького роста, худощавый и безбородый князь надел одежду своей жены Анны. После свидания, продолжавшегося всю ночь, он оказался за пределами замка, прежде чем подмена была обнаружена. К началу ноября

---

64 Витовт.– *Прим. ред.*

65 Современные мужчины и женщины никоим образом не выше интриг и злословия, однако редкие современные государства распадаются, когда их традиционные лидеры изменяют своим клятвам.

66 Ныне деревня Крево в Гродненской области Белоруссии.– *Прим. ред.*

он уже был у своей сестры – супруги Януша Мазовецкого. Но он не мог оставаться там долго: Ягайло уже отправил своих слуг на его поимку. Вскоре Витаутас предстал перед Великим магистром в Мариенбурге, предлагая принять крещение и совместно начать войну против узурпатора. Витаутас был в безопасности в Пруссии, хотя и в руках врагов своего отца. Думал ли он о побеге из крепости ордена, подобно своему отцу? Куда бы он направился тогда?

Конрад фон Цолльнер пребывал в неуверенности, не зная, какой политике ему лучше следовать. У него не было опыта в дипломатии, и он никогда не встречался лично ни с Витаутасом, ни с Ягайло. Политика, которой он в итоге решил следовать, была слишком тонко сбалансирована, чтобы ее можно было придерживаться долго. Великий магистр крестил Витаутаса, дав ему при крещении имя Виганд, и его жену и дочь, которых великодушно отпустил Ягайло, а затем отправил его в западную Самогитию править смирившимися язычниками. Витаутас содержался там под тщательным наблюдением, а Ягайло получил заверения, что Витаутас не причинит вреда Литовскому княжеству. Естественно, ни Витаутас, ни Ягайло не были рады такому решению.

Когда Витаутас появился в Самогитии, к нему потянулись многочисленные воины. Они ненавидели христианских союзников Витаутаса, но убийц Кейстутиса и Бируты они ненавидели еще больше. Чтобы заполучить обратно своего князя, они даже помогали изгонять языческих жрецов и вырубать священные рощи, строили примитивные замки вдоль Немана, а когда Ягайло и Скиргайло пошли на Витаутаса войной, с воодушевлением сражались против них. Витаутас обладал всеми достоинствами великого языческого князя, и для них не играло роли, что формально он стал христианином. Перефразируя польского летописца Длугожа, можно сказать, что из всех наследников Гедиминаса именно Витаутас выделялся своими добродетелями – честностью, гуманностью и воспитанностью.

Длугож судил предубежденно, поскольку он был придворным историком при династии Ягеллонов – наследниках Ягайло. Но он был наиболее широко читаемым летописцем своей эпохи благодаря тому, что был хорошим писателем. Его латынь была превосходна, его повествования содержательными, и он понимал, как подать хорошую историю. Но не меньшее значение имел и предмет его трудов – Польша, поднимающаяся из забвения и смуты к гегемонии в этой части Европы. Одной из главных тем Длугожа было крещение Ягайло. Другой – темная злая сущность Тевтонских рыцарей.

Литва становится христианским государством

Ягайло стал католиком вовсе не из-за того, что его убедили в этом. Это было деловое соглашение, сделка, если хотите. Для литовских князей почти все определялось политикой. Даже величайшая страсть Ягайло – охота – была отчасти политикой.

Ягайло принял крещение, чтобы жениться на наследнице польской короны. Она была младшей дочерью Людовика Великого, который правил Венгрией и Польшей с 1370 по 1382 год. Знать и духовенство Польши были против этого нежеланного союза и после смерти Людовика настояли на разделении этих государств. Младшая дочь Людовика Ядвига, которой первоначально досталась Венгрия, в итоге оказалась в Кракове после того, как польские патриоты отказались дать согласие на свадьбу ее старшей сестры с Сигизмундом Люксембургским (1368-1437), который только что стал герцогом Бранденбурга. Сигизмунд, брат императора Священной Римской империи Венцесласа (1361-1414), был для них слишком «немцем»[67].

Впрочем, поляки протестовали и против предполагаемого жениха Ядвиги. Принц из династии Габсбургов, не имевший крупных земель или надежд на их наследование, он также был немцем. Когда польская знать вместе с духовенством разорвали и эту помолвку, они обнаружили, что число претендентов на руку дочери Людовика катастрофически сократилось. В результате они обратились к Ягайло. Тот с энтузиазмом отнесся к предложению стать

[67] Венгры также возражали против того, чтобы принять Сигизмунда своим правителем. Чтобы подавлять мятежи недовольной знати, он призвал на помощь чешские и немецкие войска своего брата.

правителем Польши при условии принятия им христианства. Обращение к папе Урбану VI получило положительный ответ. Немаловажным доводом для поляков было и то, что у Ягайло был общий с ними враг – Тевтонский орден.

Тем временем рыцари ордена добились заметных успехов в своих вторжениях в холмистую часть Литвы. Имея в союзниках Витаутаса и самогитов, войска немецких, французских, английских и шотландских крестоносцев вторгались в самое сердце Литвы, не встречая на своем пути обычного сопротивления.

Ягайло трезво оценивал ситуацию. Он отчаянно нуждался в перемирии, чтобы возобновить переговоры с польской делегацией в Кривиасе, и понимал, что единственной возможностью сделать Витаутаса своим союзником в деле христианизации Литвы было помириться с ним. Убийство Витаутаса не помогло бы Ягайло, военная победа была маловероятной. Смирив свою гордость и отмахнувшись от претензий других братьев на наследство Кейстутиса, Ягайло вошел в секретные переговоры с Витаутасом, предложив ему обратно его наследный удел. В июле 1384 года под руководством Витаутаса самогиты вновь восстали против ордена, одновременно захватив практически все замки. Затем Ягайло и Витаутас осадили и те крепости, которые остались в руках ордена. Но как только кампания закончилась победой литовцев, Ягайло отрекся от своих обещании, назначив Скиргайло правителем западной Литвы и оставив своему разочарованному кузену лишь несколько небольших владений на юго-востоке Мазовии. Витаутасу же ничего не оставалось, кроме как проглотить это униженние притвориться довольным.

К восторгу всего христианского мира, после подписания в 1385 году договора в Кривиасе прошел слух, что скоро литовцы начнут креститься, а христианские священники начнут проводить службы в бывшем логове языческих богов. В феврале 1386 года Ягайло с несколькими из своих братьев и Витаутасом приняли католическое крещение в Кракове, после которого Ягайло женился на Ядвиге. Затем он привез в Вильнюс несколько католических священников, чтобы те начали крестить литовцев. Гораздо больше впечатления на его подданных произвели тысячи польских придворных и рыцарей, сопровождавших его. Архиепископ Гнезно, который и проводил крещение, женитьбу и коронацию Ягайло, поставил епископом Вильнюса польского францисканца и повелел воздвигнуть новый храм на месте давно разрушенного первого собора. Согласно не очень точной Никоновской летописи, король пытал и казнил двух своих бояр, которые предпочли стать православными. Это выглядит маловероятным, но отражает отношение многих русичей к «немецкой вере».

Францисканцы были наиболее подходящим религиозным орденом, чтобы разобраться с язычниками. Они имели продолжительный опыт в Литве, более того, они были хорошо известны своей терпимостью, к нехристианам, иногда даже предпочитая их христианам, которые отказывались жить согласно их собственной демократичной и мирной версии Евангелия. Впрочем, перед ними стояла нелегкая задача. Еще в 1389 году летописец упоминает следующий случай: самогиты привязали захваченного кастеляна Мемеля в полном вооружении к его коню, сложили вокруг дрова и сожгли заживо, принеся в жертву своим богам.

В качестве короля Ягайло упоминается под именем Ладислава. Заметна аллюзия на Ладислава Короткого, которой, правда, не соответствовал рост литовского владыки. Поляки продолжали называть его на свой манер – Ягелло, чтобы отличить от множества князей из рода Пястов, также носивших имя Ладислав. У Ягайло, впрочем, не было времени лично беспокоиться о христианизации своего народа. Его присутствие требовалось в противоположном конце королевства, в Молдавии и Валахии. Эти пограничные области принадлежали Венгрии, но в годы правления Людовика Великого там возросло польское влияние. Вторжения Кейстутиса в Галицию показали, что венгры не способны защитить свои степные границы без помощи поляков, а турки казались врагами еще более опасными, чем татары и литовцы, так что венграм приходилось пристально следить за своей южной границей. После смерти Людовика и разделения Польши и Венгрии молдаване стали независимыми и начали поднимать пошлины на товары, перевозимые по новому торговому пути между Черным морем и Польшей. Задачей Ягайло было стабилизировать ситуацию в Галиции (что было несложно, учитывая смуту в Венгрии и его контроль над политикой Литвы), а затем взять под контроль Польши Молдавию и Валахию. Эти задачи он решил к концу 1387 года, хотя ему и

потребовалось вмешательство папы, чтобы избежать войны с Венгрией. К счастью для Ягайло, который не мог пока особо полагаться на верность поляков, Сигизмунд Венгерский был слишком занят борьбой со своей знатью и нападениями турков, чтобы предпринять что-либо против него. Дела на юге не давали Ягайло разобраться с постоянными ссорами между Витаутасом и Скиргайло. Он мог лишь грозить им, что, если они не найдут способ помириться, ему придется отнять власть у кого-нибудь из них.

Гражданская война в Литве

К весне 1389 года нарастающие трения между литовскими князьями перешли все границы, когда Скиргайло сказал Витаутасу, согласно сообщению одного летописца, «опасайся меня, как я опасаюсь тебя». Дело дошло до прямых угроз, и вскоре Витаутас вступил в переговоры с Конрадом Цолльнером через двух плененных рыцарей – Маркарда фон Зальцбаха и графа Рейнека, предложив Великому магистру заложниками своего брата Жигмантаса с сыном, свою сестру Рингайлу и жену Анну с дочерью Софией. Также он обещал привести к крещению всех литовцев и войти с орденом в союз против Польши. Великий магистр скептически отнесся к искренности этих предложений. Тогда Витаутас послал вторую делегацию, возглавляемую Иваном Галшаном, братом Анны, сообщить Великому магистру, что Скиргайло узнал о предыдущих переговорах, что градоначальник Вильнюса теперь начеку и что младший брат Ягайло Свидригайло (1370-1452) объявил войну Витаутасу. Почти последними действиями Конрада Цолльнера было согласие на новый союз с Витаутасом и отправление войска, чтобы осадить Вильнюс. Нападение успеха не принесло, но в последующие три года армии крестоносцев вместе с Витаутасом прошли по западной Литве, одерживая победу за победой. Новый Великий магистр Конрад фон Валленроде не позволял Витаутасу общаться с литовцами кроме как в присутствие рыцарей, говоривших по-литовски. Маркард фон Зальцбах стал первым среди них благодаря своей дружбе с Витаутасом, но его таланты, советы и рыцарский дух были слишком нужны магистру, чтобы тот мог позволить Маркарду проводить все время компаньоном Витаутаса.

Ягайло пришел в отчаяние. Его братья оказались либо некомпетентными, либо ненадежными, а их подданные, даже самогиты, были готовы простить Витаутасу новый союз с врагами. Король, пытаясь удержать Литву за собой, мог полагаться только на поляков. В 1390-1392 годах губернатором Вильнюса был Ян Олешницкий, рыцарь из Кракова, чей сын Збигнев стал позднее одной из величайших фигур польской истории благодаря своей долгой дружбе с Ягайло. В качестве временной меры это годилось, но король видел недовольство литовцев. Ему нужно было что-то предпринимать.

Хуже того, венгерский король Сигизмунд укреплял позиции Тевтонского ордена в Мазовии. Весной 1391 года его придворный Ладислав Оппельнский заложил Великому магистру замок возле Торна, являвшийся ключевой крепостью, защищавшей земли князя Ладислава в Добрине и Куявии, которые за несколько лет до этого дал ему король Людовик за долги и службу. Ягайло немедленно напал на земли Ладислава, но тевтонские рыцари превосходящими силами вытеснили польские войска. Затем встал вопрос о том, что орден готов полностью выкупить земли Ладислава. Другие переговоры велись с мая 1392 года: речь шла о покупке орденом Ноймарка у Сигизмунда Венгерского. Конрад фон Валленроде не спешил приобретать земли со столь запутанным статусом, ибо это не подобало «верности Богу, чести или справедливости», но желал помочь монарху Венгрии и герцогу Олпельнскому. В конце июля он ссудил пятьдесят тысяч венгерских гульденов Ладиславу Оппельнскому, отдававшему ордену Добрин в качестве залога. Перед этим было заключено соглашение, по которому Великий магистр приобретал права на Златорию, возле Ноймарка, за шесть тысяч шестьсот тридцать два гульдена. Эти соглашения, хотя и полностью законные по средневековым меркам, были прямым вызовом развивающемуся чувству национального суверенитета поляков.

Можно с определенной долей уверенности предположить, что Сигизмунд проводил в жизнь план расчленения Польши, прибирая к рукам более важную южную часть королевства и отдавая своим сообщникам, пусть временно, менее ценные северные территории. Учитывая это обстоятельство, а также то, что Сигизмунд не умел держать язык за зубами, мы можем понять

беспокойство поляков о выживании своей нации. Польше был нужен правитель столь же увертливый и неразборчивый в средствах, как и Сигизмунд, и постепенно поляки осознали это. Осознали они и то, что их королева вышла замуж за человека, который превосходит всех своих современников в хитрости и дипломатическом двуличии. Оставался один вопрос – в чьих интересах он действует – Польши, Литвы или своих собственных?

Ягайло, разумеется, не говорил никому ничего, кроме того, во что тот желал бы поверить. В отличие от большинства своих сородичей он был тихим и замкнутым, даже суровым. Он не употреблял алкоголя и ел очень мало. Не питал он склонности и к музыке или искусствам, хотя и, держал при своем дворе русских музыкантов. Что касается секса, его аппетиты были крайне умерены. Его единственной страстью была охота, а любимым развлечением для него было слушать соловьев в лесу. К счастью для себя, он владел едва ли не самыми большими лесными угодьями во всей Европе, остатки которых сохранились даже, до наших дней. А тогда в них водилось множество оленей, быков и уже исчезавших зубров. Ягайло был совершенно счастлив в дальних, почти недоступных долинах.

Ядвига, со своей стороны, была только рада, что ее странный супруг подолгу пропадает в лесах. Она была набожной христианкой, которую убедили разорвать помолвку с возлюбленным лишь просьбы священников позаботиться о душах ее потенциальных подданных. Наибольшее удовольствие ей доставляли церковные службы и благотворительность, а больше всего она боялась дворцовых приемов и исполнения супружеских обязанностей. Она активно участвовала в политике, особенно в переговорах с орденом, и высоко ценила дружбу Великого магистра. Она не знала ни литовского, ни русского языков и едва говорила по-польски. Впрочем, Ягайло сам был неразговорчив.

Продолжение гражданской войны в Литве

Вопрос – в чьих интересах действует Ягайло – задавали себе и поляки, и литовцы. Ягайло проводил все больше времени в Польше, а его подданные все больше склонялись к его сопернику. Витаутас носил меньший титул Великого князя, но именно он возглавлял сопротивление Литвы войскам крестоносцев и создал себе репутацию отважного и прямодушного человека, репутацию, на которую не мог и надеяться Ягайло. Когда Витаутас перешел на сторону ордена в 1389 году, Ягайло назначил Скиргайло, князя Киевского, править западной Литвой (землями Витаутаса), а остальных братьев направил принять участие в приближающейся войне. Но никто из них не мог завоевать любовь подданных подобно Витаутасу, и некоторые из литовцев переходили на сторону крестоносцев только затем, чтобы воевать на стороне Витаутаса.

Летом 1390 года Витаутас привел крестоносцев из Пруссии к стенам Вильнюса, где к ним присоединились войска Ливонского ордена. Английские лучники, возглавляемые будущим королем Англии Генрихом Болингброком, продемонстрировали свое обычное мастерство. В завязавшихся схватках как Витаутас, так и Ягайло потеряли по брату каждый. Но постепенно прямые столкновения сменились осадой, войной инженеров, а через еще пять недель погода окончательно испортилась. Крестоносцы неохотно сняли осаду и вернулись в Кенигсберг к своим обычным развлечениям мирного времени.

Хотя поляки оказались втянуты в войну в Литве, тевтонские рыцари сохраняли мирные отношения с Польским королевством. Обе стороны не хотели развязывать крупной войны, а Ядвига просто запретила разговоры о вражде с немцами. Обе стороны имели основания воздерживаться от войны. У ордена были другие, более важные дела. В то же время Сигизмунд Венгерский готовился к крестовому походу против турков, и поляки справедливо опасались, что эта война затронет и их земли, более того, они подозревали, что на их долю выпадет большая часть ее тягот. Военная репутация тевтонских рыцарей еще больше выросла с тех пор, когда поляки в последний раз встречались с ними в бою, и мало кто из поляков доверял Ягайло или его полководческому гению.

Татары

Тем временем на Руси и при польском дворе с волнением вслушивались в новости из степей. С 1385 года татарский хан Тохтамыш отчаянно пытался сдержать натиск войск Тимура (Тамерлана) – правителя Туркестана, но в 1391 году татары потерпели поражение в великой битве и Тохтамыш едва спасся с горстью сторонников. Он бежал в Литву, где просил убежища и помощи. Казалось, что Литва и Польша в союзе с Тохтамышем могли бы изгнать прочь Тимура и стать хозяевами западных степей и русских княжеств. Для этого Ягайло с братьями был нужен мир с орденом, возможно даже его помощь. Как им было добиться этого? Ягайло знал цену: нужно было отдать Литву Витаутасу, а Самогитию ордену. И он был готов заплатить ее.

Он понимал, что его шансы на успешную войну в степи больше, чем у его деда. Для Ятайло такая война была бы уже не традиционным сражением, когда бились мечом, копьем и использовали лук. Новинки в военной области меняли традиционную тактику и стратегию. Огнестрельное оружие сделало устаревшими многие старые крепости (еще одна причина активной перестройки прусских и ливонских замков в это время), и это временно дало наступающий стороне перевес над обороняющейся. Огнестрельное оружие того времени было неуклюжим и часто ненадежным, но при подходящих обстоятельствах оно служило козырем. В основном оно применялось при осадах, так как пушки могли разрушать высокие тонкие стены куда эффективнее, чем катапульты и баллисты, и пушки было легче устанавливать и обслуживать. Поставленные же на стены, они могли наносить устрашающие потери в рядах штурмующих, разя с большего расстояния, чем стрелы, а их грохот и дым пугал равно коней и людей.

Ягайло лично наблюдал эффект применения огнестрельного оружия и знал, что постоянное общение с военными специалистами Запада привело к тому, что орден стал большое значение придавать огневому делу: не только пушкам, но и пехотинцам-стрелкам. Но даже при этом раскладе техническое превосходство рыцарей было уже не то, как когда-то. Литовцы теперь могли получать новейшее оружие через Польшу, Краков был ближе к Италии, тогдашней оружейной Европы, чем к Ливонии. Соответственно бывшие язычники уже не отставали так сильно от крестоносцев в оружии и доспехах.

Осады Вильнюса

Пока что подобные рассуждения оставались мечтами. Текущие же планы состояли в том, чтобы отразить продвижение крестоносцев вверх по Неману. Братья Ягайло хотели заполучить более тяжелые пушки, чтобы противопоставить их новому вооружению ордена, но орудийных лафетов на колесах еще не существовало, и пушки приходилось перевозить на судах. Так как орден контролировал нижнее течение Немана, единственным путем из Польши в Литву оставался путь с Вислы вверх по Бугу до Нарева, затем вверх по притокам реки до кратчайшего переволока на притоки Немана. Либо пушки можно было перевезти, не выгружая с судов,– через Озерный край в Мазовии. Естественно, что рыцари пытались заблокировать этот маршрут, строя форты в незаселенных землях к северу от Нарева. Это создавало некоторую политическую проблему, так как эти земли принадлежали князьям Мазовии, но эффективно препятствовало попыткам Ягайло помочь братьям. Земли эти стали безлюдными после переселения судавийцев на восток, и теперь в них можно было встретить лишь отряды разведчиков из Пруссии, Литвы и Мазовии. Но в строгом смысле слова эти земли по-прежнему принадлежали Мазовии.

Тем временем война становилась все более жестокой. Тевтонские рыцари казнили всех поляков, захваченных в плен в литовских крепостях, обвиняя их в отступничестве и пособничестве язычникам. Набеги крестоносцев на Самогитию теперь встречали столь слабое сопротивление, что их, скорее, можно было называть охотой на людей. В ответ самогиты время от времени приносили человеческие жертвы своим богам. Они заживо сжигали плененных рыцарей в полном вооружении вместе с конями или расстреливали рыцарей из луков, привязав к священным деревьям. Тем не менее военные действия не были непрерывными. Несмотря на взаимную ожесточенность, заключались перемирия, происходили внезапные смены союзников. И уж совершенно ничто не могло истребить любовь к охоте участников войны с обеих сторон,

для чего заключались специальные перемирия.

Хотя Витаутас и был союзником крестоносцев, но видя, как те разоряют его наследные земли, он начал искать другие способы вернуться к власти в Вильнюсе. Умом он осознавал, что лучшим способом для этого было бы объединиться с Ягайло, но Витаутас был человеком страстей, не всегда следовавшим своему рассудку. Кроме того, он не забыл о предательствах Ягайло в прошлом и, хорошо зная о заговорах против себя, окружил себя татарскими телохранителями. Витаутас в своих поступках напоминал маятник, качавшийся от одной стороны к другой, вынужденный искать помощи то у тех, то у других, но никто из доступных ему союзников не был ему по душе. Тевтонские рыцари цинично и философски относились к этому. Как писал один из летописцев:

> «Язычники редко поступают так, как должно, и нарушения договоров Витаутасом и его родичами – доказательство тому».

Тем не менее, трезво оценивая свой союз с орденом, Витаутас не мог не приходить к выводу, что эта политика ведет к проигрышу. Победив при таких обстоятельствах, он стал бы обнищавшим правителем, ненавидимым своими подданными и полностью зависимым от воли Великого магистра. Вероятно, он сумел как-то передать Ягайло письмо, усыпив бдительность своего окружения из людей ордена. Если так, письмо наверняка было очень туманным, чтобы не причинить ему вреда, если оно попадет в руки рыцарей. Или, возможно, Ягайло сам ощутил, что настал подходящий момент обратиться к своему двоюродному брату с предложением. Мы знаем точно лишь, что в начале августа 1392 года Ягайло отправил в Пруссию епископа Хенрика Плоцкого в качестве своего эмиссара. Этот мало похожий на священника князь-епископ из династии Пястов был связан браком с сестрой короля – Александрой Мазовецкой. Хенрик использовал возможность, выпавшую при исповеди, чтобы сообщить Витаутасу о предложениях своего хозяина. Витаутас под предлогом того, что его жена хочет повидать родных, отправил Анну, чтобы та провела переговоры с Ягайло. Ему также удалось скрытно освободить многих заложников, которые содержались как почетные пленники в различных крепостях. Затем он передал свою сводную сестру епископу Хенрику и распустил английских крестоносцев, только что прибывших, чтобы принять участие в новом вторжении в Литву. Тем самым он «вывел из игры» лучших лучников Европы, которые не раз показывали свою эффективность в сражениях с подданными Ягайло.

Витаутас тщательно планировал свое предательство. Он разместил в замках крестоносцев самогитских воинов, преданных лично ему, чтобы внезапно перебить или захватить немецкие гарнизоны. После того как ему удалось успешно осуществить этот план, он отправил литовские войска в далеко отстоявшие друг от друга владения ордена в Пруссии и Ливонии и одолел отряды рыцарей, которые размещались в Самогитии. Возвращение Витаутаса в Литву было встречено с бурным восторгом. Все самогиты восхваляли его отвагу и хитрость, сравнивая его гениальную личность с мстительными братьями Ягайло (не в пользу последних), и надеялись, что наконец-то закончилась полоса поражений. Жители же холмистой области Литвы радовались тому, что теперь владычеству иноземцев-поляков приходит конец.

Лишь через год Валленроде смог нанести ответный удар. В январе 1393 года он напал на Гродно с датскими и французскими рыцарями, угрожая перерезать важные коммуникации между Мазовией и Вильнюсом и блокируя Литву. Витаутас и Ягайло обратились к папскому легату, чтобы тот организовал мирные переговоры, которые и состоялись в Торне летом. Через десять дней, однако, Валленроде заболел и покинул Торн, а вскоре скончался.

Новый Великий магистр Конрад фон Юнгинген был решительным лидером с далеко идущими планами. Мира в этом регионе, считал он, можно достигнуть, если одержать решительную победу под Вильнюсом, который и Ягайло, и Витаутасу пришлось бы защищать изо всех сил.

Тем временем в конце 1393 года в Пруссии уже собиралась большая армия французских и немецких крестоносцев, в числе которых был отряд стрелков из Бургундии (возможно, это были английские наемники), способных выкосить ряды язычников столь же успешно, как они делали это на полях сражений Столетней войны. Крестоносцы начали свое движение вверх по

Неману в январе 1394 года, полагаясь на толстый лед, служивший им дорогой вглубь Литвы. Витаутас попытался остановить продвижение крестоносцев, но едва избежал гибели под обстрелом, а его поредевшие войска обратились в поспешное отступление перед четырьмя сотнями рыцарей и тысячами сержантов и пехотинцев.

Витаутас получил вскоре подкрепление из Польши – сильный отряд рыцарей, который присоединился к пятнадцати тысячам всадников, уже собравшихся под его началом. Но этого было недостаточно, чтобы остановить наступление крестоносцев. Те прошли через леса, болота и поля, избежав засад, и достигли Вильнюса, где Витаутас объединился с отрядами из русских земель Литвы. Великий князь ввязался в ожесточенное сражение, в котором обе стороны несли большие потери, пока русские полки не побежали, а за ними и литовцы. В конце концов, Витаутасу самому пришлось спасаться бегством, и вновь он едва уцелел. Пока он собирал свои рассеянные и деморализованные войска на безопасном расстоянии, крестоносцы приступили к осаде Вильнюса, города, хорошо знакомого им с 1390 года. Они уже строили планы торжественного крещения литовцев, в этот раз подлинного. Это не должно было походить на ложные обещания честолюбивых Витаутаса и Ягайло, которые вспоминали о своих христианских именах, только подписывая официальные документы. Какие еще требуются доказательства, спрашивали себя крестоносцы, что верность литовских князей Риму слишком ненадежна?

На восьмой день осады под стены прибыл магистр Ливонии со своим войском. Его с радостью встретили. Теперь крестоносцы могли полностью окружить город, блокируя вылазки осажденных, и штурмовать стены в уязвимых местах. Ливонские рыцари были отправлены к берегу, где построили два моста, чтобы, перейдя реку, разорять окрестности столицы. В ходе этого они потеряли пятьдесят человек (в том числе всего трех немцев и только одного рыцаря, что говорит о том, что в войске Ливонского ордена было много местных воинов), перебив и пленив «неисчислимое» количество литовцев. Тем не менее осада шла не слишком успешно. После еще одной недели боев бастионы, которые инженеры выстроили для стрелков, осадные башни и мосты были сожжены во время вылазки гарнизона. Крестоносцы, впрочем, также достигли некоторых успехов. Их артиллерия обрушила каменную башню и подожгла многие деревянные укрепления. Вскоре, однако, уже литовцы подожгли башню в лагере крестоносцев, что не только привело к многочисленным потерям среди французских войск, занимавших ее, но и потере хранившихся в ней припасов. Крестоносцы не могли теперь оставаться под Вильнюсом столько, сколько планировали. Великий магистр позволил войне инженеров продлиться еще четыре дня, но становилось ясно, что литовцы способны уничтожать осадные орудия осаждающих почти с той же скоростью, как те строили их. Для подготовки приступа требовалось больше времени, чем было в распоряжении армии, учитывая нехватку припасов. Кроме того, Витаутас заканчивал перегруппировку своих сил. Разведчики докладывали, что вскоре он может появиться под стенами города, и крестоносцам придется сражаться на два фронта.

Встретившись и обсудив сложившуюся ситуацию, вожди крестоносцев решили сиять осаду. Первыми Великий магистр отправил домой ливонские войска, а затем повел на запад основные силы, преодолевая сопротивления литовцев, которые валили деревья на дорогах и устраивали засады в лесах и на бродах. Прусская часть армии то с помощью переговоров, то силой смогла отступить от Вильнюса, затем резко изменила направление движения и прошла через Самогитию, избежав встречи с усилившейся армией Витаутаса.

Этот поход стал одним из самых памятных предприятий в Средние века – осада вражеской столицы рыцарями и военными специалистами со всей Европы. Несмотря на высокий дух крестоносцев, они не смогли завладеть крупнейшим городом Литвы. Война продолжалась: тевтонские рыцари наносили удары вверх по Неману и разоряли самогитские поселения, но предпринять новый поход в холмистые земли центральной Литвы, тем более к ее столице, им было не под силу. Литовцы оборонялись, ожидая своего часа. Они не могли рисковать всем в открытом сражении и не имели причин переносить военные действия на территорию Пруссии. По крайней мере, в тот момент.

Мир

К концу 1393 года Витаутас стал хозяином Литвы. Он изгнал из страны всех братьев Ягайло, и когда его войска в 1394 году разбили князей Волыни, Галиции и Молдавии, Ягайло окончательно предоставил братьев их злосчастной судьбе. Карибутас отправился в ссылку в Краков, куда прежде бежал молдавский князь в надежде спастись, но был заключен в тюрьму. Скиргайло умер в Киеве в 1396 году, возможно он был отравлен. Свидригайло недолго воевал на стороне Тевтонского ордена, прежде чем добился мира с Витаутасом. Бывший епископ Хенрик также скончался от яда, никем не оплакиваемый.

Ягайло сохранял за собой титул верховного вождя, а Витаутасу приходилось довольствоваться меньшим титулом Великого князя до самой своей смерти[68]. Однако время шло, так что реальная власть перешла в руки Витаутаса.

Тем временем набеги крестоносцев на Литву продолжались. В Самогитии не только постоянно находились войска из Пруссии, там появлялся и черно-белый (черная на белом поле в центре горизонтальная полоса, знамя оканчивается тремя острыми свисающими треугольными хвостами) стяг ливонского магистра. Последний набег на Самогитию произошел зимой 1398 года, когда крестоносцы захватили семьсот пленных и почти столько же лошадей, перебив еще больше местных жителей. Они застали защитников страны врасплох, вторгшись во время переменной зимней погоды. Эта рискованная игра редко, но приносила свои плоды. Витаутас не нанес ответного удара – он был занят походами на землях южной Руси и желал покончить с обременительной войной на северной границе, которая уменьшала его шансы добиться победы в степях. Лишь обещание, данное им Ягайло, мешало ему заключить мир. Но, конечно, обещания подобного рода не были серьезным препятствием для Витаутаса.

Вскоре у него появился удобный предлог ослушаться приказов из Польши, когда Ядвига (именно она, а не Ягайло, по закону правила Польшей) потребовала с литовцев налог, который Витаутас вовсе не желал платить. Королевское повеление имело под собой основания. Витаутас зависел от польской помощи для защиты Самогитии, и польские знать и духовенство спрашивали, почему они должны брать на себя все расходы, в то время как литовцы не платили ничего. Поляки рассудили, вероятно, что у Витаутаса нет выбора, и – сколько бы он не возражал – в итоге его подданным все равно придется платить.

Они недооценили литовского Великого князя. Его не слишком интересовала судьба Самогитии, но основное его внимание привлекала степь. Изгоняя братьев Ягайло с их земель, Витаутас получил подтверждение своим подозрениям, что татарская власть над южной Русью значительно ослабла. Кроме того, его популярность среди литовцев заметно упала, если бы он действовал, как польская марионетка.

Витаутас понимал, что, если он не будет платить налог, ему придется заключить мир по крайней мере с одним из своих врагов. Лучше орден, чем татары, рассудил он, так как именно в войне против ослабевшей Орды он видел перспективы приращения своих земель. Напротив, в войне с орденом ему было лучше придерживаться оборонительной стратегии. Конечно, добиться мира с Великим магистром он мог одной ценой – пожертвовав Самогитией. К счастью для Витаутаса, Ягайло был также одержим идеей изгнания татар, чтобы устранить их навсегда как угрозу польским и литовским границам, а чем его горячо поддерживали поляки, поколениями жившие под угрозой татарских набегов. Помогло и то, что Ядвига лично знала Великого магистра и хорошо относилась к нему. Она всегда хотела мира с Пруссией, и в прошлом по ее инициативе проходили многие встречи с представителями ордена, правда, совершенно безрезультатные. Теперь казалось, что появилась возможность прорыва в переговорах.

Мирные переговоры с орденом завершились в сентябре 1398 года подписанием

---

[68] В 1429 году Витаутас попытался стать королем Литвы – эту честь ему умело предложил Сигизмунд. Однако надежды Витаутаса были расстроены Ягайло, который устроил кражу короны и прочих королевских регалий. Престарелый Витаутас, несмотря на ужасную зимнюю погоду, пустился в трудный путь, но его конь поскользнулся, и Витаутас упал, разбился и вскоре умер.

Салинского[69] договора, по которому Самогития переходила в руки тевтонских рыцарей. Витаутас и Ягайло привели свои войска в Каунас, где последние язычники сдались рыцарям. Самогиты были недовольны, но понимали, что не могут сражаться без помощи Великого князя Литвы и принца-консорта Польши. Кроме того, они уже раз оказывались во власти крестоносцев, и это не длилось долго.

Летом следующего 1399 года большая армия литовцев, русских, татар, поляков и тевтонских рыцарей двинулась в степь, чтобы бросить вызов наместникам Тимура. Результатом стало еще одно катастрофическое поражение – на Ворскле[70].

Одержи Витаутас победу в этой битве, история Тевтонского ордена получила бы новый и причудливый поворот. Но даже поражение в степи не означало возврата к старому. В последующие годы отряды тевтонских рыцарей сопровождали Витаутаса до самой Москвы в его войнах против Руси. Другие отряды совершили десант на Готланд, где разрушили пиратскую крепость.

Орден добился своей цели – обращения большинства язычников в христианство и порабощения остальных. Это показало, что крестовые походы подошли к концу. Орден по-прежнему привечал немногочисленных крестоносцев для усиления своих гарнизонов в Самогитии, но к 1400 году казалось, что крестовый поход закончен.

Интересно, что больше всего жалоб на орден было от церковников, недовольных теперь тем, что Великий магистр не принуждал своих новых подданных принять христианство немедленно. Вместо этого Конрад фон Юнгинген проводил политику экономического преобразования, создавая из мелких литовских бояр зависящий от ордена правящий класс. Он считал, возможно и правильно, что со временем это приведет к добровольному крещению этих упрямых обитателей лесов.

Витаутас также верил в это и тайно ободрял самогитов держаться своей веры, обещая вскоре освободить их.

Глава десятая
Битва при Танненберге

Предыстория

Два конфликта обозначали исход XIV века в Пруссии. Первый, начавшийся еще в первом десятилетии века, был связан с приобретением Тевтонским орденом Западной Пруссии, изначально известной как Помереллия. Эта территория была стратегически важной по нескольким причинам. Ее восточной границей была Висла, поэтому правитель этих земель мог блокировать жизненно важный торговый путь по этой реке. Людские и экономические ресурсы Помереллии играли важную роль в экономике Пруссии (особенно Данцига) и в военной структуре ордена. Французские, бургундские и немецкие крестоносцы могли в безопасности прибывать в Пруссию через Бранденбург, Ноймарк и Помереллию, если по каким-то причинам обычный маршрут через Великую Польшу оказывался перекрытым. Однако польские короли и духовенство расценивали переход Помереллии к ордену (напомним, путем войны и покупки) как кражу их собственности. Их не особо интересовало прошлое этой области или ее этнический состав. Они считали ее польской, обосновывая это тем, что ее жители платили Риму «Грош святого Петра» – вся Польша платила этот налог, а немецкие земли – нет. И польские патриоты не упускали ни одной возможности оплакать потерю этой провинции.

Второй конфликт, завершившийся в самом конце столетия, был связан с Самогитией.

---

69 На острове Салин при впадении реки Невежис в Неман.– *Прим.ред.*

70 Тимур не воспользовался своей победой. Вместо этого он повернул на турок-осман, начав двухлетнюю кампанию, завершившуюся разгромом турок в 1402 году под Ангорой. Эта победа сделала его повелителем Центральной Азии, Золотой Орды, Персии и частично Индии и Малой Азии.

Рыцари ордена рассматривали эту территорию частично как мост в Ливонию, который позволял круглый год поддерживать связь с северными владениями ордена, частично как средоточие языческого сопротивления обращению в христианство. Литовские великие князья, чью власть сами самогиты признавали лишь изредка, изо всех сил старались, чтобы удержать эту провинцию в составе литовского национального государства.

Как ни удивительно, но орден смог заключить мир как с Польшей (Калишский договор в 1343 году), так и с Литвой (Салинский договор в 1398 году). Два литовца – Ягайло Польский и Витаутас Литовский – даже помогли ордену покончить с сопротивлением самогитов в обмен на помощь в походах против Москвы и Орды.

Эта эпоха сотрудничества окончилась в 1409 году, когда началось восстание в Самогитии. У рыцарей были основания подозревать Витаутаса и Ягайло в содействии мятежникам. Но в этот момент их обычно осторожная дипломатия находилась в руках темпераментного Великого магистра – Ульриха фон Юнгингена, который был не только сравнительно молод, но и уверен в том, что его орден потерял из виду свою изначальную цель – борьбу с язычниками. Под язычниками он понимал прежде всего самогитов и их союзников, а не русских, татар или турок. Он видел непосредственных врагов прямо под рукой: Польшу и Литву.

Требования Великого магистра о прекращении помощи мятежным самогитийцам со стороны Польши и Литвы спровоцировали призывы к войне в обеих странах. Но еще было неясно – последуют ли этим призывам большинство дворян и церковников, которые высоко оценивали военную репутацию тевтонских рыцарей.

Меняющийся баланс сил

Основная масса тевтонских рыцарей, а особенно советники Великого магистра, были уверены в своей способности справиться с польской знатью, литовскими боярами и церковниками обоих государств. Для них было не важно, что патриотический гнев поляков и литовцев был вызван действиями самого Ульриха фон Юнгингена в 1409 году. Рыцари считали, что между Литвой с Польшей слишком много разногласий для совместных действий против ордена. Всем была известна история их вражды, последующих примирений и новых ссор. Знать же и духовенство обеих стран, как и на Западе, казалось, не желали подчиняться воле правителей. Ягайло и Витаутас никогда не пытались повести свои войска вглубь Пруссии, поэтому в ордене были уверены, что литовские и польские войска нанесут удары по далеко отстоящим друг от друга направлениям – вероятно, в Самогитии и Западной Пруссии, возможно, в Кульме. Великий магистр мог бы противопоставить этим нападениям оборонительную тактику с использованием местных войск, сосредоточив свои подвижные силы против основной армии, которая, скорее всего, вторгнется в Западную Пруссию.

Кроме того, всем было известно, что Ягайло и Витаутасу постоянно приходилось следить за своим тылом – с востока им обоим угрожали татары, а с юга – Сигизмунд, который в любой момент мог собрать ополчение и вассалов в Венгрии, Богемии и Силезии и вторгнуться в Польшу. Наконец, практически каждый немецкий рыцарь верил, что польская знать может отважно сражаться на защите своей отчизны, но будет неохотно собирать войска для похода на чужие земли. Считалось аксиомой, что польские рыцари и прелаты могут быть храбры в речах, но тем не менее откажутся собирать средства на войну или исполнять феодальную повинность. Эта ошибка в расчетах руководителей ордена основывалась на факте – поляки действительно долго не доверяли Ягайло, почти так же как Витаутасу или ордену. Однако времена меняются, и за десятилетие правления Ягайло отношение польских подданных к своему королю изменилось. Они стали больше доверять Ягайло, да и просто привыкли к нему. Пусть у него не было пока сына, но дочь, многозначительно названная Ядвигой по своей матери, могла бы однажды унаследовать престол. Поляки теперь были более склонны считать Ягайло своим королем, а не просто иноземным князем.

Это изменение в отношении поляков к королю проявилось в декабре 1409 года, когда Николас Траба, будущий архиепископ Гнезно, принял участие в секретном совещании Ягайло и Витаутаса в Бресте, где разрабатывались планы войны. Последовавшие дипломатические маневры сделали их союзником князя Януша Мазовецкого, хотя Зимовит IV остался

нейтральным, а герцог Померании встал на сторону ордена. Что более важно, народ Литвы и Польши был психологически готов к решающей схватке.

Даже те немногие немцы, кто допускал, что Ягайло решится на войну, не ожидали, что гнев Великого магистра, запрет на торговлю с Польшей и Литвой и набег на Мазовию и Великую Польшу приведут к грандиозной битве. Во-первых, крупные сражения были редкостью – слишком велик был риск и слишком мала материальная награда, особенно в сравнении с безопасными набегами на земли, обороняемыми лишь почти безоружными крестьянами, или выбивание выкупа с горожан. Во-вторых, за исключением отдельных случайных конфликтов, таких как в 1409 году, между Польшей и Пруссией вот уже семьдесят лет сохранялся мир. Вопрос о Самогитии был решен договорами Салинским в 1398 году и в Рационже в 1404 году, поэтому война с Литвой казалась маловероятной. Немногие из живущих могли помнить последние значительные вторжения поляков и литовцев. Да, можно было ждать пограничного набега на какую-нибудь слабо защищенную приграничную область Восточной Пруссии, но потом снова будет подписан мир. В принципиальном вопросе о Самогитии литовцы, конечно же, отступят в 1410 году, как отступили поляки в 1409-м!

Также казалось невероятным, что Великий магистр вновь вторгнется в Польшу. Учитывая недавно обновленные пограничные крепости, орден уже не мог рассчитывать на новые легкие победы без основательной поддержки крестоносцев из других стран. На то, что такая помощь придет в необходимом количестве, не приходилось рассчитывать, если к обычным приманкам, касающимся рыцарского духа, не будет добавлен существенный финансовый стимул. Ведь это было уже вторжением в христианское королевство, хотя подобные рассуждения не остановили бы многих немецких или богемских наемников. О вторжении в Литву не могло быть и речи. Ни один Великий магистр не посылал на восток значительные силы, если не был уверен, что тем временем поляки не вторгнутся в Пруссию. Наконец, казалось, что ставки в конфликте не настолько высоки, чтобы какая-то из сторон решилась на генеральное сражение со всем вытекающим из него риском. Это и было причиной того, что хотя и оба папы – в Авиньоне и Риме, и оба императора – Венцеслас Богемский и Рупрехт Палатинатский – обратили свое внимание на растущую напряженность в 1409-1410 гг., их усилия по примирению сторон были минимальными. Этот далекий конфликт не казался им заслуживавшим чрезвычайных мер.

Жителям Западной Европы Пруссия казалась далекой незначительной страной – у них было много своих проблем – Пизанский Собор, который, как ожидалось, покончит с расколом Церкви[71].

Турки продолжали продвигаться на север и уже перешли из балканских стран в Штирию и Хорватию, угрожая землям Сицилийской династии, связанной семейными узами с Ягайло и Сигизмундом Венгерским. Они были уже готовы пересечь Альпы и войти в Австрию и Италию. Между Бургундией и Францией разгорелась война, в которую оказались втянутыми многие семейства, традиционно посылавшие своих рыцарей в крестовые походы в Пруссию. И тем не менее 15 июля 1410 года на поле между деревнями Танненберг и Грюнвальд произошла великая битва.

Эта битва при Танненберге (Грюнвальде, Жальгерисе) – как соответственно называют ее немцы, поляки и литовцы – получила известность, превосходящую ее подлинное значение. История северной и центральной Европы не изменилась резко из-за этого сражения. Перемены в балансе сил начались задолго до сражения, перемены настолько фундаментальные, что, не произойди эта битва, все равно сегодняшний мир стал бы таким, каков он сейчас. Польское королевство было уже на подъеме, а век военных орденов прошел. Маловероятно, чтобы орден мог в политическом и военном смысле сохранить паритет со столь многочисленной, богатой и

---

[71] Французы поддерживали авиньонского папу, англичане и многие немцы – римского, а Собор в Пизе выдвинул третью кандидатуру для примирения сторон. Ситуация в Германии несколько прояснилась после смерти Рупрехта Рейнского. Немцы, отчаявшись дождаться чего-то дельного от Венцесласа, начали обсуждать кандидатуру его брата, Сигизмунда Венгерского, как претендента на престол Священной Римской империи. Но Сигизмунд увязывал выдвижение своей кандидатуры с решением проблемы Святого Престола, чем еще больше запутывал ситуацию.

энергичной нацией, как поляки. Более того, Польша была многонациональным государством, и на дворе был XV век, а не нынешний. Этнический состав Пруссии вряд ли резко изменился бы, войди она сразу же в состав Польши. Через год после битвы тевтонские рыцари уже снова могли обороняться и изгнать поляков и литовцев со своих земель. Тем не менее в Грюнвальдской битве орден понес такие людские и материальные потери, что последующие Великие магистры так и не смогли вернуть ордену былую силу и престиж. Орден ступил на путь, закончившийся окончательной катастрофой в Тринадцатилетней войне (1453-1466). Так что, хотя Грюнвальдская битва и не была решающим моментом в истории средневековой Пруссии, она послужила началом быстрого упадка ордена.

Наконец, Грюнвальдская битва имела огромное значение, потому что была драматическим событием, ставшим источником бесчисленных исследований и повествований, и – верно или нет – с ней связываются судьбы целых народов.

Политические маневры

Даже будущие участники этой битвы не ожидали чего-то подобного. Хотя отношения между Великими магистрами ордена, Ягайло и Витаутасом оставляли желать лучшего уже несколько десятилетий, военный конфликт, который начался в августе 1409 года, вполне мог закончиться компромиссом. К этому побуждали обе стороны как авиньонский, так и римский папы, желавшие достичь согласия между европейскими государствами, преодолеть церковный раскол, остановить, наконец, неумолимое продвижение турок.

Более всех европейских правителей разрешению конфликта содействовал Венцеслас Богемский. Хотя и отвергаемый своими немецкими подданными как император, он отправил в 1409 году своих послов, призванных быть посредниками в решении конфликта. Им даже удалось в октябре того же года усадить за стол переговоров Ульриха фон Юнгингена и Ягайло, что привело к перемирию до Иванова дня (24 июня) следующего года. Это внушало надежды на дальнейшее примирение сторон. Наиболее важной статьей в условиях перемирия было право Венцесласа предлагать справедливые условия для постоянного мирного договора. Эти предложения он должен был сделать до Пасхи, что позволяло сторонам провести новые переговоры до истечения срока перемирия. Критический момент, однако, наступил перед Пасхой, когда фон Юнгинген и Ягайло попытались склонить известного переменчивостью решений монарха каждый на свою сторону[72].

Великий магистр приказал подготовить краткую историю крестового похода в Самогитии, документ, рисующий литовцев как неисправимых ренегатов, нарушивших свои обещания, данные полякам в 1386 году, а немцам – в 1398 году. Более того, в документе утверждалось, что литовцы, считавшиеся христианами, были на деле еретиками и схизматиками православного толка, а самогиты – законченными язычниками, которые не допустили ни единого крещения за последние пять лет. Не полагаясь лишь на бумагу и перо, Великий магистр отправил в Венгрию делегацию высокопоставленных чиновников ордена. Эти посланцы в декабре подписали с королем Сигизмундом договор, в котором выразили согласие выплатить ему сорок тысяч гульденов за его помощь. Сигизмунд, в свою очередь, почтил гостей, пригласив их быть крестными отцами своей новорожденной дочери Елизаветы. Из Венгрии делегация ордена отправилась в Богемию, где представила свои аргументы Венцеславу, который принял окончательное решение 8 февраля 1410 года.

Сутью его предложения по условиям мира было возвращение к *status quo ante bellum* (состоянию до войны.– *Пер.*). Такое предложение не могло удовлетворить ни Витаутаса, ни Ягайло, особенно потому, что жалобы литовцев на орден не были учтены. Полякам вменялось воздержаться от какой-либо помощи «нехристианам» Самогитии. Венцеслас пригрозил, что

---

72 Историки упоминают Венцесласа в основном в связи с его пьянством. Британцы и американцы знают его из-за рождественской песенки «Добрый король Венцеслас» (Christmas carol.– *Пер.*), относящейся ко времени свадьбы его дочери с королем Ричардом II. Чехи помнят его потому, что по его приказу архиепископ Пражский был сброшен с Карлова моста в реку, где и утонул.

объявит войну любой из сторон, нарушившей условия мира, но у него не было сил, чтобы подкрепить делом свои слова. Орден одержал полную победу, получив подтверждение своих прав на Западную Пруссию и Ноймарк. В действительности это была *слишком* полная победа, потому что не оставалось никакой возможности убедить короля Польши принять условия арбитра.

Время, отпущенное ордену на ликование, было коротким. Польские дипломаты пробыли в Праге еще месяц, тщетно пытаясь убедить Венцесласа, что условия мирного договора *не были справедливыми,* пока Венцеслас не потерял терпения и не пригрозил Польше войной. Поляки отбыли на родину, уверенные в неминуемости войны с орденом, а возможно и со всеми западными соседями. Ягайло, который лучше знал Венцесласа, беспокоился меньше. Он отверг все предложения о новых переговорах, а когда Венцеслас пригласил его на съезд в Бреслау в мае, император и представители ордена тщетно прождали поляков, которые заявили, что не приедут.

Сбор войск

Войска начали собираться. Подготовившись к войне, Ягайло предложил Витаутасу соединиться с ним в Мазовии, куда до сих пор приходилось буквально продираться через болотистую лесную чащу. Благодаря открытию торгового пути по Нареву, Витаутас смог теперь, не испытывая непомерных трудностей, привести своих людей в назначенное место близ Плоцка. Основная часть королевских сил оставалась на западном берегу Вислы, но Ягайло отправил польские отряды удерживать броды до подхода Витаутаса, и каждый день прибывали все новые войска. К середине июня король имел в распоряжении более тридцати тысяч всадников и пехотинцев (18 000 польских рыцарей и дворян, несколько тысяч пехотинцев, наемников из Богемии и Моравии, 11 000 литовцев, русских, татарской конницы, большой отряд из Молдавии, возглавляемый князем Александром Добрым, и небольшой отряд самогитов).

Великий магистр Ульрих фон Юнгинген также собрал большое войско, вероятно, около двадцати тысяч воинов. Так как он позволил ливонскому магистру заключить мир с Витаутасом, никто из превосходных воинов Ливонского ордена не мог присоединиться к нему. Как бы там ни было, рыцари Ливонии прохладно отнеслись к этой войне. Хотя магистр Ливонии отправил Витаутасу извещение, что через определенное время разорвет договор, он также заявил, что не отправит свои войска в Пруссию, или в тыл Витаутасу, или в Литовские северные земли, пока не истечет срок договора. Кроме того, хотя Юнгингену удалось собрать в Пруссии около десяти тысяч орденской конницы, остальная часть его войска состояла из «пилигримов» и наемников. Сигизмунд прислал ему на помощь двух знатных придворных с двумя сотнями рыцарей, а Венцеслас позволил Великому магистру набрать большое количество своих знаменитых богемских наемников.

Численность обеих армий по различным оценкам колеблется от половины называемой выше до почти астрономической цифры. В любом случае, соотношение войск обеих сторон было примерно три к двум в пользу польских рыцарей и литовского Великого князя. Но у ордена было преимущество в вооружении и организации и близко расположенные крепости, служившие местом хранения провианта и снаряжения, а также местом укрытия. Так как фон Юнгинген знал, что его противники еще не объединились, он рассчитывал, что сможет сразиться с ними поодиночке. Мало кто из командующих отрядами в войсках Ягайло и Витаутаса воевали вместе в предыдущих кампаниях против крестоносцев и татар. В целом польско-литовское войско было настолько пестрым по своему составу, что взаимодействие его отдельных частей было затруднительным. У Великого магистра было больше дисциплинированных рыцарей, привыкших воевать сплоченными отрядами, но у него были также и светские рыцари, и крестоносцы, подверженные приступам как энтузиазма, так и паники. К тому же орден держался оборонительной стратегии, был способен опираться на подготовленные позиции и лучше знал местность. Так что шансы у противников были примерно равны.

Безымянный летописец ордена, продолживший работу своего предшественника – Иоганна

фон Позильге, описывает приготовления к битве, используя яркие детали, и таким образом дает нам лучше понять отношение крестоносцев к их противникам:

> «[Король Ягайло] собрал татар, русских, литовцев и самогитов против христианства… Он собрался с язычниками и Витаутасом, который пришел в Мазовию к нему на помощь… [Собралось] такое большое войско, что его нельзя описать, и вышло от Плоцка к землям Пруссии. У Торна были достойные графы Гора и Стиборжи, которых король Венгрии специально послал в Пруссию, чтобы обсудить проблемы и противоречия между орденом и Польшей; но они ничего не могли поделать и, наконец, покинули короля, который следовал своей злой воле причинить ущерб христианству. Он не только призвал к себе злобных язычников и поляков, но набрал множество наемников из Богемиии и Моравии, и всех рыцарей и воинов, кто противно чести пошли воевать вместе с язычниками против христиан и грабить земли Пруссии».

Вряд ли можно ожидать взвешенной оценки от летописцев, но современному читателю странным кажется обвинение в использовании наемников, так как орден поступал точно так же. Люди Средневековья, как и многие люди сегодня, ненавидели страстно, часто совершали импульсивные поступки и рассуждали нелогично. Впрочем, они могли поступать и весьма рационально. Вскоре мы увидим, что вожди обеих армий покажут себя людьми своего века, действуя попеременно то сообразно холодному рассудку, то поддаваясь своему темпераменту. В начале кампании верх брал рассудок.

Венгерский придворный граф и воевода Трансильвании, упомянутые в приведенном отрывке из летописи, спешно вернулись на юг, чтобы собрать войска у южных границ Польши. Однако эта угроза была неубедительной и потому не оказала никакого влияния на кампанию. Сигизмунд, как обычно, пообещал больше, чем был готов сделать. Он ничего не предпринял, кроме того, что позволил ордену набрать наемников, хотя в это время как раз находился в северной Венгрии и мог бы сам быстро собрать большое войско.

Вторжение в Пруссию

Стратегии двух командующих были весьма различны. Великий магистр поделил свои силы, как обычно, между Восточной и Западной Пруссией, ожидая вторжения в далеко отстоящих друг от друга пунктах и полагаясь на своих разведчиков, которые должны были определить направления главного удара противника. Именно туда он планировал быстро подтянуть свои войска, чтобы изгнать захватчиков. Ягайло, напротив, планировал объединить польские и литовские силы в одно большое войско, что было достаточно необычно для тактики того времени. Хотя эта тактика и применялась время от времени в Столетней войне, ее больше придерживались монголы и турки – постоянные враги поляков и литовцев. Тевтонские рыцари поступали так же во время своих *Reisen* в Самогитию, но при гораздо меньшей численности.

На этом этапе кампании командование Ягайло было безукоризненным. Как только он узнал, что Витаутас пересек Нарев, он приказал своим людям построить 45-метровый понтонный мост через Вислу. За три дня он перевел основные силы своего войска на восточный берег, а затем разобрал мост, чтобы использовать его в будущем. К 30 июня его войска соединились с войском Витаутаса. 2 июля объединенная армия начала продвижение к северу. До этого времени король умело обходил попытки Великого магистра блокировать его продвижение на север и даже сумел скрыть от него переправу своей армии через Вислу. Посланцы императора предупредили об этом факте Юнгингена, но тот не поверил им, настолько он был уверен, что основной удар будет направлен на западный берег Вислы и будет нанесен только польскими войсками.

Когда Юнгинген получил сведения, подтверждающие факт переправы противника, он спешно переправил свое войско и стал искать позицию, на которой он мог бы перехватить Ягайло среди лесов и озер до того, как польские и литовские фуражиры смогут разорить богатые деревни этого края. Его планы были полностью оборонительными – обратить против врага его численность, ожидая, что провиант и фураж у них закончится быстрее, чем у его

собственных, хорошо снабжаемых войск. На землю Пруссии давно уже не вступала нога противника.

Великий магистр оставил три тысячи человек под командованием Генриха фон Плауэна в Шветце на Висле, чтобы защитить Западную Пруссию от неожиданного вторжения польского войска, если оно снова сумеет обойти его и ударить вниз по реке в самые богатые области Пруссии прежде, чем войско ордена сумеет форсировать реку обратно. Плауэн был уважаемым военачальником, но невысокого ранга, подходящей фигурой для организации обороны, но ничем не проявивший себя на поле боя. Юнгинген желал оставить при себе своих самых ценных командиров, которые могли бы дать ему здравый совет и показать пример мудрости, отваги и рыцарского духа. Великий магистр был довольно молод и несколько горяч, но весь его опыт подсказывал действовать с крайней осторожностью, пока битва не завязалась. Дерзкая отвага хороша перед лицом противника, но не ранее.

Ягайло, со своей стороны, также был осторожным командующим. В течение всей своей карьеры он старался избегать риска. Никто не может назвать случая, когда бы он подвергал опасности свою жизнь или бросался во главе своих войск на противника. Но в этом не было ни тени малодушия. Общественные нормы менялись, все уже признавали, что командующий должен оставаться в живых и что командующий должен командовать армией, а не искать личной славы на поле боя.

Поэтому неудивительно, что продвижение королевской армии по территории противника было очень медленным. Эта осторожность была понятной. В конце концов, Ягайло не был уверен, что его уловка сработала, и он высоко ставил военное мастерство Юнгингена.

Несомненно, он опасался попасть в засаду, которая могла бы принести крестоносцам величайшую победу. Должно быть, Ягайло несколько успокоился, узнав, что войска ордена заняли оборонительную позицию на переправе через Дрвенцу. По крайней мере, теперь он знал, где находится Юнгинген. С другой стороны, его отнюдь не обрадовали донесения разведчиков о том, что позиции крестоносцев хорошо укреплены.

Итак, оба командующих медленно и осторожно двигали свои армии навстречу друг другу. Ягайлло и Юнгинген одинаково опасались совершить какую-нибудь грубую тактическую ошибку – например, оказаться вечером там, где нельзя разбить лагерь, или двигаться по местности, подходящей для засад. Кроме того, обоим приходилось беспокоиться о транспорте, запасных лошадях и скоте для пропитания. Хотя оба командующих не были новичками на войне, они впервые вели столь крупные силы, что усугубляло опасности ошибки, неправильного понимания приказов, наконец, просто паники.

Если судить их с этих позиций, оба – и Ягайло, и Юнгинген – заслуживают высокой оценки за то, как они привели свои армии к месту будущего сражения, не совершив серьезных ошибок. Обе армии были хорошо снабженными, готовыми сражаться и уверенными в своей победе. Все командиры хорошо знали противника, местность и особенности погоды, умели

обращаться с техникой того времени. Эти армии не были толпами вооруженных людей. Военные традиции, личная подготовка и тренировки подразделений, опыт сражений в локальных войнах делали их грозными противниками. Ни в одной из армий не было разногласий в командовании, ссор между отдельными частями, эпидемий или излишней нервозности перед сражением. Эти проблемы существовали, но были общими для обеих сторон и не заслуживали упоминания в современных им летописях. Одним словом, ни у одной из армий не было причин ожидать поражения.

Со стороны ордена каждый командор и каждый рыцарь находились в постоянной готовности к бою, насколько это было возможно. Оставалось непонятно, когда начнется сражение, как поведут себя в нем отдельные люди, как будут разворачиваться события – ибо эти неизвестности всегда присутствуют на войне. Хотя многие из воинов обеих армий участвовали в набегах и осадах, лишь у нескольких был опыт большого полевого сражения. Некоторые из крестоносцев прошли через поражение под Никополем в 1396 году[73], а некоторые из их противников пережили поражение на Ворскле на Украине в 1399 году, когда войско Витаутаса было почти уничтожено татарами. Но лишь эти немногие знали лично, что такое битва, в которой десятки тысяч сражающихся сталкиваются в течение нескольких минут для ожесточеннейшего боя.

Только они знали, что такая битва – это хаос, поражающий воображение. В таком бою командующие не могут поддерживать связь с большинством своих частей. Движение войск сдерживается огромным числом людей и животных на поле боя. Чувства человека глушатся шумом, пороховым дымом и пожарами, пылью, поднятой копытами коней. Людей мучает жажда от возбуждения и стресса, так же как и от жары и тяжести доспехов. Люди в такой битве испытывают иррациональную тягу снять хоть как-то это напряжение – либо бежать, либо бросаться в бой. Нужно помнить, что военный опыт большинства рыцарей и оруженосцев ордена ограничивался тренировками и немногочисленными мелкими стычками – между орденом и литовцами не было крупной войны уже сорок лет, а между орденом и поляками – почти восемьдесят. Лишь немногие опытные рыцари имели за плечами опыт небольших войн в Самогитии, кампании на Готланде[74] и вторжения 1409 года в Польшу[75].

Во всей Европе в эти годы было много кампаний, но мало сражений. Как ветераны, так и новички находили утешение в болтовне, хвастовстве, молитвах и пьянстве.

У литовцев было больше опыта, но в ведении войны с другими противниками – с татарами в степях и русскими в их лесах. Литовцы ездили на невысоких конях и носили легкие русские доспехи. Они были недостаточно защищены для сражения «лоб в лоб» с большим войском западных рыцарей, но равнялись противникам в своей гордости и уверенности в успехе. Память о поражении Витаутаса на Ворскле меркла перед последовавшими успешными кампаниями против Смоленска, Пскова, Новгорода и Москвы. С 1406 по 1408 год Витаутас три раза водил войско против своего зятя Василия Московского, один раз даже осадив московский Кремль, и наконец заставил Великого князя Руси принять мир на условиях возвращения к границам 1399 года. Сильной стороной литовской конницы была ее способность проходить по пересеченной местности, которую противники могли счесть непроходимой; слабой – неспособность выстоять против лобовой атаки тяжелой рыцарской кавалерии (литовцы рассчитывали, что татарские разъезды не допустят такой «неожиданности»).

Польская кавалерия была более многочисленна, лучше вооружена и лучше готова к

---

[73] В этой битве из-за отсутствия дисциплины французские и венгерские крестоносцы были наголову разбиты турками. Именно опыт этого поражения сделал Сигизмунда Венгерского крайне осторожным до самого конца его долгой карьеры.

[74] Для поддержки прусских купцов и Ганзейской лиги тевтонские рыцари разрушили главную пиратскую базу в Висби, затем охраняли остров в течение нескольких лет против датских попыток захватить его.

[75] Войскам ордена в начале конфликта удалось глубоко вклиниться в их территорию. К октябрю поляки оправились от первого удара и им удалось вернуть часть своих земель,– *Прим. ред.*

генеральному сражению с немецкими рыцарями, но полякам не хватало уверенности в том, что они способны выстоять в бою против ордена. Современник тех событий польский историк Длугож жаловался на ненадежность польских рыцарей, их жадность к добыче и склонность впадать в панику. Большая часть польских рыцарей – не менее 75 процентов – пренебрегала доспехами ради подвижности и удобства, но и их вооружение было ближе к западным образцам, чем у литовцев. В этом плане они ненамного отличались от большей части войск ордена – легкой кавалерии, приспособленной к местным условиям. Что касается оставшейся четверти, многие из них носили пластинчатые доспехи и предпочитали копью арбалет, так же как и большинство в тяжелой кавалерии ордена. Слабость поляков была в плохой подготовке и отсутствии опыта – многие из польских рыцарей были «любителями», землевладельцами, годами сидевшими в своих поместьях, и совсем молодыми людьми, они были непрофессионалами, знавшими, что им предстоит столкнуться с лучшими воинами христианского мира. Хотя некоторые из польских дворян служили ранее под знаменами короля, кажется, к этой кампании он привлек силы в основном с севера страны, а ведь именно рыцари южной Польши в первую очередь служили ему в кампаниях в Галиции и под Сандомиром. Ягайло мог бы призвать и больше рыцарей, но у него не хватало ни места в лагере, ни продовольствия. Массы плохо обученных и почти не подготовленных крестьян-ополченцев были гораздо удобнее для управления: их знатные господа могли не заботиться о своих ополченцах, полагая, что те как-нибудь прокормят себя сами и смогут ночевать у костров, невзирая на погоду. Хотя польза от этих ополченцев в бою была невелика – в лучшем случае они могли на какое-то время отвлечь противника, позволяя своей кавалерии сманеврировать или отступить,– их можно было посылать грабить деревни, решая проблему снабжения армии продовольствием. А дым от сжигаемых ими деревень вводил противника в заблуждение о месте расположения основных сил королевской армии.

Сама численность армий Ягайло и Витаутаса должна была создавать серьезные проблемы для арьергарда. Когда тысячи лошадей проезжали по дорогам, жидкая грязь в низинах затрудняла движение и становилась практически непроходимой для телег. Хуже того, чем более многочисленны и измотаны войска, тем легче они поддаются необъяснимым приступам паники. Донесения разведчиков были ненадежны: вокруг было слишком много лесов, рек и вражеских разъездов. Но король с советниками, неважно, насколько в реальности измотанные, нервные или неуверенные, не имели права на любое выражение нерешительности или страха. Ему нужно было постоянно выглядеть спокойным и уверенным: в этом сами черты характера Ягайло сыграли в его пользу. Не употребляющий алкоголя, он постоянно оставался трезвым, а его поведение выражало полную уверенность в себе. Страсть к охоте подготовила короля к многочасовому пребыванию в седле. В густых лесах Добрина и Плоцка он чувствовал себя как дома. Витаутас, сильно отличаясь от Ягайло, служил тому прекрасным дополнением. Энергичный и вдохновляющий лидер, который, казалось, мог находиться везде одновременно, презирающий трудности, свой среди воинов… Никто из польско-литовской армии не мог пожаловаться, что их командующие не знакомы с жизнью простых воинов и опасностями лесов или что они не делят со всем войском трудности и лишения.

Такая необходимость постоянно держать под контролем действия войска таила опасность – любую армию на марше может задержать река или узкий проход между озерами или болотами, даже в отсутствии неприятеля. Командующему приходится в такой ситуации отдавать приказы, практически любые, даже просто «сесть и отдыхать», лишь бы только не показать неспособность командовать. Такие обстоятельства, дополненные усталостью, жаждой и тревогой, часто приводят к поспешно отданным приказам атаковать или, наоборот, отступить, которые войска не могут эффективно выполнить. Короче говоря, обстоятельства могли принудить короля сделать плохой выбор, а спешка могла привести к худшему выбору из возможных вариантов. Ягайло, конечно же, понимал это, так как он вел не первую в своей жизни камланию. Однако доныне ему приходилось только заставлять противника отступать перед его превосходящими силами или осаждать крепости. Его целью всегда было вынудить противника к переговорам и открыть дорогу дипломатии. Сейчас же он вел огромную армию для боя с противником, которого они до сих пор не видели, чтобы сразиться, если на это пойдет вражеский командующий, в ожесточенной битве на территории противника.

Ягайло, видимо, сделал остановку на реке Дрвенце перед тем, как вступить на территорию Пруссии. Он не хотел рисковать, переходя реку через единственный брод в виду у хорошо укрепившегося противника. В то же время он не хотел двигаться на восток вверх по течению: хотя в верхнем течении река не представляла собой серьезного препятствия, эта местность была очень лесистой – здесь, еще сохранялись остатки древних пущ. Кроме того, хотя за прошедший век тевтонские рыцари основали в этих холмистых краях много деревень, дороги, соединяющие их, были узкими и извилистыми. Петляя среди холмов и болот, эти дороги могли завести чужеземцев в чащобы. Местные жители прятались в лесах или укреплениях. И хотя многие из них говорили по-польски (в те дни иммигранты не подвергались такому языковому влиянию, как в наше время), они были на стороне ордена, и уж точно никто из них не хотел попасть в руки разведывательных отрядов Витаутаса, часто состоящих из внушавших ужас татар. Эти отряды старались нащупать пункты обороны и найти пути их обхода. Заставлять крестьян давать информацию или служить проводниками было частью войны. Горящие деревни отмечали продвижение конных разъездов. Хотя две армии, стоявшие друг напротив друга возле брода, почти не могли ничего видеть из-за лесов, они узнавали друг о друге из-за поднимавшихся столбов дыма.

Впрочем, такая тактика разорения местных деревень, грабежа и террора была слабым отголоском того поведения, которого когда-то придерживались поляки: длительный период мира смягчил нравы этих «воинов-любителей». Уже вскоре польские рыцари жаловались Ягайло на поведение союзников: те, особенно татары, волокли в свои шатры женщин и насиловали их, убивали крестьян, говоривших по-польски, бесчеловечно обращались с пленниками. В конце концов, королю пришлось отпустить часть пленных и приказать степным всадникам избегать подобной практики в будущем. Такой приказ был не в его интересах – надежда короля на то, что Юнгинген ослабит свои позиции, основывалась именно на причинении вреда близлежащим областям, чтобы вынудить Великого магистра послать войска на защиту местных жителей. Впрочем, вскоре Ягайло и Витаутас осознали, что Юнгинген был слишком хорошим командующим, чтобы распылять свои силы в критический момент.

Ягайло был огорчен подобным поворотом дел, но не желал ни позволить войне закончиться из-за пустых желудков его солдат, ни посылать их на убой, форсируя какую-нибудь безвестную речку. Пока было неясно, сможет ли он двинуться на восток через леса, болота и чрезвычайно сложную систему озер без того, чтобы позволить Великому магистру легко блокировать польско-литовскую армию. Подобное ожидание было единственно возможным. В конце концов, эта земля была почти родной для ордена, и тот просто обязан был за прошедшие годы построить здесь хоть какие-нибудь дороги. А если так, почему же они не пользуются ими, чтобы тревожить тылы поляков?

Юнгинген, со своей стороны, не казался слишком озабоченным фланговыми маневрами поляков. Тевтонские рыцари из близлежащих монастырей часто охотились в этих лесах и хорошо знали каждую деревню, поле и лес, а также знали, как многочисленные длинные, узкие и извилистые озера могут сковывать действия вторгшейся армии. Польские и литовские разведчики дни напролет искали пути через окружающие леса и пока не находили ни одного подходящего. Уверения местных проводников, бесспорно служивших в войсках ордена, что местные дороги непроходимы для сколько-нибудь крупного войска, вероятно, внушили Юнгингену большую, чем следовало, уверенность в превосходстве его стратегической позиции.

Эта чрезмерная уверенность и стала причиной последующих событий. Когда литовские разведчики доложили, что обнаружили несколько дорог, ведущих к Остероде, по которым было возможно провести армию, если выступить до того, как немцы узнают об этом,– король и Великий князь действовали быстро.

Ягайло посоветовался со своим малым советом, а затем отдал приказ готовиться к тайному ускоренному маршу к востоку и на север вокруг укрепленных позиций ордена. Он назначил каждому отряду его место на марше и велел всем беспрекословно слушаться двух проводников, которые знали местность. Королевский трубач должен был отдать сигнал к выступлению утром: до этого часа никто не должен был создавать шума или иным образом выдавать планы короля. Если бы армия не смогла внезапно и быстро выступить в поход, замысел короля провалился бы.

Тем временем Ягайло еще раз отправил герольда в немецкий стан попытаться решить спор мирным путем. Вполне правдоподобно, что это могло быть как обманным маневром, чтобы убедить Великого магистра, что король находится в отчаянном положении, так и формальным способом убедить посланников из других держав, что Ягайло действительно желает закончить войну без дальнейшего кровопролития. Трудно представить, какие условия показались бы Юнгингену приемлемыми в этой ситуации, но Великий магистр тем не менее собрал на совет своих офицеров: за единственным исключением, они проголосовали за войну вместо переговоров.

Подобные действия Ягайло могли лишь укрепить чрезмерную уверенность Великого магистра в том, что он владеет ситуацией. Конечно, когда немецкие разведчики Юнгингена увидели, что польский лагерь пуст, они решили, что король отступает. Войска ордена быстро переправились через реку по наплавным понтонным мостам и бросились в погоню, зная, что легче всего уничтожить отступающую армию. Однако, когда разведчики донесли, что поляки и литовцы двигаются двумя колоннами на северо-восток, по широкой дуге обходя фланг позиций ордена, Юнгингену пришлось пересмотреть свои планы. Если бы его отряды продолжили преследовать вражеское войско, они не смогли бы помешать татарским отрядам Витаутаса жечь деревни на своем пути, более того, преследуя противника в густых лесах, они рисковали попасть в засаду, не имея поддержки за своей спиной. Поэтому Великий магистр изменил направление движения своих войск так, чтобы опередить вражеские колонны. И действительно, скорость продвижения немецких отрядов почти позволила им обогнать противника, в то время как польские разъезды совершенно потеряли войска ордена из виду и, к своему удивлению, обнаружили, что немецкие отряды опять преграждают им путь на север.

Ягайло, выманивая немецкие силы на восток из укреплений, также вел свою армию далеко от возможных укрытий для нее. Более того, он разделил свои силы, послав литовцев к востоку и северу от дороги, по которой двигались польские войска. Если бы Великий магистр смог атаковать его неожиданно, особенно прежде чем королевские войска соединятся, Ягайло мог потерпеть необратимое поражение. Поскольку многие поляки все еще считали его «литовцем в польской шкуре», Ягайло рисковал самой своей короной, добиваясь сражения на этих условиях. Этот момент точно понимал Ульрих фон Юнгинген. Победа над войсками Польши и Литвы могла навеки сокрушить его старинных врагов.

Великий магистр не понимал, что он просто обязан оставаться спокойным и действовать рационально. Когда разведчики доложили ему, что противник дошел до Гильгенбурга[76] и сжег город, учинив жестокую расправу над его жителями, Юнгинген утратил хладнокровие.

Больше не будет позиционной войны – он выступит ночью и на рассвете неожиданно нападет на врагов. Приводя в движение свою армию, Великий магистр шел на риск, которого

[76] Ныне Дабровно в Польше.– *Прим. ред.*

мог бы избежать. Немецкий летописец Позильге, наиболее информированный из современников, описывал последовавшие действия враждующих армий следующим образом:

> «Великий магистр со своими войсками и воинами, пришедшими к нему, а также наемниками, выехал против короля к границе возле Дрвенцы, близ Кауэрника, и две армии встали друг напротив друга. Поскольку король Польский не смел перейти Дрвенцы, он двинулся к Гильгенбургу, и захватил этот город, и сжег его, и перебил там молодых и старых. Беззаконные язычники убивали жителей во множестве, бесчестили женщин и дев, отрезая им груди и мучая их, и угоняли в рабство. Поруганию подверглись церкви: язычники святотатствовали, ломая и бросая под ноги себе облатки, разоряя реликварии. И делали они это в каждой церкви, куда бы ни зашли. Эти великие бесчестья и оскорбления поразили в самое сердце Великого магистра и весь орден, всех рыцарей и воинов, пришедших на помощь им. В праведном гневе на короля выехали они из Любау к Танненбергу, деревне в округе Остероде, и пошли на короля без предупреждения, пройдя спешно пятнадцать миль к утру 15 июля. И когда они смогли увидеть неприятеля, построились они в боевые порядки, и стояли, держа его в виду более трех часов. Король же тем временем направил язычников, чтобы напали они на войско ордена, но поляки все еще не готовы были к сражению. И если бы напасть на короля немедленно, победило бы наше войско и завоевало бы честь и захватило бы богатую добычу. Увы, к несчастью, этого не случилось, ибо желали они вызвать короля на бой по рыцарским обычаям, и маршал отправил к королю герольдов, что отвезли ему два обнаженных меча».

Так передвигались обе армии. Юнгингену удалось неожиданно выдвинуть свои силы против поляков и литовцев, что было для той эпохи немалым достижением. Затем он потерял это преимущество, так как оставил утомленных солдат стоять в боевых порядках без еды и питья. Противник тем временем успел приготовиться к битве. За это время магистр приказал вырыть замаскированные ямы перед своими позициями, чтобы в эту ловушку попала атакующая польская кавалерия, а затем приказал так отступить с этих позиций, что королевские войска, находившиеся в лесу, смогли выйти на поле боя и построиться в две линии против порядков ордена. При этом вырытые «волчьи ямы» стали частью польской оборонительной линии, а мощная артиллерия ордена оказалась на позиции, откуда ее стрельба была неэффективной. Более того, его пехота оказалась на позициях, откуда не могла оказать действенной помощи рыцарям. Даже если предположить, что Великий магистр не ожидал, что польские рыцари пойдут в атаку, не имея удобного места для построения, все равно его приказы нельзя оценить как удачные. Войска ордена устали, промокли под утренним дождем, проголодались и, без сомнения, их дух все больше падал. Кроме того, день выдался необычайно теплым, а большинство воинов ордена не были привычны к жаре. Тем не менее у Юнгингена оставались серьезные шансы на победу. Если бы ему удалось вынудить короля первым пойти в атаку, позволив опытным рыцарям ордена нанести один из тех мощных контрударов, которыми они славились, то, возможно, орден победил бы. Хотя Великий магистр был горд, высокомерен и опрометчив, эти качества отчасти уравновешивались его отвагой и мастерством в битве. А за его спиной стояла грозная сила. Многочисленность рыцарских полков скрывала неудачное расположение вспомогательных войск и внушала своему командующему уверенность в победе.

Вид огромных армий, выстраивающихся в боевые порядки, для участников битвы остался незабываем. Лучшие войска Великого магистра в белых плащах построились вокруг большого белого знамени с черным крестом. На поле битвы развевались разноцветные флаги кастелянов и епископов: украшенного короной белого орла Ягайло на красном поле, белый на красном крест архиепископа Гнезно, коронованного медведя кастеляна Кракова, выдыхающую пламя львиную голову на голубом поде – стяг маршала Польши, белого рыцаря Литвы (Витиса) на белом коне, геометрический узор стяга Вильнюса. Сомкнутые ряды пехоты и лучников выходили на поле под музыку. На любые возвышения, дающие преимущество в стрельбе, тащили артиллерию. Туда и сюда скакали посыльные, передавая приказы полкам, а командиры обращались к своим воинам, убеждая их отважно сражаться с противником.

Нельзя игнорировать роль, которую в этом сражении играли духовные и нравственные

ценности той эпохи. Великий магистр потерял полученные им преимущества, не напав на противника немедленно, затем снова медлил начинать сражение лишь для того, чтобы послать рыцарский вызов – два меча[77]. Король намеренно выстаивал мессу, не обращая внимания на просьбы своих командиров отдать приказ о наступлении. Ягайло продемонстрировал отличные способности командующего, приведя в порядке свои войска на поле боя, даже если учесть медлительность его продвижения после того, как польско-литовская армия ускользнула из лагеря, теперь же он, казалось, позволил событиям развиваться своим путем, не вмешиваясь в них. Возможно, король воспользовался церковной службой, чтобы оттянуть начало сражения, надеясь, что немецкие рыцари и их кони устанут под тяжестью вооружения; возможно, он ждал подкреплений; но, возможно, он просто был парализован нервным истощением и неуверенностью. Споры историков об этом так никогда и не будут полностью разрешены. Не исключено и то, что его истинная набожность подсказала ему, что время, проведенное в молитве, это самое важное, что он может сделать в тот момент.

В те времена больше надеялись на обращение к богу во время церковной службы, чем на хладнокровное планирование или тактические решения. «Да исполнится воля Господня!» Противник короля, Юнгинген, также отвел время молитве. Немецкие войска запели свой хорал *Christ ist erstanden* (Господь воскрес). Тем временем польские и литовские войска затянули свою боевую песню *Bogu rozica dzewica* (Гимн Богородице).

Битва

Рыцари, которые привезли два обнаженных меча, высокомерно вручили их королю и Витаутасу, вызывая их выйти на бой и сражаться. Король отреагировал спокойно, отпустил герольдов, а затем дал сигнал к началу битвы. В то время как поляки наступали в относительно строгом порядке, распевая гимн, литовцы бросились в бешеную атаку и рассеяли противостоящие им легковооруженные части. Затем силы противников истребляли друг друга примерно в течение часа. Только этот момент сражения описывается одинаково. Кроме признания этого факта среди летописцев, описывавших сражение, практически нет согласия. Поляки явно не ввели в бой свои основные силы, так как немцы продолжали обороняться, ожидая возможности нанести безжалостный удар в тыл какому-либо отступающему полку или в разрыв между вражескими рядами.

Битва при Грюнвальде до сих пор проигрывается историками снова и снова. Хотя общие черты сражения ясны, немецкие, польские и литовские историки так и не приходят к согласию о различных действиях, происходивших в ходе сражения, и даже о точном месте битвы на широком поле. Место, где в районе массовых захоронений расположена мемориальная часовня, было установлено археологами, но, так как последние вполне могли отмечать места, где были захоронены убитые пленники или умершие от ран после битвы через несколько дней, не существует общепринятого мнения даже о месте, где строились к сражению армии. Историки сходятся во мнениях о следующих фактах: крестоносцы, пришедшие на помощь ордену, располагались напротив литовцев. Возможно, потому, что они предпочли бы сражаться с татарскими язычниками, чем с польскими христианами. Но, возможно, просто потому, что это была самая удачная позиция. Тевтонские рыцари держали центр и правый фланг, напротив поляков и их наемников.

Самое значительное описание битвы принадлежит Яну Длугожу, польскому придворному историку. Оно краткое и прославляет вклад поляков в победу, преуменьшая заслуги литовцев. Он пишет, что один из флангов крестоносцев после жестокой битвы разбил конницу Витаутаса. Хотя Витаутас и смоленские полки оставались на поле боя, татары бежали, а за ними многие литовские и русские воины. Немецкие крестоносцы, увидев бегство неприятеля, сочли, что одержали победу, и оставили свои позиции, чтобы преследовать врага. В рядах ордена появилась «дыра». Поляки тем временем удерживали свои позиции против тевтонских

[77] Это был рыцарский вызов, после которого бездействие означало трусость. Меч, обнаженный целиком и вонзенный в землю, перед ногами противника, означал вызов на смертный бой.– *Прим. ред.*

рыцарей. Когда крестоносцы смешали свои ряды, преследуя татар, поляки увидели в этом благоприятный для себя шанс, усилили свой натиск и кинулись в образовавшийся разрыв. Вскоре основные силы ордена оказались в затруднительном положении.

Общепринятый взгляд на ход сражения значительно изменился после обнаружения письма, написанного в 1413 году хорошо информированным рыцарем или капитаном наемников. Его строгое наставление, чтобы рыцари держали строй, подкрепляет версию, выдвигаемую не слишком известными историками, что часть крестоносцев в составе войск ордена попалась на тактическую уловку литовцев: притворное отступление, заведшее преследователей в ловушку, устроенную польскими рыцарями, стоявшими на фланге. Литовцы и поляки затем ворвались в расстроенные ряды немцев и развалили строй крестоносцев.

Юнгинген, видя разворачивающуюся катастрофу, должен был, возможно, скомандовать отступление. Однако ничего подобного не пришло ему в голову. Его горячая кровь забурлила, он созвал всех рыцарей, кого смог, построил их клином и бросился прямо к невысокому холму, где, как он полагал, находился король: несомненно, Великий магистр мог видеть там развевающееся королевское знамя и множество тяжеловооруженных рыцарей. У Юнгингена хватило отваги поставить все на этот единственный удар – он знал, что их кони будут слишком измотаны, чтобы унести своих всадников с поля боя, если атака захлебнется. Возможно, он надеялся, что его удар, нанесенный довольно неожиданно, не даст полякам возможности перестроить свои ряды, чтобы встретить атаку ордена. В этом Юнгинген ошибся. Витаутас, который изображен в центре батального полотна Матейко, казалось, успевал быть везде на своих позициях, проявляя чудеса отваги: теперь он поспешил к королю со своими людьми, возможно, чтобы убедить Ягайло укрепить порядки поляков резервами. В любом случае, атака Юнгингена захлебнулась, докатившись почти до телохранителей Ягайло. Тщетно Великий магистр кричал «Отступать!». Окруженный врагами и изнемогший от усталости, Юнгинген пал вместе с множеством своих лучших рыцарей. Уцелевшие воины, видя гибель Великого магистра, бежали в беспорядке. По немецким рядам покатилась паника. Кажется, бегство возглавила легкая кавалерия из Кульма. Польские рыцари, уничтожив основной отряд ордена, набросились на уцелевшие и дезорганизованные отряды немцев, пытавшиеся ускользнуть с поля сражения по узким дорогам, и уничтожали отряды один за другим. Арьергард панически отступающего немецкого войска не мог пробиться через ряды своих же полков, скучившихся в тесных местах. Не в состоянии прорваться через массы людей, коней, телег, не в силах сражаться с неприятелем, преследующим их, они могли лишь пытаться сдаться в плен или сражаться без надежды на победу. Крестоносцы левого крыла, одержавшего победу, вернулись, отягощенные добычей, лишь для того, чтобы попасть в руки противника, завладевшего полем боя. Таково было описание битвы Длугожом, быстро ставшее общепринятой версией сражения. С Длугожем соглашаются даже немцы, возможно, потому, что он признает за тевтонскими рыцарями хотя бы частичную победу – над «языческим» флангом польсколитовского войска.

Польские историки подчеркивают умелое командование короля. Они описывают, как Ягайло решил лично участвовать в битве, как в один момент королевское знамя было повергнуто на землю и как сам король был спасен в последний момент благодаря вмешательству Збигнева Олесницкого, королевского секретаря, когда рыцарь из Майнца Люппольд фон Кекритц напал на главнокомандующего вражеским войском. Историческое мифотворчество не преминуло превратить этот эпизод в поединок между Ягайло и Юнгингеном. Короче говоря, согласно польской патриотической школе историков, ум, мужество и опыт поляков, их отвага, рыцарственность и самопожертвование выиграли битву.

Литовские историки резко возражают против такой трактовки событий. Они настаивают на том, что люди Витаутаса совершили тактический маневр – ложное отступление, широко применявшееся в степных войнах, а крестоносцы попались на эту уловку, смешали свои ряды и попали в засаду. Они рассматривают то, что Витаутас и смоленские полки сражались в ходе решающего момента битвы, доказательством того, что основные литовские силы не побежали, а спровоцировали немцев разрушить собственный строй, так что их войска стали уязвимы для атаки поляков. Литовские историки утверждают, что слава победителя должна принадлежать Великому князю, который придумал эту уловку. Он загонял одного коня за другим, лично управляя кавалерийскими отрядами, сначала на правом крыле, затем, в ключевой момент

сражения, в центре, куда он привел подкрепления, отразившие натиск Юнгингена. А соперник Витаутаса – Ягайло был практически бесполезен в течение всей битвы, не способный ни командовать, ни воодушевлять воинов личным примером.

Современные ученые, несмотря на новые данные археологических раскопок и новые архивные материалы, так и не пришли к полному согласию о том, что же произошло на поле сражения. Все согласны, что Юнгинген допустил ошибки, развертывая свою армию на поле сражения. Все согласны, что и Витаутас, и Юнгинген были храбрыми воинами, рисковавшими своими жизнями в ожесточенном сражении. Почти все согласны, что Ягайло по тем или иным причинам предпочел оставаться там, где все могли видеть его, подле своего шатра на холме, и что решающим моментом битвы была минута, когда атака крестоносцев на королевские позиции провалилась. Все, кроме литовцев, почти единодушно соглашаются, что притворное отступление целой армии было рискованным и трудным маневром, хотя и обычной тактикой для небольших отрядов по всей Европе; к тому же если отступление было притворным – почему крестоносцев, которые преследовали литовцев, не ожидала засада? Или она все-таки была? Скорее всего, бегство литовского крыла армии не было запланировано. Ягайло был осторожным командиром и понимал, что отступление целого фланга его армии обернулось бы катастрофой, если бы торжествующие крестоносцы смогли сохранить дисциплину и повели атаку всеми силами в разрыв польско-литовского строя, оставленного побежавшей конницей, а затем ударили во фланг польским полкам. С другой стороны, лес позади польских порядков мог бы препятствовать отступлению, мог прикрыть центральный польский полк от наблюдения или атаки с фланга или тыла. Так как все согласны с тем, что поражение тевтонских рыцарей стало результатом недисциплинированного преследования литовских сил, то спор о причинах отступления литовцев не может быть решен к всеобщему согласию. Было ли это намеренным отступлением значительной части войск Витаутаса, или эти литовские, русские и татарские отряды бежали, разгромленные, с поля боя, трудно решить наверняка.

С точки зрения наблюдателя, живущего почти шесть столетий спустя, важным является тот факт, что войска Великого магистра нарушили свои порядки, чем воспользовались польские и литовские полки, ведомые Витаутасом. Ученые, отстаивающие версию ложного отступления, задаются вопросами, много ли татар было на службе у Витаутаса, как будто лишь эти степные всадники могли выполнить такой маневр. К сожалению, ни в одном из современных источников нет более подробной информации, чем у Длугожа, о численности войск и не все ученые согласны даже в вопросе о составе польских и литовских войск. Впрочем, это не настолько важно. Татарские отряды не были многочисленными и, насколько известно, не смогли нанести заметный урон своим преследователям. Впрочем, это и не повлияло на результат: то, что на левом фланге ряды ордена были нарушены, привело к последующей победе поляков в центре. До этого момента литовцы несли на себе основную тяжесть сражения, что подтверждают цифры потерь, и продолжали натиск на смешавшиеся ряды противника.

Великий магистр, должно быть, обдумывал мысль об отступлении, но отверг ее. Решение Юнгингена поставить все на массовую атаку на королевский шатер, возможно, было лучшим из имевшихся вариантов. Беспорядочное отступление через лес могло привести точно к такому же поражению; и, разумеется, Великого магистра обвинили бы в том, что он упустил свой шанс добиться полной победы над врагом, который был настолько же измотан, изрядно дезорганизован и, скорее всего, на грани поражения. К этому времени уже тысячи поляков и литовцев пали на поле боя, некоторые полки были разбиты, а другие колебались. Случись так, благодаря случаю или умению, что король или Великий князь пали бы от стрелы, меча или копья, победа могла бы повернуться к Юнгингену.

Полные потери почти не поддаются точному подсчету: самые старые (и самые низкие) подсчеты оценивают их в восемь тысяч человек с каждой стороны. Для ордена это означало, что в сражении погибла половина его воинов. Тысячи других попали в плен, где большинство из них победители зарубили мечами. Лишь светским рыцарям и командорам сохранили жизнь для последующего выкупа. Те, кто выжил, ошеломленные, измученные, часто израненные и безоружные, пробирались позднее вдалеке от поля битвы, в близлежащих городах и замках.

Ягайло и Витаутас, со своей стороны, были не способны поспешить со своими войсками вглубь Пруссии. Потери победителей были также велики. Войска были измотаны, лошади

измучены. Литовцы сражались много часов подряд. Поляки также страдали от недостатка сна и воды, напряженного ожидания и последовавшей затем отчаянной битвы. Когда немцы побежали, поляки и литовцы преследовали их десять миль, убивая всех, кого успевали настигнуть, и загоняя остальных в болота и леса, обрекая на почти верную смерть. Когда победители вернулись в лагерь, они нуждались в отдыхе. Самые стойкие отправились за добычей, вернувшись позднее столь же уставшие, как и те, кто не мог уже ступить и шагу с поля боя. Тем временем пехотинцы были заняты на поле боя, собирая оружие, деньги, драгоценности и одежды, приканчивая раненых, убивая простых пленных и погребая мертвых в братских могилах. Польско-литовскому войску требовалась короткая передышка, чтобы отдохнуть и отпраздновать победу, быть может, помолиться, позаботиться о раненых и павших товарищах. Татары и другие нерегулярные части рассыпались по окрестностям, чтобы грабить, насиловать, убивать и жечь, распространяя панику, которая мешала организовать оборону.

Заметного сопротивления им не было. Орден потерял так много кастелянов, протекторов, рыцарей и ополченцев, что сражаться было просто некому. Те, кто выжил, искали убежища, где могли, часто совсем не в намеченных пунктах сбора. Сановники ордена, занимавшие высокие посты, пали почти все до одного: Великий магистр, Маршал, Великий Командор, Казначей и двести рыцарей. Марквард фон Зальцбах, бывший чиновник ордена по отношениям с Литвой и – когда-то – друг Витаутаса, был, очевидно, захвачен в плен людьми Ягайло, а затем обезглавлен по приказу Великого князя: он отказался вести себя смиренно и покорно. Высокомерные и гордые до самого конца, не раскаивающиеся в том, что насмехались над добродетелью матери Витаутаса, Марквард и его товарищи ждали, что с ними обойдутся согласно их статусу. Но даже когда их судьба стала ясна, их отвага не поколебалась. Они с самого начала понимали, что нет ничего хорошего в том, чтобы быть *бывшими* друзьями Ягайло и Витаутаса.

Некоторые современники полагали, что Танненберг стал для крестоносцев катастрофой, сравнимой с поражением при Никополисе, но большинство были просто поражены громадными потерями людей, коней и снаряжения. Как говорится далее в летописи Позильге:

> «Армия – как кавалерия, так и пехота – была полностью разбита, потеряв людей, добро и честь. Погибших было больше, чем можно сосчитать. Да сжалится над ними Господь».

Катастрофа была столь абсолютной и окончательной, что размер бедствия современникам было тяжело охватить. Новость распространилась при дворах Германии и Франции, где старики вспоминали приключения своей юности в Литве и с трудом верили в катастрофу. О сражении узнали клирики, епископы и горожане Ливонии, которые не знали, радоваться им или горевать. В Польше и Литве о победе узнали жены и семьи воинов, которые восторгались успехами своих правителей и благодарили небеса за то, что сохранили жизнь их мужьям, братьям и друзьям. Весть о Грюнвальде дошла до соседних владык, которые, возможно, надеялись на другой исход войны, при котором обе противостоящие армии потерпели бы поражение. Все хотели больше информации, особенно объяснения того, как тевтонские рыцари могли потерпеть столь неожиданное поражение. Ответы на эти вопросы были различными. Тевтонские рыцари говорили о предательстве, размерах вражеского войска, неудачных приказах Великого магистра и неудачной тактике. Поляки довольствовались рассказами об отваге, воинском умении их армии, хорошем командовании и Божьем благоволении.

Пропагандисты ордена усердно старались убедить современников, что катастрофа не столь глобальна, как кажется, что она – суть дело рук дьявола и его приспешников – язычников и схизматиков, и более всего – что в ней виновны *сарацины*. Кроме того, они заявляли, что теперь еще более чем когда-то требуются крестоносцы в Пруссии, чтобы продолжить дело Господа. Польские пропагандисты также не покладая рук добивались признания своей версии событий, но им недоставало долговременных контактов в Западной Европе, которые были у ордена благодаря многочисленным *Reisen*. Похвалы Ягайло и его рыцарям пробуждали скорее сочувствие к разгромленному ордену, что было не в интересах Польши. После первого впечатления от новостей, после первых трудных месяцев, в европейских дворах стала

преобладать трактовка событий, более благоприятная для ордена.

Современный читатель, отделенный от тех дней шестью столетиями, события которых уменьшают масштабы этой битвы при Танненберге, но не изгоняют ее из людской памяти, вряд ли знает, как понять негативное отношение к тевтонским рыцарям. Сравнения с кайзеровской Германией 1914 года или с гитлеровским Рейхом неоправданы, хотя немцы, жившие в те времена, думали о своих действиях как о национальном отмщении за поражение 1410 года. В контексте событий XX века возникает искушение сказать, что современники Грюнвальдской битвы были правы, утверждая, что в мире существует Божий суд. Приходя к заключению, что тевтонские рыцари заплатили поражением за то, что жили мечом и гордились своим высокомерием, современники легко находили предостережения в Библии: поражение при Грюнвальде стало Господним наказанием Тевтонского ордена за его возмутительное поведение. Гордость его вознеслась слишком высоко, Юнгинген воплощал повсеместно признаваемую склонность членов ордена к гордыне и гневу – и падение его было неизбежным.

Недостатки подобного метода оправдания и подтверждения прошедших событий очевидны: если победа на поле боя отражает волю Господа, тогда татарское владычество в степи и их набеги на польские и литовские границы – также отражение высшей справедливости: Бог наказывает королей, жертвуя тысячами невинных. Эта доктрина Старого Завета с трудом укладывается в рамки Нового. Так не будем же блуждать в туманных просторах популярной психологии или в темных дебрях религиозного национализма, но вернемся к несколько более ясному миру летописей и личных писем.

Борьба мнений современных историков о Грюнвальдской битве и ее последствиях представляет интересный, хотя и запутанный предмет для чтения. Несколько утрируя, можно сказать, что в 60-х годах XX века работы ученых отражали скорее национальные интересы, чем реальные факты. С той поры историки с обеих сторон стали как более вежливы, так и менее уверены в своей непогрешимости. Археологические исследования проливают определенный свет на факты сражения, давая надежду, что проблемы, оставленные литературными источниками, могут быть решены. Политизированные подходы, с которыми описывали все исторические события в Польше и Германии, исчезли вместе с партиями, которые раздували их, так что наконец стало возможным спокойно обсуждать события минувших веков. Самое важное, что с падением коммунистической системы польские и немецкие историки стали относиться друг к другу с терпимостью достаточной, чтобы со вниманием рассматривать чужие идеи. Так что есть причина надеяться, что однажды мы сможем прийти к согласию относительно того, что же произошло на поле у Танненберга и что это значило на самом деле.

Глава одиннадцатая
Долгий упадок и конец ордена в Прибалтике

Последствия Грюнвальдской битвы

После трехдневного отдыха Ягайло отдал своим войскам приказ двинуться на север. Он не спешил. Этот король вообще никогда не спешил. Тем не менее он не дал себя отвлечь возможностью занимать города и замки, которые были готовы легко сдаться, но неторопливо направился прямо к Мариенбургу. Если бы Ягайло овладел этой крепостью, он был бы в состоянии оккупировать и всю остальную Пруссию. Итак к нему уже торопились светские рыцари и горожане, изъявляя свое желание стать польскими подданными, если им сохранят их прошлые права и привилегии. Гарнизоны замков, часто не получавших приказов сражаться, либо не имевших достаточно людей, чтобы выполнить такой приказ, сдавались на милость победителей. Кастеляны, попытавшиеся оказать сопротивление, как в Остероде, Кристбурге, Эльбинге, Торне и Кульме, были изгнаны местными горожанами, сдававшими города. Казалось, нет никакого смысла сопротивляться неизбежному. Даже епископы Эрмлянда, Кульма, Помезании и Самландии поспешили к Ягайло признать его своим господином. Менее знатные люди, охваченные духом пораженчества, следовали их примеру. Канцелярия Ягайло

едва успевала издавать документы, определяющие права и обязанности новых вассалов.

Король отправил своих людей найти тело Ульриха фон Юнгингена и отвезти его в Остероде для захоронения. Позднее тело павшего Великого магистра было перевезено в Мариенбург, где и было погребено рядом с его предшественниками в часовне Св. Анны.

Генрих фон Плауэн

Ягайло и Витаутас добились триумфа, о котором едва смели мечтать. Их дед когда-то претендовал на реку Алле, которая более или менее обозначала границу между заселенными землями вдоль побережья и безлюдными местами к юго-востоку на литовской границе. Теперь же, казалось, Витаутас мог претендовать на все земли к востоку от Вислы. Ягайло был готов к осуществлению старых польских притязаний на Кульм и Западную Пруссию. Однако именно в тот момент, когда победители праздновали свой оказавшийся кратковременным успех, среди тевтонских рыцарей нашелся единственный человек, чьи качества лидера и твердая воля сравнялись бы с их собственными – Генрих фон Плауэн. Ничто в его прошлой биографии не предвещало, что он станет кем-то большим, чем простым кастеляном. Но он был из тех, кто неожиданно проявляется и возвышается в периоды кризисов. Фон Плауэну было сорок лет, когда он прибыл как светский крестоносец в Пруссию из Фогтлянда, что располагался между Тюрингией и Саксонией.

На него столь большое впечатление произвели монахи-воины, что он принял их обеты бедности, целомудрия, послушания и войны против врагов Церкви. Благородное происхождение обеспечило ему офицерскую должность, и после длительной службы он был назначен комендантом замка Шветц. Этот крупный пункт находился на западном берегу Вислы к северу от Кульма и имел важное значение для защиты границ Западной Пруссии от набегов.

Когда фон Плауэн узнал о размерах поражения, постигшего орден, он единственный из оставшихся кастелянов принял на себя ответственность, выходящую за рамки обычной службы: он приказал подчиненным ему трем тысячам воинов выступить в Мариенбург, чтобы укрепить гарнизон крепости до того, как туда подойдут польские войска. Ничто другое для него в тот момент не имело значения. Если Ягайло решит повернуть на Шветц и захватит его – пусть. Своим долгом фон Плауэн считал спасение Пруссии – а это означало защитить Мариенбург, не заботясь о меньших замках.

Ни опыт, ни предыдущая служба фон Плауэна не готовили его к такому решению, ведь он брал на себя огромную ответственность и всю полноту власти. Тевтонские рыцари гордились своим неукоснительным подчинением приказам, а в тот момент было неясно, спасся ли кто-то из старших по рангу офицеров ордена. Однако в этой ситуации послушание оказалось принципом, обернувшимся против самих рыцарей: офицеры ордена не были приучены выходить за рамки данных им инструкций, особенно не рассуждать и не принимать

самостоятельных решений. В ордене редко приходилось спешить – всегда было время подробно обсудить возникающие проблемы, посоветоваться с капитулом или советом командоров и прийти к общему взаимопониманию. Даже самые самоуверенные Великие магистры советовались со своими рыцарями по военным вопросам. Теперь же для этого не было времени. Эта традиция ордена парализовала действия всех уцелевших офицеров, ожидавших приказов или возможности обсудить свои действия с другими. Всех, но не фон Плауэна.

Генрих фон Плауэн начал отдавать приказы: командорам крепостей, находившихся под угрозой нападения,– «Сопротивляться!», морякам в Данциге – «Явиться к Мариенбургу!», ливонскому магистру – «Как можно скорее послать войска!», немецкому магистру – «Набрать наемников и отправить их на восток!». Традиция послушания и привычка подчиняться приказам оказались столь сильны в ордене, что его приказы выполняли!!! Произошло чудо: повсюду усилилось сопротивление. Когда первые польские разведчики приблизились к Мариенбургу, они обнаружили гарнизон крепости на стенах, готовым сражаться.

Фон Плауэн собирал людей отовсюду, откуда только мог. В его распоряжении был небольшой гарнизон Мариенбурга, его собственный отряд из Шветца, моряки из Данцига, светские рыцари и ополчение Мариенбурга. То, что горожане были готовы помогать защищать крепость, было результатом действий фон Плауэна. Один из первых его приказов был: «Сжечь дотла город и пригороды!». Это лишило поляков и литовцев укрытий и припасов, предотвратило распыление сил на защиту стен города и расчистило подступы к замку. Возможно, моральное значение его решительного поступка имело еще большее значение: такой приказ показал, как далеко фон Плауэн готов пойти для защиты замка.

Уцелевшие рыцари, их светские собратья и горожане начали приходить в себя от шока, в который их привело поражение. После того как первые польские разведчики ретировались из-под стен замка, люди Плауэна собрали внутрь стен хлеб, сыр и пиво, пригнали скот, привезли сено. Были приготовлены пушки на стенах, расчищены секторы обстрела. Нашлось время, чтобы обсудить планы обороны крепости против возможных атак. Когда 25 июля подошло основное королевское войско, гарнизон уже собрал припасов на 8-10 недель осады. Этих припасов так не хватало польско-литовской армии!

Жизненно важным для обороны замка было состояние духа ее командующего. Его гений импровизации, желание победы и неутолимая жажда мщения передались гарнизону. Эти черты характера, возможно, раньше мешали его карьере – яркий характер и нетерпимость к некомпетентности не ценятся в армии в мирное время. Однако в тот критический момент именно эти черты фон Плауэна оказались востребованы.

Он писал в Германию:

> «Всем князьям, баронам, рыцарям и воинам и всем прочим добрым христианам, кто прочтет это письмо. Мы, брат Генрих фон Плауэн, кастелян Шветца, действующий на месте Великого магистра Тевтонского ордена в Пруссии, сообщаем вам, что король Польский и князь Витаутас с великим войском и неверными сарацинами осадили Мариенбург. В обороне его заняты все силы ордена. Мы просим вас, пресветлые и благородные господа, позволить вашим подданным, кто пожелает помочь нам и защитить нас во имя любви Господней и всего христианства ради спасения души или ради денег, прийти нам на помощь как можно скорее, чтобы мы могли изгнать наших врагов».

Призыв Плауэна о помощи против «сарацин», возможно, был гиперболой (хотя некоторые из татар и были мусульманами), но тем не менее апеллировал к анти-польским настроениям и побуждал к действию немецкого магистра. Рыцари начали собираться у Ноймарка, где бывший протектор Самогитии Михель Кюхмайстер сохранил значительные силы. Офицеры ордена спешно рассылали извещения, что орден готов принять на военную службу любого, кто сможет приступить к ней немедленно.

Ягайло надеялся, что Мариенбург быстро капитулирует. Повсюду в других местах деморализованные войска ордена сдавались в плен при малейшей угрозе. Гарнизон

Мариенбурга, убеждал себя король, поступит так же. Однако, когда крепость, вопреки ожиданию, не капитулировала, королю пришлось выбирать между плохим и худшим. Он не хотел идти на приступ, но отступление стало бы признанием поражения. Так что Ягайло приказал начать осаду, ожидая, что защитники сдадутся: сочетание страха смерти и надежды на спасение было серьезным стимулом для почетной капитуляции. Но король быстро обнаружил, что у него не хватает сил осаждать столь большую и хорошо спроектированную крепость, как Мариенбург, и одновременно посылать к другим городам войска в количестве, чтобы те капитулировали. В распоряжении Ягайло не было и осадных орудий – он не приказал вовремя отправить их вниз по Висле. Чем дольше его войско стояло под стенами Мариенбурга, тем больше времени было у тевтонских рыцарей, чтобы организовать оборону других крепостей. Трудно судить короля-победителя за его ошибки в расчетах (что бы сказали историки, если бы он не попытался ударить прямо в сердце ордена?), но его осада провалилась. Польские войска восемь недель пытались взять стены замка, используя катапульты и пушки, снятые со стен близлежащих крепостей. Литовские фуражиры жгли и разоряли окрестности, щадя только те владения, где горожане и знать поспешили предоставить им пушки и порох, еду и фураж. Татарская конница носилась по Пруссии, подтверждая во всеобщем мнении, что репутация свирепых варваров ею вполне заслужена. Польские войска вошли в Западную Пруссию, захватив много замков, оставшихся без гарнизонов: Шветц, Меве, Диршау, Тухель, Бютов и Кенитц. Но жизненно важные центры Пруссии – Кенигсберг и Мариенбург остались в руках ордена. В литовских войсках вспыхнула дизентерия (слишком много непривычно хорошей еды), и наконец Витаутас заявил, что уводит свою армию домой. Однако Ягайло был исполнен решимости оставаться, пока не возьмет замок и не захватит его командующего. Ягайло отказался от предложений мирного договора, требуя предварительной сдачи Мариенбурга. Король был уверен, что еще немного терпения, и в его руках будет полная победа.

Тем временем войска ордена уже двигались в Пруссию. Ливонские отряды подошли к Кенигсбергу, высвободив силы Прусского ордена, находившиеся там. Это помогло опровергнуть обвинения в измене: ливонских рыцарей порицали за то, что они не нарушили договор с Витаутасом и не вторглись в Литву. Это, возможно, заставило бы Витаутаса послать войска для защиты границы. На западе венгерские и немецкие наемники спешили в Ноймарк, где Михель Кюхмайстер формировал из них армию. Этот офицер до сих пор оставался пассивным, слишком беспокоясь о взаимоотношениях с местной знатью, и не рисковал выступать против Польши, но в августе он направил небольшое войско против отряда поляков, примерно равного по численности силам Кюхмайстера, одолел их и захватил вражеского командующего. Затем Кюхмайстер двинулся на восток, освобождая один город за другим. К концу сентября он очистил Западную Пруссию от вражеских войск.

К этому времени Ягайло уже был не в силах продолжать осаду. Мариенбург оставался неприступным, пока его гарнизон сохранял свой боевой дух, а фон Плауэн заботился о том, чтобы его наспех собранные войска сохраняли желание сражаться. Более того, гарнизон замка был воодушевлен уходом литовцев и новостями о победах ордена. Так что, хотя запасы и истощались, осажденные черпали свой оптимизм из добрых вестей. Их подбадривало и то, что их ганзейские союзники контролируют реки. Тем временем польские рыцари побуждали короля возвращаться домой – срок, который они должны были служить по своим вассальным обязанностям, давно истек. В польской армии не хватало припасов, среди воинов начались болезни. В конце концов, Ягайло не оставалось ничего иного, кроме как признать, что средства защиты по-прежнему торжествуют над средствами нападения: кирпичную крепость, окруженную водными преградами, можно было взять лишь длительной осадой, и даже тогда, вероятно, лишь с помощью счастливого стечения обстоятельств или предательства. У Ягайло же в тот момент не было ни сил, ни провианта для продолжения осады, да и в будущем не было на это надежды.

После восьми недель осады, 19 сентября, король дал приказ к отступлению. Он возвел хорошо укрепленную крепость возле Штума, к югу от Мариенбурга, снабдил ее многочисленным гарнизоном из своих лучших войск и собрал там все припасы, что мог набрать по окрестным землям. После чего Ягайло приказал сжечь все поля и амбары вокруг новой крепости, чтобы затруднить тевтонским рыцарям сбор провианта для осады. Удерживая

крепость в самом сердце Пруссии, король надеялся оказывать давление на своих врагов. Существование крепости также должно было ободрить и защитить тех из горожан и землевладельцев, которые перешли на его сторону. По пути в Польшу он остановился у гробницы Святой Доротеи в Мариенвердере, чтобы помолиться. Ягайло нынче был очень набожным христианином. Помимо набожности, сомнения в которой возникали из-за его языческого и православного прошлого и которые Ягайло старался всячески искоренить, ему нужно было продемонстрировать общественности, что он использовал православные и мусульманские войска лишь как наемников.

Когда польские войска отступили из Пруссии, история повторилась. Почти за два века до этого именно поляки несли на себе бремя значительной части сражений, но тевтонские рыцари постепенно завладели этими землями потому, что как тогда, так и теперь слишком мало польских рыцарей желало остаться в Пруссии и защищать ее для своего короля. У рыцарей ордена терпения было больше: благодаря этому они пережили катастрофу при Танненберге.

Плауэн отдал приказ преследовать отступающую вражескую армию. Ливонские войска двинулись первыми, осадив Эльбинг и вынудив горожан сдаться, затем направились на юг в Кульм и овладели там большинством городов. Кастелян Рагнита, чьи войска контролировали Самогитию во время Грюнвальдской битвы, направился через центральную Пруссию к Остероде, один за другим захватывая замки и изгоняя с земель ордена последних поляков. К концу октября фон Плауэн вернул почти все города, кроме Торна, Нессау, Рехдена и Страсбурга, находящиеся прямо на границе. Даже Штум был взят после трехнедельной осады: гарнизон сдал замок в обмен на право свободного возвращения в Польшу со всем имуществом. Худшие дни рыцарей, казалось, миновали. Фон Плауэн спас орден в самый отчаянный момент. Его отвага и целеустремленность вдохнули эти же чувства в остальных рыцарей, превратив деморализованные остатки уцелевших в проигранном сражении людей в настроенных на победу воинов. Фон Плауэн не верил, что единственная проигранная битва определит историю ордена, и убедил многих в окончательной будущей победе.

Помощь с запада также подоспела на удивление быстро. Сигизмунд объявил войну Ягайло и отправил к южным границам Польши войска, которые не позволили многим польским рыцарям присоединиться в армии Ягайло. Сигизмунд хотел, чтобы орден оставался угрозой для северных провинций Польши и его союзником в будущем. Именно в этом духе он ранее договаривался с Ульрихом фон Юнгингеном: что никто из них не заключит мир с кем-то еще, не посоветовавшись с другим. Амбиции Сигизмунда распространялись на императорскую корону, и он желал выказать себя перед немецкими князьями как твердого защитника немецких сообществ и земель. Превысив законную власть, как это и должен был сделать подлинный лидер в кризисной ситуации, он созвал выборщиков императора во Франкфурте-на-Майне и убедил их немедленно послать помощь в Пруссию. Большей частью эти действия со стороны Сигизмунда были, конечно, игрой – он был заинтересован в избрании его королем Германии, и это был первый шаг на пути к императорскому трону.

Самая действенная помощь пришла из Богемии. Это было удивительно, так как король Венцеслас изначально не выказывал интереса к спасению ордена. Хотя новости о

Грюнвальдской битве достигли Праги уже через неделю после сражения, он ничего не предпринял. Такое поведение было типичным для Венцесласа, который часто оказывался в запое именно тогда, когда нужно было принимать решения, и даже в трезвом виде он не слишком интересовался своими королевскими обязанностями. Лишь после того как представители ордена проницательно одарили щедрыми подношениями королевских любовниц, пообещали выплаты безденежным представителям знати и наемникам и, наконец, сделали королю предложение, по которому Пруссия становилась подчиненной Богемии, этот монарх начал действовать. Венцеслас неожиданно пожелал, чтобы его подданные отправились на войну в Пруссию, и даже ссудил дипломатам ордена свыше восьми тысяч марок на оплату услуг наемников.

Прусское государство было спасено. Помимо потерь в людях и имуществе, которые со временем должны были восстановиться, Тевтонский орден, казалось, не особенно сильно пострадал. Его престижу был, конечно, нанесен урон, но Генрих фон Плауэн отвоевал большинство замков и изгнал врагов за границы орденских земель. Позднейшие поколения

историков рассматривали поражение в Грюнвальдской битве, как смертельную рану, от которой орден постепенно истек кровью. Но в октябре 1410 года такое развитие событий казалось маловероятным.

Значение Грюнвальдской битвы

Следующее сражение нужно было вести за общественное мнение. Генрих фон Плауэн пытался разъяснить знати в Германии и Франции, Сигизмунду и Венцеласу, трем прелатам, которые претендовали на папскую тиару, что же произошло под Танненбергом. Ему требовалась правдоподобная история, которую он мог противопоставить польской пропаганде, уже активно ведущейся представителями Ягайло. Эта версия должна была объяснить поражение, не нанеся урона чести рыцарей ордена и подчеркнув уверенность в будущей победе. Фон Плауэн не мог сказать, что поляки оказались лучшими воинами, или что ими лучше командовали, или даже то, что врагов было слишком много. Он предпочел говорить об «ударе в спину» (версия, повторенная после 1918 года, хотя логики в этом тогда было еще меньше), который нанесли светские рыцари польского происхождения; он обвинил членов Лиги Дракона[78] в том, что они опустили свои знамена и бежали, тем самым вызвав панику в рядах крестоносцев.

Юнгинген, как утверждалось, «пал смертью храбрых», пытаясь переломить последствия этой измены. Таким образом, родилась теория заговора, которая отравляла немецкую историографию вплоть до 1945 года.

Для некоторых влиятельных правителей и церковников последствия Грюнвальда были слишком ясны. Для них это была долгожданная возможность лишить гордых рыцарей ордена денег и привилегий. Оппортунист Венцеслас, который десятилетиями демонстрировал свое непостоянство, еще раз показал, что он «политический флюгер». Не более надежным был и Сигизмунд. Оба они поддерживали Великого магистра до тех пор, пока эта поддержка наполняла золотом их сундуки. Но у фон Плауэна не было неистощимой казны. Поэтому он неизбежно должен был взимать дополнительные налоги с провинций и городов, совсем недавно разоренных вражеским нашествием. В первое время он получал значительную поддержку, отчасти потому, что многие желали избегнуть подозрения в измене, отчасти потому, что люди понимали, что без этих сборов фон Плауэн не может рассчитывать на продолжение помощи из-за рубежа. Но такое состояние не могло продолжаться долго: люди не могли давать то, чего у них нет.

У фон Плауэна было много дел. Теперь, когда он изгнал польско-литовское войско из Пруссии, ему нужно было реорганизовать нарушенную экономику, восстановить ряды ордена, назначать новых сановников и убеждать правителей Европы, что орден остается силой, с которой следует считаться. Если бы он смог одержать военную победу, он мог бы достичь разом всех этих целей и ему не пришлось бы покупать ничью дружбу. Однако такая победа была проблематичной, потому что его подчиненные были уверены, что Пруссия нуждается в мирной передышке.

Фон Плауэн приказал силам ордена собраться в Западной Пруссии для вторжения в Польшу, но, когда с ним случился приступ болезни, его подчиненные сместили и арестовали его. Заговорщики спешно созвали Великий Капитул, запугали его участников и избрали Великим магистром Кюхмайстера, который получил инструкции распустить наемников и начать переговоры с польским королем о «вечном» мире. Эта политика оказалась ошибкой. Война, которую хотели предотвратить заговорщики, вскоре обрушилась на них. Неуклюжие попытки Кюхмайстера вести тонкую и гибкую дипломатию были легко парированы Ягайло, который, разоружив своих врагов, принудил их затем к покорности. Условия Первого Торнского договора (1411 г.) были намного жестче, чем те, что Ягайло предлагал фон Плауэну. Танненберг не обернулся незамедлительной гибелью ордена, но необходимость содержать многочисленных наемников, постоянно готовых к войне, постепенно истощила финансовые

[78] Монашеский рыцарский орден в Кульме.

ресурсы, которые до той поры десятилетиями поддерживали в строю военную машину ордена. Дорога в будущее для тевтонских рыцарей отныне вела вниз.

Век упадка

Что же произошло с Тевтонским орденом после поражения под Танненбергом? Конечно, к упадку этого государства привело нечто гораздо большее, чем поражение рыцарей превосходящими силами противника, большее, чем личные ошибки людей, стоявших во главе ордена, большее, чем просто действие закона инерции. Внутри самого ордена существовали причины, которые непосредственно привели его к упадку.

Во-первых, в критический момент многие офицеры, которые никогда бы не делали карьеру в другое время, были вынуждены взять в свои руки управление в тех сферах, что ранее управлялись из центра. Прекратились контрольные проверки ревизоров ордена, и со временем офицеры, привыкнув действовать самостоятельно, стали отвергать приказы из Мариенбурга, которые ограничивали их автономию. Не стоит даже говорить о том, что в последовавшие после Грюнвальда годы эти посты занимали либо слишком молодые, либо слишком старые офицеры, часто прибывшие из других провинций. Стали возникать фракции, часто на основе землячества – баварцы и австрийцы не доверяли рейнцам и наоборот. Авторитет Великого магистра был подорван успешными заговорами, так что кастеляны и протекторы чувствовали себя правыми в своем сопротивлении малейшим реформам, направленным на восстановление его власти над монастырями ордена. Рыцари ордена уже не могли похваляться неукоснительным подчинением приказам, ибо для показного смирения и скрываемой гордыни больше не было оснований.

Во-вторых, навязчивой идеей стала церковная реформа. В эпоху, когда верили, что Господь судит организации и государства за моральные грехи народов и их руководителей, для тевтонских рыцарей логично было прийти к заключению, что поражения при Танненберге и после него были наказанием за неспособность жить согласно обетам бедности, целомудрия и послушания. Многим современным читателям эта мысль покажется странной, кроме того момента, что жизнь в пирах и охотах не могла не повлиять на исполнение обязанностей, на воинскую подготовку, а также могла настроить подданных против своих господ так, что они при первой же возможности постарались поменять хозяев. Нет доказательств того, что ситуация была такова до 1410 года. Гости ордена находили Пруссию образцовым государством. Смертным грехом рыцарей ордена накануне Танненберга была гордыня. Жалобы на плохое управление стали накапливаться после, когда отчаянно нуждающиеся в средствах кастеляны и протекторы год за годом собирали чрезмерные налоги, понуждали подданных к чрезмерной барщине и высокомерно отвергали любые просьбы о справедливости и милосердии.

В-третьих, государство, находящееся в упадке, редко функционирует хорошо. Орден не был исключением, и реформа монастырей практически не распутывала этот клубок проблем. Быть может, больше молитв или больший акцент на соблюдении обета целомудрия и приводят к лучшему обращению с подданными, но эту связь трудно продемонстрировать. Когда тевтонских рыцарей сравнивают с современными им церковнослужителями, можно ли сказать, что офицеры ордена были *чрезвычайно* грешны? Или что они были более заносчивыми и жестокими правителями, чем их светские соседи?

За исключением последнего (Альбрехта фон Гогенцоллерна), Великие магистры оставались верны своим монашеским обетам, набожны и аскетичны. Конечно, их личного примера было мало, чтобы удержать офицеров и других членов ордена в узких рамках, предписанных Уставом, но большинство в ордене также должны были поддерживать их усилия по соблюдению статутов и традиций. В конце концов, рыцари, капелланы и сержанты раз за разом избирали на Великом Капитуле Великих магистров, выступавших за реформы в ордене. Хотя рыцарственные «приманки» в ордене давно уже больше бросались в глаза окружающим, чем то, что орден был монастырской организацией, Римская католическая церковь никогда не считала, что помпезность и торжественные церемонии несовместимы с религиозными функциями. И сегодня даже на самого решительно настроенного протестанта огромное впечатление может произвести папская месса в Ватикане. В Средние века же делался гораздо

больший акцент на церемонии празднования, публичные молитвы. Сегодня трудно представить себе, что глава государства приказывал всему населению своей страны молиться за успех его дипломатов и сам выстаивал день за днем длительные службы (а народ добровольно делал то же самое!).

Настоящей проблемой было то, что Великие магистры издавали эдикты, которые не выполнялись или не имели отношения к реальным проблемам, стоявшим перед кастелянами или протекторами. Это не значит, что орденские монастыри заполонили женщины или прочие «миряне», но однообразие и дисциплина, которыми когда-то гордился орден, канули в Лету. Когда военные катастрофы следуют одна за другой, офицерам трудно держать в узде своих людей, а особенно наемников. Когда выпивка и прочие излишества стали обыкновением, в монастырях ордена началось падение морали, сопровождаемое насмешками общества. Религиозное сообщество могло лишь защищаться, неспособное взять верх убеждением или силой. Решением проблемы с дисциплиной были бы длительный мир, восстановление финансового благополучия в стране и отыскание новой военной задачи, которая заняла бы рыцарей, одновременно духовно вознаграждая их.

В-четвертых, численность рыцарей в ордене уменьшалась. Население Европы медленно восстанавливалось после чумы, и теперь было гораздо меньше молодых представителей из мелкой и средней знати, ищущих религиозного служения. Что еще более важно, престиж ордена упал слишком низко, чтобы привлекать хороших новобранцев. Это еще не было катастрофой, как было бы веком раньше: изменения в военной тактике сделали рыцарей менее полезными на поле боя, чем наемников. Катастрофическим было влияние этого на мораль. Самые успешные армии XV века состояли из наемников, мужчин в цвете лет, нанимаемых на короткое время, а затем распускаемых. Такие армии доказали свою способность одерживать верх над дворянской конницей, толпами вооруженных крестьян-пехотинцев и стареющими рыцарями, которые когда-то были грозными воинами. Более того, солдаты (от немецкого *Sold* – плата) хотели воевать столько, сколько потребуется, лишь бы им платили. Наемники уже стали обычным зрелищем в Пруссии, а теперь их невозможно было распустить. Немногочисленные братья-рыцари теперь служили лишь как офицеры, командуя наемными войсками, дворянским ополчением и военными специалистами – канонирами, инженерами и квартирмейстерами. Так как денег постоянно не хватало, Великие магистры предпочитали тратить их на наемников и снаряжение, а не на благородных всадников. Рыцари чувствовали, что их роль меняется, и отнюдь не всем это было по душе. Мало кто из них легко вписался бы в образ рыцаря, сложившегося 250 лет назад. Они не годились и для будущего.

В-пятых, ордену требовалось гораздо больше денег, чем раньше. Купеческая олигархия в городах и рыцари в сельских поместьях осознавали свое растущее значение и сопротивлялись обязательствам, которые накладывал на них орден, особенно когда речь шла о военной службе и налогах, выступали против ограничений их роли в судопроизводстве и внешней политике. Пока орден защищал интересы купцов против конкурентов и пиратов, города жаловались вполголоса, но после Танненберга им приходилось платить все больше и больше денег, получая при этом все меньше и меньше защиты. По крайней мере, они хотели иметь право голоса во внешней политике. Точно так же дело обстояло и с местной знатью. Шаг за шагом Великие магистры уступали протестующим подданным, пока не остались перед выбором: либо дать Прусской Лиге полноправное участие в управлении посредством какого-либо рода ассамблеи, либо попытаться подавить протест городов и светской знати. В 1454 году Великий магистр Эрлихсхаузен выбрал последнее – и с катастрофическим результатом.

Эти основные причины внутреннего упадка не до конца объясняют, почему же Пруссия так низко пала. Для объяснения этого явления нам нужно заглянуть за узкие пределы Прибалтики и рассмотреть глобальные проблемы, которые в это время потрясали Европу.

В первую очередь отметим, что падение авторитета Великих магистров в ордене не было уникальной местной проблемой. Неспособность главы государства или организации воспользоваться своей номинальной властью была характерна для Священной Римской империи и Польского королевства, Римской католической церкви и Великого княжества Литовского, объединенных королевств Скандинавии и т. д. Повсюду люди из нижних слоев общества оспаривали право высших слоев устанавливать свои порядки. Повсюду, на каждом

уровне, отдельные люди и группы пытались отнять власть у тех, кто выше их. Картина колеса Фортуны иллюстрирует проблему каждого правителя: монарх восседает на свободно вращающемся колесе, его руки заняты скипетром и державой, на голове высокая корона, а на плечах роскошная мантия. Но баланс слишком неустойчив, легкое дуновение ветра нарушает равновесие – и вот уже он падает с высот власти в бездну отчаяния и унижения.

Во-вторых, изменились цели крестовых походов. Пока литовцы, хотя бы самогиты, оставались язычниками, существовало религиозное обоснование крестового похода в Прибалтике, возглавляемого Тевтонским орденом. Однако когда литовский князь Ягайло стал Ладиславом Ягелло, королем Польским, а Витаутас был крещен и отправил на Констанцский собор своих делегатов, провозгласивших, что Самогития перешла в католическую веру, представителям Великого магистра стало крайне трудно убеждать европейских рыцарей в том, что операции ордена в Литве были крестовым походом, что война с Польшей была справедливой и что европейские рыцари должны добровольно предоставить свои услуги и пожертвовать своим состоянием ради этих авантюр. Доверенным лицам ордена в курии также все труднее было традиционными аргументами убеждать пап поддерживать орден.

Основная опасность для христианства в это время находилась на Балканах. Турки продолжали продвигаться вглубь христианских земель, или, по крайней мере, всем так казалось. Быть может, они были больше заинтересованы в угоне пленников и скота, чем в захвате новых провинций, но это служило слабым утешением тем, кто попадал в их руки. Исламские завоевания в XIV веке испугали тех, кто традиционно поддерживал крестовые походы, а теперь был не в состоянии защитить свои владения в Греции и кто уже предвидел падение древних христианских королевств к югу от Венгрии. Великий крестовый поход 1396 года, который, как надеялись, обратит нашествие турков вспять, закончился катастрофой под Никополем. Насколько оказавшееся фатальным презрение французских рыцарей к своим противникам было обусловлено опытом походов в Самогитии, можно только гадать: литовцы считались хорошими воинами, в своих лесах и болотах они не уступали европейцам и оценивались почти так же высоко, как татары. И все же крестоносцы раз за разом наносили самогитийским язычникам поражения. Было ли это доказательством того, что западные крестоносцы справятся и с турками, и их славянскими союзниками? Увы, как оказалось, нет. После Никополиса французы уже не посылали крупных экспедиций в Пруссию. Они оставили северные крестовые походы немцам. Теперь эти походы возглавлял присмиревший организатор никопольской авантюры Сигизмунд, король Венгрии. Позднее его сменил император Священной Римской империи, чей единственный интерес в крестовых походах (насколько он вообще мог сосредоточиться на какой-либо одной проблеме) заключался в том, чтобы защитить свое королевство от турецкой угрозы и сокрушить гуситских мятежников в Богемии[79].

Тевтонский орден поставлял множество воинов для походов Сигизмунда против гуситов, но почти всегда эти походы терпели поражение. Сигизмунда мало интересовали мелкие пограничные войны ордена, разве только как средство оказания давления на Ягайло, у которого он оспаривал контроль над Силезией и Богемией.

Третьей опасностью были ереси. Гуситы в Богемии не только защищались от немецких и венгерских войск Сигизмунда, но и переходили в наступление. Орденской собственности в Германии и Богемии они нанесли немалый урон. Так в борьбе с гуситскими еретиками и турками истощалось движение крестоносцев в Центральной Европе. Сил на войну с христианскими народами Литвы и Польши у них уже не оставалось.

В-четвертых, среди населения Европы в целом распространялось настроение упадка и депрессии, ощущение неминуемого краха любых начинаний. Даже успехи были, казалось, преходящи и тщетны. Иоганн Хейзинге назвал эту эпоху «Осень Средневековья» и сравнил ее со старческой дряхлостью. И конечно, в эти годы уже куда меньше благородных господ было готово пожертвовать комфортом ради религиозного служения, еще меньше желало

---

79 Гуситов можно рассматривать как ранних протестантов, так как они делали упор на причащении хлебом и вином и на исполнении церковной службы на местном языке. Но они также были чешскими националистами и сопротивлялись немецкому влиянию в Богемии.

путешествовать куда-то в далекие и холодные леса Самогитии, чтобы рисковать жизнью. Разговоры заменили дела, театр заменил служение. Зачем все? Существует ли надежда добиться хоть чего-либо? Мир был в сомнении, полон подозрений и цинизма. Если что-то и стоило делать, то действовать нужно было против турков. Но даже там Господь, казалось, был не на стороне христиан.

Рыцарство еще не умерло, и именно оно долго служило двигателем крестовых походов в Самогитии. Но рыцарство уже «перегрелось»: его составные части сплавились, и все остановилось. Те аспекты, в которых рыцарство еще продолжало существовать, становились дорогостоящей формой похвальбы, которую могли позволить себе только самые знатные лорды. Рыцарство уже было не по карману тем дворянам, что сопровождали князей в Пруссии, и никто из князей не желал состязаться с Альбрехтом Австрийским, чьи расходы в 1377 году были просто небывалыми. Ордену тоже не хватало денег, чтобы устраивать щедрые приемы, согласно новым меркам. То, что было роскошью в XIV веке, стало бедностью в веке XV, и состояние Великих магистров не достигало даже старых мерок. Никто не желал совершать крестовый поход в условиях недостаточно комфортабельных, но мало кто мог позволить себе совершать поход как богатый человек.

Короче говоря, крестовые походы перестали быть захватывающим приключением. Экстравагантность в поведении, восхищение авантюрами и поиски славы, что характеризовало рыцарство ушедшего века, исчезли. *Reisen* в Самогитии, как ничто другое, объединяли в себе азарт охоты, опасности войны и путешествия, наполненные приключениями, блестящие развлечения и празднества. Теперь же крестоносцы не могли вторгаться в Литву, чтобы в набегах жечь деревни, а сил для открытого сражения уже не хватало. Они даже не могли ставить рыцарские спектакли, что были в моде от Бургундии до Италии[80]. Ничего подобного не могли предложить и другие крестовые походы. Так что потенциальные крестоносцы сидели по домам и вспоминали старые истории.

Упадок Пруссии как государства остался вне сферы интересов Великих магистров. Впрочем, он даже не слишком волновал немецкие монастыри Ордена. Хотя они часто обсуждали происходящее и давали многочисленные советы, но не предоставляли ни воинов, ни денег – а без этого, что толку было в их советах?! Новым занятием ордена в Германии была поддержка императора во всех его авантюрах. Крестовый поход в Пруссии пришел к концу – это стало фактом. Тевтонские рыцари стали не нужны там. Дело было только за наглядным подтверждением этого факта.

Тринадцатилетняя Война

В 1449 году Великий Капитул избрал Великим магистром ордена Людовика фон Эрлихсхаузена. Желавший объединить под своей властью Пруссию, Эрлихсхаузен был уверен, что проблема ордена – не в отсутствии средств, а в отсутствии воли. Чувствуя (и совершенно правильно), что Прусская Лига главный его противник на тот момент, он последовал примеру наиболее успешных немецких князей, пытаясь обуздать, а, если повезет, то и сокрушить ее самых влиятельных членов. Его не только поддерживали, его просто подталкивали к этому высшие офицеры ордена. Эрлихсхаузена оскорблял не только тон, с которым выступали представители Лиги с требованием отменить чрезвычайные налоги на торговлю, но и то, что они настаивали, чтобы Великий магистр отозвал из Ассамблеи своего юриста, весьма эффективно действовавшего во благо ордена. Эрлихсхаузен знал, что слабым местом Лиги было отсутствие законных обоснований: поэтому он отправил молодого юриста – Лаврентиуса Блюменау (происходившего из знатной данцигской семьи и получившего образование в Италии) – с обращением к императору Фридриху III (1440-1493) и папе Николаю V (1447-1455) по поводу кризиса. В этой ситуации голос епископа Эрмлянда оказался решающим. Он был среди ратующих за то, чтобы расправиться с Лигой, но его совет постоянно отвергался предыдущим Великим магистром – Конрадом фон Эрлихсхаузеном, братом Людовика. Теперь

[80] Имеются в виду рыцарские турниры.– *Прим. ред.*

же по его совету трое кардиналов отправили папского легата – португальского епископа Луиша да Сильву в Пруссию. Произошло это в конце 1450 года.

В равной степени втянутым в этот конфликт оказался и кардинал Николас фон Куза – епископ Бриксена, чья репутация дипломата и ученого сделала его влиятельной фигурой в немецкой политике. Его обширная переписка с Великим магистром содержит советы, которые были всерьез восприняты орденом.

Прокуратор ордена (юрист, который представлял Великого магистра в Курии), весьма одаренный Йодокус фон Гогенштайн, заявлял, что Лига была создана с умыслом, чтобы уничтожить Тевтонский орден. Такой демарш прокуратора не снискал всеобщей поддержки даже среди членов ордена. Это заявление имело под собой юридические основания, но время для него было выбрано неудачно. Великому магистру стоило подождать, когда его враги будут разъединены или ослаблены, но терпеливое ожидание не было характерным для Эрлихсхаузена. Он действовал быстро и уверенно, надеясь, вероятно, запугать противников силой своего характера. А присутствие Блюменау только усиливало склонность Великого магистра с пренебрежением относиться к менее знатным или менее образованным оппонентам.

Великий магистр и его советники были хорошо осведомлены о развитии конфликта между Данцигом и Любеком. Стороны не могли прийти к соглашению в вопросе об английских конкурентах и пиратах (занятия, которые были взаимозаменяемыми в то время). Данциг был готов к компромиссу, а Любек – нет. Если когда-либо и было подходящее для Великого магистра время, чтобы бросить вызов Данцигу, то именно в этот самый момент.

Людовик фон Эрлихсхаузен, без сомнения, имел основания для уверенности в том, что сможет запугать своих оппонентов. Он только что добился значительных успехов в Ливонии: в июне 1450 года скончался Хаденрайх Винке фон Оверберг, положив конец эпохи гражданской войны в ордене, войны между рыцарями из Вестфалии и с Рейна. Несколько ранее Винке привел вестфальскую партию к бескровной победе над их противниками, затем заключил мир с Литвой. Когда же Великий магистр приказал ему оказать давление на врага, ливонский магистр вместе с немецкими монастырями ордена предпринял попытки ограничить власть Великого магистра. В результате это привело бы к децентрализации управления в ордене, позволив каждой провинции заниматься своими проблемами. С уходом Винке с политической сцены Эрлихсхаузен получил возможность вернуть выходцам из Рейнских земель статус, уравнивавший их с вестфальцами. Новый магистр Ливонии Иоганн фон Менгеде, хотя и был родом из Вестфалии, был согласен с фон Эрлихсхаузеном в том, что ордену следует сокрушить Лигу. Слишком уж очевидно было ее сходство с ненавистной ему Ливонской конфедерацией.

В короткий срок Эрлихсхаузен с Блюменау сумели запугать членов Прусской Лиги, которые поверили в то, что помпезные декларации юриста отражают будущие действия Великого магистра против их свободы и собственности. Знать, мелкое дворянство и горожане начали строить планы, как защитить себя.

Эрлихсхаузен недооценил своих оппонентов, решив, что они примут императорское или папское решение как последнее слово в их споре. Великий магистр перехитрил сам себя, разрешив Блюменау обратиться к императору или папе с вопросом, законна Прусская Лига или нет. Конечно же, папа и император назначили юристов для проверки хартий, изданных орденом. Те выдали ясный ответ: Лига незаконна и должна быть распущена. Это заявление ни к чему не привело. Разве что города и знать теперь были предупреждены, что следует опасаться юристов, особенно «умников», подобных Блюменау, который оказался способен убедить папских и имперских официальных представителей в том, что дорого обошедшиеся Лиге сфабрикованные документы не были подлинными. Юрист Лиги проиграл юристу ордена: Блюменау мог вести исследования в обширном архиве ордена и предоставлял экспертам любой требуемый ими документ; у юристов Лиги такой возможности не было.

Вскоре этот диспут привлек внимание Энея Сильвиуса Пикколомини, папского легата при императорском дворе. Пикколомини, вероятно, вспомнил некий вечер много лет назад, во время Базельского собора, когда он зачарованно слушал рассказы миссионеров о жизни в Литве и проблемах, вызванных деятельностью тевтонских рыцарей. Позднее он тесно сотрудничал с легатом Людовиком Сильвиусом. Пикколомини был многогранной личностью. Бесспорно, он был одним из самых выдающихся ученых Церкви, чей мастерский риторический и

возвышенный стиль сочинений определял стиль латыни, на которой желал говорить каждый подающий надежды юрист и писать каждый делающий карьеру чиновник. Пикколомини не зря называли «апостолом гуманизма в Германии» – его целенаправленные усилия впечатлять «варваров» принесли ему столько же друзей, сколько и врагов. Его не волновало или он просто не желал знать о том, что его почта вскрывается и все его резкие высказывания о способностях современных политиков и слабостях оппонентов будут прочтены. Способность Пикколомини менять точку зрения в угоду моменту приводила в ярость «простых честных немцев», которые быстро окрестили его «изворотливым итальянцем», которому ни в коем случае не следует доверять (стереотипы – отнюдь не современное изобретение).

У Пикколомини была трудная задача. Прежде всего, он не должен был допустить созыва еще одного церковного собора. Папство и так было слишком слабым, чтобы еще раз пройти испытание, подобное Базельскому собору[81].

Христианству требовался лидер, а не тяжбы и войны. Поэтому Пикколомини считал, что новый собор не послужит ничьим интересам. Реформы, конечно, следует проводить, но традиционным путем: например, освобождать церкви и монастыри от контроля местных землевладельцев. Однако подобную программу отнюдь не приветствовали менее знатные князья Германии. В конце концов, утверждал Пикколомини, папству требуются доходы, чтобы осуществлять эффективную международную политику: в принципе, чем больший доход получает папа, тем более способен он поддерживать крестовые походы. А чем меньше на него смогут влиять светские правители, тем более способен он будет поддерживать в обществе справедливость.

Второй же задачей Пикколомини было сохранить власть тех самых князей, которые лишали церковь и империю самых важных ресурсов. Пикколомини беспокоили лиги городов и рыцарей (типа Прусской Лиги), которые становились более могущественными, чем любой отдельно взятый князь. Если все князья сделаются бессильными, бессильной станет и Священная Римская империя; без сильных князей христианство будет слишком слабым, чтобы защитить себя. Увы, Пикколомини не видел возможности создать эффективное парламентское правление или придать твердости императору Габсбургу – Фридриху III.

Третьей задачей было убедить императора, королей Венгрии и Польши и немецких князей поддержать крестовый поход на турок. Уже в 1451 году те напали на Белград, но тогда город был спасен Иоанном Капистрано; следующей их целью явно был Константинополь, и, когда великий город был осажден в 1453 году, Пикколомини было поручено договориться о всеобщем мире в Европе, чтобы немцы, поляки и венгры могли прийти вместе на выручку осажденным. Решение прусского конфликта неожиданно стало приоритетной задачей Пикколомини.

Правосудие, увы, часто движется медленно. Константинополь пал прежде, чем прусский магистр смог предстать перед императорским судом. Задержки в процессе были вызваны тем, что кто-то ограбил по дороге представителей Лиги и похитил их документы, а также тем, что посол Польши предупредил, что король Казимир не будет участвовать в любом крестовом походе, если кто-то еще будет вмешиваться в дела Пруссии, что вызвало громкие угрозы со стороны немецких князей. Все, чего смог добиться Пикколомини, было постараться отложить принятие решения. Как бы он ни недолюбливал лиги городов, война сейчас была ему совершенно не нужна.

Письмо, написанное в октябре 1453 года Пикколомини кардиналу Олешницкому, сильной личности, стоявшей за польским троном, великолепно иллюстрирует, как Пикколомини пытался одурачить, убедить, запугать своих слушателей и читателей, чтобы заставить тех действовать согласно его желаниям. Это послание – шедевр красноречия, классических цитат, мудрости, лести адресату:

---

[81] Церковники, недовольные отказом папы увеличить представительство высших иерархов в Церкви, отказались распустить собор, когда получили приказ отправляться по домам. Вместо этого они объявили папу низложенным и избрали нового – Антипапу. Потребовались годы, чтобы католическая церковь вновь обрела единство.

> «Я прекрасно осведомлен о многочисленных церковных обязанностях, которые вы несете в соответствии с занимаемым вами постом. Обязанности, которые разделяет с вами и сам король. После него, уже по одному рангу кардинала, вы являетесь вторым по значению человеком в Польше. Я знаю, что без вашего одобрения не выходит ни один королевский указ, что высшие суды королевства жаждут услышать ваше мнение, что ни один из вопросов войны и мира не решается без вашего участия».

В письме помимо похвал в собственный адрес содержались также иронические пассажи и упреки в адрес поляков за их попытки захватить короны Богемии и Венгрии. К тому моменту, когда письмо было окончено, оно, по словам самого Пикколомини, превратилось в книгу, но сама сила изложения внушала уверенность, что ее будут читать гораздо больше читателей, чем это понравилось бы августейшему епископу Кракова.

Речь Пикколомини, обращенная к Рейхстагу, также является одним из шедевров его ораторского искусства. Как отмечается в его истории, *de Pruthenorum origine,* он заявил:

> «Эта ссора, о великий Цезарь, не кажется мне ни небольшой, ни презренной… спор идет здесь не за поля Арпинаса или Тускулануса, но за огромные провинции, которых жаждет могущественный король».

Пикколомини закончил свою речь отрицанием войны в целом, цитируя пословицу «Законы молчат, когда говорят короли». Его совет, впрочем, был, как обычно, отвергнут. В январе 1454 года император вынес решение против Прусской Лиги. Теперь уже Великому магистру приходилось искать пути, как выполнить это решение, не признавая вторую часть императорского вердикта, которая гласила, что прусские владения Тевтонского ордена являются частью Священной Римской империи. Немецкие монастыри ордена были только рады пойти на любые уступки, лишь бы спасти орден, особенно если эти уступки оборачивались ростом влияния немецкого магистра. Великий магистр, однако, не желал расставаться со своим суверенитетом и властью. Фридрих III также не собирался предпринимать ничего, что могло бы втянуть его в войну. Его путь к успеху лежал через брачное ложе *(Belle gerant alii, tu felix Austria nube* – «Другие затевают войны, а ты, счастливая Австрия – свадьбу»): император совсем недавно женился.

Что касается надежд Пикколомини на крестовый поход для освобождения Константинополя, его труды были близки к успеху, когда скончался папа Николай V; теперь уже ничего нельзя было предпринять до избрания нового папы, который мог выбрать другую политику и другие приоритеты. В результате, хотя новый папа Каликст III (1455-1458) был решительно настроен возродить дух крестовых походов и возвел Пикколомини в кардиналы, чтобы тот имел достаточную власть для преодоления сопротивляющихся, христианский мир потерял целый год.

Война

Члены Прусской Лиги осознавали, что не смогут противостоять Великому магистру, если дадут ему время собрать армию. В феврале эта тяжба закончилась письмом Лиги, в котором они заявляли о выходе из Прусского государства и переходе под руку польского короля. Этот документ стал отзвуком самых крайних польских заявлений о суверенитете Польши над Пруссией. Естественно, король Казимир (1447-1492) приветствовал этот шаг, хотя в тот момент не имел ни сил, ни желания вести войну на стороне Лиги.

Этот вызов Лиги застал всех врасплох. Великий магистр, который собирался воевать, но не был еще к этому готов, обнаружил, что его сил не хватит для войны на всех фронтах. Замки в Эльбинге, Данциге и Торне пали моментально, а затем были полностью или частично разрушены.

От строений и стен в Эльбинге и Данциге не осталось ничего. В Торне сохранился лишь

величественный данскер[82] – единственное напоминание о долгом правлении ордена. Вскоре все важные укрепления в Западной Пруссии, кроме Мариенбурга, Штума и Конитца, попали в руки мятежников. Офицеры Великого магистра могли лишь медленно собирать наемников в Саксонии, Майнце, Австрии, Богемии и Силезии – пока их число не достигло пятнадцати тысяч.

Такая ситуация шестьдесят лет назад немедленно вызвала бы набег язычников-самогитов, пятьдесят лет назад – набег татар-мусульман. Сейчас же вся Литва была христианской страной и объединилась с Польшей. Уже не было мстительных князей, побуждаемых фанатичной антинемецки настроенной знатью и духовенством унизить своих гордых врагов. Совсем наоборот. Во главе Польши стоял Казимир, тихий спокойный человек, чьей главной заботой было заставить своих неуправляемых шляхтичей и духовенство принять какую-либо политическую линию в иностранных делах, хотя бы направленную против очевидной турецкой угрозы. Вместо того чтобы беспокоиться об южных и восточных границах королевства, знать была озабочена тем, что в случае завоевания Пруссии в руках короля окажутся средства не только для отражения мусульманского нашествия, но и для утверждения своей власти над подданными. Шляхетские группировки опасались, что любое усиление власти, которое усилит военную мощь королевской армии, может быть использовано против них в мирное время. Так что в сейме не слишком были рады успехам роялистов в Пруссии.

Казимир предпочел поддержать прусских мятежников, несмотря на отсутствие энтузиазма со стороны своих подданных. К его изумлению и восторгу, непрерывные победы, казалось, говорили о том, что разгром ордена в Пруссии будет дешевым, быстрым и полным. Король поспешил на север, чтобы заявить свои права на прусские земли, с триумфальной процессией проехал по этим территориям, приветствуемый населением городов и провинций, мэрами и знатью. Казалось, что конец власти ордена – дело дней, а не месяцев.

Прусская Лига начала осаду Мариенбурга, в то время как королевское дворянское ополчение окружило Кониц[83]. Единственной опасностью казалось прибытие войск с запада, где Немецкий магистр набирал богемских наемников. В то время это были лучшие войска в Европе, до сих пор купавшиеся в лучах славы, заслуженной ими в гуситских войнах, когда они добились паритета сил со Священной Римской империи и Римской церковью. Но Казимир был уверен в том, что его дворянская конница справится с наемниками, войди они в Пруссию. Он ошибался. Кастеляном Коница был Плауэн – еще один – Генрих Ройс фон Плауэн, будущий Великий магистр. Когда фон Плауэн увидел, что две армии сошлись в битве под стенами его крепости, он сделал вылазку и ударил в тыл польским войскам. Зажатые между двумя противниками, польские рыцари были изрублены, а сам король едва избежал пленения. Не требуется особого воображения, чтобы представить, чего потребовал бы Людовик фон Эрлихсхаузен, попади в его руки король Польши, за освобождение августейшего пленника. Мечты о подобном шансе десятилетиями поддерживали упорство тевтонских рыцарей, и в этот раз они были так близки к реальности!

Однако этого не случилось, и сам исход сражения был далеко не решающим. То, что могло стать завершением ненужного конфликта, положило начало ужасам Тринадцатилетней войны. Недостаток денег мешал Казимиру набрать новые войска, а сейм не ассигновал достаточных средств на наемников. Знать отказывалась служить срок, достаточный для того, чтобы нанести противнику окончательное поражение. Прусская Лига, возглавляемая Данцигом, пополнила казну короля, собрав налоги куда большие, чем те, которые решился бы потребовать Великий магистр. Но эти попытки также были тщетны – успехи ордена на полях сражений аннулировали их.

Война превратилась в серию локальных стычек. Рыцари ордена выиграли несколько мелких сражений, потеряли часть пограничных замков, бессильно наблюдали с бастионов, как

---

[82] Сильно выступающая за линию стены крепостная башня, приспособленная для фланкирования стены.– *Прим. ред.*

[83] Ныне город Хойнице в Польше.– *Прим. ред.*

мимо их укреплений маршируют всевозможные наемники, заполонившие страну и грабившие население, независимо от того, на чьей стороне оно находится. Орден постепенно редел в многочисленных незначительных столкновениях. Флот Лиги (три судна из Данцига) разгромил намного больший ливонско-датский флот в ночном бою возле острова Борнхольм в августе 1457 года. Хотя Дания вышла из войны, данцигские купцы не видели другой возможности получить какую-то выгоду от победы.

Хотя налоговые тяготы Лиги и толкнули некоторых ее членов обратно к ордену, а в некоторых городах вспыхнули мятежи других гильдий, фон Эрлихсхаузен был не способен воспользоваться ситуацией. Он не мог эффективно командовать наемниками, так как не мог платить им, а его финансовое положение не позволяло ему обещать налоговые льготы в качестве приманки для купцов и горожан, чтобы те переходили на его сторону. В качестве временной меры он заложил наемникам свои города и крепости, даже Мариенбург, одновременно требуя все новых денег со своих подданных.

Сдача Мариенбурга наемникам оказалась фатальной ошибкой, уступавший только развязыванию этой войны. Наемникам не было дела до происходящего, лишь бы им платили их деньги, и чем дольше их не платили, тем более наемники беспокоились о своих доходах. Великий магистр мог платить им только частично, и его успехи – взятие города Мариенбурга и восстания в городах Лиги – их совершенно не интересовали. Они скорее были склонны поверить, что Лига выигрывает войну. Олигархия купцов в меньших городах Пруссии, поддержанная войсками, посланными из Данцига, потопили в крови мятежи нижних слоев, временно угрожавшие их режиму, а король помог справиться с мятежами в Кульме и других пограничных провинциях. Так что наемники уверенно требовали с Великого магистра денег. В феврале 1457 года Эрлихсхаузену пришлось пойти с ними на временное соглашение. Он договорился об еще одной частичной выплате и разрешил наемникам продать заложенные им крепости тому, кто заплатит большую цену, если орден не сможет выплатить им остаток своего фантастического долга. Конечно же, в нужный срок Великий магистр не смог собрать требуемую сумму.

Именно в этот момент данцигские купцы продемонстрировали свою финансовую мощь, У Казимира также не было денег на оплату наемникам, а большинство членов Прусской Лиги слишком пострадали от войны, чтобы собрать сумму, которую те требовали. Но Данциг мог собрать такие деньги, и он сделал это. Несмотря на то что король Дании надеялся ослабить Ганзейскую Лигу и объявил войну с ней, торговля Данцига процветала. Не без жертв и трудностей, но требуемая наемниками сумма была собрана: это разрушило планы Эрлихсхаузена и обеспечило Данцигу выигрышное положение на руинах государства Великого магистра. Казимир, со своей стороны, даровал Данцигу такие привилегии, которые сделали этот город доминирующим в местной политике и торговле. В свою очередь, купцы вручили королю ключи от неприступных прежде крепостей. Людовик фон Эрлихсхаузен был бесславно изгнан из своей штаб-квартиры в Мариенбурге и заключен под стражу в Конице, где ему сообщили, что его передадут королю. Блюменау, который пытался убедить наемников, что их действия «противны Богу, справедливости и Святому Писанию», был избит и изгнан прочь из замка. В последний момент фон Эрлихсхаузену удалось ускользнуть и добраться до Кенигсберга. Эта крепость, недоступная Прусской Лиге и ее флоту, стала с тех пор резиденцией Великого магистра. А война продолжалась.

Казалось, самое время было вмешаться в события кардиналу Пикколомини: подходящим поводом была угроза изгнания епископа Эрмлянда, верного сторонника Великого магистра. Если бы Прусская Лига смогла добиться избрания на его место своего человека, баланс сил был бы нарушен. В Данциге проживали трое каноников, еще шестеро – в изгнании в Силезии, и семерых держал в плену Великий магистр (за что был отлучен папой). Фон Эрлихсхаузен узнал, что силезийские каноники предлагают нынешнему епископу отречься от своей обанкротившейся епархии, чтобы могли состояться выборы польского помощника канцлера в епископате. Фон Эрлихсхаузен отправил эрмляндского декана Бартоломеуса Либенвальда в Рим, чтобы тот обратился к Пикколомини. Из Рима Либенвальд успел добраться лишь до Силезии, когда его настигла весть о смерти епископа. Следуя совету кардинала избрать епископом недюжинного человека, знакомого как папе, так и императору, а не кого-то из

незначительных людей, предложенных Лигой и Великим магистром, Либенвальд предложил избрать самого Пикколомини. Шесть каноников согласились и отправили Либенвальда обратно в Рим, чтобы объявить свой выбор папе Каликсту III.

В течение нескольких дней папа подтвердил избрание Пикколомини и дал ему полную власть действовать так, как тот пожелает. Что бы ни потребовалось для восстановления мира, папа обещал свою полную поддержку. Конечно, Пикколомини не мог отправляться в Пруссию лично. Папа к этому времени заболел, а у Пикколомини было слишком много дел в Риме. Вместо этого он дал детальные инструкции Либенвальду, назначил его епископским викарием и дал ему полное право вести переговоры, созывать войска и собирать налоги. Пикколомини писал польскому королю любезные письма, убеждая Казимира направить в Рим посланника для заключения мира. Монарх был отнюдь не рад такому развитию событий и не желал помогать епископу. Тогда Пикколомини поднял ставки.

Смерть епископа Кульма дала Пикколомини такой шанс. Епископ Эрмлянда был надежным сторонником Прусской Лиги, по существу он являлся ключевой фигурой этого союза. Когда польский кандидат на кульмский епископат появился в Риме, а за ним – кандидат от Великого магистра, Пикколомини выступил от лица первого лишь затем, чтобы заставить папу передать дело юристу. А тот велел Пикколомини выбирать между двумя кандидатурами. Замешательство возросло. Что собирался предпринять этот «скользкий итальянец»? Замешательство удвоилось, когда Пикколомини отказался от крупной взятки. Что творится с миром, если итальянец, да еще и церковник, не берет взятку?!

Вокруг этого дела ходили всевозможные слухи. Потребует ли Пикколомини выплаты «гроша святого Петра» в Западной Пруссии? Слухи приутихли лишь тогда, когда его усилия свести враждующие стороны в Праге провалились. Затем, в августе 1458 года Пикколомини стал папой Пием II. Теперь у него не было ни времени, ни физических сил, чтобы сводить для мирных переговоров кандидатов, представителей короля, юристов Лиги и прокуратора Великого магистра. Формально Пий II сохранил пост епископа Эрмлянда, отверг новую взятку, которую ему пытались дать, и отправил на север администратора, который должен был вести дела епархии и попытаться выработать мирное соглашение. Этот администратор вначале был союзником Великого магистра, затем был настроен нейтрально и, наконец, стал сторонником Лиги. Его военная роль в конфликте была незначительной, но с этого времени Эрмлянд стал независимой территорией, свободной от прямого правления как Великого магистра, так и короля. Перемирие, заключенное администратором епископа на срок с октября 1458 года по июль 1459 года, не смогло привести к конкретным результатам, но до конца 1461 года серьезных боевых действий не происходило.

Пикколомини был необычной фигурой для людей пера. Вначале реформатор, затем дипломат и писатель, под конец жизни он стал крестоносцем. Однако его тщетные усилия организовать сопротивление вторжению турков были отражением его неудач в Пруссии. Император Фридрих III больше хотел отобрать Венгрию у Маттиаса Корвинуса (1458-1490-е годы), чем сражаться на Балканах. Так что успешная оборона Белграда в 1456 году привела лишь к временному облегчению турецкого натиска, но не к освобождению завоеванных христианских земель. Когда же во время этой осады скончался Ян Ханьяди, христиане потеряли незаменимого генерала. Кроме того, французы были оскорблены проитальянской политикой папы, итальянские города были слишком заняты своими делами, и даже сам Рим постоянно находился в смятении. В 1464 году, после четырехлетней подготовки, Пию II удалось собрать небольшое и недисциплинированное войско, которое он повел на юг, чтобы, встретившись с венецианским флотом, переправиться через Адриатическое море на Балканы. Однако больной подагрой понтифик скончался, прежде чем его войска погрузились на корабли. Ему наследовал папа Павел II (1464-1471), который не знал толком латынь, но зато хорошо разбирался в политике. Настроенный ликвидировать гуситскую ересь, он был очень недоволен Грегором фон Хаймбургом, юристом Георга Подебрадского (1458-1471), прогуситского короля Богемии. Так как Хаймбург представлял также и Тевтонский орден, папа автоматически встал на сторону врагов Великого магистра. Так, гордый во времена Пия II Святой престол, отражение гуманистического Ренессанса, начал свое падение в предреформационное убожество. Интересы Святого престола на севере были теперь в основном ограничены

финансовыми поступлениями. Но деньги в папскую казну доставались с трудом.

Так как даже Данциг теперь не мог заплатить всем наемникам, Прусской Лиге пришлось распустить многих из них. Однако это не означало, что солдаты удачи покинули Пруссию. Они просто продолжали грабить крестьян, иногда от имени какой-либо из враждующих сторон, иногда сами по себе. К ним присоединялись банды обнищавших крестьян. Поначалу собиравшиеся, чтобы защитить свои деревни и поля, теперь они переходили из провинции в провинцию в поисках еды и крова не как нищие попрошайки, но вооруженными отрядами, беря все, что им требовалось, угрозами или силой. Это была война всех против всех, в которой надолго были забыты сострадание, преданность и нравственность.

Город Мариенбург временно вернулся во владение ордена из-за предательства командира богемских наемников, но затем орден снова потерял его, когда изголодавшиеся защитники сдали город после годовой осады. У Великого магистра не было денег, чтобы набрать войско и помочь осажденным, не было кораблей, на которых он привез бы зерно из Ливонии. Месть победителей была необычайно суровой: все офицеры орденских наемников были казнены.

Несмотря на эти неудачи, как император, так и папа поощряли орден продолжать войну. Пий II даже использовал против Лиги и короля Польши церковное оружие, наложив на них интердикт, но безрезультатно. Польский король игнорировал требования папы так самодовольно, как никогда не осмеливался кто-либо из Великих магистров. Теперь и непослушная немецкая знать, и горожане также могли пренебрегать эдиктами папы. В войну уже были втянуты все скандинавские страны и ганзейские города, Польша и гуситская Богемия. Свои интересы в войне имел и император. В Пруссии война оставалась по существу гражданским конфликтом, польские войска часто были наименьшим из факторов в военных действиях. Казимир был по-прежнему не способен поднять налоги или собрать общее ополчение без согласия сейма, а знать не желала успехов короля в Пруссии. Олешницкий вернулся с Базельского собора в 1451 году, лишь чтобы отвергнуть политику короля. Его смерть в 1455 году не остановила оппозицию духовенства по отношению к королю. Казимир был настроен взять под свой контроль назначение церковных официальных лиц, а церковь считала, что это скорее ей приличествует назначать короля.

Вклад Литвы в эту войну состоял в том, что она связывала действия войск Ливонского ордена. В 1454 году литовский сейм, проведя переговоры с тевтонскими рыцарями о союзе, вынудил Казимира выполнить данную когда-то клятву защищать права Литвы, а затем – вернуть Волынь Великому княжеству, после чего оставил его воевать своими силами. Казимир мог получить деньги на наемников, лишь делая уступки сейму: это стало главным шагом к установлению прав Нижней палаты равными Сенату (королевскому совету).

В конце 1461 года Великий магистр набрал войско наемников в Германии, которое, несмотря на свою малочисленность, казалось способным разгромить своих измотанных противников. Таким образом, единственная решающая битва в сентябре 1462 года была столкновением двух малочисленных отрядов. Армия Великого магистра выступила из Кульма, где с большим трудом была основана база для войска. Войска Лиги вышли из Данцига – столицы коалиции мятежников и единственного города, еще способного оплачивать услуги наемников. В действительности обе армии представляли собой пестрое сборище из городских ополчений, обездоленных крестьян, неуправляемых наемников и горсти рыцарей. Отряды Лиги оказались чуть менее слабыми. Используя непростую тактику сражения, когда сражающиеся укрыты за оборонительной линией, построенной из повозок, они сокрушили силы ордена, заняли ряд замков и городов и загнали войска Эрлихсхаузена в их последние убежища. Осенью 1463 года флот Лиги уничтожил корабли ордена.

Уже наступило время для мирных переговоров, но еще не наступило время для мирных соглашений. Обе стороны еще окончательно не ослабели в конфликте. Почти все, кто играл какую-то заметную роль в политике, предложили свои услуги в улаживании конфликта. Папа Павел II и Ганзейская Лига предпринимали самые решительные попытки, пока наконец в 1466 году папский легат не добился подписания мирного соглашения. Только повторяющиеся неудачи и невозможность нанять войска убедили Эрлихсхаузена принять его жесткие условия.

Второе мирное соглашение в Торне (1466 год)

Мирный договор вернул Западную Пруссию и Кульм польскому королю, а Эрмлянд стал независимым. Мариенбург, Эльбинг и Кристбург также отошли к Польше. Эти земли с тех пор стали известны как Королевская Пруссия. Кроме того, орден обещал разорвать свои отношения со Священной Римской империей, стать вассалом польской короны и принимать в свои ряды польских подданных, чтобы они составили половину численности ордена. Незаконченность победы разочаровала тех, кто надеялся полностью уничтожить государство Великого магистра. Но это было реалистичное соглашение, отражавшее ситуацию, которую, несмотря на все усилия, не могла изменить значительно ни одна из сторон. Поляки могли радоваться тому, что наконец завладели столь долго оспариваемыми территориями, и надеяться, что разделение Пруссии сделает их врагов слишком слабыми, чтобы доставлять им новые хлопоты. Однако Прусская Лига не рассматривала юридическую ситуацию таким образом: пруссы, даже те, кто стали теперь польскими подданными, продолжали думать о своих землях как о единой стране.

Все эти противоречия прятались за формальными церемониями. Эрлихсхаузен отправился к Казимиру и поклялся хранить мир. Конечно же, он не собирался выполнять все условия соглашения: он не принес феодальную присягу, как требовалось, заявляя, что его связывают предыдущие обязательства перед папой и императором, ни один из которых не потерпел бы в этом случае ущемления своих прав. Святой Престол тут же поддержал Великого магистра, объявив договор недействительным, нарушающим указы папы и вредным для интересов Церкви. Связь военного ордена с Престолом вновь перевесила мирские связи, поставив польского короля перед проблемой, которая казалась неразрешимой: как избавиться от неудобного соседа, даже одержав над ним почти полную военную победу. Не было у него и рыцарей, которые хотели бы вступить в орден. Так что это положение договора был мертворожденным с самого начала.

Несмотря на то что условия договора были официально отвергнуты, ничто не мешало им быть реализованными позднее. Феодальная присяга была, в конце концов, принесена в 1478 году, хотя и была строго личной, налагая обязанности лишь на самого Великого магистра, а не орден или его земли. Теперь тем более не было причин для продолжения войны. Самое важное было то, что де-факто были сделаны территориальные уступки Польше и независимость Прусской Лиги была достигнута. Другие причины были относительно несущественны. Казимир добился того, чтобы Великий магистр склонился перед ним, и это уже не забылось – прецедент был установлен.

Великий магистр перенес свою резиденцию в Кенигсберг, заняв ставку маршала ордена. Это было осуществлено без труда, так как тот находился в польском плену. Но для того, чтобы замок мог служить местом пребывания Великого магистра и его двора, ему требовались дорогостоящие переделки. Кенигсберг, конечно, не мог сравниться с Мариенбургом, но он также был достаточно внушительной крепостью. Возможно, смену резиденции стоит рассматривать как символ утраты статуса и власти Великого магистра. Его кастеляны и протекторы завладели самыми важными землями и доходами, оставив ему доход, недостаточный для исполнения обязанностей, диктуемых его статусом. Реальная власть перешла в руки маршала Генриха Ройса фон Плауэна, который был избран Великим магистром в 1469 году. Плауэн смог продолжать реорганизацию ордена всего в течение года. После его смерти этот пост принял осторожный, но более склонный вести традиционную политику Генрих Реффле фон Рихтенберг, чьей надеждой было вернуть процветание орденским землям и положить конец запутанным внутренним конфликтам. Однако он не смог решить эти задачи с теми слабыми ресурсами, которые находились в его распоряжении: теперь и позднее эгоистичные интересы кастелянов и протекторов блокировали любые попытки реформ.

Тринадцатилетняя война принесла радикальные изменения в Пруссию. К 1466 году местные землевладельцы уже не жаловались на несправедливость ордена в таких делах, как налоги или обесценивание монеты. Эти недостатки в ретроспективе казались просто смешными. Знать и горожане завоевали всего одно значительное преимущество из тех, за которые боролись,– контроль над местными властями. Этим-то они и пользовались для того, чтобы угнетать гильдии и работников настолько, чтобы получить с тех доход, достаточный для выплат ими же установленных налогов и поборов. В Восточной Пруссии возник новый класс

землевладельцев, состоящий из бывших наемников, которым оплатили их услуги владениями погибших на войне рыцарей или землями ордена. Эти наемники сменили многих местных рыцарей, и именно от них произошли многие юнкерские семейства Пруссии. Будущим Великим магистрам приходилось уже с осторожностью или выдвигать амбициозные проекты в поддержку Ливонии или деятельности императора на Балканах, или бросать вызов прусским землевладельцам, польскому королю или своим собственным подчиненным. Тевтонский орден впал в застой, рыцари не представляли, что предпринять, даже если фортуна им улыбнется.

Польша, напротив, добилась успехов, в частности вышла к морю, овладела землями, на которые претендовала с XIII века,– Кульмом, Помереллией, Данцигом – и даже простерла свои владения за них – к Штольпу и Померании. На какое-то время Казимир получил возможность заложить новое основание королевской власти, опираясь на города и мелкое дворянство. Такая политика позволила ему достичь военных и политических успехов в Пруссии. То, что он не распространил эту политику на горожан и дворян по всей Польше, было его ошибкой, имевшей далеко идущие последствия. Казимир вступил в Тринадцатилетнюю войну против воли магнатов и церкви (в 1454 году Олешницкий советовал ему принять уступки, на которые был готов пойти в тот момент Великий магистр, предвидя упорное сопротивление, которое он может оказать, укрепившись в своих замках). Добившись мира в Пруссии, король переключил свое внимание на династическую политику. Ради этой цели он пожертвовал внутренними реформами и своим временным преимуществом над теми, кто желал ограничить королевскую власть.

Большую часть последующих пятидесяти лет Великие магистры оставались обнищавшими вассалами польских королей. Строго говоря, их верность делилась между двумя сеньорами, но на практике они ничего не могли предпринять против польских владык. Любая попытка изменить ситуацию вызвала бы немедленный хор возмущенных воплей со стороны городов и вассалов, оппозицию со стороны высокопоставленных чиновников и упреки от того или другого из их сеньоров. К концу XV века, однако, рыцари ордена заметили, что некоторые немецкие князья нашли способы усилить свою власть над подданными, способствовать расцвету промышленности и торговли, а затем обложить налогами получаемые прибыли. Рыцари начали обсуждать средства, с помощью которых орден мог бы совершить подобное в Пруссии. Следует заметить, что те же самые светские реформаторы первыми ухватились за популярные требования реформ в церкви, что в итоге и привело к Реформации.

Роспуск и возрождение Прусского Ордена

Буря, которую несла Реформация, обрушилась на Пруссию, Литву и Польшу. Римская католическая церковь в Польше, осаждаемая требованиями немцев о реформах, сопротивлением Литвы польскому влиянию, желанием униатов добиться большей автономии, ненавистью православных христиан и страхом собственных прихожан перед всеми этими народами, была вынуждена искать адекватный ответ. Более того, Святой Престол рассматривал центрально-восточную Европу задворками христианского мира, проблемы которых можно игнорировать. В это время Церковь была занята иной проблемой: как отстоять физическую свободу папы в Риме от посягательств местных семейств. Римская церковь боролась с испанским и французским владычеством в Италии и помогала императору в восстановлении власти Церкви над лютеранскими диссидентами в Германии. Как же Святой Престол мог помочь юному императору Карлу V (1519-1556) сокрушить его многочисленных врагов, среди которых был теперь все более агрессивный турецкий султан, при этом не усилив его настолько, что он стал бы угрожать независимости самого папы? Этот вопрос так никогда и не решился удовлетворительно. Точно таким же образом нельзя было найти способа помочь польскому королю до наступления контр-Реформации, когда в Кракове и Вильнюсе появились иезуиты.

Но переходить к этим событиям еще рано. Реформация не произошла одновременно и повсеместно, и не все современники сразу поняли, чем она обернется позже.

В центрально-восточной Европе, как и везде, предвестником Реформации стало распространение культуры Ренессанса среди знати и интеллигенции. Центрами *новой латыни,* которая отмечала принятие идей и отношений Ренессанса, всегда были суды и архивы, в первую очередь королевские, затем суды и архивы епископов, и – как модель для всех них – суды и архивы Святого Престола. В Германии князья соперничали с гордыми городами и честолюбивыми прелатами в том, кто больше поддерживает новое искусство, литературу и обычаи Ренессанса. Но основание и развитие университетов было даже более неопровержимым свидетельством преимуществ интеллекта в эпоху, ценившую внешнюю сторону дела, пожалуй, больше, чем любая другая в европейской истории.

Саксония была среди первых в применении сконструированных, но тем не менее логичных результатов развития воззрений Ренессанса в области правления. Ученые-гуманитарии презирали людей благородного происхождения, занимавших высокие посты, за их неумение выполнять свои обязанности. Все же они предлагали прислушивавшимся к ним князьям способы централизации власти, получения больших доходов и поощрения ремесел и торговли. Успехи саксонских князей были столь заметны, что Тевтонский орден избрал физически слабого Фридриха Саксонского Великим магистром в надежде, что тот сможет сотворить такое же чудо с экономикой и управлением в Пруссии.

Фридрих делал все, что мог, но этого было недостаточно, чтобы предотвратить упадок ордена. Впрочем, он подготовил почву для реформ, подобных тем, что через несколько лет были предложены профессором Саксонского университета в Виттенберге – Мартином Лютером. В целом, однако, роль этого Великого магистра была не такой уж незначительной: Фридрих поощрял епископов вводить гуманитариев в свои кафедральные собрания и позволять им реорганизовывать систему управления так, чтобы улучшить экономическую и моральную жизнь их епархий. Фридрих также нанимал гуманистов, чтобы создавать эффективную бюрократию по саксонской модели, которая позволила бы ему осуществлять более эффективное и справедливое управление.

Гуманитарии Фридриха, в первую очередь Пауль Ватт, бывший учитель Фридриха, теперь профессор в Лейпциге, а также Дитрих фон Вертерн, юрист, организовали новые учреждения. Они сместили стареющих рыцарей с их постов, объединили монастыри, направив некоторые из их доходов Великому магистру, устранили практику, когда то или иное сословие или еще кто-нибудь мог наложить вето на законы, пересмотрели судебные процедуры и этикет, наконец, после безжалостной бюрократической войны изгнали своих противников из страны. Когда умер магистр Германии, брат Фридриха, герцог Георг Саксонский разработал план, как «разобраться» с потенциальными противниками Фридриха. Он предложил устранить пост немецкого магистра. Как и следовало ожидать, эта идея не нашла поддержки в Священной Римской империи. Новый магистр Германии организовал оппозицию переменам в традиционном укладе жизни, и визиты Фридриха в Германию в 1504 и 1507 годах привели

только к прояснению проблем, но не к их решению.

Внешняя политика была столь же воинственной. Угрозы войны следовали друг за другом: ответственность за напряженность несли обе стороны. Тевтонский орден не делал секрета из своих намерений – освободиться от обязательств перед польской короной, вернуть себе потерянные территории и вновь стать великой державой. В ответ на это король и его советники начали обсуждать, как полностью уничтожить ненавистный орден или, по крайней мере, смирить его знаменитую гордыню. Впрочем, король хорошо знал, что герцог Георг, армии которого могут легко вторгнуться через Силезию в самое сердце Польши, был готов защитить своего брата. Много позднее Август Сильный, герцог Саксонский, продемонстрировал, насколько близко находятся эти земли. Более того, война на севере Польши не прошла бы незамеченной соседями. В действительности обе стороны не пошли дальше сжигания соседских деревень и угона скота, так как ни те ни другие были не в состоянии нести огромные расходы на войну. И король, и Великий магистр были не в силах собрать армию. Король не мог убедить сейм собрать военные налоги, потому что сейм не желал усиления королевской власти, опасаясь того, что Казимир уподобится тем немецким князьям, которыми так восхищались тевтонские рыцари. Кончина Великого магистра Фридриха в конце 1510 года вновь дала ордену возможность обсудить новые идеи на «национальном» уровне. Одно из предложений, выдвигаемое в основном польской знатью и клириками, заключалось в избрании новым Великим магистром польского короля. Их бы порадовал монарх, давший обет целибата, что гарантировало бы выборность наследника. Король же, со своей стороны, хотел рассмотреть это предложение применительно к своим наследникам в том случае, если он сможет для себя получить позволение папы жениться. Однако тевтонские рыцари уже выбрали свою кандидатуру – Альбрехта Гогенцоллерна-Ансбаха (1490-1568). Это семейство было одним из самых значительных в Германии, но вряд ли достаточно богатым, чтобы обеспечить подходящим наследством восьмерых сыновей. Интересы ордена и Гогенцоллернов прекрасно совпадали. Добиться единогласия на выборах было нелегко, хотя молодой Гогенцоллерн был связан родственными узами с королями Польши, Богемии и Венгрии и имел прекрасные отношения с империей и церковью. Поддержка монастырей Германии и Ливонии была получена – собственно выборов практически не было,– и в 1511 году Альбрехт вступил в орден и был избран его Великим магистром в один день. Он тут же получил моральную и политическую поддержку со стороны императора Максимилиана (1493-1519), который побуждал его посещать рейхстаг и другие имперские собрания и, кроме прочего, уделять больше внимания пожеланиям императора. Во время встреч с императором в Нюрнберге в начале 1512 года Альбрехт объяснил императору, что, прежде чем он сможет принести ему клятву, он должен освободиться от обязательств перед королем Польши. Император запретил Великому магистру приносить феодальную клятву польскому королю, и Альбрехт продолжил политику своих предшественников во внешней и внутренней политике – любыми возможными средствами саботировать положения двух мирных договоров в Торне. Но личную жизнь новый Великий магистр вел совершенно по-другому.

Альбрехт не скрывал, что не собирается вести жизнь в воздержании, и его советники поспешно объявили, что если простые рыцари и священники должны строго исполнять требования устава, то Великий магистр – представитель высшей знати и занимает высокий пост, поэтому ему не обязательно слишком строго придерживаться общих правил. Они говорили, что он только не может жениться, так как он давал обет безбрачия, а не целомудрия. Разумеется, если папы открыто живут со своими женщинами, а кардиналы и архиепископы появляются в обществе со своими любовницами, то уж великий немецкий князь двадцати одного года от роду, привыкший к светской жизни, неужели он не сможет получить прощение за то, что не играет роль простого монаха?

Альбрехт понимал лучше, чем многие его современники, что будущее принадлежит тем князьям, которые могут контролировать свои земли, подавлять вздорных вассалов и непослушные ассамблеи, развивать торговлю и промышленность, облагать налогами возросшее богатство своих подданных, а затем нанимать профессиональные армии для рациональной и одновременно дерзкой внешней политики, пользуясь любыми возможностями, когда такие появляются. Короче говоря, он был среди первых князей-абсолютистов, еще лучше

использовавший предоставлявшиеся возможности. Так орден уже сделал дисциплину и порядок государственной традицией. По крайней мере, в ордене их чтили, несмотря на то что эти идеалы заметно померкли по сравнению со славными днями XIV века. Хотя предыдущие Великие магистры сумели уменьшить раздоры в ордене и вернуть себе контроль над чиновниками, им не хватало средств на что-то большее, чем устройство впечатляющих парадов и церемоний, в которых были перемешаны идеи религиозные и рыцарские. Бесспорно, изысканные костюмы офицеров и рыцарей, епископов и их каноников, аббатов с монахами и послушниками, горожан, объединенных в гильдии, конных рыцарей с войсками создавали первоклассные зрелища. Но между спектаклем и властью существовала большая разница, и Альбрехт в отличие от многих современников со временем понял эту разницу.

Для осуществления этих планов молодому князю потребовалось огромное терпение. В первую очередь он должен был провести необходимые реформы, чтобы усилить свою власть. А во-вторых, он должен был ждать шанс, чтобы употребить эту власть. Вначале он полагался на Железного епископа Помезании Хиоба, одного из величайших гуманистов своего времени, чье уважение к традициям и умеренности не относилось к польскому монарху и его прелатам. В 1515 году, однако, Альбрехт попал под влияние Дитриха фон Шенберга, харизматичного молодого шарлатана, который занимался математикой, астрономией и астрологией. Молодой Великий магистр, всегда внимательный к новейшим культурным веяниям, восторженно внимал предсказаниям своего фаворита. Он также стал спутником Шенберга в его амурных ночных похождениях. Избавившись, наконец, от общества священников и набожных престарелых рыцарей, Альбрехт показал себя выдающимся учеником в распутстве, по крайней мере в той мере, что мог предложить Кенигсберг. Шенберг также убедил его, что Великому магистру пора заняться внешней политикой и использовать стратегическое положение Пруссии в тылу Литвы теперь, когда польский монарх Сигизмунд I (1506-1548) готовился начать войну против русского Великого князя Василия III (1505-1533). Шенберг побывал в Москве, вернувшись с договором, обещавшим финансовую поддержку любой армии, достаточной, чтобы отвлечь польские силы или даже нанести им поражение. Затем Шенберг применил свои незаурядные дарования оратора, чтобы внести смуту в Прусскую ассамблею и возбудить воинственный дух в ее членах. Он обрисовал в общих чертах планы Польши. Детали его рассказа были большей частью придуманы, а в остальном преувеличены, но в них было достаточно правды, чтобы сделать их *правдоподобными.* Он утверждал, что Польша хочет потребовать, чтобы половину рыцарей ордена составляли поляки, а также намерена ввести тираническое правление по польскому образцу, неизбежным результатом чего было бы распространение нищеты и крепостничества по всем еще относительно процветающим провинциям Пруссии. Горожане и рыцари Пруссии не были глупцами, но были подвержены пропаганде и расовым предрассудкам, зная, какой ущерб польские магнаты и прелаты приносят их родине.

Такая деятельность не могла остаться в тайне от короля Сигизмунда, да Альбрехт и не собирался держать ее в секрете. Лишь когда Альбрехта признали повсеместно человеком, способным повлиять на баланс сил между великими державами, он мог выдвинуть требования, способные вернуть ордену земли и власть, которыми он обладал более ста лет назад. Такая ситуация требовала нового правителя, отличавшегося от тех, чья набожность и верность требовали исполнения приказаний императоров, ведших орден к одной катастрофе за другой. Альбрехт, вероятно, не был умнее своих предшественников, он, возможно, даже был не более заблуждавшимся; он точно не трудился больше, чем они, по крайней мере в молодости. Зато у него было чувство реальности, понимание того, что он стоит над традициями и обычными правилами. Его рыцари благоговейно относились к его происхождению. Его воспитание выработало в нем чувство власти, дававшее ему ощущение того, что он имеет право судить и приказывать, у него были стать и голос, дававшие прочим понять, что они находятся в присутствии высшего по происхождению. Ни один Великий магистр прежде и помыслить не смел бы о проведении турнира, тем более о личном в нем участии. Альбрехт провел турнир в Кенигсберге в 1518 году и участвовал не только в поединках, но и в общей рукопашной схватке.

Хотя авантюрная политика нового Великого магистра сделала его важной фигурой в международной дипломатии, она была очень непрактична. Пока не было войны, Альбрехт мог

строить из себя великого правителя, впечатляя немецкого магистра своими планами и планами планов, но, когда в 1519 году дело дошло до реальной войны между Польшей, Литвой и Москвой, стало ясно, что обещанной Москвой помощи не будет и Альбрехт не сможет платить своим войскам. Помощи от императора также не было: Максимилиан скорее был заинтересован в польской помощи в его предприятиях, чем в спасении Великого магистра. В результате политических ошибок Альбрехта любая попытка решить проблемы делала его положение еще более ненадежным. Укрепления Кенигсберга в последний момент отразили нападения поляков, и часть земель, потерянных в первые месяцы войны, удалось вернуть, но все надежды возлагались на большую армию, которую немецкий магистр должен был собрать и привести на поле боя. Восемнадцать сотен всадников и восемь тысяч пехотинцев прошли через Бранденбург к Данцигу. Но там наемника тщетно ожидали Великого магистра и денег, обещанных им. Альбрехт так и не смог появиться. Польские гарнизоны блокировали переправы через Вислу, а данцигские суда патрулировали море. Кроме того, у Альбрехта было слишком мало денег, чтобы заплатить всей армии. В конце концов, наемники отправились домой, без сомнения разнося новости о ненадежности Великого магистра Тевтонского ордена в качестве нанимателя.

Если бы Сигизмунд не был так занят на юге, это положило бы конец правлению Альбрехта, но король смог послать в Пруссию лишь небольшое войско. Этого было недостаточно, чтобы надолго связать войска ордена. Отряды Великого магистра опустошили Королевскую Пруссию, отвоевали Ноймарк и с беспокойством ожидали, когда же объявятся королевские войска. Когда поляки, наконец, появились, они привели с собой татар, богемских наемников и хорошую артиллерию, но их было слишком мало, чтобы захватить хорошо укрепленные крепости Альбрехта. Тем не менее Великий магистр знал, что он потеряет все, если у неприятеля появятся большие силы на севере, к тому же мало у кого из его подданных осталась возможность поставлять провиант войскам и платить налоги. Поэтому Альбрехт в конце 1520 года охотно подписал мирный договор. Шенберг отправился в Германию, где погиб в битве под Павией в 1525 году, сражаясь за императора Карла V. Он так и не сумел поймать императора в свою сеть, как он сделал с Альбрехтом. У императора было и так слишком много забот: турки, французы и протестанты, чтобы еще искать конфронтации с польским монархом из-за отдаленной и незначительной провинции.

Так что конец римского католицизма в Восточной Пруссии не был ни для кого сюрпризом. В ходе визита Альбрехта в Нюрнберг, где он тщетно выпрашивал денег у князей Священной Римской империи, стало ясно, что лютеранское учение оказало на Великого магистра заметное влияние. В начале 1523 года Мартин Лютер направил одно из своих главных заявлений «правителям Тевтонского ордена, чтобы избегали они ложного целомудрия». Это заявление легко нашло дорогу к умам рыцарей ордена. Их редеющие ряды поддерживали волнения в Германии, направленные против коррупции в Церкви. Они понимали проблемы, поднятые Лютером, и страдали от упадка морали в папской курии. Они слишком хорошо знали, что значит коррупция – папа Клемент VII назначил на пост в Помереллии отсутствующего епископа. Альбрехт, вероятно улавливающий общественное настроение и уж точно лично озабоченный коррупцией в Церкви, предпринял шаги, чтобы подготовить членов ордена к принятию реформ. Во время празднования Рождества 1523 года, еще находясь в Германии, Великий магистр разрешил лютеранским проповедникам проводить обряды при дворе ордена в Кенигсберге.

Это не было двуличием. Когда-то дерзкий молодой князь в суровых испытаниях научился набожности. Грехи молодости привели к катастрофе не только его, но и его безвинных подданных. Альбрехт явно решил посвятить остаток жизни замаливанию своих грехов. В отличие от раскаивавшихся грешников прошлых поколений, он никогда не обдумывал свой уход в монастырь. Этот князь эпохи Ренессанса обдумывал возможности, стоявшие перед ним, и сделал нелегкий выбор. Он решил исправить основной изъян в статусе ордена, который обрек Пруссию на сотню лет иностранных вторжений и гражданских конфликтов. Речь шла о смешении светских и религиозных обязанностей, что делало Пруссию чем-то большим, чем религиозный орден, но меньшим, чем суверенное государство.

Исподволь Великий магистр пытался разузнать, как отреагируют его соседи-князья, если он последует совету Лютера, как делали многие немецкие епископы, и секуляризирует свои

прусские владения. Уже во время его отсутствия протестантские священники ввели основы реформ – немецкий язык в церковные церемонии, пение гимнов, запрет на паломничества и на почитание святых. Эта реформа была очень практичной, она базировалась на общем неудовлетворении состоянием дел в церкви, но без методологических или теологических обоснований, появившихся позднее. Теперь, когда монахи, монахини и священники снимали с себя обеты целибата, поползли слухи, что Великий магистр также собирается снять с себя этот обет, жениться и стать главой светского государства. Этот вероятный скандал обсуждался повсюду.

Как ни удивительно, такие новости вызвали очень мало возмущения. Папа и император, конечно же, посоветовали Альбрехту не предпринимать подобных шагов, бранденбургские родственники Альбрехта также не одобрили его политику, но рыцари, знать и города Пруссии решительно поддержали ее, и король Польши позволил себе также одобрить ее. Секуляризация разом решала две насущные проблемы. Конфискация оставшейся церковной собственности дала бы Великому магистру возможность оплатить долги, а также открывался бы прямой путь для включения Восточной Пруссии в польское королевство. Таким образом устанавливались мирные, без угроз, взаимоотношения с польским монархом. 10 апреля 1525 года герцог Альбрехт принес клятву верности в Кракове, что запечатлено на одной из величайших польских картин Яна Матейко, художника, боровшегося за национальное освобождение Польши в XIX веке.

Восточная Пруссия так и не была включена в польское государство даже в такой минимальной мере, как это было с Западной. У герцога оставалась собственная армия, свои деньги, ассамблея и более или менее независимая внешняя политика. Административная система практически не изменилась, и все законы оставались в силе. Были лишь пересмотрены некоторые титулы. Введение лютеранских реформ привело к куда более заметным результатам.

В 1526 году Альбрехт вступил в «подлинное целомудрие брака» с Доротеей, старшей дочерью Фридриха Датского (1523-1533). Дания специализировалась на поставках невест для немецких государств на побережье Прибалтики, и Пруссия завершала коллекцию местных альянсов. Этот союз давал Альбрехту могущественного защитника и нескольких высокопоставленных сводных братьев и сестер. Кроме прочего, Фридрих был самым важным лютеранским правителем в это время.

Вопль возмущения в Верхней Германии был столь же громким и угрожающим, как и овации в протестантской Германии, но в Пруссии все было тихо. Горстка рыцарей, слишком старых или не готовых следовать требованиям светского рыцарства, или все еще хранивших верность католицизму, отправились к немецкому магистру в Мергентхайм и были распределены там по монастырям и госпиталям. Те, кто остались в Пруссии, получили посты или фьефы, некоторые женились и основали семейства, став частью класса юнкеров, которым впоследствии прославилась бранденбургская Пруссия. В целом, однако, знать Пруссии мало изменилась по своему составу. Сильно изменилась власть землевладельцев над своими крепостными, которая значительно возросла, когда Восточная Пруссия стала светским государством. Впрочем, знать и горожане так и не получили политического влияния, на которое они рассчитывали после подписания Краковского договора. Великое крестьянское восстание 1525 года стало реакцией свободных крестьян на слух, что их новые господа низведут их до состояния крепостных. Альбрехт легко подавил это восстание, но оно настолько подорвало самоуверенность знати и мелкого дворянства, что они стали смотреть на герцога как на лидера в этих, и других вопросах.

Альбрехт Прусский вскоре оставил попытки стать князем империи. Благодаря этому он получил прощение императора и его защиту от чрезмерных притязаний Польши в будущем. Однако Карл V был далеко или слишком занят проблемами с Лютером и турками, чтобы внимательно отнестись к таким незначительным делам, даже когда у него находилось на это время. В 1526 году, однако, увидев, что произошло в Восточной Пруссии из-за его бездействия, император даровал княжеский титул ливонскому магистру. В 1530 году Карл V назвал немецкого магистра новым Великим магистром ордена, с тем чтобы орден служил политическим целям Габсбургской династии.

Королевскую Пруссию секуляризация управления Восточной Пруссии не затронула, хотя,

конечно же, протестантские идеи стали легче распространяться от города к городу. Потенциально жители этой части Пруссии рассматривали себя как автономную немецкоязычную часть польского королевства с правом на независимые решения в области религии. Горожане приветствовали как мирные перспективы, так и распространение лютеранских реформ. Казалось, открылся не только путь к духовному и культурному объединению Пруссии, но и к еще большему усилению власти торгового класса и мелкого дворянства над церковными деятелями, которые были официальными правителями многих городов и большей части сельских владений.

Многим из тех, кто в иных условиях возражал бы против реформ, заткнула рот пугающая перспектива крестьянского восстания. Крестьянские бунты, то здесь, то там вспыхивавшие в Пруссии в 1525 году, вслед за Великим крестьянским восстанием в Германии, были отрезвляющим предупреждением. Они показывали, что возможны и куда худшие перемены, чем те, что связаны с очищением от старых проблем местных церквей и монастырей. Восстание в Данциге в 1526 году продемонстрировало, что беспорядки перекинулись и на нижние слои городского населения. Для высших классов было не время ссориться на почве религии. Живи сам и давай жить другим – вот что было практичной политикой.

Альбрехт не считал себя мятежником или разрушителем единства Церкви. Через много лет он все еще продолжал вести переписку с Римом и чтить папу как главу Церкви. Формальное отделение произошло позднее, как один из многих неизбежных шагов. Роль перемен в Пруссии легко преувеличивать: в 1525 году протестантство было реформой, которую защищали и приветствовали многие приверженцы Римской католической церкви. Они не видели практических альтернатив протестантству. Уже через год Сигизмунд мог поздравить себя с дальновидными действиями. Людовик Ягеллон Венгерский (1516-1526) пал в битве под Мохаком, и турки заняли большую часть его королевства. Его малолетний и больной наследник передал остатки Венгрии и свои права на другие королевства одному из Габсбургов – Фридриху Австрийскому, который позднее стал императором. Теперь, когда Польшу окружали враги с востока (Москва), с юга (турки) и с запада (Габсбурги), счастьем было то, что Сигизмунду не приходилось беспокоиться о северной границе.

Тем временем император получил в свое распоряжение немалые ресурсы Тевтонского ордена в Германии, которые мог использовать в войнах против турков. Ему также не хотелось отвлекаться на проблемы на севере. Короче говоря, секуляризация прусских земель оказалась выгодной всем. Такая оценка не была, впрочем, всеобщей, и любой, кто предложил бы использовать прусский пример в Ливонии, мог с уверенностью ожидать, как минимум, ожесточенного спора.

Глава двенадцатая
Финал в Ливонии

Ливонская война

Пути Ливонии и Пруссии разошлись во время Тринадцатилетней войны. Эрлихсхаузен, отчаянно нуждавшийся в деньгах, с надеждой глядел на север, но его действия лишь привели к тому, что ливонские рыцари максимально ограничили его власть над собой и своими землями. К 1473 году Тевтонский орден состоял из трех автономных частей – прусской, германской и ливонской, связанных лишь общей историей и иногда общими интересами. Это означало, что когда война пришла на землю Ливонии, уже Ливонский орден оказался в одиночестве.

Победы Вальтера фон Плеттенберга (ливонский магистр, 1494-1535) над Иваном III (Иван Великий, 1462-1505), Великим князем Московским, в начале XVI века подарили Ливонии полсотни мирных лет. Имеется в виду мир с соседями, так как внутренних проблем хватало. Но Вальтеру удавалось даже внутренние проблемы удерживать в приемлемых рамках, и его влияние сказывалось много лет спустя после его смерти в преклонном возрасте в 1535 году. К несчастью для его преемников, ход истории был против них. В первую очередь, Ливонский

орден уже не правил регионом практически в одиночку. Ему пришлось делить власть с Ливонской конфедерацией. Этот союз чеканил свою монету, издавал всеобщие торговые и уголовные законы, обсуждал важные вопросы и выражал общественное мнение. Но у него не было исполнительной власти, которая могла бы вести эффективную внешнюю политику или объединять вооруженные силы региона под единым командованием. Во-вторых, Ливонский орден остался небольшой католической организацией среди яростных сторонников лютеранства. Лютеранскими были не только скандинавские королевства и герцогство Пруссия, но и большинство жителей ливонских городов и некоторые знатные землевладельцы в сельской местности. Протестанты были также сильны и в Литве, а король Польши благосклонно относился к распространению протестантизма в землях своих соперников, правильно считая, что подданные, смеющие независимо судить о религии, доставят немало хлопот и своим светским правителям. В-третьих, некоторые земли, ранее игравшие важную роль для набора рыцарей, особенно Нижняя Саксония и Гольштейн, стали протестантскими. Лишь Вестфалия, остававшаяся католической, продолжала поставлять рыцарей в Прибалтику. Из местных же рыцарей мало кого можно было набрать для службы в ордене. До некоторой степени недостаток рыцарей компенсировался набором наемников. Но для этого требовались деньги, а чтобы собрать их – требовалось увеличивать экспорт зерна. Но как это было возможно сделать? Можно было лишь обратить в крепостных местное население и заставить их работать на землях ордена[84].

Часто ошибочно считают, что крестоносцы обратили в крепостное рабство местное население сразу же после завоевания в XIII веке. В действительности же большинство местных крестьян оставались лично свободными до начала XV века, когда ряд общественных процессов начал снижать их статус до статуса крепостных. Возможно, самую важную роль в этой социальной революции играло уменьшающееся значение местных войск во время войны. Пока вражеские войска вторгались на территорию страны, как это постоянно происходило в XIII и XIV веках, ливонскому магистру приходилось полагаться на помощь местного ополчения для защиты замков и в открытых сражениях. Но как только Ливонский орден смог построить эффективную оборонительную систему, функции ополчения изменились, сведясь к строительству укреплений и подвозу припасов. Следующим важным изменением было развитие денежной экономики. У местного населения никогда не было денег, а уровень их жизни был просто жалким. Но даже при таком раскладе их оброк зерном всегда оценивался в денежном эквиваленте, и им часто приходилось занимать деньги в неурожайные годы. Попадая в долговую яму, они теряли свой прежний статус. Кроме того, в поместьях в качестве крепостных часто селили пленников. Так как число свободных крестьян постоянно уменьшалось, их уже невозможно было привлекать в пограничные районы, откуда литовцы и русские постоянно уводили рабочую силу. В результате этого владельцы поместий предпочитали заменять угнанных свободных крестьян крепостными. Вероятно также, что безземельные сыновья свободных крестьян соглашались работать на крепостнических условиях, оставаясь свободными, и со временем они смешивались с крепостными либо через браки, либо через «потерю статуса».

К началу 60-х годов XVI века члены Ливонского ордена открыто обсуждали выбор, который им предстояло сделать. Чаще всего говорилось об обращении в протестантство, разделе орденских земель между сановниками и рыцарями, проведении реформ в экономике и образовании, что помогло бы получать доходы, необходимые для национальной обороны. Такое предложение доводило стойких католических рыцарей почти до апоплексического удара. Они зловеще предрекали, что такой шаг будет дорого им стоить в отношениях с императором и выборщиками императора в Империи. Так что решение рижских каноников сделать

---

[84] Большинство крестьян в Центральной Европе было бедняками. Уровень бедности, конечно, был разный, но отражал не только степень закабаления. Климат, погода, войны, болезни и колебания цен также играли свою роль. Ливония находилась далеко к северу, на территории с бедными почвами и коротким вегетационным периодом. Более того, потеря личной свободы происходила в это время по всему региону – в Польше, Литве и России. На западе, наоборот, крепостничество исчезало.

протестанта помощником и наследником старого архиепископа привело к короткой, почти бескровной гражданской войне. Партия католиков более или менее одержала верх, а вскоре после этого Вильгельм фон Фюрстенберг стал магистром Ливонского ордена. Большинство наблюдателей истолковали это как победу католиков. Но военная неподготовленность Ливонской конфедерации была продемонстрирована всем соседям, потому эти триумфы мало что значили[85].

Проблемы Ливонии немного значили для правителей к западу и югу от нее. Дания и Швеция были слишком вовлечены в войну друг с другом, чтобы отвлекать свои силы на восток. Король Польши ни за что не смог бы убедить знать и духовенство позволить ему тратить деньги на усиление королевской власти на севере: вопреки всем фактам они считали короля потенциальным тираном и желали оставить его сильным только до такой степени, чтобы обеспечивать оборону страны.

Новый правитель к востоку от Ливонии думал, однако, по-другому. Иван IV (1533-1584) еще не получил прозвища «Грозный», но уже считался безжалостным правителем, жаждавшим новых земель. Великий князь Московский, он принял титул царя после того, как сокрушил татарских ханов к югу и востоку от Москвы, раздвинув границы своей империи почти до Черного моря. После этого многие татары, хотя и с неохотой, служили в его армии. Татары, что остались за пределами его государства, в основном в Крыму, все еще мечтали одолеть Москву и вернуть Золотой Орде давно утраченный престиж. Иван IV также победил литовских властителей Польши и приобретал новое оружие и опыт, как только находились те, кто был готов поделиться ими с русским царем. Историки позднейших времен писали, что он хотел завоевать побережье Прибалтики, чтобы открыть торговый путь на Запад. Более реалистично было бы сказать, что ему просто нравилось отнимать земли у соседей настолько же, насколько ему нравилось изобретать новые способы унижать своих внутренних врагов, прежде чем

---

85 Даже рыцари, приверженные Римской католической церкви, видели настоятельную необходимость в реформах. Трентский собор еще не был созван, и католики повсюду перестали надеяться, что Святой Престол примется-таки за злободневные проблемы Церкви. Хуже того, было совершенно непонятно, как умеренные религиозные реформы в Германии могут политически помочь Ливонии.

расправиться с ними.

Для того чтобы разделить ливонских правителей, Иван IV использовал как угрозы, так и предложения мира. Когда истек срок действия договора с Вальтером фон Плетенбергом, Иван согласился возобновить его только при условии, что ливонцы станут платить старые дани и подати. Никто из живущих тогда слыхом не слыхивал о них, и уж точно их никогда не платил Ливонский орден. Не все было столь просто с Дорпатом. Тамошний епископ и горожане всегда старались отделиться от Ливонского ордена и архиепископа Риги. В прошлом, как они признали, Дорпат платил Новгороду и Пскову за болотистые земли, используемые бортниками и охотниками, и они готовы платить снова, если речь пойдет о разумных суммах.

Это было все, что требовалось Ивану. Он предложил сделку. Ему достаточно будет ежегодной выплаты тысячи талеров, а также сорока тысяч талеров за прошлые годы. Так как эта огромная сумма была эквивалентна по меньшей мере стоимости десяти тысяч волов, ливонские послы попытались убедить царя уменьшить ее. В конце концов, Ивану надоела эта игра, и он устроил в посольском дворе обыск, попытавшись захватить деньги, которые, как утверждали послы, они привезли с собой. Но предвкушение удовольствия от вида ливонских сокровищ сменилось приступом ярости, когда он узнал, что ливонцы на самом деле не привезли с собой ни гроша.

Обе стороны пытались обмануть друг друга. Царь требовал выплаты дани, считая с XII века (т.е. с тех времен, когда в Ливонию еще не ступала нога крестоносцев), и к тому же с тех земель, с которых никогда не собирали дани русские князья. С другой стороны, ливонцы надеялись избежать любых платежей, ожидая, что император Священной Римской империи объявит заключенные соглашения недействительными и аннулирует их. Они также уповали на то, что король Сигизмунд Август (1548-1572) готов прийти на помощи Ливонии. Иван Грозный решил нанести превентивный удар и оккупировать Ливонию, пока польский король занят на юге.

В конце 1557 года царь приказал своим солдатам и ополчению собраться для долгого и опасного зимнего похода к побережью. Когда Ливонская конфедерация получила сообщения о том, что русские войска выступили из Москвы, двигаясь по снегам на северо-запад, началась мобилизация.

Эта кампания очень отличалась от той, что велась полвека назад. Ливонские города собрали шестьдесят тысяч талеров, чтобы оплатить короткую войну, но магистр Вильгельм фон Фюрстенберг отказался встретить противника в поле, как сделал Вальтер фон Плеттенберг. Репутация русских войск и артиллерии, вышедших победителями из многочисленных сражений с татарами, слишком сильно контрастировала с тем фактом, что его собственные силы не готовы к войне. Печальный опыт действий войск и офицеров в короткой гражданской войне и последующий финансовый кризис показали, что Ливония катастрофически не готова к серьезной войне. Нежелание магистра искать решительной битвы определило невозможность короткой войны.

Численность немецких войск была достаточной для сражения, если бы их собрали вместе и повели сражаться, но оборонительная стратегия вынудила рассеять их. В результате русские войска превосходили их везде, где русские решали атаковать. Знать, из которой состояли основные силы кавалерии, не жаждала открытого боя, в котором она потеряла бы многих своих представителей, чьи семьи и земли остались бы без защиты. Ополчение не умело сражаться в открытом поле. Наемники хотели оставаться в живых, чтобы потратить свои заработки. Никто не хотел вооружать крестьян. Короче говоря, не было воли к сражению, и Фюрстенберг не мог заставить членов Конфедерации служить против их желания. Было решено защищать укрепленные города и замки, использовать небольшие отряды, чтобы сеять панику среди врагов, и надеяться, что система снабжения русской армии даст сбой во время плохой погоды и заставит царя отступить. В начале 1558 года войска Ивана IV вступили на земли Дорпата, не встречая сопротивления и грабя все на своем пути, затем собрались перед Нарвой и начали осаду. Татарские отряды предотвратили попытку прийти на помощь городу, и 12 мая русская артиллерия начала обстрел. Укрепления были хорошо построены и продержались бы долго, если бы не случайный пожар. Вскоре весь город горел. Пока горожане сгоняли своих жен и детей в цитадель, русские начали штурмовать стены. После того как город был разграблен и

страсти улеглись, военачальник Ивана IV принял капитуляцию в обмен на беспрепятственный пропуск гарнизона и жителей, укрывшихся в цитадели. Таким образом, Иван захватил ключ к Эстонии и торговле по реке Нарове с Псковом и Дорпатом. Иван мог бы удовлетвориться этим, так как ливонцы были согласны на любые условия, кроме полной капитуляции, но аппетиты русского царя лишь разгорелись.

Магистр Вильгельм собрал совещание своих кастелянов и протекторов, чтобы обсудить ситуацию. Решение, принятое в итоге встречи, вряд ли можно назвать мужественным. Царю были посланы сорок тысяч талеров требуемой им ранее дани. Иван проявил большую силу духа: он отослал их назад, а затем начал поход на Дорпат.

Теперь ливонцы стали готовиться к войне всерьез, но было слишком поздно. В июне 1558 года землевладельцы Конфедерации встретились в Дорпате, чтобы обсудить свои дальнейшие шаги. Они послали в Данию за помощью, хотя король Христиан уже заявил, что не даст войск, они приказали Ревелю блокировать суда, идущие в Нарву торговать, они просили шведов о займе в двести тысяч талеров и о наемниках. Несмотря на отчаяние, они отвергли требования польского короля отдать ему Ригу в обмен на помощь. В июле, однако, Дорпат сдался русским после непродолжительной осады. Так как надежды ливонцев на то, что этот город продержится длительное время, не оправдались, дух сопротивления повсюду стал падать. Делегаты Конфедерации писали в Польшу и приняли условия короля, в обмен на которые он обещал военную помощь. В то же время ливонские рыцари предложили Готтхарду Кеттлеру, кастеляну Феллина, «разделить» обязанности Фюрстенберга.

Кеттлер был приверженцем протестантских идей. Вначале он был убежденным католиком, как и все вступавшие в орден. Потом он несколько лет служил в Германии, где увидел возможности реформирования военного ордена, которые очень хотел использовать. По возвращении в Ливонию он примкнул к фракции, желавшей пойти по стопам Пруссии: секуляризировать орден и разделить его владения между рыцарями, сделав их землевладельцами. Его фракция находилась в меньшинстве, и Вильгельму фон Фюрстенбергу удалось временно подавить их, но теперь она возродилась, увеличив свою численность после того, как политика магистра потерпела поражение. Когда стало очевидно, что Ливонский орден не может эффективно выполнять свою военную роль, вновь поднялись голоса, требующие реформ. Реформы начал проводить Готтхард Кеттлер, единственный из кастелянов, сумевший добиться хотя бы небольших побед над русской конницей, грабившей окрестные земли. Его отвага и инициатива на поле боя были равными его самообладанию, готовности работать по старым правилам в рамках ордена, пока не удастся достичь консенсуса.

Большинство ливонцев уже и не надеялись защитить себя сами. И знатные люди, и кастеляны были парализованы жестоким насилием, совершаемым над их беззащитными подданными. Горожан напугало поведение Ганзейской Лиги, которая не только не прислала помощь, но еще и воспользовалась трудностями Ревеля: корабли Лиги прошли мимо порта для торговли с Русью вместо того, чтобы разгрузиться. Духовенство распродавало свои епископаты немецким и скандинавским династиям, надеясь с выгодой для себя выйти из трудностей страны. Тогдашняя политика ордена была не лучше. Кастелян Везенберга[86] продемонстрировал, что ему лучше удается охотиться за женщинами, чем отгонять русские отряды. Он бросил сильнейшую и полную припасов крепость в Эстонии и бежал в Ревель. То, что замок не попал в руки русских, было полностью заслугой одного инициативного молодого воина, который занял замок с помощью нескольких своих соратников. Кастелян Ревеля призвал датского короля войти во владение провинцией. Лишь только потому, что король Христиан неожиданно скончался, Эстония не стала вновь провинцией Дании. Когда датское войско так и не прибыло, жители Ревеля решили, что им придется самим защищать себя, и принялись за работу, строя новые укрепления, способные выстоять против мощной осадной артиллерии неприятеля. Старые стены не выдержали бы серьезного обстрела, но Иван дал время горожанам подготовиться. Исчерпав припасы и людей, царь оставил гарнизоны в Нарве и Дорпате, а затем вернулся с войском на Русь, уводя с собой множество пленных и вывозя невероятное

[86] Ныне город Раквери в Эстонии.– *Прим. ред.*

количество награбленного добра. Диоцез Дорпата уже никогда не оправился от этого нашествия. Последний его епископ умер в русском плену, и на его место так никто и не был поставлен.

Русское войско возобновило свое наступление в январе 1559 года, на этот раз нанеся удар по направлению от Дорпата через холмы центральной Ливонии к Риге, а затем мимо этого хорошо укрепленного города в Земгаллию и Курляндию. Там русские начали захватывать плохо подготовленные к обороне крепости одну за другой. Татары подтвердили свою репутацию жестоких воинов, но не меньше страха вызывали и русские войска, которые победили в свое время татар и заставили их служить русскому царю.

Когда читаешь летописи тех времен, можно засомневаться, что русские в те годы, как и позже, были столь ужасны, как их запечатлела народная память. Несомненно, жестокости войны казались тем страшнее, потому что Ливония давно уже пребывала в относительном мире. Но в тот раз Иван всерьез, хотя и не очень успешно, пытался завоевать расположение немецких землевладельцев и местных крестьян. Ситуация изменилась позднее, когда периодические приступы безумия у царя стали совпадать с тем, что он возвышал честолюбивых и перепуганных фаворитов, знавших, что Иван не простит им ни малейшего провала. «Секретная полиция» Ивана использовала террор против врагов царя как на Руси, так и за рубежом.

Впрочем, жизни и имуществу ливонцев угрожали не только русские. Страну заполонили наемники, не получавшие платы, и преступники всех мастей. Вскоре ливонцы научились защищаться от любых солдат – в лесах появились укрытия, куда при малейшей опасности уводили женщин и детей, а мужчины защищали любое укрепленное поместье или церковь до последнего. Особенно приходилось беречься от мародеров, ибо они были еще хуже, чем отряды организованных армий. В будущем, когда в любой армии, действующей в Ливонии, будут собираться подонки со всей Европы, люди научатся избегать грабежей или переживать их. А грабили и подвергали насилию местное население немцы, литовцы, поляки, шведы, датчане, англичане, шотландцы и авантюристы из еще более отдаленных стран. Но даже тогда из народной памяти не сотрутся ужасы первых лет войны. Русские имели репутацию варваров. Эта репутация прекрасно действовала на пользу обеим сторонам. Русские, благодаря этому, запугивали своих врагов, ливонцы получали помощь из-за рубежа и воодушевляли всех сражаться до последнего против московитов.

Русские не были чужды человеческих чувств, на это указывает то, как тщательно они управляли покоренными землями, а также то, что они практиковали подтверждение прав землевладельцев и купцов. Не менее примечательно то, что на самом пике своего успеха, в марте 1559 года, Иван IV внезапно и совершенно неожиданно предложил мир своими врагам. Он рассчитывал на мирную капитуляцию и договоренность об условиях, на которых будет управляться Ливония.

Причиной того, что наступление русских войск остановилось, предположительно была угроза вмешательства в Ливонскую войну датчан, шведов, поляков и литовцев, но в первую очередь – вторжение крымских татар. Очевидно, царь надеялся путем переговоров сохранить свои завоевания на севере, столкнуть друг с другом государства, готовые вмешаться, удержать их от интервенции, и отправить на юг свою армию. В своих расчетах он ошибся. Северные державы действительно завидовали друг другу, но никто из монархов не желал отступаться от добычи, лежавшей перед ним, и каждый хотел загрести свою долю прежде, чем другие дотянутся до нее. Широкий жест царя стоил ему шести месяцев, за которые он мог бы оккупировать большую часть Ливонии,– времени, за которое его противники захватили плацдармы в этой стране и собрали войска для войны.

В сентябре 1559 года Ливонский орден вынудил Вильгельма фон Фюрстенберга оставить свой пост. Кеттлер, в руках которого теперь оказалась вся власть, медлил с секуляризацией ордена лишь из-за военного кризиса. Он уже подписал договор с Сигизмундом-Августом в Вильнюсе, по которому Ливония к югу от Даугавы становилась польским протекторатом. В это же время епископ Эзеля продал свои земли Магнусу Гольштейнскому, младшему брату короля Дании. Магнус вскоре оказался в Москве, проводя собственную политику, заключавшуюся в том, чтобы породниться с царской семьей и создать бессильное фиктивное государство,

практически полностью зависимое от Руси. Шведы вступили в войну в июне 1561 года, когда Ревель и знать Харриена, Вирлянда и Йервена[87] принесли феодальную клятву королю Эрику. Эра германского правления Ливонией подходила к концу, но никто не мог предвидеть, что последует за ней. Даже иностранные державы, вмешавшиеся теперь в войну, немногое могли сделать вначале, когда русское наступление в 1560 году захлестнуло страну.

В действительности, ливонские рыцари выработали эффективную стратегию борьбы с русскими войсками. Сначала они пытались бороться с отрядами, совершавшими набеги, с помощью пехоты и артиллерии, но не могли угнаться за татарской конницей. Сталкиваясь же с превосходящими силами пехоты и кавалерии, ливонцы отступали в свои крепости. Эта тактика оставляла поселения совершенно беззащитными против мародеров. Теперь же, из насущной необходимости, Кеттлер усовершенствовал способы действия своей кавалерии, которые могли уменьшить ущерб, приносимый русскими отрядами конницы. Опираясь на лучшее знание местности и возможность отступления в замки, ливонская кавалерия терроризировала врага везде где могла. Это мешало русским рассредоточивать силы, чтобы грабить и жечь деревни, а также мешало снабжению армии фуражом и провиантом и давало некоторую защиту ливонским крестьянам. Кроме того, Кеттлер убедил литовцев помочь ему в защите южных земель Ливонии, а шведов – защищать север. Сконцентрировав оставшиеся силы, Кеттлер назначил на командные посты молодых и дерзких рыцарей, вдохнув боевой дух в свою армию. К несчастью, удача была не на его стороне, о чем говорит следующий отрывок из летописи:

> «Второго августа тридцать кавалеристов отправились за фуражом в местечко за семнадцать миль от лагеря. Они обнаружили пятьсот русских на другом берегу речки. Обе стороны оказались так близко, что открыли огонь. Один русский был убит, а остальные отступили через луг к основному войску. Восемнадцать немцев повернули обратно, а двенадцать остались, чтобы преследовать врага. Как только они увидели основные силы русских, они тоже повернули обратно и поехали в лагерь, но потеряли несколько человек. Первая же группа принесла весть о том, что произошло, и ландмаршал выслал триста всадников, чтобы напасть на те пятьсот русских (они не знали, что тех было больше, целых сорок тысяч). Вначале немцы атаковали вражеские пикеты и погнали тех к основным частям. Немцы погнались за ними и были окружены противником со всех сторон. Началась рубка, и большее войско одолело меньшее, многие немцы были перебиты. Те, кто оставались в лагере и не принимали участие в сражении, пустились в бегство через болота и леса, спасаясь кто как мог. Это поражение случилось… в десяти милях от Эрмса. Русских погибло так много, что потребовалось четырнадцать телег, чтобы вывезти их к поместью, где их тела сожгли. Потери немцев, убитыми и пленными, составили двести шестьдесят один человек».

Это сражение обернулось фатальным поражением. Потери были не столь велики, но погибшие рыцари были цветом Ливонского ордена. Все понимали, что традиционное правление и традиционный образ жизни близятся к концу. Несмотря на смятение, поражения и чувство, что сопротивление безнадежно, ливонские рыцари продолжали сражаться, нападая на вражеских фуражиров и защищая самые важные замки. Обширная переписка между магистром и его кастелянами и протекторами показывает, что организация ордена не была полностью разрушена. По-прежнему войска перебрасывались с одного направления на другое, припасы собирались и распределялись. Но рыцарей были слишком мало, они были стары, а наемников было слишком много, чтобы платить им из сократившихся доходов, но слишком мало для открытого сражения. Казна была в жалком состоянии. Готтхард Кеттлер отчаянно пытался собрать деньги и войска из империи и удержать соседних князей от попыток разделить его страну, но его старания не достигали успеха. Хотя Кеттлер с самого начала планировал изменить форму правления орденом и сделаться князем-землевладельцем, следует воздать должное его усилиям по сохранению ордена и его владений и желанию передать наследие нетронутым в руки одного владельца.

---

[87] Ныне Харьюма, Вирума, Ярвама, районы Эстонии.– *Прим. ред.*

И все же он мало что мог сделать, чтобы продлить существование военного ордена. Когда полевая армия потерпела поражение, Кеттлер не мог больше эффективно защищать замки. Многие братья попали в плен и закончили свои дни на улицах Москвы, где им, падавшим от изнеможения, срубили головы во время победного парада. Большая крепость в Феллине, со всеми припасами, оружием и казной, была сдана, когда наемники потребовали, чтобы ее командор принял царское предложение капитулировать. Фюрстенбург, который хотел сражаться до конца, был уведен в Москву, где и провел остаток своей жизни в почетном плену. Иван надеялся, что сможет убедить остальных ливонцев признать себя его вассалами, согласно древней традиции обязанными лишь платить царю налоги и нести военную службу. Купцам же он обещал доступ к русскому рынку. Несколько человек из знати и горожан действительно перешли на сторону царя, но большинство сделало это, лишь попав в плен и не видя иной разумной альтернативы. Еще больше людей верили в рассказы о жестокостях Ивана, из-за которых он получил прозвище «Грозный». Царские обещания значили меньше, чем примеры тирании Ивана. Они считали, что лучше прибегнуть к какой-либо уловке, дававшей возможность пережить этот кризис. Вскоре Кеттлер начал секретные переговоры, направленные на то, чтобы распустить орден, а его самого сделать герцогом тех земель, что могут быть спасены от русских.

Среди братьев ордена были те, кто протестовал против передачи замков, одного за другим, польским гарнизонам, но и они не могли предложить ничего, чтобы защитить их только своими силами. Только собрав все оставшиеся силы, заняв как можно больше денег на оплату наемников, могли они удержать хотя бы Курляндию, и даже это становилось проблематичным, потому что венценосный патрон Кеттлера не торопился ссужать ему новые суммы.

Ливонский орден все еще формально существовал, хотя большинство его братьев были мертвы или находились в плену. Слишком поздно они нашли способы противостоять превосходству русских в численности. Рыцарей было очень мало, а лучшие командиры пали в боях. Ни одна армия не может воевать, не терпя поражений, если же её тактика включает в себя дерзкие и рискованные действия, число поражений будет еще больше. А единственное поражение при Эрмсе привело к потере самого боеспособного отряда кавалерии. Большинство тех, кто выжил, было готово переложить обязанность воевать на других. Возникающий вакуум силы втягивал в страну чужеземцев.

Паника, последовавшая за поражением при Эрмсе и падением крепости Феллин, в самом сердце страны, не прошла мимо внимания эстонцев, этого упрямого народа, так никогда и не смирившегося с владычеством крестоносцев. Память о предыдущих восстаниях, которые оканчивались горькими поражениями, научила их терпению. Но те, в ком остались отвага и инициатива, видели, что их время пришло, стало возможным сбросить ярмо их угнетателей.

Эстонцы не умели обращаться с оружием, ведь поколения назад они были лишены его, но в 1559 году ливонские рыцари организовали отряды местной пехоты, вооружив их мечами, копьями и щитами. Эти отряды использовались для поддержки мелких частей наемников и феодальной конницы, пытавшихся удержать русских мародеров во время осады Ревеля. Со временем русские прекратили наступление и ушли. Тогда эстонские крестьяне осознали, что, если бы они сражались за русских, а не против них, они могли бы получить независимость, или по крайней мере освободиться от немецкого правления. Царь воодушевлял лидеров заговора восстать, напоминая, что он приветствовал всех, кто перешел на его сторону сразу, и наградил их за службу и верность. Он выслушивал советы эстонцев, использовал их в качестве разведчиков и соглядатаев, посылая их в занятые немцами районы для пропаганды среди тех, кто был готов слушать их. В оккупированных землях он велел своим чиновникам снабжать крестьян посевным зерном, помогать восстанавливать дома и удерживать войска от грабежей и насилия. Напротив, немцы вводили все новые и новые налоги, чтобы оплачивать ведущуюся войну, и призывали всех годных на военную службу, для перевозки припасов и снаряжения или на строительство укреплений.

К осени 1560 года эстонцы решили, что немецкое правление уже достаточно ослабело и восстание не встретит серьезного сопротивления, если им удастся захватить форты и замки и призвать на помощь русского царя. Не требовалось большой подготовки, напротив, попытки такого планирования могли вспугнуть знать. Все, что требовалось от восставших, это продержаться с их примитивным оружием до подхода опытных русских войск. Русский летописец рассказывает:

> «Осенью ситуация в стране была очень тяжелой. Прошел тревожный слух, что крестьяне в Харриене и Вике[88] восстали против своих господ, потому что те наложили на них тяжкие налоги и дани, заставляли их выполнять трудную службу, и все равно не могли защитить их во время нужды, но бросали их без защиты на расправу московитам. Поэтому крестьяне решили, что не должны подчиняться своим

[88] Немецкое название северо-западной части Эстонии.– *Прим. ред.*

> господам или выполнять для них какую-либо службу, но желали освободиться от них и перебить всю знать. И они подняли мятеж, и уничтожили некоторые поместья, и убили всех господ, кого нашли».

Среди восставших эстонцев было мало вооруженных людей, всего около четырех тысяч, и оружие у них было плохое, а крепостей или припасов не было совсем. Но они угрожали распространить мятеж по всей Ливонии и положить неожиданный конец более чем трехвековой гегемонии немцев. Готтхард Кеттлер всерьез отнесся к ситуации, обратившись к польскому королю за помощью и передав оставшуюся часть страны польской короне, что означало конец правлению ордена.

Восстание продлилось недолго. У крестьян не было хороших командующих, оружия, подготовки и дисциплины, что приходит лишь с опытом. Они изгнали своих немецких офицеров и выбрали себе вожаков. Некоторые из них были избраны в соответствии с древними племенными обычаями и получили традиционные языческие знаки власти. Но среди них не было военных профессионалов, равных тем, что пришли с запада.

Заслуга в подавлении восстания принадлежит датскому командиру в Вике Кристоферу фон Мюнхгаузену. Несмотря на то что в его распоряжении был лишь маленький отряд наемников, он приказал горстке епископских вассалов присоединиться к его кавалерии, объединил окрестных эстонских крестьян в пехотное соединение, чтобы сражаться с восставшими соплеменниками. Затем он применил уловку. Он сделал так, чтобы командир восставших подумал, что приближающийся отряд – это еще одна группа мятежников, идущая на соединение с ним. Он застал мятежников врасплох, обратил их в бегство и пленил их командира, затем быстро напал на другие отряды мятежников и разогнал их. Когда немногие выжившие мятежники спаслись бегством к русским, вернулись немецкие землевладельцы, которые учинили жестокую расправу и над виноватыми, и над подозреваемыми.

Немецкие господа не удовлетворились возвращением к предвоенному положению, но настаивали на обращении всех крестьян в крепостные. Об этом они мечтали десятилетиями, но не смели нарушить закон и обычаи. Теперь же их было некому остановить: в последующие годы польский, датский и шведский монархи пожертвовали всеми сохранившимися правами крестьян, чтобы удержать непрочную верность местной знати. Хотя военное значение феодальной кавалерии было весьма сомнительным в начале войны, в ходе ее прибалтийские бароны стали опытными воинами, чье знание местности, обычаев, традиций и языков сделало их незаменимыми для любого, кто желал завладеть и управлять этими землями.

Для крестьян, чье восстание провалилось, это было полной катастрофой. Даже многие из свободных крестьян были низведены до почти рабского состояния. Теперь они были полностью во власти жестоких воинов-рыцарей, которым уже не требовалось соблюдать осторожность, как их предшественникам, в обращении со своими подданными. Кроме того, крестьяне пострадали от многих лет войны, в которой они потеряли больше жизней и собственности, чем любой иной класс. Сначала по их землям прошли русские войска, затем шведские или польские и, наконец, всевозможные грабители, пользующиеся смутным временем. Крестьян обирали, убивали, насиловали, уводили их в плен, жгли их дома, лишали всех средств самозащиты и бросали на расправу мародерам, голоду и болезням. Когда закончились два десятилетия войны, те, кто выжил, считали себя счастливчиками. Затем знать, ряды которой теперь пополнило множество новоприбывших шведских и польских капитанов наемников и королевских фаворитов, организовала новую администрацию, чтобы облагать налогами и эксплуатировать крестьян еще более эффективно и жестоко, чем ранее.

К осени 1561 года в руках ордена практически не оставалось земель за пределами Курляндии. Замок Зонебург[89] на Эзеле, на который претендовал герцог Магнус,– вот все, что Кеттлер мог предложить польскому королю. Если бы магистр промедлил еще, он потерял бы и эту крепость тоже, и ему нечем было бы торговаться за Курляндское герцогство. Он уже и так передал королю все южные земли, так что ему следовало позаботиться о том, чтобы хоть что-то

---

[89] Современное название Маасилинна.– *Прим. ред.*

сохранить для себя и тех немногих выживших рыцарей и управителей, что желали служить ему как светские вассалы. В сентябре он отправил кастеляна Риги в Кенигсберг на переговоры от имени ордена и архиепископа Рижского.

Этот посол оставил нам мемуары, описывающие короткие переговоры, которые завершили существование Ливонского ордена. Посол прибыл в Кенигсберг после обеда в субботу, устроился и отдохнул. На следующее утро он посетил церковную службу. Потом за завтраком он встретился с двумя учеными, направленными герцогом Альбрехтом Прусским, а затем был призван на аудиенцию Его величеством. Сигизмунд Август, однако, не собирался обсуждать дела, он лишь хотел отобедать в более многочисленном обществе. Так что посол сидел за круглым столом вместе с королем, несколькими знатными особами и представителем Швеции. Угощение было превосходным, а вино заслуживало всевозможных похвал. Обед завершила легкая беседа, во время которой герцог Альбрехт договорился о встрече посла с главой польских чиновников, который и должен был вести переговоры. Эта встреча была сугубо деловой, жизненно важные моменты обсуждались компетентно и подробно. Встреча закончилась к трем часам утра. На следующий день в посольские покои прибыл польский чиновник, чтобы за завтраком конфиденциально обсудить некоторые из самых важных планов. Они пришли к согласию по вопросам наследования, использования немецкого языка, сохранения традиционных прав и привилегий, религиозной свободы и статуса Ливонии в Священной Римской империи. На следующее утро посол встретился с представителями герцога, которые пожелали ему всего наилучшего. Больше им нечего было ему сказать. Дело в том, что Альбрехт надеялся унаследовать новое герцогство, если Кеттлер умрет бездетным, и он не желал, чтобы его чиновники сказали что-то, что может повредить его шансам. За завтраком все главные участники переговоров встретились снова: в этот раз польский представитель передал послу записку, приглашавшую его на срочное и тайное совещание. Вскоре после этого они с послом пришли к соглашению по всем основным пунктам, включая и способ, каким будет извещен мир о заключенном соглашении.

Перечислять детали слишком утомительно, однако они демонстрируют, с каким тщанием обе стороны подошли к соглашению. 28 ноября 1561 года Ливонский орден был секуляризирован, а 5 марта 1562 года магистр Кеттлер сообщил об этом миру. Отныне он был герцогом Готтхардом Курляндским, а Ливонский орден прекратил свое существование.

Два десятилетия последовавшей за этим войны можно разделить на три периода. Первым была семилетняя (1563-1570) война в основном между Данией и Швецией. После того как шведская аристократия свергла своего безумного монарха и приняла политику, более благосклонную к Польше, влияние Дании в Ливонии практически исчезло и две державы – Швеция и Польша – объединились против русского царя. В последующий период, также продлившийся семь лет, Ивану IV почти удалось изгнать своих противников из Ливонии, но к этому моменту против него объединились все. Иван, впрочем, был себе самым страшным врагом, уничтожая своих военачальников и терроризируя знать и подданных. Так что все победы, достигнутые русскими и татарскими командующими в это время, были совершены скорее вопреки деяниям царя, чем благодаря им. Конечно же, у него не хватало войск для того, чтобы одновременно и воевать в Ливонии, и отражать нападения крымских татар. Вполне резонно Иван предпочел борьбу с крымскими татарами. Устранение главного военного противника открыло путь последующему продвижению русских на юг. Тем временем в течение трех лет после 1578 года Стефан Баторий, новоизбранный польский монарх, решил проблемы с турками, столь занимавшие его ранее на южных границах Польши. Приведя на север свои испытанные войска, великий король-генерал изгнал русские войска из Ливонии и отвоевал некоторые русские земли, ранее принадлежавшие Литве. Шведы присоединились к этому наступлению, заняв Эстонию и русское побережье вплоть до устья Невы. В 1582 году Иван IV, разоренный, утомленный и психически больной, признал свое поражение и подписал мирный договор, согласно которому Ливония осталась в руках западных держав еще на век.

Для шведов и поляков такое развитие событий отнюдь не было наилучшим. Война втянула их в отдаленные земли, истощила их людские и материальные ресурсы и заложила основы для будущих столкновений.

Для Руси этот договор означал еще один век слабости и изолированности; страна

лишилась тех связей в Европе, которые могли уравновесить азиатское влияние на ее культуру и политику. Разочарованный исходом войны царь вскоре скончался, оставив страну совершенно дезорганизованной. Для Ливонии этот договор послужил началом многовековых конфликтов, в ходе которых эта страна из важной, пусть и отдаленной, части Западной Европы превратилась в незначительную провинцию Европы Восточной. Вскоре Ливония будет практически забыта, оставшись лишь примечанием в биографиях великих людей.

Войны с турками

Нумизматам известно, что Тевтонский орден продолжал существовать и в XVII веке, о чем свидетельствуют высоко ценимые за прекрасную работу талеры этих лет.

Но историкам он уже перестал быть интересен, поскольку военная роль его Великих магистров стала сводиться к поставке очень небольшого количества войск для операций Габсбургов на отдаленных балканских фронтах.

Это было понятно, но печально. Впервые турки напали на Вену в 1529 году. Их нападения продолжались, закончившись в конце концов в 1689 году осадой Вены. Однако турки не продвинулись дальше на север, главной причиной этого была погода. К тому времени, когда трава становилось достаточно высокой, чтобы прокормить коней армии, выходящей из Стамбула, турецкие командующие уже считали дни, оставшиеся у них на то, чтобы перейти Балканы и пройти вверх по Дунаю. Достигнув границ Австрии или Польши, турки имели в запасе лишь несколько недель для военной кампании, а потом им приходилось поворачивать домой. Если бы христианам удалось предотвратить на какое-то время выступление турок, тем бы уже не удалось угонять скот, коней и рабов. Так что кажущаяся непонятной борьба за приграничные замки на самом деле была жизненно важной.

Войска, собранные немецкими, богемскими и австрийскими монастырями, участвовали в большинстве этих кампаний. Членами ордена были только командиры, солдатами же – наемники. Эта часть истории ордена малоизвестна, но заслуживает более тщательного изучения, потому что эти войны иллюстрируют военные проблемы Габсбургской династии, а также конфронтацию между сербами (православными христианами, которые были турецкими подданными) и хорватами (римскими католиками, подданными Габсбургов).

Эта эпоха подошла к концу, когда Наполеон секуляризировал немецкие владения многих религиозных орденов, в том числе и поместья Тевтонского ордена.

Заключение

Когда эпоха крестовых походов подошла к концу, у Тевтонского ордена еще оставалось будущее. Если быть точными, несколько вариантов будущего, так как эта организация распалась на три различные части в 1525 году. Но судьба ордена не была предопределена, она лишь произошла так, как случилось.

Члены секуляризированного ордена в Пруссии оставили все попытки продолжать крестовые походы и заниматься религиозной деятельностью. Альбрехт фон Гогенцоллерн-Ансбах принял лютеранское учение и секуляризировал свои земли. Те, кто пожелал остаться рыцарями-монахами, отправились в Германию обсуждать невыполнимые планы по завоеванию Пруссии и восстановлению в ней римского католичества. Возможно, наилучшей возможностью для военного ордена следовать традиции крестовых походов было бы принять предложение польского короля – переселить их на границу с Турцией, используя ресурсы ордена в Германии, чтобы содержать маленькую, но эффективную армию. Предложения были отвергнуты. Причиной тому были гордость и упрямство, а также ненависть к польскому королю, справедливые подозрения, касающиеся мотивов его поведения, и страх поражения на Балканах. В любом случае, польские предложения не были до конца честными и справедливыми. Орден должен был обменять Пруссию на новые, неустроенные и полные опасностей земли. Рыцари увидели в этом хитрость, плохо замаскированное желание избавиться от них и забрать их земли. Поэтому Прусский орден оказал крестовому походу против турков лишь незначительную помощь. Возможно, эта пародия на переговоры о

переселении ордена на Балканы как ничто иное продемонстрировала моральное банкротство традиций тевтонских рыцарей в Пруссии в их последние дни и аморальность их врагов.

Великий магистр Иоганн фон Тифен действительно командовал прусскими силами во время одного из последних крестовых походов – жалкого вторжения в Молдавию, возглавленного польским королем в 1497 году. Состарившийся Великий магистр скончался от болезней и истощения во время поспешного отступления христианских войск.

Братство ливонских рыцарей просуществовало дольше и более удачливо, чем их прусские собратья, но также пришло к своему концу. Нет серьезных оснований обвинять рыцарей в лености, пьянстве, трусости и аморальности. Более правильное объяснение событий заключается в том, что католический религиозный военный орден не мог более набирать рыцарей и воинов с северно-немецких земель, ставших протестантскими, а благородные семейства Ливонии не давали достаточно сыновей для пополнения рядов ордена[90].

У ордена не было денег, чтобы содержать в мирное время многочисленных наемников. Не было также и сил, чтобы убедить независимо настроенные земли Ливонской конфедерации платить налоги либо придерживаться общего плана действий в военное время. Наконец, орден не мог уже в случае нужды рассчитывать на подкрепления из Пруссии. Не в силах выстоять против хорошо вооруженных, подготовленных и опытных войск Ивана Грозного Ливонский орден пал, защищая в равной мере своих лютеранских и католических подданных против безумного русского царя.

В образовавшийся вакуум вторглись Швеция, Польша с Литвой и Русь. Ни одна из этих стран не была особо заинтересована в этом побережье, но каждая была твердо настроена не позволить другим завладеть им. Так что, хотя у всех участников были гораздо более важные проблемы – у Швеции с Данией, у Польши и Литвы с турками, у Руси с татарами,– все они оказались втянутыми в конфликт за жалкие остатки мини-империи Ливонского ордена.

Немецкий орден (Deutscher Orden – более правильное название для Тевтонского ордена в целом) продолжал играть свою военную и религиозную роль в Священной Римской империи еще почти три столетия. Рыцари ордена воевали в составе имперской армии против турецких султанов, французских королей и протестантских князей. Большинство его членов были католиками, но в согласии с Аугсбургским договором от 1555 года о веротерпимости часть рыцарей ордена были протестантами. Но тевтонские рыцари этой эпохи были уже организацией «стиля барокко», весьма отличавшейся от «готического» ордена средневековой Пруссии. Редко какая из германских земель не может похвастаться дворцом – бывшей резиденцией местного кастеляна. Их время постепенно истекло, и Наполеон запретил орден вместе со многими другими анахронизмами прошедших эпох.

Немецкий орден дважды возрождался после падения Наполеона – сначала как частный орден Габсбургской фамилии, а затем – как религиозный орден после 1929 года. Небольшие церкви и госпитали под его именем продолжают действовать и сегодня. Существуют миссии, чья история восходит к основанию ордена в Акре в 1189 году – уход за больными и стариками. Этот аспект деятельности ордена играл важную роль и в Средние века. Редкий город средних размеров в Германии обходился без госпиталя, церкви или монастыря, память о которых хранят сегодня названия улиц. На службе у местных коммун орден сохранил память о традициях прошлого.

Сегодня Немецкий орден поставляет священников для немецких землячеств в других странах, особенно в Италии и Словении. В этом он вернулся к еще одному аспекту своей изначальной миссии – духовной заботе о немцах, которых обходили вниманием другие ордена.

Позднейшая история подсказывает, что тевтонским рыцарям в Пруссии не стоило рассматривать себя исключительно как территориальное государство. Можно понять, почему они делали это – если вспомнить их изгнание из Трансильвании, потерю Святой Земли, разгром

---

[90] Орден практически не набирал рыцарей в Пруссии и Ливонии, чтобы они не могли выражать интересов своих светских родственников. Эта политика была несколько ослаблена в Ливонии в XV веке, но даже там в орден шли в основном рыцари из семей, недавно прибывших из Вестфалии и имевших родственников, которые занимали высокие посты и могли содействовать их быстрой карьере.

тамплиеров и зависть Ладислава Короткого. Труднее понять, почему они забыли о своей первоначальной обязанности – быть крестоносцами. Когда-то крестовый поход был категорией вне государственной, так что рыцари могли бы добиваться обращения Миндаугаса и его подданных без того, чтобы вначале завоевать их земли. Им достаточно было бы присутствовать при его христианской коронации. К несчастью, обретение орденом Западной Пруссии и Данцига сделало поляков из традиционных союзников ордена его смертельными врагами, так что рыцари стали рассматривать дальнейшие территориальные завоевания как средство защитить себя. Как только они убедили себя, что будут в безопасности, лишь завоевав всю Пруссию, а также Самогитию – чтобы обеспечить сухопутный путь в Ливонию,– они были обречены. Времена менялись, а рыцари оставались приверженными старым идеям.

Самогития была потеряна в 1410 году, факт, который орден более или менее признал в Договоре в Мельно в 1422 году. Но многие годы рыцари продолжали обманывать себя, считая, что традицию крестовых походов еще можно возродить. Хуже того, теперь они были уверены, что ничего нельзя сделать, пока орден не отомстит за свое поражение при Танненберге и поражения, последовавшие за этим. С давних пор рыцари были убеждены, что брату-рыцарю не прилично приходить на празднество, где, подобно привидению, он срывал всякую возможность веселья. Этот самообман стал злым роком ордена, сделав невозможным разрыв с прошлым.

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что все, что происходило после Грюнвальдской битвы, было длительным и часто незапланированным изменением целей и задач существования ордена. На смену устаревшим идеям крестовых походов приходили другие. Это был болезненный процесс, и орден дорого заплатил за него. Будущее ордена частично определялось людьми, «стоявшими у руля» в это время, частично – событиями, не подвластными им. У истории собственные правила, и люди должны им следовать. Тевтонские рыцари использовали свои шансы в XIV веке и процветали. Когда же история поставила новые условия и орден не смог адекватно ответить на них, он распался на три части. Две из них – в Пруссии и в Литве – исчезли в XVI веке. Третья выжила, в итоге найдя свою маленькую, но полезную нишу в обширном строении современной католической церкви.

Что осталось от орденского политического наследия, так это яркие исторические символы. Литовцы и поляки помнили злодеяния, приписываемые крестоносцам, а немцы предпочитали помнить только лишь о своих славных победах.

В этих обстоятельствах следует избегать недопонимания обстоятельств, которые относятся скорее к современной истории, чем к Средневековью. Литва и Польша исчезли как государства в XVIII веке, в то время как Германия стала державой, более ориентированной на восток, которая связывала свои традиции и идеи со средневековой Пруссией. Это обстоятельство заставило последующие поколения рассматривать средневековые крестовые походы в Восточной Европе (и вообще миграцию на восток немцев, евреев и поляков, известную как *Drang nach Osten*) как первую ступень германского империализма, а затем как предтечу нацизма. Историки должны разделить вину за такое чересчур упрощенное трактование истории с теми, кто эту историю творит, и даже взять на себя большую часть вины. Уж они-то лучше всех должны отдавать себе отчет о последствия своих действий. Средневековая история полна жестокостей, тем не менее, не стоит подкидывать топливо в печь взаимной ненависти. Подобно тому как англичане и французы в целом простили друг друга за дела Столетней войны, должны простить друг другу потомки агрессоров и их жертв в Прибалтике. Простить хотя бы потому, что нельзя сказать, что одна стороны была исключительно агрессором, а другая – исключительно жертвой.

В первую очередь следует позаботиться о том, чтобы историки описывали крестовые походы не как проявление лишь эгоистичного желания захватить земли невинных людей, но как выражение множества локальных и глобальных событий. Не следует упускать из виду взаимодействие различных религий, экспансию народов, династий и торговли, великих личностей, а также географию, прошлые отношения и взаимодействие народов, их желание славы, мести и добычи, случайности жизни и смерти для главных и кажущихся менее значимыми политических фигур. Следует упомянуть и взаимное непонимание, хотя его легко преувеличить: христиане, возможно, немногое знали о Золотой Орде, но понять, чего хотят татары, было несложно. История состоит не только из жертв и героических поступков. Она,

увы, сложнее, чем может описать любой историк. Но каждый должен делать, что может. Кроме прочего, нам стоит помнить, что историки, которые слишком упрощают прошлое, оказывают медвежью услугу будущим поколениям. Ведь им приходится жить под впечатлением, оказанным на читателей этими работами[91].

Приложения

Приложение I

Самые известные фигуры в истории Тевтонского Ордена

Герман Бальке

Первый магистр в Пруссии (1230-1239) и магистр Ливонии (1237-1239 годы). Возможно, бывший каноник Гильдесхаймской церкви. Вероятно, вступил в орден в Акре в 1189 году. Умер в 1239/40 году.

Людовик (Людвиг) фон Эрлихсхаузен

Великий магистр (1450-1567). Его попытки подавить подданных Прусского ордена (горожан, вассалов-землевладельцев и мелкое дворянство) привели к Тринадцатилетней войне. Договор в Торне (1466) покончил с последними надеждами ордена вернуть свое былое значение.

Зигфрид фон Фойхтванген

Великий магистр (1303-1311). Перенес свою резиденцию из Венеции в Мариенбург, сделав крестовый поход в Пруссии первоочередной обязанностью ордена.

Альбрехт фон Гогенцоллерн-Ансбах

Последний Великий магистр в Пруссии (1511-1525). Провел лютеранские реформы, секуляризировал владения ордена, женился и стал герцогом Пруссии (1525-1568).

Конрад фон Юнгинген

Великий магистр (1393-1407). Его военные и дипломатические таланты привели к победному завершению войн в Самогитии. Договор в Саллинвердере (1398) принес мир с Польшей и Литвой и гарантировал ордену контроль над Самогитией, обеспечивая сухопутную связь с Ливонией.

Ульрих фон Юнгинген

Великий магистр (1408-1410). Его поражение и гибель в Грюнвальдской битве положили конец эпохе величия ордена.

Винрих фон Книпроде

Великий магистр (1352-1382). Его личные качества и интуитивное чувство этикета завоевали ордену надежных друзей среди высшей знати Германии, Франции и Англии. Под его руководством Тевтонский орден стал знаменит своими рыцарскими традициями и куртуазностью.

Михель Кюхмайстер

Протектор Самогитии, Великий магистр (1414-1422). Опасаясь, что политика Генриха фон Плауэна приведет орден к еще одной военной катастрофе, он с группой высших офицеров совершил переворот, после чего дела пошли из рук вон плохо. Первый договор в Торне (1422) был подлинным началом падения ордена.

Поппо фон Остерна (Остерн)

Прусский магистр (1237 и 1241-1244), Великий магистр (1253-1257). Происходил из

---

91 Читатель может обратиться также к работам: *В. Урбан.* Переосмысливая крестовые походы (*W. Urban.* Rethinking the Crusades. *Perspectives* (the newsletter of the American Historical Association). 36/7. October. 1998. P. 25-29); Жертвы крестовых походов в Прибалтике (Victims of the Baltic Crusade. J. of Baltic Studies. 29/3. Autumn. 1998. P. 195-212). Последняя была награждена премией Витольса (Американская ассоциация исследований Прибалтики (Vitols Prize of the AABS) как лучшая статья этого журнала в 1998 г.

известной семьи из-под Нюрнберга. Удивительным может показаться то, что он расстался со своей женой, чтобы вступить в военно-монашеский орден (она ушла в монастырь). Поппо руководил орденом во время его самого трудного кризиса – войны против Святополка (Свентополка) Померелльского и прусскнх язычников.

Генрих фон Плауэн

Великий магистр (1410-1413). Его героические усилия спасти Пруссию от армий Польши и Литвы почти увенчались восстановлением мощи и престижа ордена.

Германн фон Зальца

Великий магистр (1210-1239). Друг и советник пап и императоров, он сделал свой орден знаменитым в Святой земле и направлял его рыцарей в Трансильванию, Пруссию и Ливонию.

Анно фон Зангенхаузен

Ливонский магистр (1254-1256), Великий магистр (1257-1274). Стоял во главе ордена в критические годы, последовавшие после поражений в 1259-1260 гг. в Самогитии и восстаний в Пруссии и Ливонии.

Конрад фен Тюринген

Хотя был Великим магистром всего один год (1239-1240), он был первым из высшей знати, кто вступил в орден. После этого ордену стало легче вербовать рыцарей и собирать земельные и денежные пожертвования.

Приложение II

Великие магистры Ордена до 1525 Г.

Генрих Вальпот 1198-1200
Otto фон Керпен 1200-1208
Генрих Барт 1209-1210?
Герман фон Зальца 1210-1239
Конрад фон Тюринген 1239-1240
Герхард фон Мальберг 1241-1244
Генрих фон Гогенлоэ 1244-1249
Гюнтер фон Вюллерслебен 1249-1253
Поппо фон Остерна 1253-1257
Анно фон Зангерсхаузен 1257-1274
Хартманн фон Гельдрунген 1274-1283
Бурхард фон Шванден 1283-1290
Конрад фон Фойхтванген 1291-1297
Готтфрид фон Гогенлоэ 1297-1303
Зигфрид фон Фойхтванген 1303-1311
Карл фон Триер 1311-1324
Вернер фон Орслен 1324-1331
Лютер фон Брауншвейг 1331-1335
Дитрих фон Альтенбург 1335-1341
Людольф Кениг 1341-1345
Генрих Дузмер 1345-1351
Винрих фон Книпроде 1352-1382
Конрад Цолльнер фон Ротенштайн 1382-1390
Конрад фон Валленроде 1390-1393
Конрад фон Юнгинген 1393-1407
Ульрих фон Юнгинген 1408-1410
Генрих фон Плауэн 1410-1413
Михель Кюхмайстер 1414-1422
Пауль фон Русдорф 1422-1441
Конрад фон Эрлихсхаузен 1441-1449

Людвиг фон Эрлихсхаузен 1450-1467
Генрих Ройс фон Плауэн 1469-1470
Генрих фон Рихтенберг 1470-1477
Мартин Трухсез фон Ветцхаузен 1477-1489
Иоганн фон Тифен 1489-1497
Фридрих фон Захсен 1498-1510
Альбрехт фон Гогенцоллерн 1511-1525